

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Т.Н. Агапова,

доктор экономических наук, профессор

С.В. Алексеев,

доктор юридических наук, профессор,
Почетный работник высшего профессионального
образования РФ, Почетный работник науки и техники РФ

Ю.М. Антонян,

доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ

Ю.Т. Ахвледиани,

доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН

А.В. Барков,

доктор юридических наук, профессор

И.С. Барчуков,

доктор педагогических наук, профессор

А.Р. Белкин,

доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН

Е.В. Богданов,

доктор юридических наук, профессор

Р.П. Булыга,

доктор экономических наук, профессор

Ю.В. Гнездова,

доктор экономических наук, доцент

М.Т. Громкова,

доктор педагогических наук, профессор

Л.П. Дашков,

доктор экономических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы РФ,
академик РАЕН

Д.В. Дианов,

доктор экономических наук, профессор

О.Д. Жук,

доктор юридических наук, профессор,
Почетный работник прокуратуры РФ, академик РАЕН

С.В. Иванцов,

доктор юридических наук, профессор

О.Ю. Ильина,

доктор юридических наук, профессор

Р.В. Илюхина,

доктор экономических наук, профессор

Н.Г. Кадников,

доктор юридических наук, профессор,
Почетный работник высшего
профессионального образования РФ

Г.М. Казиахмедов,

доктор экономических наук, профессор

T.N. Agapova,

doctor of economic sciences, professor

S.V. Alekseev,

doctor of legal sciences, professor,
Honorary worker of higher professional education of Russia,
Honorary worker of science and technology of Russia

Yu.M. Antonyan,

doctor of legal sciences, professor,
Honored worker of science of Russia

Yu.T. Akhvlediani,

doctor of economic sciences, professor, member of RANS

A.V. Barkov,

doctor of legal sciences, professor

I.S. Barchukov,

doctor of pedagogical sciences, professor

A.R. Belkin,

doctor of legal sciences, professor, member of RANS

E.V. Bogdanov,

doctor of legal sciences, professor

R.P. Bulyga,

doctor of economic sciences, professor

Ju.V. Gnezdova,

doctor of economic sciences, associate professor

M.T. Gromkova,

doctor of pedagogical sciences, professor

L.P. Dashkov,

doctor of economic sciences, professor,
Honored worker of higher school of Russia,
member of RANS

D.V. Dianov,

doctor of economic sciences, professor

O.D. Zhuk,

doctor of legal sciences, professor,
Honorary prosecutor of Russia, member of RANS

S.V. Ivantsov,

doctor of legal sciences, professor

O.Yu. Il'ina,

doctor of legal sciences, professor

R.V. Ilyukhina,

doctor of economic sciences, professor

N.G. Kadnikov,

doctor of legal sciences, professor,
Honorary worker of higher professional education
of the Russian Federation

G.M. Kaziahmedov,

doctor of economic sciences, professor

Р.А. Каламкарян,
доктор юридических наук, профессор

И.А. Калининченко,
кандидат педагогических наук

В.П. Камышанский,
доктор юридических наук, профессор,
Почетный работник высшего образования РФ

В.Г. Когденко,
доктор экономических наук, профессор

Н.А. Колоколов,
доктор юридических наук, профессор

М.А. Комаров,
доктор экономических наук, профессор

И.И. Котляров,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ

А.А. Крылов,
доктор экономических наук, профессор

Е.И. Кузнецова,
доктор экономических наук, профессор

Н.П. Купрешенко,
доктор экономических наук, профессор

А.А. Ласкин,
доктор педагогических наук

И.А. Майбуров,
доктор экономических наук, профессор

Н.П. Майлис,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ,
Заслуженный деятель науки РФ

М.М. Максимцов,
доктор экономических наук, профессор,
Почетный работник высшего
профессионального образования РФ

В.П. Малахов,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы РФ

В.Б. Мантусов,
доктор экономических наук, профессор

Е.Е. Матвеева,
доктор экономических наук, доцент

Г.Б. Мирзоев,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ

А.Л. Миронов,
кандидат юридических наук, доцент

Н.В. Михайлова,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы РФ

R.A. Kalamkaryan,
doctor of legal sciences, professor

I.A. Kalinichenko,
candidate of pedagogical sciences

V.P. Kamyshanskiy,
doctor of legal sciences, professor,
Honorary worker of higher education of Russia

V.G. Kogdenko,
doctor of economic sciences, professor

N.A. Kolokolov,
doctor of legal sciences, professor

M.A. Komarov,
doctor of economic sciences, professor

I.I. Kotlyarov,
doctor of legal sciences, professor,
Honored lawyer of Russia

A.A. Krylov,
doctor of economic sciences, professor

E.I. Kuznetsova,
doctor of economic sciences, professor

N.P. Kupreshchenko,
doctor of economic sciences, professor

A.A. Laskin,
doctor of pedagogical sciences

I.A. Mayburov,
doctor of economic sciences, professor

N.P. Maylis,
doctor of legal sciences, professor,
Honored lawyer of Russia,
Honored worker of science of Russia

M.M. Maksimtsov,
doctor of economic sciences, professor,
Honorary worker of higher professional
education of Russia

V.P. Malakhov,
doctor of legal sciences, professor,
Honored worker of higher school of Russia

V.B. Mantusov,
doctor of economic sciences, professor

E.E. Matveeva,
doctor of economic sciences, associate professor

G.B. Mirzoev,
doctor of legal sciences, professor,
Honored lawyer of Russia

A.L. Mironov,
candidate of legal sciences, associate professor

N.V. Mikhaylova,
doctor of legal sciences, professor,
Honored worker of higher school of Russia

Р.С. Мулукаев,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН

Ф.Г. Мышко,
доктор юридических наук

А.М. Осавельюк,
доктор юридических наук, профессор

А.Ю. Олимпиев,
кандидат юридических наук, доктор исторических наук

В.С. Осипов,
доктор экономических наук, профессор

Г.Б. Поляк,
доктор экономических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН

А.А. Реан,
доктор педагогических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ

В.Ф. Родин,
доктор педагогических наук, профессор

С.Г. Симагина,
доктор экономических наук, доцент

А.В. Симоненко,
доктор юридических наук, профессор

А.М. Столяренко,
доктор психологических наук,
доктор педагогических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы РФ

Л.В. Туманова,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ

И.В. Ульянова,
доктор педагогических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ

В.Ю. Федорович,
кандидат юридических наук, доцент

О.В. Химичева,
доктор юридических наук, профессор,
Почетный работник высшего
профессионального образования РФ

Н.М. Чепурнова,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ

А.П. Шергин,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ

Н.Д. Эриашвили,
кандидат исторических наук,
кандидат юридических наук,
доктор экономических наук, профессор,
лауреат премии Правительства РФ
в области науки и техники

R.S. Mulukaev,
doctor of legal sciences, professor,
Honored worker of science of Russia, member of RANS

F.G. Myshko,
doctor of legal sciences

A.M. Osavelyuk,
doctor of legal sciences, professor

A.Yu. Olimpiyev,
candidate of legal sciences, doctor of historical sciences

V.S. Osipov,
doctor of economic sciences, professor

G.B. Polyak,
doctor of economic sciences, professor,
Honored worker of science of Russia, member of RANS

A.A. Rean,
doctor of pedagogical sciences, professor,
Honored worker of science of Russia

V.F. Rodin,
doctor of pedagogical sciences, professor

S.G. Simagina,
doctor of economic sciences, associate professor

A.V. Simonenko,
doctor of legal sciences, professor

A.M. Stolyarenko,
doctor of psychology sciences,
doctor of pedagogical sciences, professor,
Honored worker of higher school of Russia

L.V. Tumanova,
doctor of legal sciences, professor,
Honored lawyer of Russia

I.V. Ul'yanova,
doctor of pedagogical sciences, professor,
Honored worker of science of Russia

V.Yu. Fedorovich,
candidate of legal sciences, associate professor

O.V. Khimicheva,
doctor of legal sciences, professor,
Honorary worker of higher professional education
of the Russian Federation

N.M. Chepurnova,
doctor of legal sciences, professor,
Honored lawyer of Russia

A.P. Shergin,
doctor of legal sciences, professor,
Honored worker of science of Russia

N.D. Eriashvili,
candidate of historical sciences,
candidate of legal sciences,
doctor of economic sciences, professor,
winner of an Award of the Government of Russia
in the field of science and technology

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия.

**Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-27627
от 16 марта 2007 г.**

**Перерегистрировано:
Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-62944
от 31 августа 2015 г.**

*Научный редактор,
ответственный за издание,
лауреат премии Правительства
РФ в области науки и техники,
доктор экономических наук,
кандидат юридических наук,
кандидат исторических наук,
профессор*
Н.Д. Эриашвили
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Тел. 8 (499) 740-68-30

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор
А.Л. Миронов
кандидат юридических наук,
доцент

*В подготовке номера
участвовали:*

И.И. Кубарь
кандидат юридических наук,
М.И. Никитин,
Л.С. Антоненко,
Д.Е. Барикаева,
М.Е. Киселева

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ФГКОУ ВО
**«Московский университет
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
имени В.Я. Кикотя»**

117437, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

Адрес редакции:
109028, Москва,
Малый Ивановский пер., д. 2
Тел. 628-57-16

**Индекс по каталогу Агентства
«Роспечать» – 81108**
Подписано в печать
30.09.2017 г.
Цена свободная

ВЕСТНИК

ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Содержание № 3 • 2017

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы осуществления правосудия Европейским Судом по правам человека»

- Адамян А.А.** К вопросу о взаимодействии Совета Европы и Республики Армения по проведению реформ в сфере организации деятельности органов местного самоуправления8
- Белик В.Н.** Европейский Суд по правам человека: обзор материалов судебной практики в области реализации права на защиту осужденных12
- Галиев Р.С., Васильков К.А.** Проблемы реализации государственными служащими конституционного права на свободную передачу и распространение информации в контексте практики Европейского суда по правам человека16
- Зимина К.И.** Международное сотрудничество в борьбе с фармацевтическими преступлениями как одно из актуальных направлений деятельности Интерпола19
- Иванов Д.А.** Современный взгляд на международные правовые стандарты возмещения вреда, причиненного преступлением и необходимость их имплементации в российское законодательство22
- Калинский И.В., Червонюк В.И.** Пределы имплементации решений ЕСПЧ и феномен диффузии европейского (международного) права26
- Кирюхин А.Б.** Международная правовая основа противодействия преступлениям, совершаемым с применением насилия или с угрозой его применения33
- Козлова А.А.** Обзор практики Европейского Суда по правам человека в области трансплантологии и донорства36
- Коннов В.А.** Юрисдикция Европейского Суда по правам человека в отношении жалоб на нарушения, допущенные негосударственными субъектами39
- Кононов А.М.** О взаимодействии МВД России с Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека — заместителем Министра юстиции Российской Федерации42
- Лобанова Я.В.** Роль европейского суда по правам человека в обеспечении свободы экономической деятельности46
- Макеева Н.В.** Решения Европейского Суда по правам человека в правоприменительной практике органов предварительного расследования52
- Пушкарев В.В.** Формирование понятия и концепции уголовного преследования (обвинения)56
- Сигалов К.Е.** Гражданское общество и патология права в западноевропейском правовом пространстве60
- Симонова А.Е.** Становление механизма защиты прав и свобод человека Европейским Судом по правам человека64
- Титовец И.В., Чваркова Н.Г.** Значение решения Европейского Суда по правам человека по делу «Ваньян (Vanyan) против Российской Федерации» для правоприменительной практики по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств67
- Химичева О.В., Шаров Д.В.** Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации как источник уголовно-процессуального права71
- Червонюк В.И.** Имплементация решений ЕСПЧ в национальное законодательство (современный контекст)75
- Черепанова О.С., Шнитова А.А.** Проблема провокации преступлений сотрудниками правоохранительных органов (по материалам практики Европейского Суда по правам человека)84
- Шалагин Д.Д.** План действий Совета Европы по борьбе с транснациональной организованной преступностью88

- Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. В первую очередь редакция публикует материалы своих подписчиков.

- При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов ссылка на журнал обязательна.

- В соответствии со ст. 42 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», письма, адресованные в редакцию, могут быть использованы в сообщениях и материалах данного средства массовой информации, если при этом не искажает смысл письма. Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение. Никто не в праве обязать редакцию опубликовать отклоненное ею произведение, письмо, другое сообщение или материал, если иное не предусмотрено законом.

Формат 60x84 1/8.
Печать офсетная. Тираж 1500 экз.
(1-й завод — 300).
Отпечатано в типографии
«Буки Веди» ООО «Ваш
полиграфический партнер»
Москва, Ильменский пр-д., д. 1,
корп. 6
Тел. 8 (495) 926-63-96

Василевич С.Г. Понятие и сущность социального государства.....	95
Беспалов Ю.Ф. Понятие и правовой режим научных статей в сфере юриспруденции как объектов интеллектуальных прав в Российской Федерации	101
Нечухаева О.В. Классификация видов legal due diligence	103
Тумаков А.В., Степанникова Я.Н. Рейдерство как угроза национальной безопасности в России. Гражданско-правовые и уголовно-правовые аспекты вины как субъективной стороны рейдерского захвата	108
Иванов П.И., Шигабулинов Р.Ш. Экономическая и коррупционная преступность и ее латентность как объект криминологического изучения.....	111
Орлова А.А. Интересы и законные интересы участников досудебных этапов уголовного судопроизводства	121
Устинова С.Ю. Об участии следователя в апелляционном процессе	124
Гончар В.В. Совершенствование государственной политики по противодействию преступлениям в сфере информационных технологий	130
Воронцов А.В., Михайлов Б.П., Хазов Е.Н. Современные проблемы организации оперативно-разыскной профилактики и пути их решения.....	136
Попов И.А. Актуальные проблемы теории исследования вещественных доказательств: исторический и современный аспекты	142
Василенко Г.Н. Административно-правовой субинститут таможенного декларирования	146
Вашаев М.А. Зачисление в образовательные организации МВД России в системе способов поступления на службу в органы внутренних дел	151
Капыш В.П. Программно-целевое обеспечение экономической безопасности.....	157
Кивич Ю.В. Реализация административно-процессуального статуса органов внутренних дел в свете реформирования законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях.....	161
Ковшевацкий В.И., Стащенко С.П. Правовая природа и назначение специальных мер административного пресечения	164
Покозий В.В., Хадисов Г.Х. К вопросу о содержании отдельных прав сотрудников органов внутренних дел	167

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Жевлакович С.С. Ведомственная политика в области подготовки кадров: содержание понятия.....	170
Хромов В.А., Шаронов А.В., Юртаев О.Н. Служебно-прикладная направленность утренней физической зарядки курсантов и слушателей учреждений высшего образования МВД России	175
Чистоусов В.А., Казанцева Л.А. Проектирование в профессиональном образовании: трансформация ведущих концептов	178
Дейнега Н.В. Факторы, воздействующие на становление личностно-профессиональной компетентности студентов — будущих дефектологов	181
Евсеева И.Г., Борисова Е.В. Место междисциплинарного экзамена в системе оценки компетентности специалиста	184
Шевченко Г.В., Болдарев В.А. Использование информационных технологий для создания электронных учебников по дисциплинам «Тактико-специальная подготовка» и «Огневая подготовка».....	189

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Борисова Е.В. Функционально-стоимостный анализ как метод поиска резервов сокращения затрат на производство.....	193
Журило П.И. Криптознаки и их будущее в Российской Федерации	198
Кузнецова Е.И., Филатова И.В. Экономическая преступность и ее влияние на экономическую безопасность.....	201
Логинов Е.Л., Шкута А.А., Логинова В.Е., Сорокин Д.Д. Формирование системных механизмов научно-технической кооперации в рамках ЕАЭС с учетом стратегических трендов четвертой промышленной революции	205
Павлековская И.В., Староверова О.В., Уринцов А.И. Влияние научно-технического прогресса на развитие информационного общества	212
Черняк В.З., Эриашвили Н.Д. Проблемы строительства и экономики	218
Шманева Л.В. Вопросы моделирования процесса принятия управленческих решений при построении систем управления деятельностью инновационно-ориентированного предприятия (организации)	223

The journal is registered by
Federal Surveillance Service for
Compliance with the Legislation
in Mass Media and Cultural
Heritage Protection

Registration certificate
PI № FS77-27627
dated 16.03.2007

Reregistered:
Registration certificate
PI № FS77-62944
dated 31.08.2015

*Scientific editor,
responsible for the publication,
the winner of the award
of the Government
of the Russian Federation
in the field of a science and technics,
doctor of economics,
candidate of law sciences,
candidate of historical sciences,
professor*

N.D. Eriashvili
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Tel. 8 (499)740-68-30

EDITORIAL STAFF:

Editor-in-Chief
A.L. Mironov
*candidate of law sciences,
associate professor*

This issue has been edited by:
I.I. Kubar
candidate of law sciences,
M.I. Nikitin,
L.S. Antonenko,
D.E. Barikaeva,
M.E. Kiseleva

FOUNDER:
**Moscow University
of the Ministry of Internal
Affairs of Russian Federation
named after V.YA. Kikot**

117437, Moscow,
Akademika Volgina, d. 12

Editorial Staff address:
109028, Moscow,
Malyj Ivanovskij per., d. 2
Tel. 628-57-16

Zip Code at the List of the Agency
«Rospechat» — 81108
It is sent for the press
30.09.2017
The price is not fixed

VESTNIK

ECONOMICHESKOI BEZOPASNOSTI

Contents № 3 • 2017

JURISPRUDENCE

International Scientific and Practical Conference **«Actual problems of administering justice by** **the European Court of Justice on Human Rights»**

- Adamyan A.A.** On the question of the interaction
of the Council of Europe and the Republic of Armenia on the reforms
in the sphere of activity of local governments8
- Belik V.N.** The European Court of Human Rights: a review of the judicial
practice in the realization of right to the protection of convicts12
- Galiev R.S., Vasil'kov K.A.** Problems of implementation constitutional
right to the free transfer and dissemination of information by civil
servants in the context of the practice
of the European Court of Human Rights16
- Zimina K.I.** International cooperation in combating
pharmaceutical crimes as one of the urgent spheres
of Interpol's activity19
- Ivanov D.A.** Modern view on international legal standards
for compensation of harm caused by crime and the need
for their implementation in Russian legislation22
- Kalinskiy I.V., Chervonyuk V.I.** The limits of implementation
of decisions of the ECHR and the phenomenon of diffusion
of European (international) law26
- Kiryukhin A.B.** International legal framework for
combating crimes committed with the use of violence
or with the threat of its use.....33
- Kozlova A.A.** Review of practice of the European
Court of Human Rights around organ donation and transplantation36
- Konnov V.A.** The jurisdiction of the European
Court of Human Rights on the violations committed
by non-state actors39
- Kononov A.M.** About the interaction of the Ministry of Internal Affairs
of Russia with the Representative of the Russian Federation at the European
Court of Human Rights — Deputy Minister of Justice of the Russian Federation42
- Lobanova Ya.N.** The role of the European Court of Human Rights
in ensuring freedom of economic activity46
- Makeeva N.V.** The decisions of the European Court of human rights
in law enforcement bodies of preliminary investigation.....52
- Pushkarev V.V.** Formation of terms and concepts
of criminal prosecution (charges)56
- Sigalov K.E.** Civil society and pathology of law in western
european legal space60
- Simonova A.E.** The formation mechanism of protection of the rights
and freedoms of man The European Court of Human Rights64
- Titovets I.V., Chvarkova N.G.** The value of the ECHR decision
on the case of Vanyan (Vanyan) against the Russian Federation
for law enforcement in criminal cases related
to drug trafficking.....67
- Khimicheva O.V., Sharov D.V.** Universally recognized principles
and norms of international law and international treaties of the Russian Federation
as a source of criminal procedural law71
- Chervonyuk V.I.** Implementation of judgements of the ECHR
in national la (modern context).....75
- Cherepanova O.S., Shnitova A.A.** Problem of provocation crimes
by law enforcement officers (on materials of the European
Court of Human Rights).....84
- Shalyagin D.D.** The Action Plan of the Council of Europe
on the fight against transnational organised crime.....88

- The opinion of editorial staff may not coincide with the point of view of the authors of publications. The responsibility of publications maintenance and reliability of the facts lies on authors. First of all editorial staff publishes materials of the subscribers.

- At a reprint or reproduction by any method, in full or in part journal materials the reference to the journal is obligatory.

- In accordance with the Law of the Russian Federation «About mass media» of 27 December 1991 № 2124-1, letters addressed to the editorial staff, may be used in messages and materials of mass media, if it does not distort the meaning of the letter. Editorial staff is not obliged to answer letters of citizens and to remit these letters to those bodies, the organizations and officials, whose competence includes their consideration. Nobody has the right to oblige editorial staff to publish the product, the letter, other message or a material that has been dismissed earlier, if other is not statutory.

Format 60x84 1/8.
Offset printing
Circulation 1500 copies
(1st release–300)
It is printed in Company
«Buki Vedi» LLC «Your Publishing
Partner»
Moscow, Hmensky pr-d, d. 1, bldg. 6
Ph. 8 (495) 926-63-96

Vasilevich S.G. The concept and essence of a social state.....	95
Bespalov Yu.F. Concept and legal regime of scientific articles in the field of jurisprudence as objects of intellectual rights in the Russian Federation.....	101
Nechukhaeva O.V. types of legal due diligence.....	103
Tumakov A.V., Stepannikova Ya.N. Raiding as a threat to national security in Russia. Civil-law and criminal law aspects of guilt as a subjective side of raider seizure.....	108
Ivanov P.I., Shegabudinov R.Sh. Economic and corruption crime and its latency as an object of criminological studies.....	111
Orlova A.A. Interests and legitimate interests of participants in pre-trial stages of criminal proceedings.....	121
Ustinova S.Yu. On the participation of investigator in appeal.....	124
Gonchar V.V. Improvement of state policy on counteraction to crimes in the sphere of information technologies.....	130
Vorontsov A.V., Mikhaylov B.P., Khazov E.N. Modern problems of organization of operational-investigative prevention and their solutions.....	136
Popov I.A. Actual problems of the theory of research of physical evidence: historical and modern aspects.....	142
Vasilenko G.N. Administrative and legal substitut customs declaration.....	146
Vashaev M.A. Admission to the educational institutions of the MIA of Russia in the system of methods of entering the service in bodies of internal Affairs.....	151
Kapysh V.P. Targeted economic security.....	157
Kivich Yu.V. Implementation of the administrative and procedural status of law-enforcement bodies in the light of reforming of the legislation of the Russian Federation on administrative offenses.....	161
Kovshevatskiy V.I., Stashchenko S.P. The legal nature and purpose of special measures of administrative restraint.....	164
Pokoziy V.V., Khadisov G.Kh. On the question of the content of individual rights of employees of law enforcement agencies.....	167

PEDAGOGICAL SCIENCE

Zhevlakovich S.S. Educational policy: content of the concept.....	170
Khromov V.A., Sharonov A.V., Yurtaev O.N. Service applied orientation of morning physical exercises of cadets and listeners of institutions of higher education of the Ministry of Internal Affairs of Russia.....	175
Chistousov V.A., Kazantseva L.A. Designing in vocational training: key concept's transformation.....	178
Deynega N.V. Factors affecting the formation of personal and professional competence of students - future defectologists.....	181
Evseeva I.G., Borisova E.V. A place of interdisciplinary examination in the assessment of the competence of specialist.....	184
Shevchenko G.V., Boldarev V.A. Use of information technologies for creation of electronic textbooks on disciplines «Tactical-special training» and «Fire training».....	189

ECONOMIC SCIENCE

Borisova E.V. Cost-benefit analysis as a method of search for reserves to reduce production costs.....	193
Zhurilo P.I. Cryptonotes and their future in the Russian Federation.....	198
Kuznetsova E.I., Filatova I.V. Economic crime and its impact on economic security.....	201
Loginov E.L., Shkuta A.A., Loginova V.E., Sorokin D.D. Formation of systemic mechanisms of scientific and technical cooperation within the framework of the EAPS considering the strategic trends of the Fourth Industrial Revolution.....	205
Pavlekovskaya I.V., Staroverova O.V., Urintsov A.I. Influence of scientific and technical progress to the information society development.....	212
Chernyak V.Z., Eriashvili N.D. Problems of construction and economy.....	218
Shmaneva L.V. Issues of modeling the process of making managerial decisions in the construction of management systems of the innovation-oriented enterprise (organization).....	223

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ
ЕВРОПЕЙСКИМ СУДОМ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА»

УДК 341

ББК 67.9

**К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ СОВЕТА ЕВРОПЫ
И РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ ПО ПРОВЕДЕНИЮ РЕФОРМ
В СФЕРЕ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ**

АННА АНУШАВАНОВНА АДАМЯН,

*адъюнкт 2-ого курса кафедры государственно-правовых дисциплин Академии Управления МВД России,
инспектор группы общинной полиции РА, старший лейтенант полиции Республики Армения*

E-mail: an.adam.86@mail.ru

Научный руководитель: доктор юридических наук, подполковник полиции Е.В. Киричек

Научная специальность 12.00.10 — международное право; европейское право

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматриваются вопросы взаимодействия Совета Европы и Правительства Республики Армения в сфере организации и дальнейшего развития деятельности органов местного самоуправления, а также анализируются тенденции и перспективы устойчивого развития местного самоуправления Республики Армения в результате данного взаимодействия.

Ключевые слова: взаимодействие, Совет Европы, Правительство Республики Армения, деятельность, система местного самоуправления, община.

Abstract. This article is focused on the interaction of the Council of Europe and the Government of the Republic of Armenia in the sphere of organization and further development of the local government's activity as well as current trends and prospects for sustainable development of the local government as a result of this interaction.

Keywords: interaction, Council of Europe, The Government of the Republic of Armenia, local self-government system, community.

Органы местного самоуправления как независимые локальные органы должны иметь четкий юридический статус и конституционные механизмы взаимодействия с государственными органами.

Конституционные основы местного самоуправления Республики Армения, как правило, соответствуют международным правовым нормам.

В рамках вопросов территориального управления и местного самоуправления Правительство Республики Армения сформировало стабильную и непрерывно развивающуюся Платформу со-

трудничества с Европейским Советом (Советом Европы)¹.

Это сотрудничество приобрело новое значение после присоединения Армении к Совету Европы и

¹ Армения является полноправным членом Совета Европы с 25 января 2001 года. Процесс присоединения Армении к Совету Европы начался в 1995 году. 26 января 1996 г. Национальное собрание РА получило статус Специального наблюдателя при Парламентской Ассамблее Совета Европы. Согласно решению Комитета министров № 2000/13 от 9 ноября 2000 г., Армения получила официальное предложение о вступлении в Совет Европы. 16 мая 2013 г. председательство в Совете Европы перешло к Армении, на 6 месяцев. <http://www.coe.int/en/web/portal/cm-chairmanship-armenia>

ратификации ряда европейских конвенций. Современное развитие системы местного самоуправления в значительной степени связано с ратификацией Европейской хартии местного самоуправления [1].

Система местного самоуправления является одним из важнейших институтов демократии и гражданского общества в Республике Армения. Не случайно, что среди обязательств по вступлению в Европейский Союз особое место занимает регулирование и улучшение отношений в сфере местного самоуправления [2].

Эта проблема является не только наиболее важной предпосылкой для интеграции в европейские структуры, но и соответствует политической программе руководства и идеям, связанным с совершенствованием системы государственного управления Армении.

Следует отметить, что развитие системы местного самоуправления является не только предметом интереса Правительства Республики Армения, но и различных международных и неправительственных организаций.

В этой отрасли партнерство и эффективное сотрудничество Армении было организовано не только с Советом Европы, но и Организацией Объединенных Наций, Германским обществом технического сотрудничества (GIZ), Агентством США по международному развитию (USAID), Всемирным банком и другими организациями. Последние оказывают финансовую, техническую и профессиональную поддержку².

Особенно важно, что сегодня существует целый ряд общественных организаций (НПО), многие из которых уже давно своей активностью и полезной работой доказали свою жизнеспособность и влиятельную роль в области развития местного самоуправления Республики Армения.

Следует отметить, что все международные, социальные, образовательные и другие организации, участвующие в решении этих проблем, пользуются прямой поддержкой и координацией министра территориального управления Республики Армения.

² Республика Армения является членом 80—90 международных организаций, институтов, политических, экономических, культурных, спортивных и других направленностей. Армения проводит очень плодотворное сотрудничество со всеми международными организациями.

Формирование идеологических сходств системы местного самоуправления с европейскими стандартами можно объяснить тесными и дружественными отношениями между Министерством территориального управления Республики Армения и Советом Европы.

Наиболее очевидным результатом этого партнерства можно рассматривать разработку «Плана укрепления действий местного самоуправления в Республике Армения»³, который представляет собой совместный проект Европейской комиссии и Совета Европы для укрепления демократической стабильности и предотвращения конфликтов на Южном Кавказе.

Целями Плана действий являются:

- в процессе реформ в законопроекте «О местном самоуправлении в Республике Армения» уточнить соответствие законодательства принципам Европейской хартии местного самоуправления;
 - определить последовательность событий правовых реформ;
 - определить обязанности и ответственность различных государственных органов Республики Армения в процессе сотрудничества с Советом Европы.
- В целом стратегические направления Плана действий могут быть классифицированы следующим образом:
- децентрализация (предоставление органам местного самоуправления новых полномочий, а также разъяснение отношений осуществления делегированных полномочий);
 - регулирование отношений, связанных с надзором за деятельностью органов местного самоуправления (юридически и профессионально);
 - стимулирование образования и создания муниципальных объединений;
 - формирование системы общинной службы и поддержка ее совершенствования.

Выполненные работы в указанных областях связаны с осуществлением законодательных изменений и разработкой законодательных проектов.

³ План действий был первоначально разработан и принят, в ходе круглого стола 14—15 октября 2003 г. в Ереване. Это было предметом широкого обсуждения на заседании комитета по местным вопросам три президенте РА, 2—3 марта 2004 года в рамках совместного семинара, проведенного с участием европейских экспертов. Последние изменения в Плана действий проведены в 2005 г. в Страсбурге.

На пути практического применения новых законодательных актов в качестве одного из важных шагов децентрализации политики и расширения сфер компетенций органов местного самоуправления может выступать совершенствование налогового ведомства.

В частности, постепенно (на первом этапе только общины Еревана, а потом уже и другие городские и сельские общины Республики Армения) органам местного самоуправления передаются полномочия сбора поземельного налога и налога на недвижимость, которые являются источниками доходов местного бюджета, ранее исполнявшиеся национальными налоговыми органами. Районным общинам Еревана и всем городским общинам Республики Армения передана необходимая информация в отношении физических и юридических лиц для расчета налога на недвижимость. В настоящее время уже в процессе передача той же информации сельским общинам в отношении физических лиц, в результате которой будет обеспечен полный охват процесса децентрализации.

В связи с этим, общинам Республики Армения оказывалась техническая помощь различными международными организациями, обеспечивая необходимое количество и состав компьютеров и программного обеспечения [3, с. 5].

По-прежнему, на этапе обсуждения, остаются вопросы определения критериев осуществления делегированных полномочий, их оценки и регулирования финансовых отношений. Решение последних может оказывать влияние на прогресс осуществления существующих до настоящего времени делегированных полномочий органов местного самоуправления.

Законодательные поправки также регулируют отношения контроля над деятельностью органов местного самоуправления.

Одним из наиболее важных направлений введения Правительства в области политики местного самоуправления является поддержка создания межмуниципальных объединений.

Конституционно-правовые решения в целях содействия должны стимулировать процесс формирования нового качества межмуниципального сотрудничества и интеграции.

В частности, Конституция Армении закрепляет правовые возможности межмуниципальных объединений, которые полностью соответствуют положениям Европейской хартии местного самоуправления [4].

Проблемы, касающиеся нынешней системы местного самоуправления Республики Армения являются актуальными не только в отношении Правительства, они также находятся в центре постоянного внимания Национального Собрания Республики Армения. Доказательством этому является активность, проявляемая депутатами в ходе обсуждения законопроектов, представленных Правительством.

Концептуальные подходы к реформе в области местного самоуправления сводятся к следующему:

- усиление роли муниципальной системы местного самоуправления путем укрепления своих надзорных полномочий;
- усиление роли межмуниципальных органов и организаций в целях повышения эффективности местного самоуправления.

В ходе слушаний заявлено, что поправки к закону «О местном самоуправлении» имеют две основные цели:

- увеличить роль Советов общин;
- урегулировать отношения между органами местного самоуправления и государственными органами.

Были представлены также финансовые отношения между органами местного самоуправления и межмуниципальными объединениями, а также правовой и профессиональный контроль за деятельностью органов местного самоуправления.

Как результат сотрудничества с Советом Европы можно рассматривать также принятие закона «Об общинной службе» в 2005 г. [5], который регулирует отношения между главой общины и общественными службами, закрепляет принципы их деятельности и др.

Следует отметить, что решением Правительства в качестве уполномоченного органа в области общественных служб было признано Министерство территориального управления.

Правительство также утвердило график разработки и принятия правовых актов, необходимых для введения общественных служб. В соответствии с графиком до марта 2006 года планировалось полностью принять все необходимые документы и правовые акты, регулирующие этот сектор.

Документ был разработан при прямой поддержке международных организаций и под контролем министра территориального управления Республики Армения.

Международный опыт показывает, что в общинах существуют образования, создающие возможность для обеспечения практической основы сотрудничества общин, более целенаправленного и эффективного использования человеческих и финансовых ресурсов.

Таким образом, меры по выполнению обязательств и совершенствованию системы местного самоуправления находятся в центре внимания Правительства Республики Армения.

Внедрение системы гражданской службы, включая подготовку государственных служащих должно быть принято во внимание при осуществлении всех положений и подходов, изложенных в национальной стратегии подготовки кадров.

Другие проблемы, связанные с управлением, реформой государственного управления, продолжают обсуждаться. В связи с этим, Палата местных властей Совета Европы отметила, что большинство местных услуг, предоставляемых государственными органами и органами местного самоуправления Республики Армения, имеют ограниченные возможности.

В частности, существует необходимость конструктивного диалога между Правительством и гражданским обществом. В то же время, следует отметить, что в гражданском обществе отсутствует мониторинг политики и достаточного потенциала для ведения переговоров с Правительством.

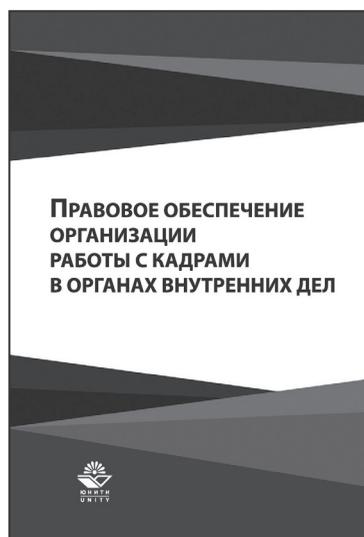
В ответ на эту ситуацию, Европейский Совет будет продолжать проводить регулярные консультации с гражданским обществом, а также новую программу содействия развитию социального пред-

принимательства посредством наращивания потенциала и устойчивости.

В заключение можно сказать, что в рамках рабочих отношений между Правительством Республики Армения и Советом Европы по региональным и местным вопросам достигнут прогресс, в результате чего существуют тенденции и перспективы устойчивого развития в Республике Армения.

Литература

1. Решение Национального Собрания республики Армения о ратификации Европейской хартии местного самоуправления // №-236-2-РЗ // Официальный бюллетень РА /25/41(173) 2002. 4 января.
2. Совместное коммюнике для Европейского парламента, Совета Европейского союза, Европейского экономического и социального комитета и комитета регионов, г. Брюссель, 18.11.2015 г.
3. *Баядян Г.* Современное развитие и распространение информации и коммуникационных технологий: Монография. Ереван, Научно-образовательный фонд «Нораванк», 2005.
4. Европейская хартия местного самоуправления, статья 10 // Официальный бюллетень РА /28/14(22)2002. 01 мая.
5. Об общинной службе Закон РА от 14 декабря 2004 года, статья 2. №-43-РЗ // Официальный бюллетень РА /26/7(379) 2005. 26 февраля. Органы местного самоуправления Республики Армения осуществляют свою политику через руководителей и Советы общин в рамках предусмотренных законом полномочий.

Правовое обеспечение организации работы с кадрами в органах внутренних дел: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / [Е.В. Климкина и др.]; под ред. К.К. Гасанова. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2017. 127 с.

Рассмотрены направления работы с кадрами органов внутренних дел, требования к ее организации, а также технологии, применяемые в работе с личным составом в ОВД. Особое внимание уделяется организационно-правовой характеристике субъектов, осуществляющих работу с кадрами в органах внутренних дел.

Для курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России, а также практических работников подразделений по работе с личным составом ОВД.

УДК 341
ББК 67.9

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА: ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ В ОБЛАСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ЗАЩИТУ ОСУЖДЕННЫХ¹

ВАЛЕРИЙ НИКОЛАЕВИЧ БЕЛИК,

ведущий научный сотрудник Института проблем эффективного государства и гражданского общества

Финансового университета при Правительстве РФ, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: 7226905@mail.ru

Научная специальность 12.00.10 — международное право; европейское право

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Российская Федерация занимает лидирующую позицию не только по числу жалоб, поданных против государства в Европейский Суд по правам человека, но и по количеству решений, которыми признаны нарушения прав человека со стороны России.

Ключевые слова: Европейский Суд по правам человека, права и свободы человека, осужденные, судебная практика, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод.

Abstract. Russian Federation is a leader not only in the number of complaints filed against the state to the European Court of Human Rights, but also by the number of decisions that recognized the human rights violations from Russia.

Keywords: The European Court of Human Rights, human rights and freedoms, prisoners, judicial practice, European Convention on Human Rights.

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненным за счет бюджетных средств по Государственному заданию Финансового университета 2016 г.

В правовой доктрине существуют различные концептуальные оценки деятельности ЕСПЧ, большинство из которых сходятся в том, что ЕСПЧ сегодня — это общеевропейский «конституционный суд» по правам человека, а Европейская конвенция, в определенной степени, — общеевропейская конституция [3].

Процент оправдательных приговоров в России составляет в среднем менее 1%. В 2012 г. процент оправдательных приговоров достиг — 0,7%, а в первом полугодии 2016 г. составил — 0,37% [9].

По всей видимости, поэтому Российская Федерация занимает лидирующую позицию не только по числу жалоб, поданных против государства в Европейский Суд по правам человека, далее ЕСПЧ, но и по количеству решений, которыми признаны нарушения прав человека со стороны России. По итогам работы в I полугодии 2015 г. общая очередь ожидающих рассмотрения жалоб составила 63 800, из которых 9 100 были поданы против России. На 1 ян-

варя 2015 г. эти цифры были следующими: 69 900 и 9 800 соответственно [1, с. 4].

В настоящее время наблюдается определенный спад обращений, который мог бы быть еще ниже. Так, по данным российского омбудсмена, за 2014 г. «анализ жалоб, поступающих к Уполномоченному по правам человека, свидетельствует о слабой правовой осведомленности граждан относительно правозащитной деятельности на международном уровне, прежде всего в Европейском суде по правам человека... Вердиктов против России, несомненно, было бы значительно меньше, если бы граждане и практикующие юристы были информированы обо всех правовых позициях, выраженных ЕСПЧ» [7].

Для начала нужно сказать, что ЕСПЧ с июня 2009 г. начал проводить отбор дел для приоритетного рассмотрения, чтобы эти дела не были раздавлены массой типовых и заведомо неприемлемых жалоб. Кроме того, он продолжил практику приня-

тия «пилотных» постановлений по системным нарушениям Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, далее Конвенция, в государствах — участниках. А с января 2010 г. Суд существенно увеличил суммы присуждаемой компенсации за моральный ущерб, особенно по нарушениям «абсолютных прав» (статьи 2, 3, 4, 5 Конвенции).

На сегодняшний день более половины постановлений ЕСПЧ по России — это постановления о нарушениях властями Российской Федерации, так называемых «абсолютных прав». Сюда же следует добавить для полноты картины около полтора десятка постановлений по нарушению статей 3 и 5 Конвенции в связи с экстрадицией или высылкой из России граждан других государств².

Рост числа получаемых жалоб по ст. 3 (запрещение пыток) Конвенции и соответственно выносимых по ним постановлений вызывает в Суде растущую озабоченность [4]. При этом особенно значительна доля жалоб на условия содержания в местах лишения свободы.

Крайне серьезной остается проблема неоказания медицинской помощи заключенным.

Заключенного Ахметова с опухолью мозга переводили в различные медицинские учреждения Владимира, Воронежа, Красноярска, Москвы, Санкт-Петербурга, Тюмени — пока он не стал не оперируемым, т.к. ни один из государственных медицинских центров не соглашался принимать обвиняемого в убийстве [10].

Практически никакого лечения не получал больной СПИДом и гепатитом В и С заключенный Кожокар [11].

Заявитель Гладкий прибыл в ИЗ-39/1 г. Калининграда в декабре 1999 г. практически здоровым, а освобожден в январе 2002 г. инвалидом 2-й группы с инфильтрированным туберкулезом [12].

Европейскому Суду приходится сталкиваться с примерами профессиональной небрежности российских судей. Судебные решения пишутся достаточно формально, а также без учета индивидуальных особенностей человека и других обстоятельств. На что уже обращал внимание Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 29 октября 2009 г. «О прак-

тике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста», которое, в настоящий момент, утратило силу в связи с принятием Пленумом ВС РФ Постановления от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» [6].

Одними из центральных нарушений положений Конвенции со стороны Российской Федерации являются нарушения ст. 6 Конвенции (право на справедливое судебное разбирательство).

Дело «Сахновского против России» интересно тем, что Большая Палата Европейского Суда детально рассмотрела в нем процессуальные гарантии проведения видеосвязи при рассмотрении дела в кассационной и надзорной инстанциях. В 2010 г. также было рассмотрено дело осужденного Шугаева (*Shugayev v. Russia*, no. 11020/03, 14.01.2010), в котором Суд нашел нарушение ст. 6 § 1 и § 3 ввиду рассмотрения Верховным Судом РФ в кассации приговора Курганского областного суда по видеосвязи в отсутствие адвоката. В июле 2010 г. было вынесено постановление (*Samoshenkov and Strokov v. Russia*, no. 21731/03, 1886/04, 22.07.2010).

К сожалению, на сегодняшний день, Российская Федерация занимает одно из первых мест по количеству жалоб, поданных против нее, а также по количеству вынесенных решений ЕСПЧ, которыми признаны нарушения прав лиц, гарантированных Конвенцией, со стороны публичных властей. Исходя из анализа судебной практики ЕСПЧ по жалобам против России, можно с уверенностью констатировать, что большая часть постановлений и решений ЕСПЧ вынесена о нарушениях: ст. 2 (право на жизнь), ст. 3 (запрещение пыток), ст. 5 (право на свободу и личную неприкосновенность). К основной массе решений ЕСПЧ в отношении России стоит также добавить постановления об одном из центральных нарушений Конвенции — ст. 6 (право на справедливое судебное разбирательство). Вместе с тем, подавление массовых акций протеста, проводимых российской оппозицией и гонения на журналистов, приводят к нарушению российскими властями: ст. 10 (свобода выражения мнения), ст. 11 (свобода собраний и объединений) и ст. 6 (право на справедливое судебное разбирательство) Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Также в практике Суда встре-

² По результатам рабочей встречи 10 декабря 2013 г. с А. Степановой — сотрудником департамента по исполнению решений Европейского Суда Комитета Министров Совета Европы.

чаются постановления о нарушениях властями: ст. 8 (право на уважение частной и семейной жизни), ст. 14 (запрещение дискриминации), ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции (защита собственности).

Деятельность ЕСПЧ нацелена на выявление в деятельности национальных органов публичной власти системных проблем, и ошибок, приводящих к нарушению прав и свобод человека и гражданина. ЕСПЧ анализирует как фактические, так и юридические обстоятельства предполагаемого нарушения.

Одной из причин таких нарушений являются недостатки нормативного регулирования в актах национального законодательства. Главной задачей ЕСПЧ является выработка рекомендаций по развитию и совершенствованию системы защиты прав и свобод человека для внутригосударственных органов власти.

В уголовно-процессуальном законодательстве России предусмотрены случаи пересмотра уголовного дела в связи с решениями ЕСПЧ о нарушениях Конвенции (ст. 413 и ст. 415 УПК РФ), однако отсутствует специальный закон, регламентирующий порядок исполнения решений ЕСПЧ.

Также, аналогичные по своей сути положения были введены российским законодателем с 1 января 2012 г. и в отношении института пересмотра вступивших в законную силу судебных актов по гражданским делам (ст. 392 и ст. 394 ГПК РФ). Национальный законодатель учел решения ЕСПЧ, а также рекомендации Комитета Министров Совета Европы и в положениях АПК РФ (п. 4 ч. 3 ст. 311).

Кроме того, до недавнего времени несоблюдение разумных сроков судопроизводства, сроков исполнения судебных решений было проблемным для российского правосудия. На внутреннем уровне предпринимались определенные шаги, но в ЕСПЧ продолжали поступать жалобы, связанные с этой проблемой. Ситуация начала меняться к лучшему только после того, как во исполнение требований ЕСПЧ, высказанных им в Постановлении по жалобе «Бурдов против Российской Федерации (2)» от 15 января 2009 г., о создании эффективного средства правовой защиты в связи с выявленными системными нарушениями, выразившимися в несоблюдении разумных сроков судопроизводства и неисполнении судебных актов. После этого в Российской Федерации был принят федеральный закон от 30.04.2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на

судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», который предусматривает гарантии обеспечения права на судопроизводство и исполнение судебного акта в разумные сроки, нарушение которых является основанием для присуждения справедливой компенсации, посредством обращения в российские суды.

С учетом вышеизложенного в Российской Федерации, был принят Федеральный конституционный закон от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», новеллой которого является введение эффективного института пересмотра дел в апелляционном порядке как по гражданским делам (с 1 января 2012 г.), так и по уголовным делам (с 1 января 2013 г.).

Обращает отдельное внимание тот факт, что заочный спор Конституционного Суда РФ с ЕСПЧ о верховенстве права закончился расширением компетенции Конституционного суда РФ, который в настоящее время, в праве разрешать вопрос о возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека. В этой связи представляет интерес Постановление Конституционного Суда РФ от 06.12.2013 г. № 27-П «По делу о проверке конституционности положений ст. 11 и пп. 3 и 4 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ в связи с запросом президиума Ленинградского окружного военного суда» [8, с. 493—502.].

Несмотря на то, что в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью российской правовой системы, в законодательстве РФ отсутствует нормативный правовой акт, который регулировал бы отношения, связанные с возникновением у государства обязанности исполнять решения ЕСПЧ, в части принятия, изменения или отмены законодательных и иных нормативных правовых актов.

Также в России не регламентирован порядок исполнения решений ЕСПЧ, законодательно не закреплена обязанность государственных органов и должностных лиц по приведению федерального законодательства и иных нормативных актов в соответствие с Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод.

Важной задачей по исполнению решений ЕСПЧ является координация деятельности различных органов государственной власти, а также необхо-

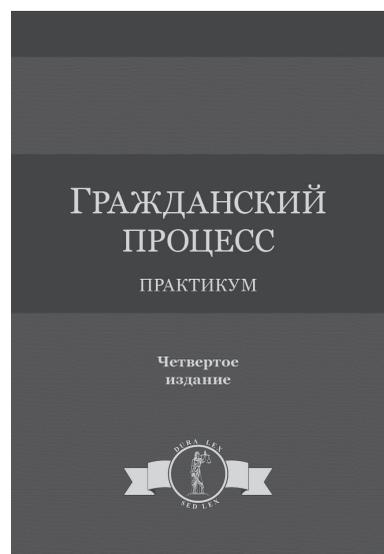

димостью приведения национальной судебной практики в соответствие с постановлениями ЕСПЧ. Идея «официальной» базы практики ЕСПЧ в России представляется безусловно желательной в целях популяризации практики ЕСПЧ в России. Однако объем решений ЕСПЧ огромен. Из размещенных в базе HUDOC на 27 июля 2015 г. 46 356 документов, принятых в отношении России — 3 872 (с учетом коммюнике, языковых версий и т.п.), т.е. всего 8,36% [2, с. 226].

При этом, следует согласиться с мнением Маврина С.П., о том что решения Европейского суда по правам человека могут и должны включаться в российскую правовую систему, но действуют в ней только при соблюдении условия их подчиненности высшей юридической силе Конституции РФ, что исключает всякую возможность исполнения на территории нашей страны тех решений такого рода, которые содержат положения, противоречащие Конституции РФ и игнорирующие тем самым ее высшую юридическую силу как общеобязательный конституционный принцип [5, с. 1].

Литература

1. *Бабкин А.И.* Европейский суд по правам человека: решения по делам против Российской Федерации и их исполнение. Статистика и новые подходы // *Российский судья*. 2016. № 1. С. 4—8.
2. *Жаркова О.С.* К вопросу об опубликовании в России постановлений ЕСПЧ и их использовании в правоприменительной практике // *Вестник гражданского процесса*. 2015. № 5. С. 226—240.
3. *Зорькин В.Д.* Взаимодействие национального и наднационального правосудия: новые вызовы и перспективы: Доклад на II Международном юридическом форуме (Санкт-Петербург, 17.05.2012).
4. *Ковлер А.И.* Правовые позиции Европейского Суда по правам человека (в свете постановлений, принятых в 2010 году по жалобам против Российской Федерации) // *Российское правосудие*. 2011. № 2 (58). С. 16—31.
5. *Маврин С.П.* Решения Европейского суда по правам человека в правовой системе России // *Журнал конституционного правосудия*. 2015. № 6. С. 1—6.
6. Постановление Пленума ВС РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // *Бюллетень Верховного Суда РФ*. № 2. 2014.
7. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2014 г. URL: <http://www.rg.ru/2015/05/06/doklad-site-dok.html>
8. Конституционный Суд Российской Федерации. Постановления. Определения. 2010 / Сост. и отв. ред. О.С. Хохрякова. М., 2013.
9. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 1 полугодие 2016 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3578>
10. Akhmetov v. Russia, no. 37463/04, 1/04/10.
11. Kozhokar v. Russia, no. 33099/08, 16/12/10.
12. Gladkiy v. Russia, no. 3242/03, 21/12/10.

Гражданский процесс. Практикум: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / [Л.В. Туманова и др.]; под ред. Л.В. Тумановой, Н.Д. Эриашвили. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2017. 175 с.

Практикум содержит материалы, необходимые для самостоятельной работы курсантов, слушателей и студентов при изучении дисциплины «Гражданское процессуальное право», в том числе по таким основным темам, как предмет, метод, принципы и субъекты гражданского права, гражданские процессуальные отношения, подведомственность и подсудность дел, сущность, особенности и этапы гражданского судопроизводства.

Для курсантов (слушателей, студентов), адъюнктов (аспирантов) и преподавателей юридических факультетов высших учебных заведений.

УДК 341
ББК 67.9

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ СЛУЖАЩИМИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА СВОБОДНУЮ ПЕРЕДАЧУ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПРАКТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

РУСТАМ САЛИМЖАНОВИЧ ГАЛИЕВ,

*кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры
конституционного и международного права Барнаульского юридического института МВД России*

E-mail: galiev.barnaul@gmail.com;

КОНСТАНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ ВАСИЛЬКОВ,

курсант Барнаульского юридического института МВД России

E-mail: konstantin.vasilkov.95@mail.ru

Научная специальность 12.00.10 — международное право; европейское право

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Проблемы применения практики Европейского суда по правам человека в судах Российской Федерации последнее время часто являются предметом научных дискуссий. В настоящей статье анализируется ограничение установленные для государственных служащих, связанные с правом на свободную передачу и распространения информации, в том числе с позиций Европейского суда по правам человека.

Ключевые слова: права человека, распространение информации, ограничение прав, государственный служащий, европейский суд по правам человека.

Abstract. The problems of application practice of the European Court of Human Rights in Russian courts are often the subject of scientific debate the last time. This article analyses the limit established for public servants related to the right to the free transfer and dissemination of information, including from the standpoint of the European Court of Human Rights.

Keywords: human rights, dissemination of information, restriction of rights, civil servant, the European Court of Human Rights.

В ст. 29 Конституции Российской Федерации нашли свое отражение нормы международного права, закрепляющие права человека в сфере информации. Ст. 19 Всеобщей Декларации прав и свобод человека 1948 г., закрепляет право каждого свободно искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами [3]. В Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., в ст. 10, содержится положение о праве каждого искать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей [4]. Международный Пакт о гражданских и политических правах от 1966, в ст. 19, так же устанавливает право каждого искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи [5].

В соответствии с ч. 1 ст. 29 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется свобода мысли и слова, ч. 4 указанной статьи конкретизирует данное право и устанавливает право каждого получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом.

В законодательстве информация определяется как сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления [6]. В соответствии со ст. 5 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» — информация в зависимости от категории доступа к ней подразделяется на общедоступную информацию, а также на информацию, доступ к которой ограничен федеральными

законами (информация ограниченного доступа), стоит отметить, что содержание права каждого получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, само по себе подразумевает запрет на указанные действия с информацией ограниченного доступа.

Право на информацию не является абсолютным и может быть ограничено. В соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности государства.

Рассматривая ограничения содержащихся в Федеральном законе № 79-ФЗ от 27.07.2004 «О государственной гражданской службе в Российской Федерации», которые распространяются в том числе и на государственных сотрудников органов внутренних дел, прокуратуры, налоговой службы и т.д. в которых содержится запрет, не допускающий публичные высказывание, суждения и оценки, в том числе в СМИ в отношении деятельности государственных органов, их руководителей, включая решения вышестоящего государственного органа, Конституционный суд в 2011 г. признал нормативное положение п. 10 ч. 1 ст. 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» не противоречащим Конституции Российской Федерации. Поскольку по своему конституционно-правовому смыслу оно не может рассматриваться как не допускающее публично-го выражения государственным служащим своего мнения, суждения, оценки, в том числе в средствах массовой информации, в отношении деятельности государственных органов, их руководителей, включая решения вышестоящего государственного органа. При этом Конституционный суд в своем решении установил, что для определения правомерности публичного высказывания государственного служащего необходимо учитывать содержание публичных высказываний, суждений или оценок, их общественную значимость и мотивы, соотношение причиненного (могущего быть причиненным) ими ущерба для государственных или общественных интересов с ущербом, предотвращенным в результате

соответствующих действий государственного служащего, наличие либо отсутствие возможности у государственного служащего защитить свои права или государственные либо общественные интересы, нарушение которых послужило поводом для его публичного выступления, иными предусмотренными законом способами и другие значимые обстоятельства [7].

Инициировавший жалобу бывший старший участковый из г. Тольятти, А.Н. Мумолин в 2009 г. посредством видеокамеры записал обращение к министру внутренних дел Российской Федерации и опубликовал его в сети интернет. В своем обращении он рассказал о работе ОВД, акцентировал внимание конкретно на том территориальном органе, в котором проходил службу. Высказал критику в отношении своего начальства, с целью противодействия коррупции в системе МВД.

После этого А.Н. Мумолин был уволен из органов внутренних дел, оспаривание в суде данного решения не принесло положительного результата, в том числе, как отмечалось выше, и в Конституционном Суде было вынесено Постановление об отсутствии в указанном федеральном законе противоречия Конституции РФ. В 2010 году А.Н. Мумолин направил жалобу в Европейский суд по правам человека, в октябре 2016 г. Европейский суд по правам человека коммуницировал жалобу бывшего старшего участкового из Тольятти.

Представляется, что фактически данное ограничение, в отношении государственных служащих исходя из формально-юридического анализа рассмотренных норм, является всеобъемлющим, практически не допускающим возможности реализации права на информацию.

Исходя из практики Европейского суда по правам человека необходимо отметить, что ограничение государственных служащих в публичных высказываниях допустимо, однако они проявляя по отношению к государству (государственным органам и должностным лицам) лояльность и сдержанность имеют право на свободу выражения своего мнения [8].

Вместе с тем, общество может быть заинтересованно в получении информации по вопросам социально-экономического развития, совершенствования деятельности государственного аппарата, в целях борьбы с преступностью, коррупцией и т.п. И тогда интересы общества будут иметь приоритет

перед обязанностью государственного служащего не допускать публичные высказывания [9].

Кроме того, критерием оценки правомерности допущенного публичного высказывания выступает и достоверность сообщенной государственным служащим информации [10].

Также в одном из своих решений по подобным делам, Европейский суд устанавливает необходимость оценки возможного ущерба, который мог быть причинен интересам государства в следствии какого-либо публичного выражения своего мнения государственным служащим и сопоставление объема возможного ущерба с возможным положительным эффектом, который может быть достигнут после предания гласности соответствующей информации. Имеет значение и наличие у государственного служащего иных эффективных средств для исправления нарушения, о котором он намеревался сообщить [11].

Кроме того отметим, что содержащиеся в п. 5 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О службе в органах внутренних дел и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» запрет на публичные высказывания, суждения и оценки, в том числе в СМИ, в отношении государственных органов и должностных лиц, общественных объединений, организаций, социальных групп и отдельных граждан, носит почти тотальный характер, поскольку распространяется на любые высказывания, суждения и оценки, если только их выражение не входит в его служебные обязанности. Что всецело противоречит ст. 29 Конституции РФ и ст. 10 Европейской Конвенции прав и основных свобод человека 1950 г.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года и Протоколы к ней ратифицированы РФ, вступили в силу на ее территории и, следовательно, являются составной частью ее правовой системы [1, с. 144]. При этом РФ признала юрисдикцию Европейского суда и обязалась привести правоприменительную, в том числе судебную, практику в полное соответствие с обязательствами РФ, вытекающими из участия в Конвенции и Протоколах к ней. Обращая внимание на Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 21 от 27 июня 2013 года: правовые позиции Европейского Суда учитываются при приме-

нении законодательства РФ. В частности, содержание прав и свобод, предусмотренных законодательством РФ, должно определяться с учетом содержания аналогичных прав и свобод, раскрываемого Европейским Судом при применении Конвенции [12].

Таким образом, представляется целесообразным предложение о внесении поправок в ФЗ «О полиции» статья 29 часть 2 и в ФЗ «О государственной гражданской службе» статья 17 часть 1 пункт 10, п. 5 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О службе в органах внутренних дел и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в целях приведения данных норм в соответствие с нормами международного права. В данных поправках необходимо закрепить следующее положение: Государственным служащим запрещены публичные высказывание, суждения и оценки, в том числе в СМИ в отношении деятельности государственных органов, их руководителей, включая решения вышестоящего государственного органа в том числе если это касается нарушений, допущенных государственным органом или должностным лицом, кроме случаев когда отсутствует реальная возможность — внутри самой системы государственной власти — реагирования на эти нарушения, представленная информация аргументированная и основанная на реальных фактах (обстоятельствах). Публичное высказывание, суждение и оценка производится с учетом последствий обнародования соответствующей информации, и сопоставление его объема с возможным положительным эффектом, который может быть достигнут в результате предания гласности соответствующей информации.

Литература

1. *Хазов Е.Н., Бердников Н.В.* Международно-правовой механизм защиты прав человека в Европейском суде по правам человека Вестник Московского университета МВД России 2016 № 2. С. 144—148.
2. *Степкин Е.Ю.* Некоторые проблемы сотрудничества Российской Федерации с Европейским судом по правам человека Закон и право. 2015. № 11. С. 139—142.
3. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) Российская газета, № 67 от 05.04.1995 г.

4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) Собрание законодательства РФ, 08.01.2001, № 2, ст. 163.

5. Международный Пакт от 16.12.1966 «О гражданских и политических правах» Бюллетень Верховного Суда РФ» № 12 1994.

6. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Постановление Конституционного суда РФ от 30 июня 2011 г. № 14-п по делу о проверке конституционности положений пункта 10 части 1 статьи 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе российской федерации» и статьи 20.1 Закона Российской Федерации «О милиции» в связи с жалобами граждан Л.Н. Кондратьевой и А.Н. Мумолина // СЗ РФ. 2011. № 28. Ст. 4261.

8. Постановление Большой палаты Европейского Суда по правам человека от 26 сентября 1995 года по делу «Фогт (Vogt) против Германии», Постановления Европейского Суда по правам человека от 2 сентября 1998 года по делу «Ахмед (Ahmed) и другие против Соединенного Королевства» и от 14 марта 2002 года по делу

«Де Диего Нафриа (De Diego Nafria) против Испании».

9. Постановления Большой палаты Европейского Суда по правам человека от 21 января 1999 года по делу «Фрессоз (Fressoz) и Руар (Roir) против Франции» и от 8 июля 1999 года по делу «Шюрек (Surek) против Турции (№ 1)», Постановление Европейского Суда по правам человека от 19 декабря 2006 года по делу «Радио Твист, а.с. (Radio Twist, a.s.) против Словакии».

10. Постановление Европейского Суда по правам человека от 23 апреля 1992 года по делу «Кастелльс (Castells) против Испании».

11. Постановление Европейского Суда по правам человека от 16 декабря 1992 года по делу «Хаджианастасиу (Hadjianastassiou) против Греции», Постановления Большой палаты Европейского Суда по правам человека от 10 декабря 2007 года по делу «Штолль (Stoll) против Швейцарии» и от 12 февраля 2008 года по делу «Гужа (Guja) против Молдовы».

12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней». // СПС «КонсультантПлюс».

УДК 341

ББК 67.9

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В БОРЬБЕ С ФАРМАЦЕВТИЧЕСКИМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ КАК ОДНО ИЗ АКТУАЛЬНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНТЕРПОЛА

КРИСТИНА ИВАНОВНА ЗИМИНА,

адъюнкт 1-го года обучения Московского Университета МВД России имени В.Я. Кикотя

E-mail: ashiha.ouwen5@gmail.com

аучный руководитель: профессор кафедры прав человека и международного права

Московского Университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор И.И. Котляров

Научная специальность 12.00.10 — международное право; европейское право

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Современная криминогенная обстановка в мире свидетельствует о значительном росте фармацевтической преступности, что ставит под угрозу здоровье и жизнь большого количества людей по всему земному шару. В статье рассмотрены основные мероприятия Интерпола, направленные на борьбу с данным асоциальным явлением. Особое внимание уделяется проблеме незаконной торговли поддельными лекарственными препаратами с использованием сети Интернет.

Ключевые слова: фармацевтические преступления, Интерпол, фальсификация, лекарственные средства, незаконная торговля.

Abstract. The world criminal situation of today is indicative of a considerable increase of pharmaceutical crime which threatens health and lives of a great number of people around the world. In the article the author examines basic activities of INTERPOL in the sphere of combating this antisocial phenomenon. Particular attention is devoted to the problem of illicit selling of counterfeit medicines through the Internet.

Keywords: pharmaceutical crimes, INTERPOL, counterfeit, medicines, illicit trade.

Среди многочисленных угроз безопасности современного международного сообщества на сегодня все большую актуальность приобретает один из видов международной преступности – фармацевтические преступления. Такие преступления включают в себя производство, продажу и распространение поддельных, украденных или запрещенных лекарственных средств и медицинского оборудования, а также подделывание лекарственных препаратов, их упаковок и сопутствующей документации, кражу, контрабанду, мошенничество в сфере производства и оборота лекарственных средств, отмывание денежных средств, полученных путем совершения указанных деяний [3].

На наш взгляд, данные преступления представляют собой особую опасность, так как угрожают не только социальной и экономической безопасности государств, но и здоровью и даже жизни граждан по всему миру из-за употребления ими фальсифицированных, контрафактных, просроченных лекарственных средств.

По данным исследования Института фармацевтической безопасности за 2015 г. было совершено 3002 преступления в сфере фармацевтики, которыми было затронуто 128 государств, что свидетельствует о росте фармацевтической преступности на 38% по сравнению с предыдущим годом [2]. Все это обуславливает повышенную необходимость развития международного сотрудничества между государствами в борьбе с фармацевтической преступностью, совместном обеспечении качества лекарственной продукции и здоровья граждан. Эффективным механизмом в этой сфере твердо рекомендовал себя Интерпол, уже несколько лет занимающий активную позицию в данной сфере.

За последние годы под эгидой Международной организации уголовной полиции был произведен

ряд успешных операций, направленных на подрыв транснациональных преступных связей в сфере фармацевтики, как на национальном, так и на региональном уровне.

Операция «Пангея» была запущена 2008 г. и направлена на противодействие торговле незаконными лекарственными средствами через Интернет. Операция проводится ежегодно при взаимодействии правоохранительных и таможенных органов, а также органов здравоохранения государств-участников, число которых к 2016 г. превысило 100 государств. По результатам «Пангеи VIII», которая проводилась в июне 2015 года, были зарегистрированы и изъяты рекордные 20,7 млн. фальсифицированных и незаконных лекарственных препаратов стоимостью в 81 млн. долларов США; было произведено 156 арестов; 550 объектов рекламы незаконных лекарственных препаратов были ликвидированы из сети Интернет; более 2410 веб-сайтов были закрыты.

Операция «Мамба» направлена на противодействие деятельности организованных преступных групп, целью которых является сбыт контрафактной лекарственной продукции на территории Восточной Африки. Последний раз проводилась в июле-августе 2010 года, в результате чего было возбуждено не менее 120 уголовных дел, 78 из которых дошли до суда; было изъято около 200 000 таблеток.

Целью операции «Шторм» является борьба с поддельными лекарственными средствами на территории Юго-Восточной Азии. В результате проведения операции «Шторм VI» в сентябре 2015 г. было изъято более 2 тонн фальсифицированных препаратов общей стоимостью около 7 млн долларов США; 87 лиц были арестованы; проверено около 100 веб-сайтов.

Операция «Кобра» представляет собой межгосударственную операцию в Западной Африке и на

правлена на установление, расследование и подрыв преступных связей в регионе в области фальсификации лекарственных средств и их дальнейшей продажи. На сегодня «Кобра» была проведена единожды в сентябре-октябре 2011 г., по итогам чего было изъято 170 тонн поддельной продукции; закрыты точки незаконной продажи лекарственных средств; более 100 лиц были арестованы.

Операция «Гибояя» нацелена на противодействие фармацевтической преступности в Южной Африке. По итогам операции в августе 2015 г. было изъято более 150 тонн поддельных лекарственных средств общей стоимостью 3,5 млн долларов США; были закрыты 3 точки незаконного производства лекарственных средств; около 550 лиц были арестованы.

Операция «Дикобраз» имеет своей целью борьбу с фармацевтическими преступлениями на территории Западной Африки. Была проведена в мае-июне 2014 года, в результате чего было изъято более 196 тонн поддельных лекарственных средств общей стоимостью 24,5 млн долларов США; были арестованы 102 подозреваемого; произведено 982 обыска; закрыто 738 незаконных точек сбыта поддельной продукции [4].

Как видим, в рамках Интерпола проводится большая практическая работа по противодействию фармацевтической преступности и активизации взаимодействия государств в данной области.

Стоит отметить, что значительная часть фармацевтических преступлений совершается при помощи использования сети Интернет. Так, в ноябре 2014 г. при содействии Интерпола был закрыт крупнейший сетевой «черный рынок» лекарственных средств «Silk Road 2.0», где активно продавались лекарственные средства, отпускаемые только по рецепту врача, а также различные седативные средства и антидепрессанты. Сегодня его место занял «Evolution», где одними из наиболее рекламируемых наряду с каннабисом являются также лекарственные средства, отпускаемые только по рецепту врача [1].

Эффективное противостояние преступности такого уровня возможно лишь при должной подготовке национальных подразделений по борьбе с информационными преступлениями. С этой целью

в 2015 г. в Сингапуре был учрежден Глобальный центр инноваций Интерпола, где сотрудники получают необходимые знания о новых технологиях и тенденциях киберпреступности.

Таким образом, на сегодня на международной арене наблюдается активный рост и усложнение фармацевтической преступности. Особенно разрастается торговля фальсифицированными лекарственными средствами через Интернет, так как такие преступления наиболее сложно отследить и пресечь. Данная ситуация не может не вызывать озабоченность мирового сообщества, так как жертвами фармацевтических преступлений в основном становятся люди, и без того нуждающиеся в помощи — пациенты, больные. Под угрозой нередко ставится не только их здоровье, но и жизнь.

Активную роль в своевременном и успешном противодействии фармацевтической преступности играет Интерпол. Под предводительством данной Организации регулярно проводятся соответствующие операции и мероприятия, направленные на пресечение преступлений в сфере фармацевтики, в том числе в сети Интернет, а также на координацию и повышение эффективности сотрудничества полицейских служб и ведомств государств — участников в борьбе с этими общественно опасными деяниями.

Литература

1. Pharmaceutical Crime on the Darknet: A study of illicit online marketplaces. INTERPOL, 24 February 2015. 3,19 p. // URL: <https://www.gwern.net/docs/sr/2015-interpol-pharmaceuticals.pdf>.
2. Pharmaceutical Security Institute // Geographic Distribution. URL: <http://www.psi-inc.org/geographicdistributions.cfm>.
3. Официальный сайт Международной организации уголовной полиции (Интерпола) // Crime areas. Pharmaceutical crime. URL: <https://www.interpol.int/Crime-areas/Pharmaceutical-crime/Pharmaceutical-crime>
4. Официальный сайт Международной организации уголовной полиции (Интерпола) // Crime areas. Pharmaceutical crime. Operations. URL: <https://www.interpol.int/Crime-areas/Pharmaceutical-crime/Operations>

УДК 341
ББК 67.9

СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРАВОВЫЕ СТАНДАРТЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ И НЕОБХОДИМОСТЬ ИХ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ В РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ИВАНОВ,

*заместитель начальника кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент;*

E-mail: ida_2008_79@mail.ru

Научная специальность 12.00.10 — международное право; европейское право

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Анализируются положения ряда международных правовых актов, регламентирующих разрешение вопросов возмещения вреда лицам, ставшим жертвам преступных посягательств. В заключение автор обосновывает вывод о необходимости имплементации в отечественную правоприменительную практику положительного международного опыта в целях создания гарантий и оптимальных условий возмещения вреда, причиненного преступлением.

Ключевые слова: потерпевший, гражданский истец, восстановительное правосудие, уголовно-процессуальная реституция, возмещение вреда.

Abstract. In this article, the author examined the provisions of several international legal acts regulating questions of compensation of harm to persons who are victims of criminal attacks. In conclusion, the author substantiates the conclusion about the necessity of implementation in the domestic legal practice of positive international experience to create guarantees and optimal conditions of compensation of harm caused by the crime.

Keywords: victim, civil plaintiff, restorative justice, criminal procedure restitution, damages.

Возмещение вреда, лицам ставшим жертвами преступных деяний небезосновательно воздвигнуто мировой общественностью в ряд глобальных и серьезнейших общечеловеческих проблем. В связи с чем, вопросам возмещения вреда, причиненного преступлениями, в мировой правоприменительной практике всегда уделялось большое внимание.

Ежегодно мировое сообщество отмечает 22 февраля Международный день защиты жертв преступлений. В этот день в 1990 г. Правительство Великобритании приняло «Хартию жертв преступлений» [4], где детально описывались произошедшие изменения в законодательстве и судебной практике, касающиеся вопросов обеспечения безопасности и социальной помощи лицам, пострадавшим от преступных посягательств.

Целесообразно отметить, что разрешением вопросов возмещения вреда жертвам преступных деяний уделяется пристальное внимание и со стороны одного из самых влиятельных институтов политического и гражданского сообщества, как Организация Объединенных Наций. Исторический ракурс международных правовых норм в области соблюдения и защиты прав граждан и обеспечения возмещения вреда, причиненного противоправными деяниями логично начать с Всеобщей Декларации прав человека, принятой на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г. [1]. В связи с чем убедительны и обоснованны аргументы О.А. Зайцева о том, что в Декларации «воплощены те общечеловеческие ценности, которые необходимы для достойного раз-

вития каждого человека, обеспечения его прав и законных интересов. Они определяют ту планку, ниже которой государства, считающие себя цивилизованными, не могут опускаться» [7].

В свою очередь Е.М. Варпаховская отмечает, что «повышенное внимание к вопросам возмещения вреда лицам, потерпевшим от преступлений, начало уделяться с седьмого Конгресса ООН, состоявшегося в 1985 г. в Милане» [6]. По результатам Конгресса ООН Генеральной Ассамблеей 29 ноября 1985 г. были приняты такие важные для защиты прав жертв преступлений документы, как Миланский план действий и Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью [2]. Декларация позволила внедрить в юридическую терминологию понятие «жертва преступления», из содержания последней следует, что это лица, которым индивидуально или коллективно был причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб, эмоциональные страдания, материальный ущерб или существенное ущемление их основных прав в результате действия или бездействия, нарушающего действующие национальные уголовные законы государств-членов, включая законы, запрещающие преступное злоупотребление властью.

В целях восстановления прав жертв преступлений в пункте 4 Декларации закреплено положение, согласно которому лица, ставшие жертвами преступного деяния и претерпевшие вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб, эмоциональные страдания, имеют право на доступ к механизмам правосудия и скорейшую компенсацию нанесенного им ущерба в соответствии с национальным законодательством.

По мнению А.Н. Фоменко принятие Декларации имело принципиальное значение, так как «впервые страны-делегаты ООН сместили традиционный акцент с защиты прав нарушителя на приоритете защиты прав потерпевшего от преступления...» [14]. Добавим, что Декларация предстала перед мировым сообществом, как первый международный нормативный правовой акт, посвященный исключительно вопросам обеспечения прав и законных интересов лиц, ставших жертвами противоправных деяний, восстановления их нарушенного статуса и возмещения вреда.

Резонно здесь упомянуть и о положениях пункта 11 Рекомендации Комитета министров Совета Европы государствам-членам от 28 июня 1985 г. № R (83) 7 «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса», в которой указано: «законодательство должно предусматривать, что компенсация может быть или уголовным наказанием, или заменой его, или назначена в дополнение к нему» [3]. При этом, как сказано в пункте 13 «в случаях, когда суд имеет возможность учесть финансовые условия преступника при решении вопроса об отсроченном или условном наказании... или любой другой меры, большое внимание, среди прочих мер, следует уделять компенсации потерпевшему со стороны преступника» [3, с. 236].

На основе вышесказанного можно утверждать, что международные правовые стандарты возмещения вреда, причиненного преступлением, исходят прежде всего из здравых канонов синхронно выстроенной звеньев цепи: «преступник» – «жертва» – «вред» – «компенсация» – «наказание». Суть данной модели заключается в том, что лицо, виновное в совершении уголовно наказуемого деяния будет однозначно нести наказание, но суровость санкций зависит от компенсационных элементов, предпринятых виновным в счет возмещения вреда потерпевшему. Очевидна зрелость, стабильность и эффективность именно такого судопроизводства, в котором взаимно дополняют друг друга как черты карательного, так и восстановительного правосудия.

Указывая на особую роль международных правовых актов, регулирующих различные компенсационные алгоритмы восстановления прав жертв преступлений А.В. Суслин логично полагает: «на первое место выдвигают возмещение вреда потерпевшему, предлагая примерный набор нормативных механизмов и предполагают, что закрепление и конкретизация таких принципов и норм права должна осуществляться государствами..., исходя из рекомендуемых международно-правовых принципов и норм, а также с учетом особенностей национальной правовой системы и уровня экономического развития конкретной страны» [13].

Развивая данную мысль М.А. Митин утверждает, «что принятие мер по совершенствованию международно-правовой защиты права жертв уголовных преступлений на компенсации необходимо еще

и потому, что в настоящее время в разных странах действуют не просто разные, а порой весьма отличающиеся правила в соответствующей сфере. Можно условно разделить все страны на две группы: в первую — включить те страны, которые выплачивают за свой счет (или из средств специальных фондов, формируемых благодаря поступлениям от взимания штрафов с преступников) компенсации жертвам некоторых видов преступлений, а во вторую — те, которые продолжают абстрагироваться от выплат компенсаций [10].

Отсутствие фонда возмещения вреда, потерпевшим от преступлений в нашем государстве заставляет нас задуматься над аргументами, высказанными вышеуказанным автором. Заметим, что идею создания единого фонда, средства которого выделялись бы на возмещение вреда лицам, ставшим жертвами преступных посягательств в разное время предлагали как ученые [8], так и высокопоставленные руководители органов исполнительной власти [17].

Очевидно, что для создания вышеназванного фонда, который будет осуществлять компенсационные выплаты потерпевшим от преступлений, необходимы денежные ассигнования. По опыту зарубежных стран их можно осуществлять либо из средств федерального бюджета, что в свою очередь создает дополнительную нагрузку на имеющиеся статьи расходов, либо за счет различных отчислений непосредственно в сам фонд (суммы, полученные от реализации имущества на которое был наложен арест, штрафы, как вид наказания, наложенные по приговору суда и т.п.).

В качестве одного из источников финансирования подобного фонда М.Т. Аширбекова предлагает учредить очередной социальный налог, посредством сбора которого будут осуществляться выплаты лицам, потерпевшим от преступлений [5]. Данное новшество видится нам весьма спорным не только с сугубо экономической точки зрения, но прежде всего в силу его ярко выраженного социально-правового аспекта. Законопослушные граждане вряд ли воспримут данную новеллу законодателя с положительными отзывами, так как общественное мнение в настоящее время склоняется в большей степени к тому, что бремя ответственности за совершенные деяния и возмещение вреда должно полностью возлагаться непосредственно на виновных лиц.

В целях создания дополнительного источника финансирования и эффективной деятельности фонда помощи жертвам преступлений Г.И. Чечель предлагает кардинальные меры, связанные с внесением изменения в Конституцию РФ. В частности, «чтобы создать национальный фонд помощи жертвам преступлений не за счет налогоплательщиков, а за счет лиц, совершивших преступления, необходимо закрепить в Конституции РФ принудительный труд в отношении лиц, совершивших преступления...» [16]. Отметим, что несмотря на глобальность и масштабность предлагаемых автором инноваций, они, по нашему мнению, положительно сказались бы в продвижении правовой концепции, направленной на создание и действенное функционирование указанного фонда.

Прежде чем подвести промежуточный итог по рассматриваемому вопросу, отметим позицию Р.Г. Хасаншиной, которая анализируя содержание международных правовых актов в контексте разработки стандартов возмещения вреда жертвам преступлений, пришла к выводу о том, что «универсальные международно-правовые акты закрепили следующие основополагающие положения в вопросах обеспечительных и восстановительных процедур защиты прав потерпевших: 1) государство защищает права жертв преступлений, обеспечивает им доступ к правосудию и скорейшую компенсацию; 2) получение статуса жертвы преступления вне зависимости от установления правонарушителя» [15].

Развивая вышеуказанную позицию, опираясь на международные правовые стандарты возмещения вреда, причиненного преступлением, видится обоснованным и логичным сделать ряд выводов и предложений, направленных на совершенствование отечественной практики возмещения вреда, лицам, ставшим жертвами преступлений.

На основе углубленного изучения международных норм и процессуальных механизмов возмещения вреда, причиненного преступными деяниями, автором обоснован и доказан вывод о необходимости разработки и принятия изменений в УПК РФ правовых положений, регулирующих деятельность компетентных участников уголовного судопроизводства по обеспечению возмещению вреда, причиненного преступлением в ходе производства предва-

рительного расследования. Посредством внесения изменений и дополнений предстоит систематизировать и привести к единому знаменателю деятельность должностных лиц, в производстве которых находятся уголовные дела, в целях создания оптимальных условий для эквивалентного и реального возмещения вреда, причиненного преступлением, имплементируя при этом международные правовые стандарты в отечественное законодательство.

При внесении изменений и дополнений в действующее уголовно-процессуальное законодательство необходимо учитывать одно из важнейших условий обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлениями, которое задекларировано уголовно-процессуальными законами большинства развитых государств — сокращение временного интервала между фактом причинения вреда уголовно наказуемым деянием и реальным его возмещением посредством синхронно выстроенной модели компенсационных механизмов и правовых гарантий.

Литература

1. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. № 67. 1995.
2. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью (утверждена резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/34 от 29 ноября 1985 г.). // Текст Декларации опубликован в журнале «Советская юстиция». 1992. № 9—10.
3. Рекомендация Комитета министров Совета Европы государствам-членам от 28 июня 1985 г. № R (83) 7 «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса» // Сборник документов. М.: Издательство «Юридическая литература». 2004.
4. Хартия жертв преступлений (Victim's Charter: Statement of the Rights of Victims of Crime) принята Правительством Великобритании 22 февраля 1990 г.
5. Аширбекова М.Т. Уголовно-правовые средства обеспечения интересов потерпевшего в ходе производства по уголовному делу // Северо-кавказский юридический вестник. 2013. № 2. С. 71—76.
6. Варнаховская Е.М. Вопросы правового регулирования возмещения вреда жертвам преступле-

ний в международно-правовых стандартах и законодательстве отдельных государств // Сибирский юридический Вестник. 2012. № 3 (58). С. 91—95.

7. Зайцев О.А. Теоретические и правовые основы государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 1999. 446 с.
8. Зверева Ю.Н. Доказывание характера и размера вреда, причиненного преступлением: Дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2015. 204 с.
9. Клещина Е.Н. Криминологическое учение о жертве преступления и проблемы его реализации в законодательстве и деятельности органов внутренних дел: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2010. 446 с.
10. Митин М.А. Международно-правовое регулирование компенсаций жертвам уголовных преступлений: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2012. 217 с.
11. Сенин Н.Н. Возмещение вреда, причиненного преступлением, в уголовном процессе: Дис. ... канд. юрид. наук. Томск. 2004. 221 с.
12. Синенко С.А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2014. 418 с.
13. Суслин А.В. Уголовно-правовые средства обеспечения возмещения вреда потерпевшим: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: Екатеринбург. 2005. 24 с.
14. Фоменко А.Н. К вопросу о правовом положении жертвы преступления в международно-правовых актах // Бизнес в законе. 2012. № 5. С. 36—40.
15. Хасанишина Р.Г. Сущность и значение возмещения вреда потерпевшему при принятии процессуальных решений по уголовным делам: Дис. ... канд. юрид. наук. Казань. 2014. 215 с.
16. Чечель Г.И. Предупреждение преступлений — основа защиты интересов общества // Общество и право. 2013. № 3 (45). С. 176—180.
17. Бастрыкин А.И. В думам о потерпевших и угрозе бунта // Выступление Председателя Следственного Комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкина на радио Эхо Москвы от 22 апреля 2013 г. URL: <http://echo.msk.ru/blog/shlykovvladimir/1058741-echo/>

УДК 341
ББК 67.9

ПРЕДЕЛЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ РЕШЕНИЙ ЕСПЧ И ФЕНОМЕН ДИФфуЗИИ ЕВРОПЕЙСКОГО (МЕЖДУНАРОДНОГО) ПРАВА

ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ КАЛИНСКИЙ,

соискатель Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ЧЕРВОНЮК,

профессор кафедры конституционного и муниципального права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

доктор юридических наук

E-mail: v/chervonyuk@yandex.ru

Научная специальность 12.00.10 — международное право; европейское право

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Пределы дискреции национальных органов власти в вопросах имплементации решений ЕСПЧ предопределены как природой государственного суверенитета, так и законодательно признанными международными обязательствами государства. Обоснованная Конституционным судом ФРГ концепция «ограниченной правовой силы постановлений Европейского Суда по правам человека», воспринятая практикой конституционных судов Италии и Испании, Конституционного совета Франции и Верховного суда Великобритании, остро заявившая о себе в последние годы в ряде стран Европы проблема сохранения национальной идентичности и традиционных ценностей, обусловившие возникновение в них феномена блокирующего внутригосударственного консенсуса, выступают достаточным фактическим основанием для признания за национальными государствами права на опровержение тех решений ЕСПЧ, которые создают риски для упряднения конституционно закрепленных в стране порядков и основ конституционного строя.

Презюмируется, что имплементация не исчерпывает всех форм влияния судебных решений ЕСПЧ на национального законодателя; существуют и иные формы экспансии европейского прецедентного права во внутригосударственное, под влиянием которой неизбежны трансформации национальных правовых систем. Это объективное, институционально не оформленное стихийное (неуправляемое) влияние, создаваемое практикой ЕСПЧ права на правовые системы государств европейского ареала. Этот способ заимствования «чужого» (иностранный, европейский, международный) права национальными системами права в западной юридической лексике сравнительно недавно получил название диффузии права. Посредством диффузии прецедентного права Европейского Суда внутригосударственное право постоянно обогащается новыми понятиями, принципами, юридическими конструкциями, инновационными формами защиты прав и основных свобод личности. С диффузией прецедентного права непосредственно связано стремительное развитие гуманитарного права — мегаобщности права, одновременно характеризующейся как внутригосударственным, так и трансграничным действием.

Ключевые слова: принцип наднациональности европейского (международного) права, модели взаимодействия международного (европейского) и внутригосударственного права, концепция «ограниченной правовой силы постановлений Европейского Суда», право государства на опровержение решений ЕСПЧ, динамическое толкование Конвенции Европейским Судом, пределы дискреции национальных органов власти в вопросах применения европейского (международного) права, общеевропейский консенсус, блокирующий внутригосударственный консенсус, диффузия права как проявление аккумуляции в праве, экспорт европейского права в национальные правовые системы, институционально определенные формы экспансии европейского права, рецепция и унификация права, гармонизация российского и конвенционного права, способы диффузии европейского права во внутригосударственное право

Abstract. The limits of discretion of national authorities in implementation of the ECHR decisions not only predefined by the nature of state sovereignty but also legally recognized the state's international obligations. Justified by Constitutional court of

Germany the concept of «limited legal force of judgments of the European Court of human rights», interpreted by the jurisprudence of the constitutional courts of Italy and Spain and French constitutional Council and the Supreme court of the UK, urgently declared itself in recent years in several countries of Europe, the problem of preservation of national identity and traditional values that led to the emergence of the phenomenon of blocking domestic consensus performing a sufficient factual basis for the recognition of national states the right to refute the decisions of the ECHR, which create risks for the abolition of the constitutional order in the country and basic constitutional order.

It is presumed that the implementation does not cover all forms of impact of judicial decisions of the ECHR on national legislation; there are other forms of expansion of European case law in the domestic, under the influence of which the transformation of national legal systems is inevitable. It is an objective, institutionally unformed natural (uncontrolled) influence generated by the practice of the ECHR rights on the legal systems of the member States of the European range. This way of borrowing of “foreign” (foreign, European, international) law by national systems of law in Western legal lexicon relatively recently has received the name of diffusion of law. By means of diffusion of the case law of the European Court the domestic law is constantly enriched with new concepts, principles, legal structures, innovative forms of protection of human rights and fundamental freedoms. The diffusion of case law directly related to the rapid development of humanitarian law — the law megabest, simultaneously characterized by both domestic and cross-border action.

Keywords: the principle of supranationality of European (international) law; models of interaction between international (european) and domestic law; the concept of limited legal force of judgements of the Court of Justice of the European Union; the right of a state to refute the decisions of the ECHR; the dynamic interpretation of the European convention on Human Rights by the Curt of Justice of the European Union; the limits of discretion of national authorities in the application of European (international) law; European consensus; blocking domestic consensus; diffusion of law as a manifestation of acculturation in the rights; the export of European law in the national legal system; institutionally defined forms of expansion of European law; reception and unification of the law; harmonization of Russian and Convention rights; way

Исследуя факторы имплементации решений ЕСПЧ национальными правовыми системами, теория исполнения международного (европейского) права обобщенно указывает на две проблемы, существующие в данной области. Первая из них связана с тем, что национальные власти не выполняют требования ЕСПЧ относительно осуществления государственно-правовых реформ в силу нескольких причин: неосознания проблемы национальными властями; недостаточности ресурсов и значительного масштаба требуемых конституционных изменений; социальной инерции внутри самого общества, а равно вследствие причин внутривластного свойства; в такой ситуации государство предпочитает исполнить требование о компенсации обратившемуся в ЕСПЧ заявителю, но не предпринимая при этом каких-либо реформ правовой системы. Более основательной является все же вторая проблема реализуемости решений ЕСПЧ заключающаяся в том, что государство не исполняет решения Европейского Суда, ссылаясь на фундаментальные ценности своей правовой системы [1].

Такой взгляд на проблему, лишь в определенной мере отражающий действительное положение дел, грешит односторонностью. Задолго до принятия Конституционным Судом РФ постановлений от 6 декабря 2013 г. № 27-П, от 14 июля 2015 г. № 21-П, от 19 апреля 2016 г. № 12-П, определивших его несогласие с решениями ЕСПЧ, конституционные и высшие суды ряда европейских стран заняли весьма жесткую позицию в отношении тех решений ЕСПЧ, которые непосредственно затрагивали основы национального правопорядка этих стран. Таким образом, в новейших условиях теория исполнения международного (европейского) права, являющаяся частью более общей проблемы — проблемы взаимодействия международного (европейского) и внутривластного права, дополняется еще одним аспектом, связанным с обоснованием пределов решений международных судов.

1. Пределы решений наднациональных органов и характер их (решений) трансформации национальными правовыми системами обусловлены государственным суверенитетом, выступающим в то же время доминантой для избрания в соответствии

с этим постулатом модели взаимодействия между-народного (европейского) и внутригосударственной правовой систем. Классическим представлением о государственном суверенитете соответствовал бы и вывод отечественного мэтра международного права о том, что в силу своих суверенных прав государство осуществляет международные обязательства с учетом национального правопорядка и «способами, удобными прежде всего для данного государства» [2, с. 10]. Тем не менее, то обстоятельство, что суверенитет государства в международном праве есть отражение его (государства) самостоятельности, независимости как участника межгосударственных отношений, а также верховенства его власти в пределах соответствующей территории [3, с. 23], предопределяет широкую дискрецию национальных органов власти, а значит, свидетельствует о легитимности права государства самостоятельно определить необходимые для исполнения конвенционных норм, включая решения ЕСПЧ по их применению и толкованию, правовые средства. В свое время эту особенность имплементации судебных решений международного суда точно определил ЕСПЧ, отметив, что «национальные власти, получая сведения о потребностях общества непосредственно от населения, в большей степени, чем международный суд, способны оценить, что составляет «общественный интерес» [4].

Вместе с тем, все более углубляющаяся интеграция государственных и правовых систем, не отменяя фактора государственного суверенитета, в то же время должна учитывать и те обременения, которые суверенное государство добровольно воспринимает на себя вследствие такой интеграции. В этой связи утверждение о том, что «определение способов выполнения международных обязательств относится к проявлению государственного суверенитета и входит во внутреннюю компетенцию государства...», по признанию самих же цитируемых авторов, оказывается справедливым лишь при одном условии, а именно «...если только государство не обязалось придерживаться каких-либо определенных способов исполнения данной международной нормы, скажем, издать законы, предписывающие их исполнение» [5].

В свете отмеченного резонными являются, по меньшей мере, следующие вопросы: указывает ли

факт ратификации государством-членом Совета Европы Конвенции о защите прав человека и основных свобод то обстоятельство, что решения ЕСПЧ по применению и толкованию конвенционных норм являются всегда непрекаемыми, подлежащими безусловному исполнению национальными властями государства — члена Совета Европы; устраняет ли факт ратификации право государства на опровержение тех решений, исполнение которых создают явную или потенциальную угрозу конституционному правопорядку, декретированным Основным законом страны основам конституционного строя. Понятно, что эти вопросы для целого ряда государств Европы отнюдь не риторические и представляют далеко не теоретическую, отвлеченную от конституционной реальности, актуальность.

2. Если национальные государства европейского ареала при определении пределов действия конвенционных норм руководствуются государственным суверенитетом, то у ЕСПЧ есть не меньше оснований, чтобы при принятии решений, связанных с их (нормами) применением, ссылаться на т.н. общеевропейский консенсус. Примечательно, что Европейский Суд неоднократно подчеркивал, что его правовые позиции всегда отражают существующий среди государств — членов Совета Европы консенсус (постановления от 13 ноября 2007 г. по делу «D.H. и другие против Чехии», от 1 октября 2009 г. по делу «Кимля и другие против России», от 10 марта 2011 г. по делу «Киютин против России» и др.) и что европейский консенсус признается существующим, если установлено общее согласие большинства государств — участников Конвенции или по крайней мере относительное единообразие подходов к той или иной сфере правоприменения (постановления от 22 октября 1981 г. по делу «Даджен (Dudgeon) против Соединенного Королевства», от 26 мая 2011 г. по делу «R.R. против Польши», от 22 марта 2012 г. по делу «Константин Маркин против России» и др.).

Современная международно-правовая доктрина определяет понятие общеевропейского консенсуса как «подлежащую обнаружению тенденцию или общность подходов к регулированию рассматриваемого вопроса, по крайней мере, в некоторых государствах — членах Совета Европы [6]. После того, как установлен европейский консенсус, он

обычно используется для того, чтобы определить, предоставляет ли Конвенция защиту в тех случаях, когда соответствующие гарантии прямо не указаны в самой Конвенции. В случае существования общеевропейского консенсуса, под который оспариваемые правовые предписания государства-ответчика не подпадают, и разумное оправдание такому положению дел отсутствует, ЕСПЧ по установившемуся обыкновению устанавливает нарушение Конвенции (как это, к примеру, имело место в деле «Республиканская партия России против России»).

Отмеченное указывает на то, что общеевропейский консенсус является тем фактором, наличие которого придает принимаемому ЕСПЧ решению легитимный характер; напротив, отсутствие консенсуса, на который ссылается Суд при рассмотрении конкретного дела, одновременно означает, что принятое им решение имплицитно может входить в противоречие с теми фундаментальными ценностями, которые составляют основу национального правопорядка, вследствие чего такое решение свойством легитимного не может обладать, а значит, его исполнение государство-ответчик с высокой долей вероятности поставит под сомнение. Отмеченная ситуация имела место по делу «Анчугов и Гладков против России»; сделанная в постановлении по данному делу ЕСПЧ ссылка на якобы существующий европейский консенсус относительно возможности участия осужденных к лишению свободы опровергается сравнительными данными. Оценка состояния правового регулирования выборов в 43 государствах — участниках Конвенции дала основание Конституционному Суду РФ в постановлении от 19 апреля 2016 г. № 12-П сделать вывод о том, что по вопросу об ограничении избирательных прав осужденных (заключенных) «такой консенсус отсутствует»; подобное согласие, как показывают приведенные данные, не достигнуто, поскольку в значительном числе государств осужденные (заключенные) либо полностью лишены избирательных прав, либо тем или иным образом ограничены в активном избирательном праве (праве голоса) [7].

3. Пределы имплементации решений ЕСПЧ обусловлены в том числе специально-юридическими факторами — необходимостью разрешения дел в строгом соответствии с установленными конвенционными нормами процедурным порядком. Соглас-

но ст. 34 («Индивидуальные жалобы») Конвенции о защите прав человека и основных свобод ЕСПЧ может принимать жалобы от любого физического лица, любой неправительственной организации или любой группы частных лиц, которые утверждают, что явились жертвами нарушения государством-ответчиком их прав, признанных в Конвенции или в Протоколах к ней. Соответственно при рассмотрении дела задача ЕСПЧ заключается не в контроле *in abstracto* совместимости с ЕКПЧ оспариваемого закона статьи 32 (часть 3) Конституции Российской Федерации, а в определении *in concreto* последствий его применения для прав заявителей, гарантированных статьей 3 Протокола № 1 к Конвенции (пункт 52).

Следование этому требованию исключает принятие ЕСПЧ решения по мотивам целесообразности в противоречии с конвенционным правом и природой суда. В упомянутом же деле «Анчугов и Гладков против России» Конституционный Суд поставил под сомнение юридическую корректность ЕСПЧ в применении ст. 34 ЕКПЧ.

4. При определении пределов имплементации решений ЕСПЧ национальные государства исходят из конвенционно признанного принципа субсидиарности. Решения ЕСПЧ, с этой точки зрения, должны усиливать меры национальных властей по обеспечению конституционно декретированных и защищаемых Конвенцией 1950 г. прав и свобод. Соответственно данному принципу должны выстраиваться взаимоотношения между ЕСПЧ и национальными судами. Как подчеркивает Конституционный Суд РФ в постановлении по делу «Анчугов и Гладков против России», взаимодействие европейского конвенционного и российского конституционного правопорядков невозможно в условиях субординации, поскольку только диалог между различными правовыми системами является основой их надлежащего равновесия, и от уважения Европейским Судом по правам человека национальной конституционной идентичности во многом зависит эффективность норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод в российском правопорядке [8, с. 2480].

Изучение практики ЕСПЧ по ряду рассмотренных им дел, по которым ответчиком являлась не только Российская Федерация, но и иные европейские государства, обращает внимание на то обстоятель-

ство, что в своей деятельности Суд сохраняет приверженность в том числе принципу наднациональности. Доктрина характеризует наднациональность в контексте деятельности международного суда как «принцип международного права», «верховенство правовой системы регионального сообщества или международного права над правовой системой государства» [9, с. 112]. Очевидно, что трансплантация данного принципа в практику деятельности ЕСПЧ при определенных условиях (к примеру, придании рассматриваемому делу политического значения) может существенно ослабить действие принципа субсидиарности; в этом случае за правом регионального сообщества однозначно признается приоритет; соответственно решение Суда, принятое в контексте данного принципа, и по тональности, и по содержанию неявно будет претендовать на более высокий юридический вес, преследуя тем самым цель возвыситься над национальным правовым порядком. По мнению Конституционного Суда РФ, сформулированному в постановлении от 19 апреля 2016 г. № 12-П, «наличие в ЕСПЧ проблем, связанных с отступлением от принципа субсидиарности, создает риск возникновения ситуаций, при которых ориентация на достаточно абстрактные нормы ЕКПЧ может привести к игнорированию воли конституционного законодателя в межгосударственной правовой конструкции, не предполагающей передачи ей такого элемента государственного суверенитета. Не будучи соотношенным с принципами права государства, образующими основы конституционного правового порядка, решения ЕСПЧ блокируют действие национального права до такой степени, что даже имеют приоритет над национальными конституциями.

Понятно, что попытки ЕСПЧ возвыситься над внутригосударственным правом, включая и положения основного закона страны, наталкиваются на сопротивление национальных властей, вызывают в государствах «старой» Европы обоснованное правовое раздражение.

Первым среди высших национальных судов в вопросе о пределах действия решений ЕСПЧ свою позицию сформулировал Конституционный суд ФРГ, который сделала вывод о том, что «государство вправе не учитывать решение Европейского Суда в случаях и в частях, противоречащих конституционным ценностям, защищаемым Основным за-

коном Германии». Основываясь на данном выводе Конституционный Суд обосновывает и формулирует правовую позицию «об ограниченной правовой силе постановлений Европейского суда».

Вслед за решением Конституционного Суда ФРГ и практикой Конституционного суда Итальянской Республики выработаны положения, согласно которым соблюдение международных обязательств не может являться причиной снижения предусмотренного внутренним правовым порядком уровня защиты прав и должно представлять собой действенный инструмент расширения этой защиты; отсюда, как следовало из позиции Конституционного суда, противоречие между конституционной и конвенционной защитой должно разрешаться в направлении максимального расширения гарантий и при условии обеспечения надлежащего соотношения с иными интересами, защищаемых конституцией. Учрежденный сравнительно недавно (в соответствии с установками Статута 2005 г. «О конституционной реформе») Верховный суд Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии еще более радикален в этом вопросе; по его мнению, выводы и толкование ЕКПЧ, сформулированные прецедентной практикой Суда, в принципе не воспринимаются как подлежащие безусловному применению британской правовой системой; по общему правилу они лишь «принимаются во внимание». Британские юристы указывают на необходимость уважения роли национальных судов как принципа деятельности европейских судов, имея при этом в виду понимание европейским органом правосудия роли национальных судов, восприятие национальных традиций, особенностей правовых систем и конституционных последствий решений для национальных учреждений; в этих целях предлагается установить право опровержения, заключающегося в возможности усомниться в соблюдении ЕСПЧ принципа ясности, последовательности, в правильности интерпретации национального законодательства или воздействия своих решений на правовую систему государства [10].

5. Позиция Российской Федерации в вопросе о пределах исполнения решений ЕСПЧ представлена Конституционным Судом в трех постановлениях: от 6 декабря 2013 года № 27-П, от 14 июля 2015 г. № 21-П, от 19 апреля 2016 г. № 12-П. В частности,

из приведенной правовой позиции, изложенной в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П, следует, что Конституционный Суд РФ как последняя инстанция по разрешению в рамках действующего конституционного регулирования вопроса о возможности исполнения постановлений Европейского Суда по правам человека как межгосударственного органа по защите прав и свобод человека должен в соответствии с международными обязательствами России находить при осуществлении данного полномочия разумный баланс, с тем чтобы принятое им решение, с одной стороны, отвечало бы букве и духу постановления Европейского Суда по правам человека, а с другой — не вступало бы в противоречие с основами конституционного строя Российской Федерации и установленным Конституцией Российской Федерации правовым регулированием прав и свобод человека и гражданина.

Главный вывод, который вытекает из постановления от 19.04.2016 г. № 21-П состоит в том, что «гармонизация российского права с конвенционным допустима лишь постольку, поскольку она не порождает противоречий с Конституцией РФ». По мнению Конституционного Суда РФ, реализация предусматриваемых постановлением Европейского Суда по правам человека мер — как индивидуального (*individual*), так и общего (*general*) характера — должна осуществляться в соответствии со статьей 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации также на началах признания такого постановления составной частью российской правовой системы. Как известно, конструкция части 1 и 4 ст. 15 Основного закона формально-юридически не оставляет сомнения в безусловном приоритете Конституции над международным (европейским) правом. Конвенция 1950 г. и Протоколы к ней в этой связи воспринимаются российской конституционной практикой в значении федерального закона

Несомненно, при оценке пределов имплементации решений ЕСПЧ конституционно-правовое значение приобретают правовые позиции Конституционного Суда РФ, в которых сформулированы выводы о невозможности имплементации решений ЕСПЧ в случаях: отступления от принципа subsidiarity; неадекватного действительному смыслу толкования Европейским Судом ЕСПЧ; толкование

нормы международного договора нарушает конституционные положения, выходит за пределы, очерченные требованиями логики юридического толкования, и др.

Таким образом, обоснованная Конституционным судом ФРГ концепция «ограниченной правовой силы постановлений Европейского Суда по правам человека», воспринятая практикой конституционных судов Австрии, Италии, Испании, Швейцарии, Конституционного совета Франции и Верховного суда Великобритании, остро заявившая о себе в последние годы в ряде стран Европы проблема сохранения национальной идентичности и традиционных ценностей, обусловившие возникновение в них феномена блокирующего внутригосударственного консенсуса, выступают достаточным фактическим основанием для признания за национальными государствами права на опровержение тех решений ЕСПЧ, которые создают риски для упразднения конституционно закрепленных в стране порядков и основ конституционного строя. В этой же связи Конституционный Суд РФ в постановлении от 19.04.2016 г. № 21-П отмечает, что если в порядке исключения он считает необходимым воспользоваться правом на возражение, то лишь для внесения своего вклада в кристаллизацию развивающейся в сфере защиты избирательных прав практики Европейского Суда по правам человека, решения которого призваны отражать консенсус, сложившийся среди государств — участников Конвенции.

Вместе с тем Конституционный Суд РФ констатирует «свою готовность к поиску правомерного компромисса ради поддержания этой системы, оставляя за собой определение степени своей готовности к нему, поскольку границы компромисса (следовательно, пределов имплементации решений ЕСПЧ) в данном вопросе очерчивает именно Конституция Российской Федерации». Очевидно, что и конструкция взаимодействия ЕСПЧ с национальными судами должна быть переформатирована в сторону ее большей лабильности, и в этой связи развития и внедрения в практику деятельности Суда инновационных форм и механизмов принятия решений из арсенала «мягкого» права; т.н. общие меры (предполагающие изменение национального законодательства), касающиеся особенно острых

проблем трансформации национальных правовых систем, осуществления конституционных реформ не могут не учитывать технологии и методов инкрементализма.

Имплементация решений ЕСПЧ в контексте феномена диффузии права. Имплементация не исчерпывает всех форм влияния судебных решений ЕСПЧ на национального законодателя; она предполагает институционально определенные каналы экспансии европейских стандартов в законодательную практику страны. К тому же, как уже выяснилось, существуют вполне обозначившиеся пределы имплементации решений Европейского Суда. Исследование проблемы показывает, что существуют и иные формы внедрения европейского права в правовую ткань, под влиянием которых неизбежны трансформации национальных правовых систем: это институционально не оформленное стихийное (неуправляемое) влияние нормативных обобщений, принципов и норм, а равно новых или уточненных правовых понятий, сформировавшихся в практике ЕСПЧ и объективно влияющих на формирование права государств европейского ареала. Это взаимодействие настолько важно, что западной юридической лексике выработано понятие диффузии права, охватывающее всевозможные формы такого влияния.

Феномен диффузии распространен в различных областях жизни. В западной экономической литературе речь идет о диффузии собственности [11], диффузии ICT; в сравнительной политологии исследуется проблема этнической диффузии [12]. Собственно же о диффузии прав стали говорить в связи с проблемой аккультурации в праве, одной из форм проявления которой как раз и выступает диффузия права [13]. Соответственно термин «диффузия права (diffusion of law)» в зарубежной юридической литературе используется наряду с термином «правовая трансплантация» в качестве синонима данного термина либо в более узком смысле — как заимствование только правовых норм [14].

Действительно, связь аккультурации и диффузии права в новейших условиях очевидна: процессы модернизации являются неотъемлемым элементом универсальной тенденции глобального развития (не глобализации), в рамках которого происходят

взаимное переплетение, диффузия внутригосударственных и международных норм и институтов [15]; диффузия права выступает важнейшей формой унификации права. В этой же связи конвенционные нормы, связанные с их применением и толкованием международными судами решения, их правовой смысл («дух») проникают в национальную правовую ткань, в правовую ментальность и правовую культуру помимо имплементации — институциональной формы исполнения международного (европейского) права. Что очень важно, в отличие от этих институциональных форм (приведение в действие которых сталкивается с определенными проблемами), воздействие международного (европейского) права (равно как и права иностранного) в контексте диффузии не ограничено какими-либо пределами и при этом достигает тех же целей — обеспечение гармоничного взаимодействия международной (европейской) и внутригосударственной правовых систем. При этом влияние на категориальный строй юриспруденции и национальное право в целом диффузии права возможно по различным каналам: через юридическую науку; профессиональное (и даже массовое) правосознание, а посредством этого на законодательную политику и законодательную деятельность национальных легислатур, правоприменительную, в особенности юрисдикционную, практику.

Таким образом, доктрина «правовых трансплантатов» как особой формы рецепции иностранного права, развившаяся в теорию диффузии права, доказывает объективно существующую связь взаимопроникновения различных правовых систем [16]. Данное обстоятельство нельзя не учитывать в теории и практике имплементации решений международных судов.

Литература

1. *Старженецкий В.* Международные суды и трансформация национальных правовых систем Международное правосудие. 2013. № 3 (7). С. 64—77.
2. *Тункин Г.И.* Основы современного международного права. М., 1956.
3. *Черниченко О.С.* Международно-правовые аспекты юрисдикции государств: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

4. Решения Европейского суда по правам человека в национальной правоприменительной практике // Российская юстиция. 2007. № 9.

5. Курс международного права. Т. 1. М., 1967.

6. *Dzehtsiarou K.* Does Consensus Matter? Legitimacy of European Consensus in the Case Law of the European Court Human Rights Public Law. 2011. P. 541—548; *Hetjer L.* Consensus Coherence and the European Conferention on Human Rights Comell International Law Journal. 1993. Vol. 23. P. 133.

7. СЗ РФ. 2016. № 17. Ст. 2480.

8. СЗ РФ. 2016. № 17. Ст. 2480.

9. *Курбанов Р.А.* Евразийское право. Теоретические основы: монография / Р.А. Курбанов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. С. 112.

10. *Rt. Hon Lady. Justice Arden DB.* Peaceful or Problematic? The Relationship between National Supreme Courts and Supranational Courts in Europe Yearbook of European Law. 2010. № 29 (1).

11. Управление государственной и муниципальной собственностью: право, экономика, недвижимость и природопользование: Монография / под

ред. С.Е. Прокофьева, О.В. Паниной, С.Г. Еремина. Юстицинформ, 2014.

12. *Понаморенко В.Е., Четвериков А.О., Карпов Л.К.* Банковская интеграция в ЕС и ЕЭП: возможности правовой трансплантации / отв. ред. С.Ю. Кашкин. М.: Юстицинформ, 2014.

13. *Малиновский В.А.* Конституционно-правовые и институциональные основы межнационального согласия в Республике Казахстан Конституционное и муниципальное право. 2015. № 6.

14. *Червонюк В.И.* Государство, право глобализация Государство и право. 2003. № 8. С. 94—97.

15. *Бондарь Н.С.* Российское конституционное право в ценностном измерении: как правовой отрасли, юридической науки, учебной дисциплины Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11.

16. *Уруджу И.* Восприятие распространенного: четыре круга распространенного, воспринятого в правовой системе Турции Журнал зарубежного и сравнительного правоведения. 2014. № 1. С. 16—29.

УДК 341

ББК 67.9

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРАВОВАЯ ОСНОВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ С ПРИМЕНЕНИЕМ НАСИЛИЯ ИЛИ С УГРОЗОЙ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ

АНДРЕЙ БОРИСОВИЧ КИРЮХИН,

начальник кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

E-mail: kab010106@mail.ru

Научная специальность 12.00.10 — международное право; европейское право

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Дается характеристика международным правовым актам, направленным на противодействия преступлениям, совершаемым с применением насилия или с угрозой его применения.

Ключевые слова: международный правовой акт, противодействие насилию, терроризму, сепаратизму, экстремизму.

Abstract. The characteristic of international legal acts aimed at countering crimes committed with the use of violence or with the threat of its use is given.

Keywords: international legal act, counteraction to violence, terrorism, separatism, extremism.

Рассмотрение вопросов становления и применения уголовного законодательства об ответственности за преступления, совершаемые с применением насилия или с угрозой его применения, а также разработка предложений по совершенствованию уголовного законодательства и правоприменительной деятельности ставит перед нами задачу исследовать международные правовые основы, являющиеся фундаментом для развития национальных систем права в части противодействия насильственным деяниям.

Согласимся с мнением, что «...внутригосударственное право и международное право — две различные системы права, действующие в своих соответствующих областях, и что между ними нет юридического соподчинения. Вместе с тем материальное единство мира, в конечном счете, делает необходимым взаимодействие этих двух правовых систем» [1, с. 18].

Российская Федерация принимает активное участие в большом числе международно-правовых норм, направленных на борьбу с преступлениями, совершаемыми с применением насилия или с угрозой его применения. К таким документам, прежде всего, следует отнести: Конвенцию о предупреждении преступления геноцида и наказания за него (1948); Конвенцию о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами (1949); Конвенцию о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (1970); Конвенцию о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (1971); Международную конвенцию о пресечении преступления апартеида и наказания за него (1973); Международную конвенцию о борьбе с захватом заложников (1979); Конвенцию о физической защите ядерного материала (1980); Конвенцию против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих человеческое достоинство видов обращения и наказания (1984); Конвенцию против транснациональной организованной преступности (2000).

Однако сегодня, в обстановке обострения внешних геополитических угроз Российской Федерации, существенное влияние на национальную доктрину противодействия преступлениям, совершаемым с применением насилия или с угрозой его применения, оказывают положения, принятые и ратифици-

рованные странами, участницами Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

Одним из Первых документов, принятых ШОС, стала «Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» (г. Шанхай, 15.06.2001) [2]. Буквальное толкование положений Конвенции позволяет сделать вывод о том, что терроризм, сепаратизм и экстремизм есть отдельные проявления насильственных преступлений. Нет, и не может быть этих явлений без совершения преступлений с применением насилия или с угрозой его применения. Таким образом, «насилие», «терроризм», «сепаратизм» и «экстремизм» есть однокоренные понятия. Подтверждают этот вывод соответствующие положения Конвенции.

Так, часть 1 статьи 1 Конвенции дает следующее определение терроризма:

а) какое-либо деяние, признаваемое как преступление в одном из договоров, перечисленных в Приложении к настоящей Конвенции (далее — Приложение), и как оно определено в этом договоре;

б) любое другое деяние, направленное на то, чтобы вызвать смерть какого-либо гражданского лица или любого другого лица, не принимающего активного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта, или причинить ему тяжкое телесное повреждение, а также нанести значительный ущерб какому-либо материальному объекту, равно как организация, планирование такого деяния, пособничество его совершению, подстрекательство к нему, когда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население, нарушить общественную безопасность или заставить органы власти либо международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон;

в) «сепаратизм» — какое-либо деяние, направленное на нарушение территориальной целостности государства, в том числе на отделение от него части его территории, или дезинтеграцию государства, совершаемое насильственным путем, а равно планирование и подготовка такого деяния, пособничество его совершению, подстрекательство к нему, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон;

г) «экстремизм» — какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон.

Вышеприведенные определения позволяют согласиться с мнением, что в российском уголовном законодательстве понятия терроризм, сепаратизм и экстремизм должны рассматриваться как неотъемлемые признаки преступлений, совершаемых с применением насилия или с угрозой его применения, которые посягают на основы национальной безопасности [3, с. 449—450].

Несмотря на то, что ШОС позволяет странам-участницам придавать содержанию этих терминов более широкое значение, отрицание насильственного характера этих явлений может ввести в заблуждение правоприменителей относительно направленности соответствующих преступных деяний на объект уголовно-правовой охраны и, тем самым, пагубно отразиться на усилении борьбы с этими преступлениями. Иллюстрацией к сказанному является пример с пропагандой экстремистских взглядов, которая, на первый взгляд, не относится к преступлению, совершаемому с применением насилия или с угрозой его применения. Однако при внимательном исследовании становится ясно, что конечной целью, итогом этой деятельности, является захват насильственным путем власти или ее насильственное удержание, а также насильственное изменение существующего строя или иные тому подобные насильственные действия, посягающие на основы общественной безопасности.

Исследование содержания насильственной экстремистской деятельности приводит к выводу о необходимости доработки Модельного закона «О противодействии экстремизму» для государств-участников СНГ [4]. В этом нормативном акте необходимо соотнести правовые понятия «насилие», «насильственная деятельность» и «экстремистская деятельность», «терроризм» и «террористическая деятельность», а также нормативно определить

критерии признания насильственного деяния экстремистским.

Таким образом, сущностью терроризма, сепаратизма и экстремизма всегда является определенное насильственное поведение, направленное на достижение преступных целей, поскольку террористы, сепаратисты и экстремисты осознают, что мирным путем ни один цивилизованный народ, ни одно современное правительство не пойдет на удовлетворение их требований.

Завершая рассмотрение вопроса о международной правовой основе противодействия преступлениям, совершаемым с применением насилия или с угрозой его применения, можно сделать вывод о том, что преступления террористической и экстремистской направленности как наиболее опасные проявления международной организованной преступности всегда являются насильственными деяниями, причиняющими существенный вред или создающими непосредственную угрозу причинения такого вреда интересам отдельной личности, основам общественной безопасности и государственными интересам.

Литература

1. Усенко Е.Т. Соотношение и взаимодействие международного и национального права и российская Конституция // Московский журнал международного права. 1995. № 2. С. 18.
2. Федеральный закон от 10.01.2003 № 3-ФЗ «О ратификации Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» // СЗ РФ. 2003. № 2. Ст. 155.
3. Гречухин М.А. Уголовно-правовые проблемы борьбы с организованной экстремистской преступностью // Организованная преступность в XXI веке: проблемы теории и практики: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. М.: Международный юридический институт, 2011.
4. «Модельный закон о противодействии экстремизму» (Принят в г. Санкт-Петербурге 14.05.2009 Постановлением 32-9 на 32-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2009. № 44. С. 205—219.

УДК 341
ББК 67.9

ОБЗОР ПРАКТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В ОБЛАСТИ ТРАНСПЛАНТОЛОГИИ И ДОНОРСТВА

АНАСТАСИЯ АЛЕКСЕЕВНА КОЗЛОВА,

*адъюнкт кафедры прав человека и международного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

E-mail: nastena.kozlova.14@mail.ru

Научный руководитель: доцент кафедры прав человека и международного права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент В.А. Коннов

Научная специальность 12.00.10 — международное право; европейское право

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Исследуются особенности практики Европейского Суда по правам человека в области трансплантологии и донорства. Автором рассматривается сложившаяся практика по реализации решений Европейского Суда по правам человека в отношении Латвийской Республики.

Ключевые слова: Европейский Суд по правам человека, Латвийская Республика, законодательство, донорство органов, трансплантация, информированное согласие.

Abstract. The article deals with the characteristics of the European Court of Human Rights in area of organ donation and transplantation. Author regards legal practice of usage of the decisions of the European Court of Human Rights in point of the Republic of Latvia.

Keywords: the European Court of Human Rights, the Republic of Latvia, the legislation, donation of organs, transplantation, the informed consent.

Основанный в 1959 г., Европейский суд по правам человека (далее — Европейский Суд) является главным судебным органом Совета Европы. Главной целью создания и функционирования Европейского Суда является обеспечение соблюдения прав и свобод людей и организаций, закрепленных в Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года (далее — Конвенция). Европейский Суд состоит из судей, число которых равно числу государств, являющихся членами Совета Европы и ратифицировавших Конвенцию. В настоящее время их 47. В 1998 году Россия ратифицировала Конвенцию, и тем самым признала обязательную юрисдикцию Европейского Суда. В соответствии со ст. 34 Конвенции Европейский Суд принимает к рассмотрению жалобы от любого физического лица, любой неправительственной организации или любой группы частных лиц, которые

утверждают, что в отношении них нарушены права, закрепленные в Конвенции и (или) Протоколов к ней, со стороны государства — члена Совета Европы [1]. Постановления Европейского Суда являются обязательными для государств — участников и обязывают правительства вносить изменения в свои законодательства, административную и судебную практику.

Благодаря Европейскому Суду Конвенция является «живым инструментом». Европейский Суд, рассматривая различные дела, конкретизирует, уточняет, а в чем-то и расширяет нормативное содержание защищаемых Конвенцией прав человека. Примером таких решений являются дела в области трансплантологии и донорства. Исследование практики Европейского Суда в области трансплантологии и донорства ограничено двумя делами.

Постановление по первому делу «Петрова против Латвийской Республики» (Petrova v. Latvia, жалоба № 4605/05) было вынесено в июне 2014 г. [2]. Постановление по второму делу «Элберте (Elberte v. Latvia, жалоба № 61243/08) против Латвийской Республики» было вынесено в январе 2015 г. [3].

Фабулы данных дел являются схожими по фактическим обстоятельствам. В первом деле «Петрова против Латвийской Республики» сын заявительницы получил тяжелые травмы в результате дорожно-транспортного происшествия, после чего был доставлен в больницу, где ему сделали трепанацию черепа. Далее медиками было принято решение об изъятии почки и селезенки для последующей трансплантации органов.

Заявительница не была уведомлена об ухудшении состояния сына, к ней также не обращались за согласием на трансплантацию органов. О том, что произошло, заявительница узнала через девять месяцев во время рассмотрения уголовного дела по факту дорожно-транспортного происшествия. После подачи жалобы заявительницей власти заключили, что удаление органов ее сына соответствовало национальному законодательству, и отказались возбуждать уголовное дело.

В соответствии с Законом Латвийской Республики «О защите тела скончавшегося человека и использовании человеческих органов и тканей в медицине» действовавшего по состоянию на 1 января 2002 г., предусматривалось, что любой человек при жизни имел право письменно уведомить специально созданное для этих целей учреждение о том, что он согласен на последующее изъятие своих органов после смерти. Такая информация вносится во внутренний паспорт конкретного лица о его согласии или несогласии на изъятие органов во время трансплантации, а также данная информация заносится в специально существующие реестры. Статья 11 данного Закона предусматривала, что «изъятие органов и тканей у скончавшегося донора для последующей трансплантации допускается, если при жизни он не возражал против этого и, если его ближайшие родственники не запретили это изъятие» [4].

Необходимо отметить, что в ответ на данную ситуацию в Закон Латвийской Республики «О защите тела скончавшегося человека и использовании

человеческих органов и тканей в медицине» были внесены изменения. Эти изменения были направлены на более четкое определение понятия «согласия», в том числе со стороны близких родственников. Так, ст. 11 данного Закона устанавливает, что «изъятие органов и тканей тела у скончавшегося человека для последующей трансплантации допускается в случаях, если в реестре жителей Латвийской Республики отсутствуют сведения об отказе скончавшегося человека от посмертного использования органов или тканей или о его согласии на это использование, а ближайшие родственники скончавшегося до начала трансплантации не сообщили медицинскому учреждению в письменной форме о его возражениях против посмертного использования органов и тканей его тела, выраженных им при жизни. Изъятие органов и тканей у скончавшегося ребенка для последующей трансплантации запрещается, если один из его родителей или его законный представитель не дал на это письменного согласия» [5].

Обратившись в Европейский Суд, заявительница утверждала, что по делу допущено нарушение статьи 8 Конвенции, выразившееся в том, что изъятие органов у ее сына осуществлялось без его предварительного согласия и без предварительного согласия самой заявительницы. Европейский Суд пришел к выводу, что в ситуации заявительницы (связанной с изъятием без их извещения и согласия для трансплантации органов погибшего члена семьи) имело место нарушение права на частную и семейную жизнь (ст. 8 Конвенции). То есть, Европейский Суд признал, что вмешательство в право на уважение личной жизни не было предусмотрено законом, как того требует статья 8 Конвенции, поскольку латвийское законодательство, формально предоставляя близким родственникам умершего право возражать против изъятия его органов, не было сформулировано достаточно ясно и четко и не обеспечивало эффективную защиту от произвола. Законодательство Латвии не обеспечивало надлежащее информирование родственников умершего о трансплантации его органов с тем, чтобы они могли возразить против этого, равно как не запрещало изъятия органов без получения согласия на это у родственников, если умерший при жизни не выразил свою волю. Заявительница, формально имея право

возражать против изъятия органов ее сына, не была проинформирована о том, как и когда она может реализовать его, не говоря уже о том, чтобы получить надлежащие объяснения.

По второму делу «Элберте против Латвийской Республики» муж заявительницы погиб в автомобильной катастрофе. Во время вскрытия в центре судебно-медицинской экспертизы у него были изъятые ткани и переданы в фармацевтическую компанию Германии для изготовления биоимплантов по утвержденному государственному договору. Заявительница утверждала, в частности, что без ее согласия или уведомления у ее умершего мужа были взяты образцы тканей и что ее муж был похоронен со связанными ногами. Об изъятии тканей заявительница узнала через два года во время рассмотрения уголовного дела по факту масштабного незаконного изъятия из трупов органов и тканей [3].

Заявительница утверждала, что по делу было допущено нарушение статьи 8 Конвенции в частности, что изъятие тканей ее мужа было проведено без его и ее согласия. Она жаловалась на то, что при отсутствии такого согласия его достоинство, индивидуальная целостность неприкосновенность были нарушены, а с его телом обращались неуважительно. Также заявительница утверждала, что было нарушение статьи 3 Конвенции в данной ситуации, что изъятие ткани из тела мужа проводилось без ее предварительного согласия или уведомления, и что она была вынуждена похоронить его со связанными ногами.

В данном деле также действовали нормы Закона «О защите тела скончавшегося человека и использовании человеческих органов и тканей в медицине», что и в деле «Петрова против Латвийской Республики».

Европейский Суд признал, что власти Латвии не создали юридических и практических условий, которые позволил бы заявительнице выразить свое мнение по поводу изъятия тканей ее умершего мужа и допустили тем самым вмешательство в осуществление ею права на уважение личной жизни.

Власти Латвии разошлись во мнениях относительно значения применимых норм внутригосударственного законодательства. Центр судебно-медицинской экспертизы и полиция безопасности

Латвии исходили из того, что в стране существует система «предполагаемого согласия», тогда как следователи считали, что правовая система Латвии основана на принципе «информированного согласия», а изъятие органов и тканей возможно только при наличии согласия донора (при его жизни) или его родственников. К тому времени, когда полиция безопасности Латвии согласилась с толкованием, предложенным прокуратурой, и решила, что было необходимо получить согласие заявительницы, сроки давности привлечения к уголовной ответственности уже истекли. Подобные разногласия между органами власти не могут не указывать на недостаточную ясность положений законодательства Латвии.

По поводу соблюдения требований ст. 3 Конвенции Европейский Суд признал, помимо горя, причиненного смертью близкого члена семьи, заявительница испытывала страдания, не зная, почему у мужа были связаны ноги, когда ей вернули тело для захоронения. Фактически ей стало известно о том, какие ткани были изъяты и в каком количестве, только в ходе рассмотрения дела в Европейском Суде. Таким образом, заявительнице было отказано в устранении негативных последствий нарушения ее личных прав, касающихся очень болезненного аспекта ее частной жизни, а именно права давать согласие на изъятие тканей своего умершего мужа или возражать против этого.

В узкоспециализированной области трансплантации органов и тканей общепризнанно, что с телом человека надлежит обращаться с уважением даже после смерти. Действительно, многие международные договоры, в том числе Конвенция о правах человека и биомедицине и Дополнительный протокол к ней, направлены на защиту прав живых или мертвых доноров органов и тканей. Более того, уважение человеческого достоинства — это одна из идей, составляющих самую суть Конвенции. Следовательно, причиненные заявительнице страдания, безусловно, являлись унижающим достоинство обращением [3].

Рассмотрев практику Европейского Суда в области трансплантологии и донорства, мы можем отметить, что постановления, вынесенные Европейским Судом в отношении Латвийской Республики, указывают на пробелы в законодательстве и про-

блемы правоприменительной практики. Практика Европейского Суда основа на прецедентном праве, то есть те принципы, которые будут разработаны Судом в одном деле против определенного государства, в дальнейшем по схожему вопросу в области трансплантологии будут применяться при рассмотрении дел и против других государств.

Таким образом, чем надежнее и эффективнее будут средства правовой защиты на национальном уровне, тем меньше будет необходимости гражданам искать защиту в Европейском суде.

Литература

1. Конвенция о защите прав и основных свобод СЕД № 005 от 04.11.1950 г. URL: <http://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/005>

2. Постановление ЕСПЧ от 24.06.2014 Дело «Петрова (Petrova) против Латвийской Республики» (жалоба № 4605/05). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online>

3. Постановление ЕСПЧ от 13.01.2015 г. Дело «Элберте против Латвийской Республики» (жалоба № 61243/08) // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2015. № 3. С. 75—113 (URL: <http://subscribe.ru/archive/law.europeancour>).

4. «Закон Латвийской Республики о защите тела скончавшегося человека» (с изменениями и дополнениями, действовавшими по состоянию на 1 января 2002 г.). URL: http://www.pravo.lv/kdks_z.html

5. «Закон Латвийской Республики о защите тела скончавшегося человека» (ред. от 30.06. 2004). URL: http://www.pravo.lv/kdks_z.html

УДК 341

ББК 67.9

ЮРИСДИКЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В ОТНОШЕНИИ ЖАЛОБ НА НАРУШЕНИЯ, ДОПУЩЕННЫЕ НЕГОСУДАРСТВЕННЫМИ СУБЪЕКТАМИ

ВАЛЕРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ КОННОВ,

доцент кафедры прав человека и международного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

E-mail: vkonnov@inbox.ru;

Научная специальность 12.00.10 — международное право; европейское право

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматривается практика Европейского Суда по правам человека, которая свидетельствует о признании компетентности рассматривать жалобы на нарушения, допущенные юридическими лицами и иными негосударственными субъектами.

Ключевые слова: Европейский Суд по правам человека, юрисдикция, жалобы на действия негосударственных лиц.

Abstract. This article examines the decision of the European Court of Human Rights in respect of violations of non-state actors.

Keywords: The European Court of Human Rights, jurisdiction, the complaint against the actions of non-state actors

При анализе практики Европейского Суда можно выявить исключительные случаи, касающиеся его юрисдикции. Речь идет о делах, где Суд признает себя компетентным рассматривать жалобы на нарушения, допущенные субъектами, которые не

являются государственными, и не представляют государство в привычном смысле.

Ст. 34 Европейской конвенции 1950 г. предусматривает, что «Суд может принимать жалобы от любого физического лица, любой неправительственной

организации или любой группы частных лиц, которые утверждают, что явились жертвами нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон их прав...». Таким образом, по общему правилу ЕСПЧ компетентен рассматривать жалобы только на действия государства или лиц, которые его представляют.

Однако в последнее десятилетие практика пошла по пути расширительного толкования данного критерия приемлемости. В частности, в ряде дел Суд признал себя компетентным рассматривать жалобы на нарушения, допущенные негосударственными субъектами. Это стало новеллой в практике, которая может иметь серьезное влияние на национальную правоприменительную практику. На первый взгляд принятие данных решений противоречит ст. 34 ЕКПЧ, в связи с чем следует проанализировать аргументацию Суда по данному вопросу, а также обозначить наиболее общие критерии отнесения такого рода жалоб к юрисдикции ЕСПЧ.

Прежде всего, следует отметить, что ЕСПЧ не рассматривает данную новеллу как практику широкого применения. Наоборот неоднократно указывалось, что подобные случаи являются исключением. Исключительный характер заключается в наличии ряда факторов, которые позволяют квалифицировать нарушение, допущенное негосударственным лицом, как действия, санкционированные государством или его должностными лицами.

Одно из постановлений, которые иллюстрируют рассматриваемую новеллу, было вынесено по жалобе против Российской Федерации. Это дело «Даниленков и другие (Danilenkov and Others) против РФ» (Постановление ЕСПЧ от 30.07.2009 г.). Оно касалось нарушения прав российских докеров — работников ОАО «Морской торговый порт Калининград», уволенных администрацией в связи с профсоюзной деятельностью, а также в связи с организацией забастовок и выдвижением требований экономического характера. Несмотря на то, что формально Калининградский порт являлся частной компанией, ЕСПЧ признал себя компетентным рассматривать жалобу поскольку констатировал, что данный порт находится под «эффективным контролем» государства [1]. В частности, Суд констатировал, что 20% акций Калининградского порта контролировались «Региональным фондом развития Калининградской области», учредителем кото-

рого являлась администрация данного субъекта РФ. Кроме того, пять представителей Калининградской областной администрации во главе с губернатором вошли в состав совета фонда. Еще 35% акций контролировались заместителем руководителя администрации Калининградской области через принадлежащее ему юридическое лицо.

Принимая к рассмотрению данную жалобу, Суд констатировал факт «эффективного государственного контроля» за деятельностью Калининградского порта в связи с тем, что 55% акций фактически обеспечивали государству полный контроль в принятии решений руководством данного юридического лица.

Аналогичные решения в отношении жалоб из других стран сформировали окончательную практику по вопросу о возможности подачи жалоб на действия частных лиц.

Так, в деле «Вось против Польши» 2005 г. речь шла о дискриминации при выплате специальным фондом компенсаций жертвам нацизма за принудительный труд во время Второй мировой войны. Вопрос приемлемости касался статуса т.н. «Польско-германского фонда примирения», являвшегося некоммерческим юридическим лицом, созданным правительством Польши для распределения денежных средств, поступающих от правительства Германии, в виде компенсаций польским гражданам, угнанным на принудительные работы. По ряду причин г-н Вось был лишен данного права, и пройдя все инстанции в своей стране, обратился в ЕСПЧ. Несмотря на негосударственный некоммерческий статус фонда, Суд констатировал, что даже если лицо является частным, но выполняет делегированные государством полномочия, то государство должно отвечать за его действия [1].

Отдельного внимания заслуживает вопрос о возможности обжалования в ЕСПЧ действий отдельных негосударственных лиц, наделенных законом или административным актом органов государственной власти, правом осуществлять управленческие функции в юридическом лице. Часть дел такого рода демонстрируют обратную позицию Суда, где он не признает себя компетентным рассматривать жалобу. Примером может служить дело «Котов против Российской Федерации» 2012 г. [2]. В нем заявитель обжаловал действия и решения конкурсного управляющего, который, в соответствии

с законодательством РФ, осуществляет функции в процессе банкротства от имени государства (по решению суда). Суть дела состояла в том, что заявителю не была выплачена сумма вклада в обанкротившемся коммерческом банке, хотя он относился к первой очереди кредиторов, чьи требования подлежали удовлетворению в приоритетном порядке. Не сумев доказать свою правоту в российских судах, г-н Котов обратился в ЕСПЧ, указывая на то, что конкурсный управляющий назначен государственным судом, и, следовательно, государство должно нести ответственность за его незаконные действия.

В данном деле Суд констатировал, что действия арбитражного управляющего в процессе банкротства не подпадают под юрисдикцию ЕСПЧ, поскольку:

- контроль над ним государства носит ограниченный характер;
- суд (государство) только контролирует процесс ликвидации, но не управляет им.

Аналогичным образом ЕСПЧ отказался признавать приемлемой жалобу по делу «Национальная сеть железных дорог Испании против Испании». В данном деле государственная железнодорожная компания пыталась подать жалобу на своего фактического учредителя — правительство Испании. Суд констатировал, что «если деятельность компании более чем на 50% финансируется государством, если государство получает более полови-

ны доходов этого юридического лица, то оно его эффективно контролирует». Следовательно, фактически в испанском деле одна государственная структура обжалует действия другой государственной структуры, что выходит за рамки компетенции ЕСПЧ в соответствии со ст. 34 ЕКПЧ.

Таким образом, следует констатировать, что для отнесения к компетенции ЕСПЧ жалоб на действия или бездействия негосударственных лиц существует по крайней мере три критерия:

- юридическое лицо осуществляет общественно-значимую деятельность, выполняет общественно-значимые функции;
- негосударственное лицо выполняет делегированные государством полномочия;
- деятельность компании финансируется государством, или государство получает более половины доходов этого юридического лица.

Литература

1. Постановление ЕСПЧ от 30 июля 2009 г. Даниленков и другие (Danilenkov and Others v. Russia) против Российской Федерации (жалоба № 67336/01) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-93854>
2. Постановление ЕСПЧ от 14 января 2010 г. Котов против России (Kotov v. Russia) (жалоба № 54522/00) // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-110023>

Конституционное право России: учебник для студентов вузов / [Б.С. Эбзеев и др.]; под ред. Б.С. Эбзеева, Е.Н. Хазова, А.Л. Миронова. 8-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 671 с. (Серия «Dura lex, sed lex»).

Новое, восьмое, издание учебника актуализировано с учетом последних изменений в российском законодательстве. Рассмотрены вопросы, традиционно относящиеся к предмету науки конституционного права: конституционные основы гражданского общества, юридические механизмы защиты прав и свобод человека и гражданина, федеративное устройство, система органов государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации и др. Большое внимание уделено избирательной системе в России. Отражены законодательные нормы об объединении арбитражных судов с Верховным Судом РФ.

Для студентов юридических вузов и факультетов, аспирантов (адъюнктов), преподавателей, практических работников, а также для всех интересующихся проблемами отечественного конституционного права.

УДК 341
ББК 67.9

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ МВД РОССИИ С УПОЛНОМОЧЕННЫМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПРИ ЕВРОПЕЙСКОМ СУДЕ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА — ЗАМЕСТИТЕЛЕМ МИНИСТРА ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АНАТОЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ КОНОНОВ,

референт Договорно-правового Департамента МВД России,

доктор юридических наук, профессор,

Заслуженный юрист Российской Федерации

Научная специальность 12.00.10 — международное право; европейское право

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматривается содержание, порядок и результаты взаимодействия МВД России с Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека — заместителем Министра юстиции Российской Федерации.

Ключевые слова: взаимодействие полиции с другими органами, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека, защита прав и свобод, правозащитная деятельность, профилактика нарушений законности.

Abstract. This article examines the content, procedure and results of interaction between the Ministry of Internal Affairs of Russia and the Representative of the Russian Federation at the European Court of Human Rights — Deputy Minister of Justice of the Russian Federation.

Keywords: police interaction with other bodies, the Representative of the Russian Federation at the European Court of Human Rights, the protection of rights and freedoms, human rights activities, the prevention of violations of the rule of law.

Важнейшим принципом деятельности полиции как составной части единой централизованной системы федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел провозглашен принцип соблюдения и уважения прав и свобод человека и гражданина.

Среди разнообразных форм обеспечения данного принципа особое внимание уделяется организации взаимодействия Министерства внутренних дел Российской Федерации с Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека — заместителем Министра юстиции Российской Федерации.

Эта должность утверждена Указом Президента Российской Федерации от 29 марта 1998 г. № 310 в целях обеспечения эффективной защиты интересов государства при рассмотрении дел в Европейском Суде.

Уполномоченный в соответствии с возложенными на него функциями по получении нотификации о воз-

буждении иска против России информирует об этом заинтересованные федеральные органы государственной власти и запрашивает у них необходимую для эффективного представления интересов Российской Федерации в Европейском Суде информацию о фактической и юридической стороне дела с приложением копий всех относящихся к делу документов.

Федеральный орган исполнительной власти, получивший извещение от Уполномоченного о вынесенном Европейским Судом или Комитетом Совета Европы решении, в течение месяца со дня получения указанного извещения должен обеспечить исполнение решения в полном объеме и проинформировать о результатах исполнения Уполномоченного.

Ежегодно в МВД России поступают десятки обращений Уполномоченного, связанных с рассмотрением жалоб граждан на неправомерные действия должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации.

В определенной степени одной из причин такой активности является, как ни парадоксально, и рост правовой культуры и правовой информированности населения страны, и целенаправленная деятельность правозащитных организаций и адвокатских сообществ.

Так, в 2010 г. на рассмотрение поступило 136 обращений, в 2011 году — 139, в 2012 г. — 106, в 2013 г. — 134, в 2014 г. — 112, 2015 г. — 79, за 9 месяцев 2016 г. — 43.

По состоянию на 1 октября 2016 г. в МВД России поступило 23 решения Европейского Суда по правам человека. Общая сумма возмещения Российской Федерацией по решениям Европейского Суда по правам человека составила 1 мил 238 тыс. 199 евро.

Для сравнения: в 2015 году в МВД России поступило 70 решений Европейского Суда по правам человека, по которым с Российской Федерации взыскано 3 мил 100 тыс. 600 долл. США и 4 мил 483 тыс. 493 евро.

Положительная динамика, которая выражается в снижении числа обращений в Европейский Суд и их удовлетворения, бесспорно является свидетельством эффективности мер, предпринимаемых руководством Министерства по соблюдению законности, защите прав и свобод человека и гражданина в деятельности органов внутренних дел.

Вместе с тем следует отметить наличие еще ряда нерешенных проблем, имеющих в повседневной деятельности органов внутренних дел.

В текущем году наиболее часто предметами рассмотрения в Европейском Суде по правам человека являлись:

- жестокое обращение со стороны сотрудников и необоснованное задержание по подозрению в совершении преступления (56%);
- ненадлежащие условия содержания в ИВС и при перевозке и этапировании (13%).

По сравнению с 2015 г. в процентном соотношении количество жалоб на жестокое обращение со стороны сотрудников и необоснованное задержание по подозрению в совершении преступления выросло более чем в 2 раза.

Чаще всего постановления Европейского Суда по правам человека затрагивают компетенцию Главного управления по обеспечению охраны общественного порядка и координации взаимодействия

с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, Главного управления собственной безопасности, Следственного департамента, Главного управления уголовного розыска, Департамента по финансово-экономической политике и обеспечению социальных гарантий Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Работа МВД России с Уполномоченным осуществляется в соответствии с приказом МВД России от 12 сентября 2014 г. № 782 «О повышении эффективности взаимодействия Министерства внутренних дел Российской Федерации с Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека — заместителем Министра юстиции Российской Федерации», который ориентирует подразделения МВД России на полноту и своевременность подготовки ответов на запросы Уполномоченного в качестве важнейшего элемента обеспечения эффективной защиты интересов Российской Федерации при рассмотрении дел в Европейском Суде по правам человека, определяет механизм взаимодействия Министерства с Уполномоченным.

МВД России систематически обобщаются поступившие запросы Уполномоченного и проводится анализ сроков их исполнения. Ведется работа по обеспечению своевременного исполнения вступивших в законную силу судебных решений и по предоставлению социальных гарантий, установленных законодательством Российской Федерации для сотрудников, государственных служащих.

Ряд запросов Уполномоченного имеет общий характер, касаются решений заседаний Комитета министров Совета Европы в Страсбурге и требуют от МВД России выработки концептуальных решений.

К указанной категории запросов можно отнести запросы, содержащие решения заседаний Комитета министров Совета Европы по делам:

- о нарушении прав граждан в период проведения контртеррористических операций в Чеченской Республике и других субъектах Российской Федерации Северо-Кавказского федерального округа (группа дел «Хашиев»);
- о нарушениях прав лиц при решении вопроса об их выдаче по запросу иностранных государств для уголовного преследования (дела об экстрадиции, группа дел «Гарабаев») в аспекте

принятия российскими властями мер по предотвращению нарушений, связанных с фактами похищений и принудительного перемещения с территории России лиц, в отношении которых Европейским Судом по правам человека применены обеспечительные меры либо вынесены постановления, запрещающие их принудительное перемещение, в том числе в республики Узбекистан и Таджикистан;

- об исполнении российскими властями постановлений Европейского Суда по делам о пытках и ином жестоком обращении с задержанными и лицами, содержащимися под стражей в органах внутренних дел, а также необеспечением эффективного расследования по данным фактам (группа дел «Михеев»).

Для повышения качества исполнения решений Европейского Суда по правам человека, затрагивающих компетенцию МВД России, а также в целях предупреждения нарушений требований Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в МВД России организовано систематическое изучение личным составом практики Европейского Суда по правам человека по жалобам против Российской Федерации, относящимся к компетенции Министерства.

На особом контроле руководства Министерства находится выполнение статьи 3 Конвенции от 4 ноября 1950 года «О защите прав человека и основных свобод» [1], запрещающей пытки, и статьи 5 Конвенции, гарантирующей право на свободу и личную неприкосновенность. По каждому факту нарушения законности сотрудниками органов внутренних дел проводится тщательная служебная проверка, виновные привлекаются к ответственности согласно действующему законодательству.

С целью предотвращения нарушений прав человека, подразделения МВД России ориентированы на соблюдение правил и норм международного права при обращении с заключенными, при конвоировании и перемещении лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений.

В рамках реализуемых государственных программ Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» [2, 3], предполагается планомерно повышать качество и уровень объективности производства

дознания и следствия по уголовным делам, совершенствовать деятельность полиции по охране, конвоированию и содержанию задержанных и лиц, заключенных под стражу.

В целях недопущения нарушений прав и законных интересов граждан в ходе проведения предварительного расследования по уголовным делам, отнесенным к компетенции органов внутренних дел, Следственным департаментом МВД России систематически изучается, обобщается и внедряется положительный, в том числе и зарубежный, опыт в области организации предварительного следствия. Осуществляется анализ следственной практики, организации и результатов деятельности органов предварительного следствия, разрабатываются и реализовываются меры по повышению качества и сокращению сроков расследования, обеспечению законности при его производстве, совершенствованию организации следственной работы. Обобщается практика применения законодательства Российской Федерации органами предварительного следствия и вырабатываются правовые, организационные и иные меры по повышению эффективности их деятельности.

В работе по профилактике нарушений законности сотрудниками органов и подразделений внутренних дел большое значение придается изучению личным составом в системе служебной подготовки нормативных правовых актов Российской Федерации, а также международных актов, регламентирующих соблюдение прав и свобод человека.

Для использования в практической деятельности постановления Европейского Суда по правам человека и их копии направляются в территориальные органы МВД России и размещаются в базе ведомственной информационно-правовой системы.

Определены три основных направления, работа по реализации которых обеспечивает комплексный подход к решению имеющихся проблем:

- обеспечение более взвешенного подхода к избранию и продлению меры пресечения в виде заключения под стражу и более широкое применение альтернативных мер пресечения;
- создание новых и совершенствование существующих национальных средств правовой защиты в рассматриваемой области отношений;

- создание надлежащих, отвечающих международным стандартам условий содержания под стражей.

Представляется, что решение этих проблем позволит существенным образом изменить ситуацию с обращениями граждан в Европейский Суд по правам человека в лучшую сторону.

Еще один вопрос, который заслуживает внимания.

Известно, что постановления и решения Европейского Суда по правам человека, обязательны для исполнения для всех сторон, подписавших Конвенцию о защите прав человека и основных свобод. Контроль за выполнением постановлений Европейского Суда осуществляется со стороны Комитета министров Совета Европы.

Вышеуказанная позиция была вновь подтверждена представителями властей 47 государств — участников Совета Европы на конференции высокого уровня на тему «Применение Европейской конвенции по правам человека наша общая ответственность», организованной 26—27 марта 2015 г. в Брюсселе Комитетом министров Совета Европы.

По итогам конференции принята Брюссельская декларация вместе с планом действий.

В декларации, отмечается существенное снижение количества дел, находящихся на стадии ожидания в суде. Так, в 2011 году это количество составило 150 тыс., а в январе 2015 г. — 70 тыс.

В тоже время Декларация, среди прочего, призывает к принятию дополнительных мер для преодоления трудностей, связанных с повторными жалобами, причиной которых является неисполнение решений. Количество таких жалоб достигает примерно 70 тыс.

План действий, в свою очередь, определяет ряд шагов, которые должны быть предприняты Советом Европы, Европейском Судом по правам человека и национальными властями для содействия в обеспечении быстрого и эффективного исполнения на практике решений суда. В плане отмечается важность эффективного контроля за соблюдением обязательств, принятых государствами-участниками в соответствии с Конвенцией.

В этой связи следует иметь в виду, что большая часть жалоб, рассматриваемых Европейским Су-

дом, и решений по ним является политически немотивированной и, как правило, подается лицами, содержащимися под стражей, отбывшими наказание или их родственниками, родственниками лиц, находящимися в розыске. Однако, к сожалению, в последние годы некоторые жалобы и решения Европейского суда имеют достаточно выраженную политическую ангажированность. Прежде всего, это дела по жалобам № 20958/14 «Украина против России», № 13255/07 «Грузия против России», «чеченские» дела и др.

В этих условиях Российская Федерация была вынуждена искать адекватные меры защиты.

Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П определено, что государственные органы, на которые возложена обязанность по обеспечению выполнения Российской Федерацией международных договоров, участницей которых она является, придя к выводу о невозможности исполнить вынесенное по жалобе против России постановление Европейского Суда по правам человека вследствие того, что в части, обязывающей Российскую Федерацию к принятию мер индивидуального и общего характера, оно основано на положениях Конвенции о защите прав человека и основных свобод в истолковании, приводящем к их расхождению с Конституцией Российской Федерации, — правомочны обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации для решения вопроса о возможности исполнения постановления Европейского Суда по правам человека и принятия мер индивидуального и общего характера, направленных на обеспечение выполнения данной Конвенции; в случае если Конституционный Суд Российской Федерации придет к выводу, что постановление Европейского Суда по правам человека, поскольку оно основано на Конвенции о защите прав человека и основных свобод в истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не может быть исполнено, такое постановление в этой части не подлежит исполнению.

Министерство внутренних дел Российской Федерации до настоящего времени не сталкивалась и в своей деятельности всячески стремиться, чтобы не возникла необходимость задействовать вышеуказанный правовой механизм отказа от исполнения

постановлений Европейского Суда по правам человека.

Литература

1. Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // СЗ РФ. 1998. № 14. Ст. 1514.

2. Распоряжение Правительства РФ от 06.03.2013 № 313-р «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспече-

ние общественного порядка и противодействие преступности» // СЗ РФ. 2013. № 11. Ст. 1145 (Документ утратил силу с 15 апреля 2014 г. в связи с изданием распоряжения Правительства РФ от 15.04.2014 № 649-р).

3. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 345 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» // СЗ РФ. 2014. № 18 (часть IV). Ст. 2188.

УДК 341
ББК 67.9

РОЛЬ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В ОБЕСПЕЧЕНИИ СВОБОДЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ЯНА ВИТАЛЬЕВНА ЛОБАНОВА,

*адъюнкт кафедры конституционного и муниципального права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

E-mail: Yana.Gerbert@yandex.ru

*Научный руководитель: профессор кафедры конституционного и муниципального права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,*

доктор юридических наук, профессор Червонык В.И.

Научная специальность 12.00.10 — международное право; европейское право

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Анализируется судебная практика Европейского Суда по правам человека в сфере обеспечения прав и свобод человека и гражданина применительно к праву собственности, выводятся европейские стандарты, применимые в том числе и к обеспечению свободы экономической деятельности. Проводится анализ некоторых положений практики Европейского Суда по правам человека с положениями практики Конституционного Суда РФ по указанной проблематике.

Ключевые слова: свобода экономической деятельности, право собственности, Европейский Суд по правам человека, европейские стандарты в обеспечении свободы экономической деятельности.

Abstract. The article examines the jurisprudence of the European Court of human rights in the sphere of ensuring the rights and freedoms of man and citizen in relation to a right of ownership, displays of European standards applicable, including to ensure freedom of economic activities. The analysis of certain provisions of the law of the European Court on human rights with the provisions of the constitutional Court of the Russian Federation on this issue.

Keywords: the freedom of economic activity, ownership rights, the European Court of human rights, European standards of freedom of economic activities.

Изучение конституционного опыта зарубежных стран, позволяет сделать вывод о том, что экономические отношения, складывающиеся в сфере обеспечения свободы экономической деятельности занимают значительное место в конституционном праве данных государств. Также выработан ряд установлений, имеющих уровень надзаконодательного характера и дающих основания органам конституционного правосудия для ограничительных мер в отношении законодательных органов государств в правовом регулировании экономических отношений. Здесь возникает проблема обеспечения баланса интересов публичных (государства) и частных. Институт собственности играет решающую роль в определении характера взаимодействия личности и государства. Только со становлением в обществе государственной власти появляется свобода экономической деятельности и обеспечивающие ее права. Но гарантия права собственности одновременно очерчивает и пределы вмешательства государственной власти в сферу свободы экономической деятельности [1]. В Российской Федерации (РФ) на данную проблематику было обращено В.В. Путиным в Ежегодном послании Федеральному Собранию от 03.12.2015 г. [2].

На основании ч. 4 ст. 15 Конституции РФ «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы...». А также в соответствии с ч. 3 ст. 46 Конституции РФ «Каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты».

В этой связи Российская Федерация является участником различных международных соглашений, в числе которых Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод [3], которая вступила в силу для РФ с момента ее ратификации — 5 мая 1998 г. С этого же времени гражданам РФ было предоставлено право на обращение с индивидуальными жалобами в Европейский Суд по правам человека. Предмет жалобы определен в Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколами к ней. Исходя из

этого, большинство экономических прав и свобод (в том числе свобода экономической деятельности) не закреплены в Конвенции, в ней главным образом устанавливаются, гражданские и политические права. Однако, анализ практики Европейского суда по правам человека относительно правоприменения свободы экономической деятельности в европейских странах показал, что в документах Совета Европы свобода экономической деятельности специально не регламентируется. Наиболее полно свобода экономической деятельности раскрывается в распоряжении собственностью. Так, Конституционный Суд РФ рассматривает свободу экономической деятельности в тесной взаимосвязи со ст. 34 Конституции РФ: «Принципом экономической свободы предопределяются конституционно гарантируемые правомочия, составляющие основное содержание закрепленного в ч. 1 ст. 34 Конституции РФ права на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности», которое реализуется гражданами в индивидуальном порядке либо совместно с другими лицами, в том числе в качестве учредителей (участников) коммерческой организации» [4]. Поэтому положения статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 20 марта 1952 года (СЕД № 9) и практика Европейской Комиссии и Европейского Суда по применению данной статьи являются базовыми в понимании содержания этой свободы. В соответствии с пунктом 1 статьи 1 Протокола № 1 «каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества или на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права». При этом Европейский Суд по правам человека в своих решениях не дает четкого определения этого права, что не исключает возможность расширительного толкования. В качестве примера, Европейский Суд по правам человека, рассматривая дело «Акционерное общество «Данжвиль» против Франции» [5], отметил, что сумму излишне уплаченного налога следует рассматривать как «имущество». Другой пример, относительно дела «Ван Мехелен (Van Mechelen) и другие против Ни-

дерландов» [6, с. 443], в результате рассмотрения которого, Суд постановил, что деловая репутация может рассматриваться как «имущество». В решении Суда по делу «Греческие нефтеперегонные заводы «Стрэн» и Стратис Андреадис против Греции», Суд пояснил, что в понятие «собственность» входят и «активы частного права, не являющиеся физической собственностью, такие, как акции или денежные требования, основанные на договоре или деликте. Право свободно пользоваться имуществом охватывает и некоторые экономические требования...». Понятие собственности фактически охватывает все частное право. Его содержание составляет движимое и недвижимое имущество, материальные и нематериальные интересы (экономические интересы, связанные с ведением бизнеса, право выбора рода экономической деятельности, правомерные ожидания применения определенных условий к индивидуальной ситуации, требующей определенных правовых отношений и т.д. [7]. Понятие имущества не обязательно должно соответствовать таковому в национальном законодательстве. ЕСПЧ в решении по делу «Газус Дозье унд Фердертектник ГмбХ против Нидерландов», отметил следующее: «понятие собственности Протокола № 1 имеет автономное значение, которое не ограничивается правом собственности, содержащееся в статье 1 Протокола на физические вещи; некоторые другие права и выгоды, являющиеся имуществом, могут быть также признаны правом собственности, и следовательно собственностью» [8]. Данное понятие может включать такие объекты, которые в соответствии с российским правом достаточно сложно отнести к имуществу — это создание собственной клиентуры, право аренды недвижимости, будущий доход, получение лицензии на осуществление соответствующей экономической деятельностью, требование имущественного характера, если оно достаточно определено, чтобы быть исполнено в принудительном порядке [9] и т.д.

Основываясь на вышеизложенном, необходимо на основании ч. 4 ст. 15 Конституции РФ Верховному Суду Российской Федерации и Конституционному Суду Российской Федерации в своих разъяснениях учитывать подобную практику Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) в части регулиро-

вания свободы экономической деятельности, в сфере отношений собственности, если решения ЕСПЧ по данным вопросам не противоречат Конституции РФ. Как отметил председатель Конституционного Суда РФ — В.В. Зорькин, принципы государственного суверенитета и верховенства Конституции РФ в правовой системе России относятся к основам ее конституционного строя. Конституция в статье 15 устанавливает приоритет международного договора над положениями закона, но не над положениями Конституции. Монополия на истолкование Конституции и выявление конституционного смысла закона принадлежит Конституционному Суду РФ [10]. Следовательно, нормы международных договоров не должны противоречить Конституции РФ. В этой связи Президент РФ Владимир Путин подписал Федеральный конституционный закон [11], вносящий поправки в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде РФ», согласно которому Конституционный Суд РФ наделен правом признавать неисполнимыми решения международных судов, в первую очередь Европейского Суда по правам человека, в случае их противоречия Конституции РФ. Однако, такие случаи противоречий составляют скорее исключение

Кроме того, Европейский Суд по правам человека выработал определенные европейские стандарты, которые применимы и в обеспечении свободы экономической деятельности на примере права собственности, в частности от необоснованного ограничения.

Так, одним из европейских стандартов, выработанных практикой Европейского суда по правам человека, является принцип — общий интерес [12, с. 136]: «любое вмешательство в право собственности может быть оправдано если оно осуществляется в интересах общества или в общих интересах» [13, с. 416]. Данный принцип непосредственно закреплен в тексте статьи 1 Протокола 1 Европейской Конвенции «... Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества...». Согласно позиции европейского Суда по правам человека, право на уважение собственности предполагает наличие справедливого равновесия между требованиями общего интереса и защиты права лица-собственника [14]. Крите-

рий «необходимости вмешательства государства» определен Европейским Судом при рассмотрении дела «Олссон против Швеции» 1988 г. «В соответствии со сложившейся практикой Суда, понятие необходимости подразумевает, что вмешательство соответствует какой-либо насущной общественной потребности и что оно соразмерно преследуемой правомерной цели. При определении того, является ли вмешательство «необходимым в демократическом обществе», Суд учитывает, что за государствами — участниками Конвенции остается определенная свобода усмотрения. Также должно быть установлено, являются ли мотивы, приведенные для обоснования рассматриваемого вмешательства, «относящимися к делу и достаточными» [15].

Следующий принцип — принцип соразмерности (баланс частных и общественных интересов) [16]. Соблюдение принципа соразмерности можно наблюдать на примере схемы контроля, используемой Европейским Судом по правам человека. Этапы проверки таковы:

- 1) Идентификация права.
- 2) Идентификация вмешательства.
- 3) Оценка того, предусмотрено ли вмешательство законом.
- 4) Определение того, какими целями оправдано вмешательство.
- 5) Решение о том, является ли вмешательство «необходимым в демократическом обществе».

Европейский Суд напоминает, что в соответствии со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции вмешательство в право на уважение собственности должно установить справедливое равновесие между требованиями общего интереса и защиты фундаментальных прав лица. В частности, должна существовать разумная связь пропорциональности между применяемыми средствами и целью, достигаемой любой мерой, лишаящей лицо его имущества. Европейский Суд полагает, что условия компенсации имеют значение для оценки того, соблюдает ли оспариваемая мера требуемое справедливое равновесие, и, в частности, возлагает ли она на заявителей непропорциональное бремя. В этой связи изъятие имущества без выплаты суммы, разумно связанной с его стоимостью, обычно составляет непропорциональное вмешательство и что полное

отсутствие компенсации может считаться оправданным в соответствии со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции только при исключительных обстоятельствах [17].

Данный принцип нашел свое закрепление и в практике деятельности Конституционного Суда РФ. Конституционное право частной собственности, под защитой которого находятся и имущественные права физических и юридических лиц не является абсолютным и может быть ограничено. Возможные ограничения должны отвечать принципу соразмерности и быть необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей, в том числе частных и публичных прав и законных интересов других лиц. В противном случае для широкого круга участников имущественных отношений будет существовать риск неправомерной утраты имущества, которое может быть беспричинно национализировано государством. Подобная незащищенность вступает в противоречие с конституционным принципом свободы экономической деятельности [18].

Кроме того, Конституционный Суд РФ подчеркнул, что Законодатель, предусматривая ответственность за совершение налоговых правонарушений должен исходить из принципа соразмерности устанавливаемой ответственности конституционно значимым целям (статья 19, часть 1; статья 55, части 2 и 3, Конституции Российской Федерации). Конституционный Суд РФ неоднократно подчеркивал, что двойное налогообложение одного и того же экономического объекта нарушает принципы равного, справедливого и соразмерного налогообложения, вытекающие из статей 19, 55 (часть 3) и 57 Конституции РФ [19]. Приведенная правовая позиция является ориентирующей для оценки правового регулирования, связанного с взиманием не только налогов, но и обязательных публичных платежей неналогового характера, при установлении которых особое значение приобретает проблема их обоснованности, в частности для исключения двойного обложения одних и тех же объектов [20]. Таким образом, в указанном регулировании необходим баланс публичных и частных интересов как конституционно защищаемых ценностей [21]. «Федеральный законодатель, осуществляя в рамках предоставленных ему Конституцией Российской

Федерации дискреционных полномочий регулирование права на осуществление предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности и права частной собственности (статья 71, пункты «в», «ж», «о»), обязан обеспечивать разумный баланс частных и публичных интересов в этой сфере и соблюдать вытекающее из статьи 55 (часть 3) требование о возможности ограничений прав и свобод человека и гражданина только соразмерно конституционно значимым целям» [22].

Еще один принцип — принцип правовой определенности. Основным смысл которого заключается в стабильности правового регулирования и существующих правоотношений. Правовая определенность необходима для того, чтобы субъекты экономических отношений могли предвидеть последствия своего действия, быть уверенными в неизменности своего официального статуса, предоставленных им полномочий. Рассматриваемый принцип близок по значению к концепции верховенства права. «Непротиворечие принципу верховенства права является одним из критериев оценки качества законов, которые должны регламентировать допустимое вмешательство публичных властей в осуществление гарантированных прав, а также их допустимое ограничение» [23, с. 668—674.].

Принцип правовой определенности является и конституционным принципом, несмотря на то, что непосредственно он не закреплен в Конституции, тем не менее его значимость неоднократно подчеркивалась Конституционным Судом РФ. «Верховенство права предполагает, прежде всего приоритет закона в системе нормативного правового регулирования, определяющий характер прав и свобод человека и гражданина. Существуют случаи нарушения прав граждан в практике деятельности Конституционного Суда РФ в сфере обеспечения свободы экономической деятельности. Зачастую такие нарушения обусловлены недоработкой законодательства, а именно юридико-технического характера, что впоследствии приводит к признанию таких норм неконституционными и как следствие нормотворческие дефекты в области экономического законодательства заставляют все большее количество

хозяйствующих субъектов искать защиты в других юрисдикциях» [24].

Основываясь на вышеизложенном, необходимо отметить, что в практике деятельности Европейского Суда по правам человека свобода экономической деятельности специально не регламентируется, однако основные положения в ее обеспечении можно вывести из дел, рассматриваемых Судом в соответствии со статьей 1 Протокола № 1. Европейский Суд по правам человека выработал определенные стандарты в обеспечении прав и свобод, которые применимы в том числе и для обеспечения свободы экономической деятельности. Не менее важным является разработка основных принципов допустимости вмешательства государства в реализацию права собственности, а также критерии определения права собственности. Некоторые из этих стандартов наши свое закрепление и в практике деятельности Конституционного Суда РФ, и в законодательстве РФ в целом, регламентирующих отношения в экономической сфере, в том числе, складывающиеся в сфере обеспечения свободы экономической деятельности.

Литература

1. Бум Н.Д. Обеспечение права на свободу экономической деятельности органами прокуратуры // Вопросы экономики и права. 2014. № 1. С. 53—57.
2. Послание Президента РФ В.В. Путина к Федеральному собранию от 03.12.2015 г. // Российская газета. Федеральный выпуск. № 6550 (278).
3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с Протоколом № 1) (Подписан в г. Париже 20.03.1952), Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), Протоколом № 7 (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // Собрание Законодательства РФ. 2001 г. № 2. Ст. 163.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2008 № 243-О-О // СПС Консультант плюс.

5. Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2002. № 4.
6. Постановление ЕСПЧ от 23.04.1997 по делу «Ван Мехелен (Van Mechelen) и другие против Нидерландов» (пункт 50) // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. Т. 2. М., 2000.
7. *Кравченко Д.В., Глуценко А.А.* Некоторые экономические решения Европейского Суда по правам человека в контексте конституционной экономики // Право и экономика. 2014. № 9.
8. Европейский Суд по правам человека: Избранные решения: в 2 т. / под ред. В.А. Туманова. М.: НОРМА, 2001. Т. 2. 808 с.
9. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу Петрушко (Petrushko) против Российской Федерации от 24.02.2005 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека, 2005. № 9.
10. *Зорькин В.* Предел уступчивости // Российская газета. Федеральный выпуск. № 5325 (246). 29.10.2010 г.
11. Федеральный конституционный закон от 14.12.2015 № 7-ФКЗ О внесении изменений в Федеральный конституционный закон О Конституционном Суде Российской Федерации // СЗ РФ. 2015. № 51 (часть I). Ст. 7229.
12. *Чечулина А.А.* Некоторые аспекты в защите права собственности в практике Европейского Суда по правам человека // Вестник ВЭГУ. № 6 (80). 2015. С. 128—136.
13. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу Спорронг и Лоннрот против Швеции (Sportrong and Lonngroth v. Sweden) от 23 сентября 1982 г. Серия А. Т. 52 // Европейский суд по правам человека: Избранные решения. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 395—416.
14. Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2009. № 12.
15. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу Олссон против Швеции от 24 марта 1988 г. // URL: <http://www.echr.coe.int/echr>
16. Постановление Европейского суда по правам человека по делу Валерий Филиппович Шестаков (Shestakov) против России от 18 июня 2002 г., по делу Совтрансавто Холдинг (Sovtransavto Holding) против Украины от 25 июля 2002 г., по делу Буффало против Италии от 3 июля 2003 г. // URL://<http://www.echr.coe.int/echr>
17. Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2016. № 5 (167).
18. Определение Конституционного Суда РФ от 10.03.2016 № 443-О // СПС Консультант плюс.
19. Постановление Конституционного Суда РФ от 3 июня 2014 г. № 17-П; Определение Конституционного Суда РФ от 14 декабря 2004 г. № 451-О; Определение Конституционного Суда РФ от 1 октября 2009 г. № 1269-О-О; Определение Конституционного Суда РФ от 5 марта 2014 г. № 590-О // СПС «Консультант Плюс».
20. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 4 апреля 1996 г. № 9-П; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 февраля 1998 г. № 7-П; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10 июля 2003 г. № 342-О; Постановление Конституционного Суда РФ от 31.05.2016 № 14-П // СПС «Консультант Плюс».
21. Определение Конституционного Суда РФ от 10.03.2016 № 571-О; Постановление Конституционного Суда РФ от 31.05.2016 № 14-П // СПС «Консультант Плюс».
22. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.03.2016 № 9-П // СПС «Консультант Плюс».
23. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу Круслин против Франции» от 24 апреля 1990 года (Kruslin v. France) // Европейский суд по правам человека: Избранные решения. Т. 1. М.: Норма, 2000.
24. Информация Конституционно-правовые аспекты совершенствования нормотворческой деятельности (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2013—2015 годов) (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 23.06.2016).

УДК 341
ББК 67.9

РЕШЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА МАКЕЕВА,

доцент кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

E-mail: mnv-sam03@mail.ru

Научная специальность 12.00.10 — международное право; европейское право

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Проводится анализ решений Европейского Суда по правам человека и определяется их влияние на действующее уголовно-процессуальное законодательство, и нормы, регулирующие ход предварительного расследования.

Ключевые слова: Решения Европейского Суда по правам человека, Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод, потерпевший, свидетель, обвиняемый, предварительное расследование, меры безопасности.

Annotation. The article analyses the decisions of the European Court of human rights and determines their impact on existing criminal procedural legislation and rules governing preliminary investigation.

Keywords: The decisions of the European Court of human rights, the European Convention for the protection of human rights and fundamental freedoms, victim, witness, accused, preliminary investigation and security measures.

Основными нормативными правовыми актами, определяющими пределы деятельности органов предварительного расследования, являются Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РФ, а также решения Конституционного Суда РФ и Постановления Пленума Верховного Суда РФ. Между тем важнейшим элементом в механизме защиты прав участников предварительного расследования являются решения Европейского Суда по правам человека.

28 февраля 1996 г. Российская Федерация вступила в Совет Европы и присоединилась к Уставу этой организации, 30 марта 1998 г. нашей страной была ратифицирована Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Принята 4 ноября 1950 г. в Риме Комитетом министров Совета Европы, Протоколов №1, 4, 7, 9, 10 и 11 к ней) и признана юрисдикция Европейского Суда Российской Федерацией. Эти события, в свою очередь, существенно повлияли на правовую систему России в целом и на правовые акты, регулирующие пред-

варительное расследование в частности. Прежде всего, такое заключение следует из ст. 1 Европейской Конвенции, в которой установлено, что «Высокие Договаривающиеся Стороны обеспечивают каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в разделе I настоящей Конвенции», это констатация того, что государства, ратифицирующие Конвенцию, автоматически должны:

«- обеспечить соответствие их национального законодательства Конвенции;

- ликвидировать какие бы то ни было имеющиеся нарушения защищаемых Конвенцией основных прав и свобод» [1].

Российская Федерация, как участник Европейской Конвенции, признает юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случае предполагаемого нарушения положений этих договорных актов (ст. 1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ

«О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней»). Поэтому применение Европейской Конвенции должно осуществляться с учетом практики Европейского Суда по правам человека во избежание нарушения ее статей.

Таким образом, деятельность органов предварительного расследования, их решения и процедуры принятия решений не должны противоречить положениям Европейской Конвенции.

Между тем, основным закон государства имеющим высшую юридическую силу на территории Российской Федерации является Конституция РФ. Закрепленные в ней права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими и определяют смысл и содержание законов и подзаконных актов. Правосудие на сегодняшний день остается самым действенным инструментом защиты прав и свобод человека. На Конституционное правосудие возложена обязанность по защите прав и свобод человека и гражданина путем конституционного судопроизводства.

Конституционный Суд Российской Федерации (далее — Конституционный Суд), будучи высшим судебным органом, осуществляющим контроль конституционности нормативных правовых актов и компетенции государственных органов, принимает решения, оценивая как буквальный смысл проверяемого акта, так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из его места в системе правовых актов [2].

Так, в одном из своих решений Конституционный Суд РФ подтвердил, что каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты (ч. 3 ст. 46 Конституции РФ), при этом международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы [3].

Конституционный Суд РФ также указал, что окончательное решение Европейского Суда по правам человека, принятое по результатам рассмотрения жалобы лица, которое утверждало, что

является жертвой нарушения со стороны Российской Федерации его прав, признанных Конвенцией о защите прав человека и основных свобод или Протоколами к ней, в части, констатирующей соответствующее нарушение в отношении данного лица и присуждающей ему в случае необходимости справедливую компенсацию, подлежит исполнению [4].

Граждане Российской Федерации вправе обратиться в Европейский Суд после прохождения всех судебных инстанций в России. При этом Европейский Суд не является высшей судебной инстанцией по отношению в судебной системе России. Закрепленные в Конвенции минимальные права граждан, в том числе участвующих в предварительном расследовании, потребовало от Российской Федерации урегулировать уголовно-процессуальное законодательство с той точки зрения, чтобы в нем было в полной мере отражены права личности и четко определены пределы деятельности органов предварительного расследования, не нарушающие права участников предварительного расследования.

Вследствие реформирования уголовно-процессуального законодательства большое внимание стало уделяться его соответствию установленным нормами международного права, а также ратифицированным Россией международным договорам. Порядок их защиты, регулируется национальным законодательством с учетом особенностей процедуры производства по уголовному делу. Юридические решения Европейского Суда, обязательны для государств-ответчиков по делу, а неисполнение решений может привести даже приостановлению членства государства.

Поэтому, чтобы избежать повторенных обращений со стороны граждан в Европейский Суд, необходимо исправление уже, однажды, выявленных Судом уязвимых положений национальных нормативных актов.

В частности, практика Европейского Суда получила свое отражение в российском законодательстве, регулирующем обеспечение личной безопасности участников уголовного судопроизводства. Во многом именно опыт Европейских государств был использован в формировании указанного правового института в уголовно-процессуальном законодательстве, поскольку в той или иной степени он был

проверен правоприменительной практикой стран-участников Конвенции.

В соответствии с ч. 3 ст. 11 УПК РФ к участникам уголовного судопроизводства в целях обеспечения их личной безопасности в ходе предварительного расследования могут применяться меры безопасности, установленные ч. 9 ст. 166 УПК РФ, ч. 2 ст. 186 УПК РФ, ч. 8 ст. 193 УПК РФ, ч. 1 ст. 217 УПК РФ. Указанные нормы позволяют допросить свидетеля, потерпевшего под псевдонимом; осуществить контроль и запись телефонных и иных переговоров; произвести опознание в условиях, когда опознаваемого подозреваемый не видит опознающего. Кроме вышеизложенного, законодатель предоставил право потерпевшему, свидетелю, подозреваемому (обвиняемому), с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, ходатайствовать о применении в отношении них указанных мер безопасности (п. 21 ч. 2 ст. 42, п. 7 ч. 4 ст. 56, п. 5 ч. 4 ст. 46, п. 5 ч. 4 ст. 47 УПК РФ).

Европейским Судом неоднократно рассматривался вопрос о правомерности использования показаний анонимных свидетелей в качестве доказательств.

Так, при рассмотрении дела Куруп против Дании Суд не нашел нарушений ст. 6 Европейской Конвенции, устанавливающей право обвиняемого иметь достаточно время и возможности для подготовки своей защиты, решая вопрос о допустимости нераскрытия для подсудимого личности свидетелей, допрошенных в его отсутствие, тогда как сведения об их личности были раскрыты его защитнику «под обязательство сохранять тайну». Указанный способ обеспечения личной безопасности свидетеля в ходе допроса, по мнению Европейского Суда, не нарушает Конвенцию, «поскольку национальный суд обоснованно защищает интересы свидетеля, который опасается ответных мер со стороны обвиняемого, и поскольку защитнику было разрешено обсуждать с заявителем суть свидетельских показаний» [5, с. 100—101].

Тем самым, Европейский Суд поддерживает практику использования показаний анонимных свидетелей. С тем условием, что в дальнейшем в судебном разбирательстве подсудимому и его защитнику будет предоставлена возможность участвовать в допросе такого свидетеля.

По делу № 34209/96 С.Н. против Швеции Европейский Суд высказал несколько иную позицию, по его мнению, «нельзя считать, что подпункт d п. 3 ст. 6 Конвенции требует во всех случаях, чтобы вопросы задавались непосредственно обвиняемым или его адвокатом путем допроса стороной защиты... Воспроизведение видео- и аудиозаписей или оглашение протоколов необходимо считать достаточным, чтобы дать возможность оспаривать утверждения свидетеля или ставить под сомнение его показания». Тем самым Суд считает допустимым оглашение в суде показаний свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства (даже при условии их анонимности), полученных, в том числе в ходе предварительного расследования, в том случае, если подсудимому было предоставлено право задать вопросы через допрашивавших его лиц.

Согласно ч. 9 ст. 166 УПК РФ, в ходе предварительного расследования могут быть закрыты личные данные свидетеля или потерпевшего, в целях обеспечения их личной безопасности. Для чего реальные данные о них, изложенные в постановлении, помещаются в конверт, который опечатывается и приобщается к материалам уголовного дела. По окончании предварительного расследования при ознакомлении обвиняемого с материалами уголовного дела, конверт с анкетными данными засекреченного лица не предъявляется обвиняемому и его защитнику (ч. 1 ст. 217 УПК РФ).

Особо следует заметить, что статьей 6 Европейской Конвенции, устанавливается право обвиняемого иметь достаточно время и возможности для подготовки своей защиты. В связи с чем в положениях ст.ст. 166, 217 УПК РФ можно усмотреть не предоставление достаточной возможности для подготовки обвиняемым своей защиты. Тем не менее, Европейский Суд разъяснил, что «при определенных обстоятельствах из статьи 6 (3) b) можно вывести право на разумный доступ к документации обвинения... Хотя обвинение может предоставлять защитнику в разумных пределах доступ к своим документам, оно не обязано уведомлять его о всех доказательствах, которые оно намерено представить суду. Европейская комиссия постановила, что государство может налагать разумные ограничения на доступ к документам обвинения»

[6]. То есть установленное ст. 166 УПК РФ такое ограничение в качестве меры безопасности участников уголовного судопроизводства не является нарушением прав обвиняемого, должно восприниматься как одно из средств, используемых для защиты свидетеля, потерпевшего, а также их родных и близких.

Российской судебной практикой на сегодняшний день выработана процедура, соответствующая требованиям, в том числе Европейской Конвенции, в полной мере гарантирующая защиту прав и свобод человека и гражданина, участвующего в деле в качестве свидетеля [7].

Так, в соответствии с требованиями ч. 3 ст. 11, ч. 9 ст. 166 УПК РФ в целях обеспечения безопасности свидетеля его анкетные данные по поступившему от него заявлению в органы предварительного расследования должны быть изменены, о чем следователем должно быть вынесено мотивированное постановление. Затем, в соответствии с положениями ч. 5 ст. 278 УПК РФ, при необходимости обеспечения безопасности свидетеля, суд без оглашения подлинных данных о личности проводит его допрос в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства. Свидетель как в ходе предварительного, так и судебного следствия предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний. Допрос в судебном заседании свидетеля в условиях, исключающих его визуальное наблюдение другими участниками судебного разбирательства, должен быть осуществлен на основании соответствующего постановления, вынесенного судом в порядке ч. 2 ст. 256 УПК РФ. В обязательном порядке у подсудимого его защитника выясняют, не возражают ли они против допроса свидетеля в условиях, исключающих его визуальное наблюдение. Перед началом допроса судом устанавливается личность свидетеля путем сличения документов свидетеля и данных, имеющихся в закрытом пакете. У сторон выясняется, будет ли заявлено ходатайство о раскрытии подлинных сведений о лицах, дающих показания, в связи с необходимостью осуществления защиты подсудимого либо установления каких-либо существенных для рассмотрения уголовного дела обстоятельств, как того требует ч. 6 ст. 278 УПК РФ, стороной защиты. При допросе свиде-

теля в судебном заседании участникам процесса в обязательном порядке должна быть предоставлена возможность задавать вопросы и получать ответы на них.

Существует еще определенный потенциал, неиспользованные резервы, которые могут быть учтены в процессе дальнейшего реформирования уголовно-процессуального законодательства России. Несмотря на то, что юридически решение, вынесенное Европейским Судом, обязательно лишь для государства-ответчика по делу, тем не менее, значимые решения Европейского Суда, вынесенные в отношении третьих стран, должны учитываться в правоприменительной практике Российской Федерации.

Литература

1. *Егоров С.Е.* Права человека в уголовном процессе: международные стандарты и российское законодательство. М., 2006.
2. Информация Конституционного Суда РФ. Развитие судебной системы Российской Федерации: конституционно-правовые аспекты (на основе решений Конституционного Суда РФ 2012—2013 годов). // URL:// <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Informationks/Pages/Aspects.aspx>
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 г. № 21-П // Российская газета. 2015. № 6734.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 6.12.2013 г. № 27-П // Российская газета. 2013. № 6261.
5. Укрепление механизмов защиты адвокатской тайны в Российской Федерации. Методические материалы // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2011. № 3 (33).
6. Добавление к третьему докладу Комиссии по правам человека ЭКОСОС ООН Право на справедливое судебное разбирательство: признание в современных условиях и меры по его укреплению. // Док.Е/CN.4/Sub.2/1992/24/Add.1, 15 мая, 1992. P. 27.
7. Решение по делу 22-15158/2015 (24.12.2015, Верховный Суд Республики Башкортостан (Республика Башкортостан); Решение по делу 22-112/2016 (03.02.2016, Кемеровский областной суд (Кемеровская область)).

УДК 341
ББК 67.9

ФОРМИРОВАНИЕ ПОНЯТИЯ И КОНЦЕПЦИИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ (ОБВИНЕНИЯ)

ВИКТОР ВИКТОРОВИЧ ПУШКАРЕВ,

*доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук
E-mail: vvp77r@rambler.ru*

Научная специальность 12.00.10 — международное право; европейское право

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Раскрываются результаты правоприменения Европейским Судом по правам человека, Европейской Комиссией по правам человека, Конституционным Судом Российской Федерации, выраженные в соответствующих решениях, которые являются основанием для изменения редакции ряда норм УПК РФ в целях совершенствования механизма правового регулирования досудебного производства, повышения его качества и эффективности.

Ключевые слова: досудебное производство, уголовно-процессуальный статус, уголовное преследование.

Abstract. The article describes the results of enforcement of the European Court of Human Rights, European Commission of Human Rights, the Russian Constitutional Court expressed in the relevant decisions, which are the basis for changes in the editorial board of a number of norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in order to improve the criminal-procedural legislation, to improve the quality and efficiency of pre-trial production.

Keywords: pre-trial proceedings, the criminal-procedural status, the function of criminal prosecution.

Уголовное преследование, как важнейший вид процессуальной деятельности, осуществляемой в уголовном судопроизводстве, направленный на расследование и раскрытие преступлений, на установление и изобличение лиц, их совершивших, на привлечение их к уголовной ответственности всегда оставался в центре внимания общества и государства. Нормы, регламентирующие уголовное преследование, являются системообразующими для уголовного судопроизводства, определяют его форму, сущность правоприменения и его результатов, являются предметом правотворчества на протяжении всего существования уголовно-процессуального права.

Деятельность должностных лиц и органов, осуществляющих уголовное преследование, обладает высокой социальной значимостью и направлена одновременно на защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необо-

снованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Также, в соответствии с ч. 2 ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) установлено, что уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию.

В соответствии с п. 55 ст. 5 УПК РФ, под уголовным преследованием понимается процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, а обвинение, в соответствии с п. 22 ст. 5 УПК РФ, понимается как утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном настоящим Кодексом.

При этом, анализ иных положений УПК РФ, например, п. 45 ст. 5 УПК РФ, ч. 1 ст. 20 УПК РФ, подчеркивает стремление законодателя использовать термины обвинение и уголовное преследование как тождественные по смыслу.

В рамках данной нормы очевидна историческая преемственность, поскольку в соответствии со ст.ст. 1-5 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. функция обвинения (судебного преследования) в Российской империи понималась как обличение обвиняемых пред судом, возбуждаемое потерпевшими от преступных действий частными лицами, прокурорами и их товарищами, а также должностными лицами полицейских и других административных властей (в пределах, установленных законом (ст. 41 п. 2 и 48), в соответствии с порядком, определенным правилами УУС [8], с тем лишь исключением, что судебный следователь данной функцией уголовного судопроизводства наделен не был, а осуществлял судебную власть.

Как подтверждается правоприменительной практикой деятельности Европейского Суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) и Европейской Комиссии по правам человека (далее — Комиссия), данным органам свойственно предельно широкое и в то же время четкое понимание термина «уголовное обвинение».

Во-первых, ЕСПЧ, следуя своим соображениям, высказанным в деле Делькур против Бельгии (*Delcourt v. Belgium*) (1970), постановил, что пункт 1 Статьи 6 содержит такую концепцию термина «уголовное обвинение», которая имеет скорее материальный, чем формальный характер (*Deweer против Бельгии (Deweer v. Belgium)* (1980)). Во-вторых, по делу Экле против Федеративной республики Германии (*Eckle v. the Federal Republic of Germany*) (1982) Суд постановил, что уголовное обвинение может быть определено как «официальное уведомление компетентным органом о том, что оно подозревается в совершении уголовного преступления». В деле Фоти и Другие против Италии (*Foti and others v. Italy*) (1982) Суд пошел еще дальше и расширил это понятие, включив в него «другие меры, подразумевающие такое подозрение и которые могут серьезно повлиять на положение подозреваемого». Комиссия и Суд сочли, что «серьезно повлиять» могут такие действия как выдача ордера на

арест, обыск жилого помещения или личный обыск. С другой стороны, они установили, что такой критерий отсутствует при возбуждении расследования правоохранительными органами, допроса свидетелей или других действий, которые не оказывают непосредственного влияния на заинтересованное лицо [1, с. 38—39].

Таким образом, ЕСПЧ и Комиссия по сути указывают на то, что функция уголовного преследования и функция обвинения являются семантически тождественными. Именно в таком смысле они используются в действующем уголовно-процессуальном законе, например, в п. 45, п. 55 ст. 5, ч. 1 ст. 20, ст. 21 УПК РФ, в отличие от мнения некоторых авторов, обосновывающих и без того понятное их разное ассоциативное значение [7, с. 16].

Конституционный Суд Российской Федерации также обращался к разрешению вопроса об уголовном преследовании.

В своем Постановлении от 29.06.2004 № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» он указал, что осуществляя уголовное преследование по уголовным делам прокурор, а также следователь, дознаватель и иные должностные лица, выступающие на стороне обвинения, должны подчиняться предусмотренному УПК РФ порядку уголовного судопроизводства, следуя назначению и принципам уголовного судопроизводства: они обязаны всеми имеющимися в их распоряжении средствами обеспечить охрану прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, исходить в своей профессиональной деятельности из презумпции невиновности, обеспечивать подозреваемому и обвиняемому право на защиту, принимать решения в соответствии с требованиями законности, обоснованности и мотивированности, в силу которых обвинение может быть признано обоснованным только при условии, что все противостоящие ему обстоятельства дела объективно исследованы и опровергнуты стороной обвинения. Каких-либо положений, допускающих освобождение прокурора, следователя, дознавателя от выполнения этих обязанностей УПК РФ не содержит. Таким образом, в процессе уголовного пре-

следования прокурору, следователю, дознавателю необходимо использовать весь комплекс мер, предусмотренных уголовно-процессуальным законом мер по охране прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве. Осуществление указанных лицами своей процессуальной функции именно в таком объеме, гарантируемое особым процессуальным статусом и полномочиями прокурора, следователя, дознавателя, а также наличием судебного контроля в отношении их действий и решений, включая контроль со стороны апелляционной и кассационной инстанций, обеспечивает в рамках уголовного судопроизводства выполнение государством своей обязанности по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина, их обеспечению правосудием.

Принимая во внимание роль и место процессуальных функций в структуре уголовно-процессуального статуса участников уголовного судопроизводства, следует предложить редакцию ряда норм действующего УПК РФ, которая бы позволила полноценно отразить их социальное назначение, а также основное направление их процессуальной деятельности.

В целях совершенствования действующего уголовно-процессуального законодательства требуется, во-первых, включить в ст. 37, ст. 38, ст. 39, ст. 40, ст. 40.1, ст. 40.2 и ст. 41 УПК РФ упоминание о функции уголовного преследования, осуществляемой данными лицами в качестве основного направления их процессуальной деятельности.

Содержание функции уголовного преследования (обвинения) составляют конкретные способы ее реализации, закрепленные в различных нормах действующего уголовно-процессуального закона и составляющие суть процессуальных полномочий данных должностных лиц, предоставляемых законодательством для принятия процессуальных решений и совершения процессуальных действий в интересах других лиц при осуществлении уголовного преследования по уголовному делу.

Правильному пониманию функции уголовного преследования (обвинения), способствовало бы на наш взгляд введение п. 2.2. в ст. 38 УПК РФ и изложение его в следующей редакции: «принимать все меры к всестороннему и полному установлению обстоятельств, существенных для как обвинения, так

и оправдания, осуществлять уголовное преследование лица, в отношении которого собраны достаточные доказательства, указывающие на совершение им преступления».

Данная новелла полностью соответствует ранее озвученной позиции Конституционного Суда Российской Федерации, полагающего, что обвинение может быть признано обоснованным только при условии, что все противостоящие ему обстоятельства дела объективно исследованы и опровергнуты стороной обвинения. Отражение в тексте предлагаемой нормы (п. 2.2. в ст. 38 УПК РФ) конкретных способов реализации следователем функции уголовного преследования (обвинения), как это сделано в ч. 2 ст. 36 УПК Республики Беларусь [9], устанавливающей, что следователь обязан осуществлять уголовное преследование лица, в отношении которого собраны достаточные доказательства, указывающие на совершение им преступления, путем привлечения его в качестве обвиняемого, предъявления обвинения, применения в отношении его меры пресечения, передачи дела прокурору для направления в суд, представляется излишним, поскольку природа обвинения имеет весьма широкий характер и конкретные способы должны быть отражены в иных (специальных) нормах, регламентирующих процессуальную деятельность следователя в данном направлении.

Проведенное исследование показывает, что функция обвинения, реализуемая современным российским следователем никаким образом не диссонирует с принципом правового государства, закрепленным ч. 1 ст. 1 Конституции Российской Федерации, поскольку, реализуя назначение уголовного судопроизводства, следователь должен не только эффективно бороться с преступностью с одной стороны, но и защищать права обвиняемого (подозреваемого), с другой, применять нормы материального и процессуального права, всегда гарантируя конституционные права обвиняемого (подозреваемого).

Осмысленная концепция уголовного преследования, положения о состязательности сторон [6, с. 126—132], которая понимается и фактически сводится ЕСПЧ к принципу равенства средств, то есть когда сторонам защиты и обвинения должна быть предоставлена равная возможность ознакомиться с предоставленными другой стороной доказатель-

ствами и замечаниями, а также и выражением своего мнения по ним¹, должны быть положены в основу совершенствования механизма правового регулирования досудебного производства в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве.

Литература

1. *Гомиен Д.* Путеводитель по Европейской Конвенции о защите прав человека. Совет Европы, Служба публикаций и документации. Страсбург: Совет Европы, Служба публикаций и документации, 1994.

2. *Гриненко А.В.* Решения Европейского Суда по правам человека и российское уголовно-процессуальное законодательство // *Международное уголовное право и международная юстиция.* 2008. № 2. С. 14—16.

¹ *Фельбрюгге против Нидерландов (Feldbrugge v. the Netherlands (1986), Брандштеттер против Австрии (Brandstetter v. Austria (1991), Булют против Австрии (Bulut v. Austria) (1996) и Нидерост-Хубер против Швейцарии (Niderost-Huber v. Switzerland) (1997), Кероярви против Финляндии (Kerojarvi v. Finland (1995), МакМайкл против Соединенного Королевства (McMichael v. the United Kingdom (1995), Фуше против Франции (Foucher v. France (1997), Де Хас и Гижельс против Бельгии (De Haes and Gijssels v. Belgium (1997), Мантованелли против Франции (Mantovanelli v. France) (1997), Бениш против Австрии (Bonisch v. Austria) (1985), Боргерс против Бельгии (Borgers v. Belgium) (1991), Вермейлен против Бельгии (Vermeulen v. Belgium) (1996), Хиро Балани против Испании (Hiro Balani v. Spain) (1994), Руиз Тория против Испании (Ruiz Torija v. Spain (1994), Ван Оршовен против Бельгии (Van Orshoven v. Belgium) (1997), Вашер против Франции (Vacher v. France) (1997).*

3. *Гриненко А.В.* Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации глазами экспертов Совета Европы: прогнозы и результаты // *Международное уголовное право и международная юстиция.* 2007. № 2. С. 6—9.

4. *Иванов Д.А.* Защита следователем прав и законных интересов юридических лиц, потерпевших от преступлений: Автореф дис. ... к.ю.н. 12.00.09. М., 2007. 25 с.

5. *Иванов Д.А.* Роль участников уголовного судопроизводства в реализации механизма возмещения вреда, причиненного преступлением в досудебном производстве по уголовным делам // *Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки.* 2015. № 1 (6). С. 33—36.

6. *Пушкарев В.В.* Реализация принципа состязательности на досудебных стадиях уголовного процесса // *Библиотека криминалиста. Научный журнал.* 2016. № 2 (25). С. 126—132.

7. *Шагиева З.Х.* Функция обвинения в современной модели российского уголовного процесса: автореферат дис. ... к.ю.н.: 12.00.09. Ижевск, 2007. С. 16.

8. Устав уголовного судопроизводства Российской империи. Собр. 2-е. Т. XXXIX (1864): Ч. 2: № 41476. СПб., 1867.

9. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь 16 июля 1999 г. № 295-3 // URL:// www.etalonline.by

Актуальные вопросы теории и практики предъявления лиц для опознания: монография / Д.А. Бурька, Е.В. Егорова. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2016. 159 с. (Серия «Научные издания для юристов»).

На основе анализа специальной литературы, действующего уголовно-процессуального законодательства и практики его применения рассматриваются проблемные, дискуссионные вопросы, связанные с подготовкой и проведением предъявления для опознания живых лиц как по признакам внешности, так и по функционально-динамическому комплексу навыков. Предлагается комплекс рекомендаций по дальнейшему совершенствованию правовых и криминалистических основ данного следственного действия. Значительное внимание уделяется особенностям процессуальной оценки его результатов с учетом обобщения наиболее распространенных ошибок, допускаемых при предъявлении лиц для опознания.

Для сотрудников правоохранительных органов, занимающихся раскрытием и расследованием преступлений, прокуроров, судей, адвокатов, преподавателей, аспирантов, научных работников, студентов, курсантов и слушателей юридических вузов, а также для широкого круга читателей, интересующихся вопросами производства следственных действий и проблемами доказывания в российском уголовном судопроизводстве.

УДК 341
ББК 67.9

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПАТОЛОГИЯ ПРАВА В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОМ ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ¹

КОНСТАНТИН ЕЛИЗАРОВИЧ СИГАЛОВ,

*заместитель директора Института проблем эффективного государства и гражданского общества
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент*

E-mail: sigalovconst@mail.ru

Научная специальность 12.00.10 — международное право; европейское право

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Автор постарался высказать свое суждение о проблемах современного международного права на Западе, о комплексе сложных и противоречивых взаимоотношений в современном кризисном состоянии европейской цивилизации. Автор считает, что попытка обозначить «болевы́е точки» проблемы есть первый шаг к ее разрешению.

Ключевые слова: право, политика, гражданское общество, деструкция, государство, позитивная ответственность, негативная ответственность, цивилизационный риск.

Abstract. The author tried to express his opinion about the problems of modern international law in the West, the complex of complicated and contradictory relationships in the modern state of crisis of European civilization. The author considers that the attempt to identify «hot spots» of the problem is the first step towards its solution.

Keywords: law, politics, civil society, destruction, state, positive responsibility, negative responsibility, the risk of civilization.

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненным за счет бюджетных средств по Государственному заданию Финансового университета 2016 г.

Не секрет, что Западная Европа переживает в настоящий момент острый политический и ментальный кризис, обусловленный сложными процессами, происходящими и в гражданском обществе западноевропейских стран, и в возможностях политических институтов разрешить возникающие проблемы. За последнее время политическая составляющая Запада претерпела существенные изменения. Столь же значительные изменения произошли и в идейно-интеллектуальной сфере. Это было обусловлено не только изменениями в социальной структуре общества, но и принципами политической и правовой самоидентификации, современными представлениями о должном и сущем. В ментальном плане на Западе получили почти то же самое, что мы получили в России почти сто лет назад: во многих странах к власти на высшем уровне пришли амби-

циозные и циничные политики, на среднем уровне — представители охлоса, алчно эксплуатирующие все завоевания западной цивилизации, совершенно не понимая их истинных ценностей. «Расширение» Евросоюза принесло непредсказуемые для Запада, но совершенно очевидные для российского исследователя проблемы. Ряды западной бюрократии пополнились далеко не лучшими представителями истеблишмента стран бывшего «Восточного блока» и бывших республик СССР. Именно эта публика отличается, с одной стороны, оголтелым русофобством, а с другой стороны, — стремлением и «наверстать упущенное», и получить как можно больше при разделе «общеевропейского пирога». Именно это, а не принадлежность к либеральной или консервативной идеологии определяет всю архитектуру их политических действий. Право, которое было на

Западе стержневой ценностью, стало приноситься в угоду политическим амбициям отдельных честолюбивых и корыстных политиков, которые пытались неумелый и недальновидный стиль управления скорректировать леволиберальной (а точнее, псевдолиберальной) идеологией. У Западной Европы, получившей свои материальные и духовные блага в результате многовековой тяжелой, напряженной работы, жесткой борьбы за свои права и свободы, прорывных интеллектуальных достижений в науках и технологиях появилось огромное количество нахлебников из числа своих граждан, которые стали привыкать ничего не делать и паразитировать не только на труде своих сограждан, но на достижениях предыдущих поколений. Этот деструктивный тренд стал «подпираться» массовой миграцией, вызванной крайне непродуманной внешней политикой и попытками оправдаться за «грехи» отцов-колонизаторов. В правовой сфере стали нарастать факторы несправедливости, отсутствия равноправия, откровенной деструкции. «Каждый юрист, конечно, хорошо знает, что случайность, деструкция, нестабильность, дезорганизация, отклонения и нарушения законов, ошибки и неудачи вовсе не исключены из правовой сферы, их всегда больше, чем хотелось бы, но у него есть прекрасное объяснение той иррациональности, от которой пока не избавлено правовое регулирование. Причина, согласно распространенному мнению, лежит в неполноте познания юридической действительности, недостатке надежной информации и истинных знаний о праве, несовершенстве имеющихся методов правотворчества и правоприменения» [2, с. 55]. У государства всегда найдется возможность уйти от ответственности, ссылаясь на многочисленные объективные обстоятельства, которые не позволили ему исполнить должным образом, те обязательства, которые оно само на себя возложило.

Следует признать, что гражданское общество на Западе «проспало» ошибки государства и его ответственность за мировые войны, приход к власти тоталитарных и авторитарных режимов, многомиллионные жертвы. Ошибки совершали одни, отвечать за них приходится другим. Ошибки, дисфункции государственного управления очень дорого обходятся людям, но государство (и как режим и как система управления, а также конкретные политические деяте-

ли и чиновники) если и несут ответственность за свои действия, то несопоставимо с причиненным вредом, а «неведение и глупость караются природой вещей не менее жестоко, чем откровенно злой умысел» [3].

В настоящий момент на Западе происходит уникальный по своей значимости и степени цивилизационного риска эксперимент на устойчивость западной цивилизации к внешнему воздействию. Запад недооценил реальность и опасность волны переселенцев, с чуждой культурой, антизападными аксиологическими представлениями о жизни, принципиально иными конфессиональными и моральными установками, совершенно непохожей социальной организованностью. Западная государственность принимала решения о допуске в условиях отсутствия консенсуса в гражданском обществе о целесообразности таких действий, последствия которых в полной мере невозможно прогнозировать.

Государство в условиях нашествия чуждой культуры, дисбаланса гражданского общества, сбоя ориентиров личности, не в состоянии следить за порядком, выполнять свои функции, а страна в целом не может справиться с напором чуждой цивилизации.

Применение норм международного права в идеале должно вести к разрешению кризисных явлений, однако те деструктивные проявления в западном праве в целом, свои рода патологии права, наоборот только способствуют разрастанию кризиса. Следует отметить, что международное право — один из самых противоречивых и запутанных правовых феноменов. С одной стороны, международное право — одно из начал права вообще, ибо первые правовые контакты были именно между чужими людьми, отношения внутри сообщества, возможно, еще регулировались обычаями, моралью и др. С другой стороны, современное международное право во многих своих чертах несет характер незрелости, несовершенства, незаконченности.

«Международное право — это система позитивной ответственности и система условий негативной ответственности» [1, с. 411]. Но следует признать ряд ведущих факторов, от которых невозможно отмахнуться ни при каких обстоятельствах.

Во-первых, международное право — это все же право сильного. С того времени, когда начинают действовать первые международно-правовые договоры (Тордесильяский 1494, Сарагосский

1529 г. Вестфальский мир, договоры Священного союза и т.д.) — это были договоры сильных. Испанцы и португальцы, разделив мир сразу после открытия Америки и восточного пути в Индию, искренне не понимали, почему англичане, французы и даже голландцы пытаются участвовать в разделе уже поделенного ими мира. В более поздних договорах удел слабых участников договора — принимать ситуацию такой, какой ее навязывали сильнейшие, другого выхода у них просто не было. Если сильнейшие считали, что можно в данном конкретном случае обойтись без прямого насилия, без кровопролития, то так оно и было. Когда интересы сильнейших сопрягались с жестким воздействием, со слабыми никто не считался.

Во-вторых, внутреннее право целиком формирует облик не только международной политики государства, но и отношение данного государства к принципам международного права. Практически все исследователи отмечают «долгорукость» американского права, позволяющего американцам решать свои проблемы во всех уголках мира, невзирая ни на какие условности. Этому примеру в большей или меньшей степени следуют и другие страны, заботящиеся иногда о безопасности своих граждан, но очень часто решающие свои внешние экономические и политические проблемы.

В-третьих, даже для европейского права в плане организации международного порядка существуют совершенно различные подходы к решению тех или иных вопросов. Причем речь здесь идет не о политическом, а именно о юридическом подходе. Дело состоит в том, что, скажем к проблеме передаче части суверенитета, значимости прав граждан, вмешательства государства в дела бизнеса, взаимоотношений труда и капитала, контроле над поведением личности, определением права человека в англо-американском, романо-германском и скандинавском праве имеются существенные различия, что не может не отразиться на международно-правовых отношениях.

В-четвертых, в современном международном праве, как нигде действует политическая составляющая: некоторые из слабых, осознавая свое геополитическое значение, буквально «танцуют на животе» у сильных, добываясь самыми разнообразными путями того, что им никак не может принадлежать. В международных организациях сильны проблемы,

когда национальное законодательство, реалии и привычки, бытующие в той или иной стране, приходят в резкое противоречие с международными требованиями.

В-пятых, в международном праве есть проблема, о которой многие стыдятся говорить: собственное мнение юристов перестают слушать в коридорах западноевропейской политики. Возможно, если бы юристов и допустили бы до создания многих документов, может быть и итог был бы другой, но часто эти документы составляют политики, руководствующиеся сиюминутной конъюнктурой, т.н. «политической целесообразностью», но никак не объективными основаниями для принятия решений. Отсюда — незрелые документы, необоснованные решения, основанные на слабом знании современных реалий.

В-шестых, проблема международного права — это проблема общего правового пространства. Правовое пространство — это не только характеристика каких-то конкретных определенностей в заданной системе координат (физической, географической и т.п.), но, прежде всего, расположением вещей, явлений, феноменов друг относительно друга, нахождению их именно в этой системе координат, посредством чего возможны конвенциональные отношения, вырабатывается общий язык и устанавливаются определенные правила. В этом смысле, правовое пространство — это не только географическая «расположенность» права того или иного типа, это, в первую очередь, то, что для определенного количества рядорасположенных субъектов права, правовых существ, юридических лиц, государственных и общественных организаций, право представляет ту ценность и то определяющее значение, которое объединяет их в некую социальную общность, в которой заданы те или иные правила поведения.

Запад демонстрирует сегодня, насколько вредны государству, гражданскому обществу и конкретному человеку злоупотребление правом, употребление его во вред своему предназначению, и более того — патология права. Но, с другой стороны, это своеобразное признание того, право приобрело особое значение, и любое отклонение от нормы грозит серьезными последствиями. Проблема понимания права в целом, как сложившегося социально-культурного феномена всегда занимала важное место

в духовном арсенале человека. Право — многоаспектное понятие, а наука о праве разрабатывает и консолидирует глубокие и самые разнообразные сведения, накопленные за долгие годы.

Во-первых, реалии сегодняшнего дня таковы, что многие сложившиеся представления о развитии общества, способах регулирования отношений в нем, месте человека в этих отношениях, характере социальной жизни в целом устарели и нуждаются в фундаментальном переосмыслении. Приходится констатировать, что развитие социальных наук (как в России, так и на Западе), в том числе и права, не поспевает за темпом развития социальной жизни, а способы духовного освоения социальной действительности не вполне соответствуют современным процессам. С другой стороны, наследие прошлого во многом не до конца оценено, и этот запас духовности обязательно следует вводить в научный оборот. Порой сложно вообще-то и понять, что есть норма, что отклонение, а что просто забытое старое. Наконец, правильно оценить и понять современный сложный мир может помочь только адекватное понимание места юриспруденции как науки и адекватная же научная методология.

В современном обществе сфера действия права значительно шире, нежели это было двести, сто или даже двадцать лет назад. Право приобретает характер формообразующего феномена для широкого круга явлений, оно буквально «врывается» в те сферы жизни, которые ранее правовому воздействию подвергались в самой незначительной степени или не подвергались вообще. При этом право всегда действует в конкретной обстановке, в связи с конкретным социальным окружением и совместно с другими социальными нормами.

Во-вторых, понимание права именно в этом аспекте позволяет понять возможности применения и оптимизации сложных механизмов социального воздействия на общество и личность, где право играет ключевую роль. Это с одной стороны. С другой стороны, подобная позиция позволяет не только понимать причины изменений в праве, не только предвидеть и прогнозировать те или иные изменения, но и конструировать их в нужном для общества виде. Конструировать — это не всегда значит портить, и новое далеко не всегда есть отклонение от «нормы». При этом «право для государства»,

«право для общества» и «право для человека» — не во всем совпадающие понятия. Если первое наиболее подвержено юридизации и политизации, второе обусловлено воздействием социальных феноменов, то третье в каждом конкретном случае требует объяснения и верификации. Для одного человека достаточно того, что право есть властное веление государства, обеспечивающего порядок в том мире, в котором живет человек; для другого человека право — это посторонняя враждебная сила, вламывающаяся в его мир и помимо его воли заставляющая действовать определенным образом; для третьего право — это чрезвычайно широкий спектр возможностей, связанных с регулированием отношений с обществом, государством и другими людьми, а также с обустройством своего внутреннего мира, сообразно своим представлениям об окружающей действительности и своем месте в ней. Совершенно очевидно, что данные вопросы имеют не только теоретическую, но и практическую направленность.

Современная международно-правовая ситуация на Западе представляет собой занимательную пьесу, то похожую на трагикомедию, то триллер, то на мелодраму. Однако «сценаристам», «режиссерам» и «продюсерам» всех этих событий в последнее время становится ясным тот факт, что собственное гражданское общество, собственное население, да и собственное государство должны иметь определенные приоритеты и преимущества. И в этом смысле именно право, как внутреннее, так и международное, позволяет адекватно оценить ситуацию, и сделать правильный выбор. У автора данной статьи нет ни возможности, ни желания, да и нет такого морального права делать детальный прогноз предстоящих событий, но все же есть некоторые основания полагать, что вся мучительная западноевропейская международно-правовая драма будет иметь счастливый конец.

Литература

1. Малахов В.П., Эриашвили Н.Д. Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и Порядок, 2011.
2. Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007.
3. Хаксли О. Через много лет. М.: АСТ, 2010.

УДК 341
ББК 67.9

СТАНОВЛЕНИЕ МЕХАНИЗМА ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА ЕВРОПЕЙСКИМ СУДОМ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

АЛЕКСАНДРА ЕВГЕНЬЕВНА СИМОНОВА,

*доцент кафедры прав человека и международного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

E-mail: For-Alex.07@mail.ru

Научная специальность 12.00.10 — международное право; европейское право

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматриваются теоретические вопросы, посвященные возникновению Европейского Суда по правам человека как особого судебного контрольного механизма, связанного с реализацией Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Кроме того, подчеркивается обоснованность и эффективность существования европейской региональной системы правосудия.

Ключевые слова: Европейский Суд по правам человека, европейская система правосудия, Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод, права и свободы человека.

Abstract. The article considers theoretical questions about the emergence of the European Court of human rights as a special judicial oversight mechanism associated with the implementation of the European Convention for the protection of human rights and fundamental freedoms. Highlights the soundness and efficiency of the existence of a European regional system of justice.

Keywords: European Court of human rights, the European system of justice, the European Convention for the protection of human rights and fundamental freedoms, the rights and freedoms of the individual.

Вторая половина XX века, связанная с осмыслением и оценкой итогов и последствий Второй мировой войны была напрямую связана с актуализацией вопросов недопущения впредь массового нарушения и ущемления прав и свобод человека, прежде всего со стороны государства [1, с. 356—374]. Чудовищные жертвы прошедшей войны подняли проблему создания действующего правового и судебного механизма позволявшего отдельному лицу оспаривать те или иные действия государства и его органов в сфере реализации прав и свобод человека. Данные события совпали с объединительными тенденциями на европейском континенте, усилившимися в указанный период. Знаменательным историческим событием, оказавшим безусловное влияние на развитие международных и региональных правовых интеграционных процессов стал Нюрнбергский процесс, заложивший основы сотрудничества государств в сфере отправления правосудия

[3, с. 13]. Среди различного рода направлений сотрудничества представители государств предприняли немалые усилия для создания многих механизмов обеспечения и защиты прав и свобод человека. Одним из них стала международная организация Совет Европы, объединяющая в своем составе 47 государств.

История создания Совета Европы берет свое начало с момента открытия одноименного представительного мероприятия — Конгресса Европы. Это судьбоносное мероприятие состоялось в голландской Гааге с 7 по 10 мая 1948 года. Инициатором созыва данного всеевропейского послевоенного форума выступил Международный комитет движений за европейское единство. Заседания Конгресса проходили в рамках трех секций — Комиссии по политическим вопросам, Комиссии по экономическим вопросам и Комиссии по культурным вопросам. Именно по инициативе указанных комиссий

по политическим и экономическим вопросам было выработано предложение о разработке и скорейшем принятии основополагающего европейского документа — Хартии прав человека, что явилось одним из значимых результатов работы Конгресса. Кроме того, была высказана идея создания специального судебного органа, призванного осуществлять контроль за соблюдением положений данного правового акта. Более того, предполагалось в основу деятельности такого Суда заложить возможность применять необходимые санкции в случае несоблюдения упомянутой Хартии. В ходе работы Конгресса были также приняты ряд резолюций, которые свидетельствовали о настойчивом стремлении к более тесному европейскому объединению в форме экономического и политического союза государств, в частности в качестве первого этапа было намечено образовать Европейскую Ассамблею для углубления политической интеграции. Именно тогда в документах впервые прозвучало привычное современное словосочетание — Европейский Союз. В основе его деятельности представлялось объединить европейские государства в строгом соответствии с принципами демократии и признающие нормы Хартии о правах человека, а также гарантирующие их соблюдение на своей территории. И конечно, безусловно, самым главным результатом работы Конгресса стало создание в 1949 году в Лондоне Совета Европы.

Указанная организация, штаб-квартира которой находится в Страсбурге (Франция), продолжает свою работу и по сей день. Согласно Устава Совета Европы, подписанному представителями государств Франции, Бельгии, Великобритании, Дании, Италии, Люксембурга, Ирландии, Норвегии, Нидерландов и Швеции, среди целого ряда принципов работы Совета Европы, таких как сотрудничества государств-членов, принципа демократии и свободы, одним из основополагающих является поощрение и защита прав и свобод человека, в том числе прав нового поколения [2, с. 34].

Вскоре после своего создания Совет Европы вплотную занялся вопросом об учреждении специализированного правозащитного судебного органа известного нам как Европейский Суд по правам человека. Тем не менее, решение вопроса о его соз-

дании проходило далеко не в простых условиях. На конференции старших должностных лиц состоявшихся в 1950 году мнения о целесообразности данной структуры разделились между представителями Франции, Бельгии, Италии и Испании выступавшими за учреждение суда и противниками такого решения в лице Великобритании, Нидерландов, Норвегии, Швеции, Греции и Турции. Дискуссии шли относительно объема полномочий будущего судебного органа, его юрисдикции. В конечном итоге было принято компромиссное решение оставлявшее за каждым государством право на принятие юрисдикции, а следовательно обязательств по исполнению решений суда, роль которого становилась опциональной. С момента своего учреждения Европейский Суд по правам человека безусловно превратился в знаковое явление, чему способствовало ряд факторов объективного и субъективного характера. Прежде всего Европейский Суд представлял собой наднациональный институт, что для мирового сообщества первой половины XX века, исповедующего классическую модель суверенитета, выглядело еще достаточно непривычным. Европейский континент, не говоря о мире в целом только начинал реализовывать различные интеграционные модели, предполагающие совершенно иную форму принятия решений, в том числе механизм судебного контроля. Вторым важным элементом повлиявшим на становление Европейского Суда явилось провозглашение концепции прав человека как определяющей в деятельности государственных и общественных институтов [4]. В частности, широкое распространение стал получать институт уполномоченных по правам человека (омбудсменов), зародившиеся в северо-европейских странах [5, с. 45]. Справедливости ради стоит отметить, что со временем данная концепция, безусловно испытывающая на себе влияние политических практик европейского сообщества, к сожалению, будет совершенно некритично использоваться исключительно с политическими целями, однако ее значение и для формирования современной, в первую очередь европейской системы ценностей и влияние на значительное количество государств мира колоссально. Наконец Европейский Суд сегодня является своеобразным правовым и социально-культурным феноменом выступая для многих олицетворением своеобразной высшей

степени справедливого судебного разбирательства, особенно присущей многим государствам подвергшимся общественно-политической трансформации в конце 80-х начале 90-х годов, объективной слабости внутригосударственного судопроизводства, но и тем не менее высокому авторитету судебного разбирательства как оптимальной формы восстановления справедливости и нарушенных прав человека.

Вместе с тем Европейский Суд по правам человека несмотря на важность своего предназначения, является именно производным исполнительным механизмом по гарантированной реализации прав человека, закрепленных в важнейшем европейском акте — Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее ЕКПЧ). Подписание ЕКПЧ всеми членами Совета Европы состоялось в Риме 4 ноября 1950 года. Такое событие стало правовой основой создания ЕСПЧ, поскольку несмотря на важность своего предназначения, тем не менее Суд стал производным исполнительным механизмом по гарантированной реализации прав человека. После того как 3 сентября 1953 года Люксембург ратифицировал Конвенцию, она вступила в силу. Характеризуя ЕКПЧ, необходимо отметить, что указанный акт является едва ли не единственным международным документом в области защиты прав человека, имеющим контрольный механизм (ст. 19 ЕКПЧ).

Важно отметить, что первое решение по существу, Европейский Суд вынес в 1961 году (первым решением по существу в пользу заявителя в 1968 году явилось дело Неймайстер против Австрии (Neumeister v. Austria): Постановление Европейского Суда по правам человека от 27 июня 1968 года (жалоба N 1936/63).

Таким образом, региональный европейский институт защиты прав человека получил мощное развитие, закрепляя и воплощая универсальные международно-правовые институты прав человека и их реализации, в виде положений об основных правах человека, как особой ценности и о позитивной обязанности государства по их соблюдению. С момента создания Европейской Конвенции до настоящего времени контрольный механизм претерпел длительную эволюцию от активного участия государств в судебных разбирательствах, до

поистине независимого контрольного механизма. Ряд исследователей придерживаются мнения, что именно с момента создания ЕКПЧ и ее контрольного механизма, завершился процесс создания такой важной и фундаментальной отрасли международного права, как международное право прав человека [6, с. 6].

Литература

1. *Котляров И.И., Пузырева Ю.В.* Международное гуманитарное право // Международное право. Учебник. М.: Инфра-М, 2014.
2. *Коннов В.А., Грачева М.А.* Вспомогательные репродуктивные технологии в свете гарантий права на уважение частной жизни (анализ российского законодательства и практик и Европейского Суда по правам человека) // Вестник Московского государственного областного университета. 2013. № 3.
3. *Симонова А.Е.* Значение Нюрнбергского Международного трибунала в борьбе против применения биологического оружия и угрозы его распространения: исторические и правовые аспекты // Публичное и частное право. № 4, МПСИ, 2011.
4. *Грицаев С.А.* Образ милиции (полиции) в гражданском обществе и деятельность Европейского Суда по права человека // Проблемы правоохранительной деятельности и образования: сборник научных трудов докторантов, адъюнктов, аспирантов, соискателей. Выпуск 4. Белгород: ООНИ и РИД БелЮИ МВД России, 2007. С. 83—87.
5. *Симонова А.Е.* Некоторые вопросы и тенденции развития института уполномоченного по правам человека на современном этапе // Правоохранительная и правозащитная деятельность в России и за рубежом на современном этапе: материалы ежегодной Международной научно-практической конференции / Гл. ред. А.А. Галушкин; М.: Мосинформбюро; Рязань: Издательство «Концепция», 2013.
6. *Чертов А.А.* Европейский Суд по правам человека и развитие международного права прав человека. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2007.

УДК 341
ББК 67.9

ЗНАЧЕНИЕ РЕШЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ПО ДЕЛУ «ВАНЬЯН (VANYAN) ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» ДЛЯ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

ИРИНА ВИТАЛЬЕВНА ТИТОВЕЦ,

*преподаватель кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, подполковник полиции
E-mail: titowez2@mail.ru;*

НАТАЛЬЯ ГЕННАДЬЕВНА ЧВАРКОВА,

*курсант 405 учебного взвода Института подготовки сотрудников для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: chvarkova95@mail.ru*

Рецензент: кандидат юридических наук, доцент Н.В. Макеева

Научная специальность 12.00.10 — международное право; европейское право

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Проводится правовой анализ решения Европейского Суда по правам человека по делу «Ваньян (Vanyan) против Российской Федерации», в котором последовательно защищаются нарушенные права на справедливое судебное разбирательство, и запрещается провокация со стороны правоохранительных органов при расследовании дел о незаконном сбыте наркотиков.

Ключевые слова: ЕСПЧ, Ваньян (Vanyan) против РФ, провокация преступления, незаконный оборот наркотических средств.

Abstract. A legal analysis of the decision of the European Court of Human Rights in the case of Vanyan v. Russia, which consistently defends the violated rights to a fair trial, and provokes law enforcement officials to investigate cases of illicit drug sales.

Keywords: ECHR, Vanyan v. Russia, provocation of crime, illegal drug trafficking.

В современном мире огромное значение уделяется охране, защите прав и свобод человека и гражданина. 28 февраля 2016 г. исполнилось 20 лет, как Российская Федерация вступила в Совет Европы. В связи с этим российские граждане получили возможность, в случае оспаривания нарушенных прав, после прохождения установленных отечественными законами процедур обжалования в своей стране, на доступ к международному правосудию.

На основании п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. (далее — Конвенция) [1], которую Россий-

ская Федерация ратифицировала 30 марта 1998 г., каждый, в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основе закона.

В силу изложенного справедливость судебного разбирательства предполагает и справедливый способ получения доказательств по уголовному делу. Из данной нормы также вытекает, что общественные интересы в борьбе против незаконного оборота

наркотиков не могут оправдать использование доказательств, полученных в нарушение закона.

Остановимся на очень серьезной проблеме уголовно-правового характера, связанной с провокацией преступлений, которая имеет место в правоприменительной практике со стороны сотрудников правоохранительных органов. Особую озабоченность провокация вызывает при расследовании дел о незаконном сбыте наркотиков — преступлениях, предусмотренных ст. 228.1 УК РФ.

Практика Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) свидетельствует о недопустимости полицией, в том числе с использованием лиц, действующих по ее указанию, воздействовать на субъект с целью его провокации на совершение преступления, без которой преступление не должно было совершиться. Провокация делает возможным выявление преступления, то есть возбуждение уголовного дела по факту незаконного сбыта наркотиков.

Данная позиция изложена в решении по Делу Ваньян (Vanuyan) против Российской Федерации [2].

Обстоятельства дела: Г.А. Ваньян 02.04.1999 г. осужден Люблинским судом г. Москвы к 7 годам лишения свободы по ч.4 ст. 228 УК РФ за незаконное приобретение, хранение с целью сбыта и сбыт наркотических средств в особо крупных размерах¹ (статья в редакции от 27.05.1998 г.).

Основными свидетелями на процессе выступали сотрудники милиции, которые для проведения контрольной закупки подговорили знакомую Г.А. Ваньяна, чтобы он купил ей наркотическое средство героин. Г.А. Ваньян согласился, передав женщине наркотик и получив от нее деньги, непосредственно на месте был задержан.

Приговор Люблинского районного суда г. Москвы Г.А. осужденный обжаловал. 16.11.2000 г. Президиум Московского городского суда в порядке надзора пересмотрел дело, переqualificировал действия Г.А. Ваньяна на ч. 1 ст. 228 УК РФ (Незаконные приобретение или хранение без цели сбыта наркотических средств или психотропных веществ в крупном размере), признав, что осужденный при-

обрел и хранил у себя наркотик без цели его последующего сбыта и снизил срок лишения свободы до двух лет.

Подсудимый Г.А. Ваньян обратился с жалобой в ЕСПЧ, доказывая, ссылаясь на ст. 6, 8 и 13 Конвенции, что сотрудники милиции, действуя через своего агента, спровоцировали его совершить незаконные приобретение и сбыт наркотических средств.

ЕСПЧ выявил нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции и признал, что в отношении подсудимого допущено нарушение его права на справедливое судебное разбирательство. Контрольная закупка наркотиков, проведенная в отношении Г.А. Ваньяна, была приравнена к подстрекательству, и, хотя закупка проводилась частным лицом, действовавшим в качестве агента под прикрытием, она, тем не менее, была эффективно организована и контролировалась сотрудниками милиции. Если преступление было предположительно спровоцировано действиями тайных агентов и ничто не предполагает, что оно было бы совершено и без какого-либо вмешательства, то эти действия уже не являются деятельностью тайного агента и представляют собой подстрекательство к совершению преступления. Подобное вмешательство и использование его результатов в уголовном процессе могут привести к тому, что будет неправомерно подорван принцип справедливости судебного разбирательства.

Далее ЕСПЧ констатировал, что простого заявления сотрудников милиции в суде о том, что они располагали информацией о причастности заявителя к распространению наркотиков, которое судя по всему, не было проверено судом, не может быть принято во внимание. Ничто не предполагало, что преступление было бы совершено без вмешательства сотрудников правоохранительных органов. Следовательно, ЕСПЧ сделал вывод, что милиция спровоцировала приобретение и сбыт наркотиков Г.А. Ваньяном.

Значение рассмотренного решения по делу Ваньян (Vanuyan) против Российской Федерации для правоприменительной практики имеет огромное значение. ЕСПЧ в своих постановлениях последовательно ссылается на высказанную в Деле по жалобе Ваньяна позицию и четко поддерживает запрет провокаций со стороны правоохранитель-

¹ Деяния, предусмотренные частями второй или третьей настоящей статьи, совершенные организованной группой либо в отношении наркотических средств или психотропных веществ в особо крупном размере, - наказываются лишением свободы на срок от семи до пятнадцати лет с конфискацией имущества/

ных органов, что нашло отражение в следующих его Постановлениях: Дело «Худобин (Khudobin) против Российской Федерации [3]», Дело «Веселов и другие (Veselov and others) против Российской Федерации [4]», Дело «Тейшейра Де Кастро против Португалии [5]» Дело «Раманаускас против Литвы [6]».

Практика ЕСПЧ направлена на неукоснительное выполнение странами — участницами Совета Европы положений Конвенции и других признаваемых международно-правовых актов. Каждое решение ЕСПЧ должно постоянно находиться в поле зрения правоприменителей, и не только в Российской Федерации. В последнее время статистика показывает значительное сокращение жалоб российских граждан в ЕСПЧ. Так, общее количество таких жалоб составило в 2015 г. — 30 550, что на 35% меньше, чем в 2014 г. (47 250) [7], что может свидетельствовать о стабильности правовой системы и в целом соблюдении прав граждан.

Толкование норм в отечественном законодательстве практически дублирует «политику» ЕСПЧ по определению провокации преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков.

Заслугой рассмотренного решения суда является ч. 8 ст. 5 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» введенная в 24 мая 2007 г. ФЗ № 211 в редакции Федерального закона № 211-ФЗ от 24.07.2007 г. В новой редакции статьи закреплено, что при осуществлении оперативно-розыскной деятельности продекларирован запрет органам (должностным лицам), осуществляющим оперативно-розыскную деятельность подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провокация).

Кроме того, пункт 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации в редакции от 30 июня 2015 г. также регламентирует, что результаты оперативно-розыскного мероприятия могут быть положены в основу приговора, если они получены в соответствии с требованиями закона и свидетельствуют о наличии у виновного умысла на незаконный оборот наркотических средств, сформировавшегося независимо от деятельности сотрудников оперативных подразделений.

Однако национальные суды все же выявляют нарушения законности в ходе проведения оператив-

но-розыскных мероприятий по фактам незаконного сбыта наркотических средств.

Так, по надзорной жалобе осужденного Шарангским районным судом Нижегородской области Ч., указавшего, что вынесенный в отношении него приговор основан на недостаточных доказательствах: показаниях свидетеля М., являющегося оперативным сотрудником, который создал криминальную ситуацию и спровоцировал его на совершение преступления — сбыта наркотического средства, чем он никогда ранее не занимался, Президиум Нижегородского областного суда, пришел к выводу, что, М., являясь агентом милиции, выступая в роли приобретателя наркотических средств, дважды приходил на приусадебный участок к Ч., у которого в огороде рос мак. Первый раз, в 11 часов, Ч. категорически отказал М. в продаже растений мака. В 16 часов 00 минут М. решил повторить попытку приобретения мака, убеждая при этом Ч., что ему плохо и необходимо употребить дозу, после чего Ч. продал ему за 150 рублей несколько растений мака, которые М. выдал работникам милиции.

Принимая во внимание состоявшееся решение ЕСПЧ по делу «Ваньян против России», ссылаясь на п. 1 ст. 6 Конвенции, Президиум указал, что судом в основу обвинительного приговора были положены доказательства, полученные в результате внедрения работниками милиции своего агента. Не было представлено и каких-либо данных о том, что Ч. совершил сбыт наркотика и без вмешательства сотрудников, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Таким образом, милиция спровоцировала сбыт наркотиков путем настойчивых уговоров со стороны своего агента.

На основании изложенного Президиум отменил указанный приговор от 09.03.2007 г. и прекратил в отношении Ч. производство по уголовному делу за отсутствием в его действиях состава преступления [8].

Литература

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с Протоколом [№ 1] (Подписан в г. Париже 20.03.1952), Протоколом

№ 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), Протоколом № 7 (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984 г.)) // СР РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

2. Постановление ЕСПЧ от 15.12.2005 г. Дело «Ваньян (Vanujan) против Российской Федерации» (жалоба № 53203/99) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2006. № 7.

3. Постановление ЕСПЧ от 26.10.2006 г. «Дело Худобин (Khudobin) против Российской Федерации» (жалоба № 59696/00) // Бюллетень ЕСПЧ. 2007. № 11.

4. Постановление ЕСПЧ от 2.10.2012 г. Дело «Веселов и другие (Veselov and others) против Российской Федерации» (жалобы № 23200/10,

24009/07 и 556/10) // Бюллетень ЕСПЧ. 2013. № 4.

5. Постановление ЕСПЧ от 09.06.1998 г. Дело «Тейшейра Де Кастро против Португалии» (жалоба 44/1997/828/1034) // Бюллетень ЕСПЧ. 2007. № 11.

6. Постановление ЕСПЧ от 05.02.2008 г. Дело «Раманаускас против Литвы (RAMANAUSKAS v. LITHUANIA)» (жалоба № 74420/01) // Бюллетень ЕСПЧ. 2008. № 8.

7. Основные статистические данные о деятельности ЕСПЧ в 2015 году — http://european-court.ru/uploads/Statistika_Evropeyskogo_Suda_2015_9.pdf/. Дата обращения 30.10.2016.

8. Постановление Президиума Нижегородского областного суда от 16 августа 2007 г. № 44у-289/2007 // СПС КонсультантПлюс.

Предупреждение
преступлений
и административных
правонарушений
органами внутренних дел

Учебник
Третье издание

Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлениям подготовки «Юриспруденция» и «Правоохранительная деятельность» / под ред. С.Я. Лебедева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 655 с.

Раскрыты основные теоретические и практические положения организации и осуществления деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений и административных правонарушений. Показаны ее правовые, организационные и тактические основы, вопросы предотвращения, профилактики и пресечения противоправных деяний, входящие в предупредительную компетенцию органов внутренних дел. Определены милицейская специфика общей, индивидуальной и виктимологической профилактики правонарушений. Особое внимание уделено предупреждению милицией преступлений и административных правонарушений, совершаемых несовершеннолетними; против личности; в сфере экономики; террористической и

экстремистской направленности; связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ; с незаконным оборотом оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ; в сфере экологической безопасности; безопасности дорожного движения и др.

Для курсантов, слушателей, адъюнктов и преподавателей высших и средних специальных учебных заведений системы МВД России, студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов, практических работников правоохранительных органов.

УДК 341
ББК 67.9

ОБЩЕПРИЗНАННЫЕ ПРИНЦИПЫ И НОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОГОВОРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ИСТОЧНИК УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

ОЛЬГА ВИКТОРОВНА ХИМИЧЕВА,

начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

доктор юридических наук, профессор

E-mail: olga-him@mail.ru;

ДЕНИС ВАСИЛЬЕВИЧ ШАРОВ,

заместитель начальника кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

E-mail: SharovDen@gmail.com

Научная специальность 12.00.10 — международное право; европейское право

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Анализируется место общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров в системе законодательных актов Российской Федерации. Рассматриваются проблемные вопросы исполнения Российской Федерацией судебных решений Европейского Суда по правам человека в связи с принятием постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П. Авторы приходят к выводу, что применительно к уголовному судопроизводству общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации, не утрачивая значения источника уголовно-процессуального права, тем не менее, по юридической силе не могут иметь приоритета перед Конституцией Российской Федерации.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации, уголовное судопроизводство, проблемы имплементации решений ЕСПЧ.

Abstract. The article analyzes the place of the universally recognized principles and norms of international law and international treaties in the system of legislative acts of the Russian Federation. Considered problematic issues of compliance by the Russian Federation of judgments of the European Court of human rights in connection with the adoption of the decision of the constitutional Court of the Russian Federation of July 14, 2015 № 21-P. The authors come to the conclusion that in relation to criminal proceedings generally recognized principles and norms of international law and international treaties of the Russian Federation, without losing the value of the source of criminal procedural law, nevertheless, according to the legal force they may not have priority over the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, generally recognized principles and norms of international law and international treaties of the Russian Federation, criminal procedure, problems of implementation of ECHR judgments.

Статья 1 УПК РФ предусматривает: «порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается настоящим Кодексом, основанным на Конституции Российской Федерации», «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры

Российской Федерации являются составной частью законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство».

С тем фактом, что источниками уголовно-процессуального права являются общепризнанные принципы и нормы международного права и меж-

дународные договоры Российской Федерации, согласны все процессуалисты, однако место в системе других законодательных актов они определяют по-разному.

Так, согласно наиболее распространенной точке зрения, иерархия источников уголовно-процессуального права выглядит следующим образом: Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации, УПК РФ и т.д. [1, с. 40; 2, с. 25—27].

Другие ученые, используя в качестве основания систематизации источников их юридическую силу, указывают: «1) общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации; 2) Конституция Российской Федерации; ... 4) Уголовно-процессуальный кодекс РФ ...» [3, с. 21; 4, с. 22—23]. Приоритет общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации в уголовно-процессуальном регулировании следует из работ и других авторов [5, с. 44—46].

Вместе с тем вопрос об иерархии правовых актов, содержащих сведения о правилах, которые должны соблюдаться при производстве по уголовному делу, имеет не только научный интерес. Определенность по этому поводу важна для правоприменителя, который в случае коллизии правовых норм, оказывается в затруднительном положении.

Дискуссионность вопроса о соотношении Конституции Российской Федерации и международно-правовых актов отмечают и другие процессуалисты, предлагая при его решении учитывать существование двух основных систем (подходов) действия международных договоров на национальном уровне: монистической и дуалистической. Важнейшим признаком монистической системы является то, что международные договоры, ратифицированные государством, становятся юридически обязательными без принятия специальных законов и автоматически превращаются в национальное право. В дуалистической системе обязательства из международных договоров должны быть инкорпорированы в национальное право. Существует также и промежуточная позиция, согласно которой международ-

ное право является частью особой системы, однако при наличии определенных условий может изменяться внутри страны без какого бы то ни было имплементирующего законодательства [6, с. 231—232].

Россия придерживается именно промежуточной системы: согласно ч. 3 ст. 5 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ (в последующих редакциях) «О международных договорах Российской Федерации» положения официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют в Российской Федерации непосредственно; для осуществления иных положений международных договоров Российской Федерации принимаются соответствующие правовые акты.

Представляется, что такой подход является наиболее обоснованным и отражающим современные реалии развития российского государства и его правовой системы.

Действительно, ч. 1 ст. 15 Конституции Российской Федерации определено, что она обладает высшей юридической силой и ее нормы имеют прямое действие [7]; согласно ч. 4 ст. 15 общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы.

Полагаем, что закрепленный в ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации приоритет применения международных договоров Российской Федерации, устанавливающих иные правила, чем предусмотрены законом, не распространяются на Конституцию Российской Федерации, поскольку в ней последовательно отграничиваются понятия «Конституция Российской Федерации» и «законы». Этот же вывод следует и из ч. 3 ст. 1 УПК РФ, где соотносятся именно международные договоры и уголовно-процессуальный закон: «если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные УПК РФ, то применяются правила международного договора».

Отдельного внимания заслуживают вопросы исполнения Российской Федерацией судебных решений Европейского Суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) в связи появлением постановления

Конституционного Суда Российской Федерации (далее — КС РФ) от 14 июля 2015 г. № 21-П [8].

В данном постановлении с одной стороны подтверждается приверженность России международным договорам, с другой — отмечается, что Конституция Российской Федерации закрепляет недопустимость имплементации в правовую систему государства международных договоров, участие в которых может повлечь ограничения прав и свобод человека и гражданина или допустить какие-либо посягательства на основы конституционного строя Российской Федерации и тем самым нарушить конституционные предписания.

Иными словами, любые решения ЕСПЧ в адрес России должны рассматриваться как составная часть российской правовой системы, но при этом участие Российской Федерации в международных договорах не должно приводить к нарушению прав человека и создавать угрозу основам конституционного строя.

Нормы международного договора, если они нарушают конституционные положения, имеющие особо важное значение для России, не могут и не должны применяться в ее правовой системе. В связи с этим, ни Конвенция о защите прав человека и основных свобод (далее — Европейская конвенция), ни основанные на ней правовые позиции ЕСПЧ, содержащие оценки национального законодательства либо касающиеся необходимости изменения его положений, не должны отменять приоритет Конституции Российской Федерации и могут быть реализованы только при соблюдении этого условия.

Причем, если текст самой Европейской конвенции вопросов не вызывает и, безусловно, полностью соответствует Конституции Российской Федерации, то с решениями ЕСПЧ, интерпретирующими ее положениями, дело обстоит далеко не так однозначно. В частности, речь идет о решениях ЕСПЧ по делу ЮКОСа [9] и по вопросу доступа заключенных к выборам [10], последнее из которых, устанавливает нарушение российскими властями Европейской конвенции в связи с лишением заявителей, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, права избирать и быть избранными, и прямо противоречит ч. 3 ст. 32 Конституции Российской Федерации.

В настоящее время в решениях ЕСПЧ стали проявляться тревожащие тенденции выявления скрытого смысла норм Европейской конвенции, буквально не вытекающего из ее текста и, соответственно, не учтенного при ее ратификации Российской Федерации в 1998 г.

Полагаем, что, учитывая современную внешнеполитическую обстановку, конфликтные ситуации, связанные с разными идеологическими оценками тех или иных правовых явлений между ЕСПЧ и Российской Федерации, будут только нарастать.

Неизбежен выбор: либо европейский путь частичной десоверенизации и нахождения в рамках единого идеологического тренда под началом ЕСПЧ, либо выставление неких защитных механизмов, позволяющих оградить собственные конституционные ценности.

Представляется, что постановление КС РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П стало первым шагом в направлении защиты основополагающих принципов и норм, закрепленных в Конституции Российской Федерации¹. Из него следует принципиальный важный вывод — в случае, если исполнение решения ЕСПЧ приведет к нарушению указанных принципов и норм, Россия может в порядке исключения отступить от выполнения возлагаемых на нее обязательств, когда такое отступление является единственно возможным способом избежать такого нарушения (абз. 4 п. 2.2).

Это вполне отвечает стратегическим целям государственной и общественной безопасности, которыми являются защита конституционного строя, суверенитета, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, основных прав и свобод человека и гражданина, сохранение гражданского мира, политической и социальной стабильности в обществе и др. [11].

Но как быть, если толкование международного договора не согласуется с положениями Конституции Российской Федерации?

В постановлении от 14 июля 2015 г. № 21-П предписывается поступать следующим образом: суд при возникновении коллизии между решением ЕСПЧ и какой-либо нормой отечественного закона

¹ Обратим внимание, что несогласие с решениями Европейского Суда по правам человека имеет место и в практике других государств (например, Германии, Италии).

обращается с запросом в КС РФ о проверке конституционности этого закона. Кроме того, с запросом о возможности исполнения постановления ЕСПЧ, если оно основано на положениях Европейской конвенции в истолковании, приводящем к их расхождению с Конституцией Российской Федерации, могут обратиться государственные органы, на которые возложена обязанность по обеспечению выполнения Российской Федерацией международных договоров. В случае если КС РФ придет к выводу, что постановление ЕСПЧ, поскольку оно основано на Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не может быть исполнено, такое постановление в этой части не подлежит исполнению.

На основании данной правовой позиции КС РФ внесены поправки в Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. (в последующих редакциях) «О Конституционном Суде Российской Федерации», согласно которым (п. 3.2 ст. 3) КС РФ по запросам федерального органа исполнительной власти, наделенного компетенцией в сфере обеспечения деятельности по защите интересов Российской Федерации при рассмотрении в межгосударственном органе по защите прав и свобод человека жалоб, поданных против Российской Федерации на основании международного договора Российской Федерации, разрешает вопрос о возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека.

Полагаем, что данные новеллы означают, что Российская Федерация, неуклонно соблюдая общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры, участницей которых является, тем не менее, стремится к обеспечению государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела государства.

Применительно к уголовному судопроизводству, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации, не утрачивая значения источника уголовно-процессуального права, тем не менее, по юридической силе не могут иметь приоритета перед Конституцией Российской Федерации, из чего следует исходить и законодателю, и правоприменителю.

Литература

1. Уголовный процесс: учебник для студентов юридических вузов и факультетов / под ред. К.Ф. Гуценко. Изд. 5-е, перераб. и доп. М.: Зерцало-М, 2004.
2. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник. — 3-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. И.Л. Петрухин, И.Б. Михайловская. М.: Проспект, 2012.
3. Уголовный процесс: учебник / Отв. ред. А.В. Гриненко. 2-е изд., перераб. М.: Норма: Инфра М, 2010.
4. *Гриненко А.В.* Уголовный процесс: учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2012.
5. *Рябцева Е.В.* Уголовный процесс: учебник. М.: Книжный мир, 2009.
6. Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки. Статут, 2016.
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // СПС КонсультантПлюс.
8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений ст. 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней», п. 1 и 2 ст. 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», ч. 1 и 4 ст. 11, п. 4 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ, ч. 1 и 4 ст. 13, п. 4 ч. 3 ст. 311 АПК РФ, ч. 1 и 4 ст. 15, п. 4 ч. 1 ст. 350 КАС РФ и п. 2 ч. 4 ст. 413 УПК РФ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СПС КонсультантПлюс.
9. Постановление ЕСПЧ от 31.07.2014 «Дело «ОАО Нефтяная компания «Юкос» (ОАО Neftyanaya Kompaniya «Yukos») против Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
10. Постановление ЕСПЧ от 04.07.2013 «Дело «Анчугов и Гладков (Anchugov and Gladkov) против Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
11. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1 (часть II). Ст. 212.

УДК 341
ББК 67.9

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ РЕШЕНИЙ ЕСПЧ В НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО (СОВРЕМЕННЫЙ КОНТЕКСТ)

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ЧЕРВОНЮК,

профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

доктор юридических наук, профессор

E-mail: v/chervonyuk@yandex.ru

Научная специальность 12.00.10 — международное право; европейское право

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Смысл имплементации решений ЕСПЧ заключается в том, что государство, воспринимая на себя обязательства, связанные с защитой прав личности, обязано их выполнять, исходя из общепризнанного принципа международного права *pacta sunt servanda*. Реализация решений ЕСПЧ в национальное законодательство осуществляется в различных формах, общегосударственный механизм исполнимости таких решений не отличается унификацией, наблюдается вариативность форм и способов воздействия на национального законодателя. Целесообразно выделить два крупных направления, которые охватывают все многообразие таких форм и способов. Первое из них синтезирует все те формы и способы, которые обеспечивают прогрессивное развитие национального права: это влияние решений ЕСПЧ на структуру национального права, стимулирующее трансформацию целых отраслей права, и иных крупных правовых общностей, становление в структуре права инновационных институтов и нормативных комплексов; в своей обширной прецедентной практике ЕСПЧ вырабатывает цивилизующие национальную конституционную практику общие принципы, понятия, юридические конструкции; в соответствии с им же сформулированным принципом правовой определенности ЕСПЧ подвергает неясные, отличающиеся неопределенностью положения национального законодательства правовой оценке посредством их истолкования и придает им качество юридически совершенных норм. Второе направление связано с тем, что решения ЕСПЧ непосредственно предопределяют принятие принципиально нового законодательного акта, отмену действующего и принятие нового закона или его новой редакции, текстуальное изменение статей закона, введение новых институтов права в действующие законы изменений. Наиболее распространенная форма такого влияния — принятие «мер общего характера», содержащихся в т.н. пилотных постановлениях ЕСПЧ. Это также влияние на национального законодателя через конструктивное взаимодействие (сотрудничество) с Конституционным Судом, а равно посредством принятия судебных решения, или прецедентов, применяемых общими судами. Своего рода компромиссной формой влияния решений ЕСПЧ на национальное законодательство в соответствии с разработанной им концепцией «подразумеваемых ограничений» может быть преобразование оспоренной в Суде законодательной нормы не путем ее текстуального изменения, а посредством истолкования таким образом, что она более всего отвечает характеру (духу и смыслу) защищаемого Конвенцией 1950 г. права (свободы).

Ключевые слова: имплементация норм международного права, трансформация и инкорпорация как способы имплементации, пилотные постановления Суда, принцип правовой определенности, концепция «подразумеваемых полномочий» ЕСПЧ, мониторинг выполнения решений Европейского Суда, правовые позиции ЕСПЧ, общие и индивидуальные меры ЕСПЧ, «жесткие» и «мягкие» прецеденты, институционализации форм и способов имплементации решений ЕСПЧ в правовую систему страны, законодательное оформление процедуры имплементации решений ЕСПЧ.

Abstract. The meaning of implementation of decisions of the ECHR includes in the fact that the government perceiving obligations related to the protection of individual rights is obliged to comply with them proceeding from the universally recognized principle of international law *pacta sunt servanda*. Implementation of decisions of the ECHR in national law is administered in various forms: the national mechanism of enforceability of such decisions is not unification. There is the variability of forms and methods of influence on national legislators. It is advisable to distinguish two major directions which cover all the diversity of forms and methods.

The first one synthesizes all the forms and ways that ensure the progressive development of national law: the impact of the ECHR judgments on the structure of the national law, enabling the transformation of entire sectors of law and other major legal communities, the establishment of the legal framework for innovative institutions and regulatory systems; in its extensive case-law of the ECHR produces a civilizing national constitutional practice the General principles, concepts, legal structures; in accordance with their own articulated principle of legal certainty the ECHR exposes unclear, uncertain provisions of national law to the legal assessment through their interpretation and gives them the quality of the legally committed norms. The second direction is due to the fact that the ECHR's decisions directly determine the adoption of the principal new legislation, the abolition of the existing and adoption of the new law or its new edition, the textual amendment of articles of the law, the introduction of new institutions of law in the existing laws. The most extensive form of such influence is the acceptance of the "General measures" contained in the so-called pilot judgments of the ECHR. It is also influence on national legislation through constructive interaction (cooperation) with the Constitutional Court, as well as through the adoption of judicial decisions, or precedents that are applied by the General courts. A sort of compromise form of the influence of ECHR decisions on national legislation in accordance with the developed concept of "implied limitations" can be the conversion of challenged legislation, not by its textual changes but by interpreting in such a way that it meets more than just nature (spirit and meaning) protected by the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms.

Keywords: implementation (standards) of international law; transformation and incorporation as ways of implementation; pilot judgements of the court; the principle of legal certainty; the concept of implied authority of the ECHR; monitoring the implementation of judgements (decisions) of the ECJ; the legal positions of the ECHR; general and individual measures of the ECHR; hard and soft precedents (case-laws); institutionalization of forms and methods of implementation of judgements (decisions) of the ECHR in the legal system of the country; legislative support procedures of implementation of the judgements (decisions) of the ECHR.

При существующем обилии взглядов относительно понятия «имплементация» (от англ. *implement* — «осуществлять», «обеспечивать выполнение»; *implementation* — «осуществление», «выполнение») в целом понимание сводится к фактическому обеспечению реализации исполнению международных обязательств на внутригосударственном уровне, включая формально определенные способы инкорпорирования международно-правовых норм в национальную правовую систему.

На монографическом уровне проблема имплементации международного права впервые исследована А.С. Гавердовским в его докторской диссертации. Сформулированный ученым подход к пониманию имплементации — как «целенаправленной организационно-правовой деятельности государств, предпринимаемой индивидуально или коллективно либо в рамках международных организаций в целях своевременной и полной реализации принятых ими международных обязательств», ее способам и др. [1, с. 62] и в новейшей литературе с некоторыми уточнениями остается господствующим [2, с. 99; 3]. При этом отмеченный вывод не опровергается утверждениями относительно рассмотрения имплементации международных договоров в узком и широком смысле [4, с. 112].

Сходных взглядов на проблему имплементации придерживается И.И. Лукашук, в понимании которого имплементацию — процесс воплощения в действие международных договоров — необходимо рассматривать как двуединство правотворческой и организационно-исполнительной деятельности государств [5, с. 36]. Справедливости ради необходимо отметить и существование несколько иного подхода к проблеме приведения в действие норм международного права в рамках внутригосударственного правопорядка, представленного в отечественной международно-правовой доктрине теориями трансформации и имплементации; считается, что как по содержанию, так и по форме они отличаются друг от друга как с точки зрения определения существа этого процесса, так и с точки зрения характеристики основных способов его существования (В.М. Аверков, Е.Т. Усенко и др). Согласно еще одному воззрению, понятие трансформации охватывает все способы приведения в действие внутри государства всех без исключения международных принципов и международных договоров [6]. Однако эта позиция имеет серьезных оппонентов [7, с. 140—147, 151, 225].

Не входя в детальное обсуждение этого вопроса, заметим, что сущностных различий такие

взгляды не представляют, спор в основном касается формально-логической и лингвистической сторон. Отсюда, как представляется, процесс приведения в действие норм международного права в рамках внутригосударственного правопорядка покрывается понятием имплементации, хотя полностью к нему и не сводится, охватывая своим содержанием феномен диффузии международного (европейского — на региональном уровне) права. Имплементация предполагает как можно более точный (адекватный) перевод международно-правового установления (обязательства субъекта международного права) соответственно его целям и нормативному содержанию в национальное законодательство и его фактическую исполнимость.

Современная международно-правовая доктрина исходит из того, что способами имплементации являются трансформация и инкорпорация [8, с. 150—152; 9, с. 50—52] (хотя правомерно также ввести речь об адаптации, поглощении, рецепции). Норма позитивного внутригосударственного права, посредством которой обслуживается процесс трансформации права (т.н. «трансформационная норма»), выражается в согласовании внутригосударственного и международного права¹. С позиции данного подхода трансформация международно-правовой нормы возможна путем: а) определенной переработки норм соответствующего международного договора при перенесении их в национальное законодательство (обычно это происходит ввиду необходимости учета национальных правовых традиций и стандартов юридической техники); б) общей, частной или конкретной отсылки; в) прямой рецепции международной нормы во внутреннем законе либо отсылку внутреннего закона к международной норме; г) т.н. «автоматической» трансформации, когда ратифицированные международные договоры автоматически становятся частью национального законодательства (правовым основанием для такого способа имплементации являются, к примеру, положения части 4 ст. 15 Конституции РФ). При этом результатом трансформации является норма национального права; международно-правовая норма,

являющаяся причиной трансформации, сохраняет свой международно-правовой характер и юридическую силу, а соответствующая ей внутригосударственная норма выступает самостоятельным правовым актом [10, с. 96].

Симптоматично, что при любом из избираемых государством способов перевода международного установления в национальное законодательство или его непосредственном исполнении применяется правило ст. 27 Венской конвенции о праве международных договоров: противоречие договора внутреннему праву, включая национальную конституцию, не является основанием для определения невыполнения договора (положение п. 1 ст. 46 Конвенции делает лишь одно исключение, когда нарушение норм о компетенции заключать договоры было явным и касалось нормы права особо важного значения).

Если вывести за скобки, незначительно отличающиеся по своему правовому смыслу различия, то правомерно будет исходить из понимания имплементации как любого легитимного способа перевода (трансформации, инкорпорации) государством в национальное право международно-правовой нормы или норм регионального (европейского) права. Имплементация, таким образом, возможна посредством трансформации, понимаемой предельно широко — как соответствующая требованию конституционности и праву договоров процедура согласования внутригосударственного и международного права. В этом смысле инкорпорация (и, как справедливо отмечается в зарубежной международно-правовой литературе, частично различающиеся от нее в деталях — адаптация, поглощение или рецепция) — как адекватное (буквальное, дословное), без каких-либо изменений воспроизведение в законах имплементирующего государства международно-правовых норм — отлична от трансформации; инкорпорация есть формальное «включение» норм международного договора во внутреннее право государства посредством «включения» самого договора в его законодательство. Верно поэтому то, что «в отличие от трансформированного права инкорпорированное право сохраняет характер международного права» [10, с. 112]. В современной доктрине международного права, кроме отмеченных способов перевода норм международного права во внутригосударственное, указывают и на

¹ В компетентной литературе существует мнение о том, что ратифицированный договор приобретает силу национального закона, и о его «трансформации» в правовую систему государства не может быть и речи (см.: *Талалаев А.Н.* Юридическая природа международного договора. М., 1963. С. 251—253).

легитимацию — процедуру принятия особого внутригосударственного акта с целью обеспечения выполнения государством норм международных или индивидуальных международно-правовых актов; в отличие от инкорпорации «представляет собой нормальный процесс принятия внутригосударственного акта того или иного уровня», который «выступает одновременно и как трансформационный акт» [11, с. 102].

Все отмеченное полностью относится к имплементации европейского права (при том, что европейское право не является частью права международного), включая и имплементацию решений ЕСПЧ. Смысл имплементации решений ЕСПЧ заключается в том, что государство, воспринимая на себя обязательства, связанные с защитой прав личности, обязано их выполнять, исходя из общепризнанного принципа международного права *acta sunt servanda*. Тем самым имплементация решений Европейского Суда выступает в качестве юридического механизма, посредством которого национальные власти обеспечивают исполнение этих решений, а вместе с этим и реальную защиту нарушенных прав.

Правовой основой имплементации решений ЕСПЧ являются положения части 4 ст. 15 Конституции РФ², а также Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», в соответствии с которым «Российская Федерация в соответствии со статьей 46 Конвенции признает *ipso facto* и без специального соглашения юрисдикцию Европейского суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней». Статья 46 упомянутой Конвенции императивно предписывает: «Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по

делам, в которых они являются сторонами». Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в постановлении от 26 февраля 2010 г. № 4-П, не только Конвенция о защите прав человека и основных свобод, но и решения Европейского Суда в той части, в какой ими, исходя из общепризнанных принципов и норм международного права, дается толкование содержания закрепленных в Конвенции прав и свобод, включая право на доступ к суду и справедливое правосудие, являются составной частью российской правовой системы, а потому должны учитываться федеральным законодателем при регулировании общественных отношений и правоприменительными органами при применении соответствующих норм права. При этом, как следует из постановления Конституционного Суда РФ от 27 марта 2012 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О международных договорах РФ», Суд исходит из того, что существует «основанная на принципе *acta sunt servanda* конституционная обязанность Российской Федерации рассматривать заключенные ею международные договоры в качестве составной части своей правовой системы». Таким образом, имплементация решений ЕСПЧ в национальное законодательство в соответствии со ст. 46 Конституции РФ выступает одной из конституционно признанных гарантий восстановления (защиты) нарушенных прав личности.

В публикациях, специально посвященных проблеме имплементации, а также в официальных документах имплементацию решений ЕСПЧ в национальное законодательство связывают исключительно или главным образом с т.н. пилотными постановлениями Суда. Однако изучение проблемы указывает и на иные приемы имплементации правовых позиций ЕСПЧ на национального законодателя. Как показывает анализ, реализация решений ЕСПЧ в национальное законодательство осуществляется в различных формах, общегосударственный механизм исполнимости таких решений не отличается унификацией, соответственно наблюдается вариативность форм и способов воздействия на национального законодателя. В то же время, как показывает изучение проблемы, можно выделить два, отличающиеся конкретностью и предметной направленностью, а равно и присущими им формами (способами) на-

² С точки зрения конституционной доктрины смысл данного положения означает, что если Российская Федерация становится участником международного договора, то с момента вступления его в силу для Российской Федерации договор автоматически — без необходимости издания дополнительных актов законодательного или административного характера — инкорпорируется в национальную правовую систему (См.: Expression of consent by states to be bound by a treaty. Analytical report and country reports. Part II: Country reports. Russian Federation. Committee of legal advisers on public international law (CAHDI). Council of Europe. CAHDI (2001) 3. Strasbourg, 23 January 2001. P. 191).

правления влияния решений ЕСПЧ на национальные законодательства. Это: (1) влияние в целом на развитие национальной правовой системы и (2) такие формы влияния, которые определяют принятие конкретных законодательных актов. И то, и другое направлено в определенной мере «привязано» к т.н. общим и индивидуальным мерам, содержащимся в постановлениях ЕСПЧ, однако полностью ими не детерминировано.

Соответственно при анализе первого направления следует, как представляется, обратить внимание на следующие формы.

Во-первых, это влияние решений на структуру (структурность) национального права. Структура (и структурность) национального права зависит от множества взаимосвязанных между собой факторов [12], среди которых специальную роль играют решения ЕСПЧ. Как подчеркивается в постановлении Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 г. № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 г. по делу «Анчугов и Гладков против России», деятельность Европейского Суда по правам человека по выявлению структурных недостатков национальных правовых систем и предложению путей к их устранению объективно необходима. Действительно, деятельность Европейского Суда нацелена на выявление в деятельности национальных органов публичной власти системных проблем, приводящих к нарушению прав и свобод человека. Суд анализирует обстоятельства (фактические и юридические) предполагаемого нарушения, причинами которых могут служить различного рода законотворческие ошибки, дефекты законодательства, его пробельность и др. Как заметил В.Д. Зорькин, «мы исходим из того, что нарушения прав и свобод могут быть связаны с дефектами того или иного российского закона. И что подобные дефекты надо исправлять. Мы можем и должны этому способствовать, ибо после выявления дефектов закона его судьба, проверка его конституционности — именно наша прерогатива. ЕСПЧ может указать на дефекты нашего законодательства...» [13]. Поскольку главной задачей Европейского Суда является выработка рекомендаций по развитию и совершенствованию системы защиты

прав человека для национальных судов, то очевидно, что решения Суда являются своеобразным стимулом к внесению законодательных или иных изменений в правовую систему государства. По общему признанию, влияние практики ЕСПЧ существенным образом сказывается на всех отраслях права, но в особенности это касается процессуальных ветвей права — уголовно-процессуального, гражданско-процессуального, арбитражного, законодательства о пенитенциарной системе, возмещении вреда от действий государства, повышении открытости и транспарентности работы судов и государственных органов и др. Следует признать справедливым мнение о том, что решения ЕСПЧ повлияли на либерализацию уголовного права, реформу в сфере процессуального права — принятие новых по форме и по содержанию процессуальных законов, а также принятие последующих изменений и дополнений к ним, реформу пенитенциарной системы и др.

Во-вторых, структурные преобразования в национальной правовой системе зависят от имплементации в законодательство и правоприменительную практику принципов права, сформулированных ЕСПЧ в своей деятельности. Примечательно, что презюмирование данного положения отражено непосредственно в решениях ЕСПЧ. Так, в мотивировочной части постановления по делу «Докаев и другие (Dokayev and Others) против Российской Федерации» «67. Европейский Суд отмечает, что в своей обширной прецедентной практике он выработал общие принципы в отношении установления спорных фактов, в особенности, при рассмотрении жалоб с предполагаемыми исчезновениями в соответствии со статьей 2 Конвенции (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Базоркина против Российской Федерации» Российской Федерации» (Basorkina v. Russia) от 27 июля 2006 г., жалоба № 69481/01, §103—109). Аналогичные положения содержатся и в иных решениях ЕСПЧ, в частности, в постановлениях по делу «Исаева против Российской Федерации», (принципы обеспечения государством права на жизнь»), по делу «Петрушко против Российской Федерации» (принципы соблюдения государством права на справедливое судебное разбирательство) и др. «Особенность создаваемых Европейским Судом общих принципов в том, что они формулируются применительно к защите

отдельных видов прав и свобод безотносительно конкретной страны, устанавливают общие (универсальные) стандарты защиты нарушенного права, следование которым становится обязанностью национальных властей. Правовым основанием для такого рода правотворческой деятельности ЕСПЧ являются положения п. 1 ст. 32 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, относящие к ведению Суда «толкование и применение Конвенции и Протоколов к ней».

Содержащиеся в решениях ЕСПЧ нормативные обобщения (принципы, презумптивные положения и др. нормативные обобщения) влияют на законодателя как непосредственно, так и опосредованно — через правоприменительную практику судов; высшие судебные инстанции Российской Федерации все чаще используют ссылки на решения и постановления ЕСПЧ, а также применяют в своих судебных актах правовые позиции ЕСПЧ и институты ЕКПЧ (например, принцип баланса публичных и частных интересов, правовой определенности и предсказуемости правового регулирования, концепцию разумных ожиданий и др.). На сформулированные ЕСПЧ и обязательные для Российской Федерации общие принципы права обращает внимание Конституционный Суд РФ. Так, в постановлении от 19 апреля 2016 г. № 12-П, установив невозможность реализации главного вывода ЕСПЧ «По делу Анчугов и Гладков против России», федеральный орган конституционного контроля вместе с тем в соответствии с Конституцией РФ, ее статьями 3 (части 1—3), 15 (части 1 и 4), 32 (части 1 и 2), 46 (часть 3) и 79, постановил признать исполнение постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России», принятого на основании положений статьи 3 «Право на свободные выборы» Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод в их истолковании Европейским Судом по правам человека, — в части мер общего характера, обеспечивающих справедливость, соразмерность и дифференциацию применения ограничений избирательных прав, — возможным и реализуемым в российском законодательстве и судебной практике.

С технолого-юридической точки зрения принципы права создаются в практике ЕСПЧ посредством т.н. «эволюционирующего прецедента»

(Т.Н. Нешатаева), «эволютивного прецедента» (В.Д. Зорькин) — имеющего фундаментальный характер правоположения, формирующегося на протяжении продолжительного времени в нескольких решениях ЕСПЧ; это «формирование общей позитивной практики — объединение разнообразных судебных практик с формированием нового правила» (Т.Н. Нешатаева). Несомненно, что под влиянием сформулированных ЕСПЧ принципов права национальное законодательство приобретает структурность и устойчивость, соотносимость с базовыми положениями гуманитарного права.

В-третьих, влияние решений ЕСПЧ на качество законодательной деятельности — проблемы весьма болезненно отражающейся на развитии современной российской государственности [14]. Отмеченное в особенности касается перенасыщенных в российском законодательстве оценочных понятий, несовершенных дефиниций, норм, предоставляющих правоприменительным органам значительную дискрецию. В этой связи принципиально важно следующее: в соответствии с им же сформулированным принципом правовой определенности ЕСПЧ подвергает неясные, неопределенные и обнаружившие неопределенность положения национального законодательства правовой оценке посредством их истолкования и формулирования в этой связи собственных правовых позиций. Так, в постановлении ЕСПЧ по делу «Авилкина и другие против Российской Федерации», а равно в ряде постановлений, принятых по иным рассмотренным делам, ЕСПЧ, оценивая доводы сторон, констатировал, что толкование выражения «предусмотрено законом» было тщательно проанализировано в судебной практике ЕСПЧ и сформулировано следующим образом. «95. ЕСПЧ напоминает, что ... в соответствии с прочно установившейся практикой формулировка «предусмотрено законом» предписывает, что оспариваемая мера должна, в определенной степени, быть основана на национальном законодательстве и соответствовать принципу верховенства права... Таким образом, закон должен быть в надлежащей мере доступен и предсказуем, то есть сформулирован достаточно точно, чтобы гражданин мог — при необходимости с надлежащей помощью — соотносить с ним свое поведение. Чтобы удовлетворять этим требованиям, национальное право должно

предусматривать надлежащую правовую защиту от произвола и соответственно устанавливая с достаточной ясностью пределы полномочий, предоставленных компетентным органам власти, и порядок их реализации»³.

Формы и способы конкретного влияния на национального законодателя также разнообразны, обусловлены качеством российского законодательства, характером осуществляемой в стране законодательной политики. Применительно к данному направлению деятельность ЕСПЧ носит более конкретный характер и национальные власти, как правило, придают этой деятельности более или менее выраженные институциональные формы.

Соответственно к основным из них прежде всего можно отнести следующие.

Во-первых, это принятие государством конкретных мер законодательного характера. Реализация этой задачи, как правило, нормативно определена и возлагается на специализированные органы государства. Так, в Российской Федерации в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 г. № 657 Министерство юстиции Российской Федерации наряду с мониторингом правоприменения в целях выполнения решений Конституционного Суда осуществляет мониторинг выполнения решений Европейского Суда, в связи с которыми необходимо принятие (издание), изменение или признание утратившими силу (отмена) законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации. В частности, по результатам проведенного в 2012 г. Минюстом мониторинга было выявлено 10 постановлений Европейского Суда, в связи с которыми необходимо было внести изменения в законодательство Российской Федерации [15].

Примечательно, что в некоторых случаях поводом для законодательных новелл является внесение изменений в законодательство в связи с рассматриваемым или рассмотренным делом ЕСПЧ в деле против России. Так, в уже упоминавшемся постановлении ЕСПЧ по делу «Авилкина и другие

против Российской Федерации» Суд ограничился индивидуальными мерами, хотя в адрес оспариваемого Закона о прокуратуре и в мотивировочной, и в резолютивной части постановления Суда содержалась основательная критика. По мнению Суда, передача прокуратуре государственными больничными учреждениями медицинских документов заявителей является вмешательством в право заявителей на уважение их частной жизни — право, закрепленное п. 1 ст. 8 Европейской конвенции. Можно лишь предположить, что в связи с этим делом был принят Федеральный закон от 23 июля 2013 г. № 205-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с уточнением полномочий органов прокуратуры по вопросам обработки персональных данных»; по сравнению с ранее действовавшим порядком Закон действительно вносит большую определенность, хотя и вопрос об установлении должной правовой защиты остается не до конца решенным.

Во-вторых, это внесение изменений в национальное законодательство вследствие принятия ЕСПЧ «мер общего характера», содержащихся в т.н. пилотных постановлениях ЕСПЧ. Принятие такого рода постановлений предусмотрено ст. 61 Регламента Европейского Суда по правам человека, принятого 21 февраля 2011 г. («Правила процедуры»), Суд выносит пилотное постановление, будучи связанным Конвенцией о защите прав человека и основных свобод *in concreto*, т.е. «по фактам жалобы», а не по абстрактным оценкам (не впадая в общие рассуждения *in abstracto*) и по ним «определяет вид мер общего характера, которые государство-ответчик должно принять в силу резолютивной части постановления в сроки, которые он также может установить в той же части решения (пункты 1, 3 и 4 правила 61 Регламента).

В специальной литературе обязывающие государство-ответчика решения ЕСПЧ квалифицируют как судебные прецеденты, которые условно подразделяют на два вида: «жесткие» и «мягкие». К жестким прецедентам относятся системные (пилотные) решения ЕСПЧ: в них национальный законодатель обязывается применить системные меры по предотвращению нарушения основных прав, поменять норму права таким образом, как указывается решением международного суда, т.е. «должен» создать позитивное правовое регулирование [16, с. 65—68; 17].

³ См.: EStHR. *Malone v. the United Kingdom*. Judgment of 2 August 1987. Application No.8691/79; EStHR. (Grand Chamber). *Rotaru v. Romania*. Judgment of 4 May 2000. Amman Application No. 28341/95. Para, 55; EStHR. (Grand Chamber). *Amman v. Switzerland*. Judgment of 16 February 2000. Application No. 27798/95. Para, 56.

В качестве примера такого рода прецедентов приводят решение ЕСПЧ «Бурдов против Российской Федерации — 2», в котором Российская Федерация обязывалась принять системные меры, и в связи с которыми был принят Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок».

В-третьих, формой влияния решений ЕСПЧ на национального законодателя является конструктивное взаимодействие (сотрудничество) с ним общегосударственного органа конституционного контроля, посредством которого имплементируются решения ЕСПЧ. Так, в постановлении от 20 ноября 2007 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 и 445 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.Г. Абламского, О.Б. Лобашовой и В.К. Матвеева» Суд признал не соответствующими Конституции РФ вышеперечисленные нормы УПК РФ в той мере, в какой эти положения не позволяли лицам, в отношении которых осуществляется производство, лично знакомиться с материалами уголовного дела, участвовать в судебном заседании при его рассмотрении, заявлять ходатайства, инициировать рассмотрение вопроса об изменении и прекращении применения указанных мер и обжаловать принятые по делу процессуальные решения. Примечательно, что в данном постановлении была воспроизведена правовая позиция ЕСПЧ, сформулированная в решении по делу «Романов против России», где ЕСПЧ указал, что присутствие заявителя в судебном заседании является необходимым условием того, чтобы судья лично мог убедиться в его психическом состоянии и принять справедливое решение. По утверждению В.Д. Зорькина, в данном деле Конституционный Суд РФ, «рассматривая вопрос о конституционности ряда норм УПК РФ, одновременно разрешил вопрос о приведении его в соответствие с европейскими стандартами».

*В-четвертых, влияние решений ЕСПЧ на национального законодателя возможно опосредованно, через судебные решения, или прецеденты — акты, содержащие определенные правила — «*ratio decidendi*», которые нижестоящие суды применяют при рассмотрении аналогичных дел* (М.Н. Марчен-

ко). Высший судебный орган стран — Верховный Суд РФ — в ряде своих постановлений — от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия», от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации», от 27 июня 2013 № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Протоколов к ней» императивно предписал: «Правовые позиции Европейского суда по правам человека, которые содержатся в окончательных его постановлениях, принятых в отношении Российской Федерации, являются обязательными для судов». Очевидно, что это обстоятельство не может не учитывать и национальный законодатель, поскольку в определенном смысле «право создается судом, а законодатель затем подхватывает созданное» [18, с. 85—91].

В-пятых, возможной формой влияния решений ЕСПЧ на национальное законодательство может быть преобразование законодательного оспоренного в Суде законодательной нормы не путем ее текстуального изменения, а посредством истолкования таким образом, что оно более всего отвечает правовой позиции, сформулированной в решении ЕСПЧ. Так, руководствуясь концепцией «подразумеваемых ограничений» (т.е. не признавая абсолютный характер конституционных прав и свобод), ЕСПЧ в постановлении от 4 июля 2013 года (вступило в силу 9 декабря 2013 года) по делу «Анчугов и Гладков против России» (жалобы № 11157/04 и № 15162/05) признал не соответствующей статье 3 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод положений части 3 ст. 32 Конституции РФ. Однако, понимая невозможность изменения ст. 32 (части 3) Конституции РФ, поскольку ее отмена или изменение возможна не иначе как в специальном порядке, установленном для принятия новой Конституции Российской Федерации, т.е. Конституционным Собранием или всенародным голосованием (статьи 64, 134 и 135 Конституции Российской Федерации), ЕСПЧ «особо отметил, что с учетом сложности процедуры внесения изменений в Конституцию Российской Федерации власти Рос-

сийской Федерации могут по своему усмотрению воспользоваться возможными способами обеспечения совместимости действующих ограничительных мер со статьей 3 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в том числе посредством истолкования статьи 32 (часть 3) Конституции Российской Федерации, позволяющего избежать коллизий между ними, либо с помощью какой-либо формы политического процесса (пункт 111).

Соглашаясь с мнением зарубежных исследователей относительно того, что в различных государствах неодинаковы механизмы интеграции Конвенции в правовую систему [19, с. 226], следует в то же время обратить внимание на необходимость институционализации разнообразных форм и способов имплементации решений ЕСПЧ в правовую систему страны. В этой связи, не настаивая на целесообразности принятия специального законодательного акта по данному вопросу⁴, следует признать необходимым принятие комплекса мер, связанных в том числе с законодательным оформлением процедуры имплементации решений ЕСПЧ, создание эффективно действующего механизма конструктивного взаимодействия российской и региональных, включая европейскую, правовых систем.

Литература

1. *Гавердовский А.С.* Имплементация норм международного права. Киев, 1980.
2. *Калугин В.Ю.* Механизм имплементации международного гуманитарного права. Минск, 2003.
3. *Грачева (Перчаткина) С.А.* Конституционное правосудие и реализация решений Европейского суда по правам человека: Научно-практическое пособие. М., 2012 // СПС «КонсультантПлюс».
4. *Тиунов О.И., Каширкина А.А., Морозов А.Н.* Выполнение международных договоров Российской Федерации: Монография. М., 2011.
5. *Лукашук И.И.* Функционирование международного права. М., 1992.
6. *Левин Д.Б.* Проблемы соотношения международного и внутригосударственного права // Сов. государство и право. 1964. № 7. С. 91—92.
7. *Игнатенко Г.В.* Международное право и внутригосударственное право: проблемы сопряженности и взаимодействия: сб. научных публикаций за сорок лет (1972—2011 годы) / Г.В. Игнатенко. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012.
8. *Черниченко С.В.* Теория международного права: В 2-х т. Т. 1: Современные теоретические проблемы. М., 1999.
9. *Черниченко С.В.* Личность и международное право. М., 1974.
10. Международное право. 2-е изд. [пер. с нем. Н. Спица и др.] / В. Витцум, М. Боте, Р. Дольцер, М. Кау, Э. Кляйн, Ф. Куниг, А. Прельсс, Ш. Шмаль. М.: Инфотропик, 2015.
11. Международное право: Учебник / Отв. ред. д.ю.н., проф. С.А. Егоров. М.: Статут, 2016.
12. *Червонюк В.И.* Структура права: закономерности формирования и развития (в девяти выпусках). Выпуск третий. Структурные уровни, ряды права. Правовые общности // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 3. С. 11—16.
13. *Зорькин В.Д.* Выступление Председателя Конституционного Суда Российской Федерации (редакционный материал) // Российский судья. 2009. № 1. // СПС «КонсультантПлюс».
14. *Червонюк В.И.* Качество закона: современная концепция и проблемы демократизации // Юридическая техника. 2014. № 8. С. 488—503.
15. Восьмой ежегодный доклад Совета Федерации о состоянии законодательства в Российской Федерации. М., 2013; Доклад о результатах мониторинга правоприменения в Российской Федерации за 2012 год // URL: <http://government.ru/activities/10143/>; <http://minjust.ru/ru/node/4779>.
16. *Нешатаева Т.Н.* Решения Европейского суда по правам человека: новеллы и влияние на законодательство и правоприменительную практику. М., 2013. С. 65—68.
17. *Шуберт Т.Э.* Имплементация решений ЕСПЧ в национальное законодательство // Журнал российского права. 2015. № 6. С. 136—143.
18. *Hayek F.A.* Law, Legislation and Liberty. L., 1973.
19. *Любе-Вольфф Гертруда.* Европейский суд по правам человека и национальные суды: дело Гергюлю // Имплементация решений Европейского суда по правам человека в практике конституционных судов стран Европы: Сборник докладов. М., 2006.

⁴ К примеру, в Украине принят Закон от 23 февраля 2006 года № 3477-IV «Об исполнении решений и применении практики Европейского суда по правам человека» (в редакции Законов Украины от 15.03.2011 г. № 3135-VI, 16.10.2012 г. № 5463-VI)

УДК 341
ББК 67.9

ПРОБЛЕМА ПРОВОКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СОТРУДНИКАМИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПРАКТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА)

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА ЧЕРЕПАНОВА,

*старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук,
E-mail: ocherepanova@buimvd.ru;*

АНАСТАСИЯ АЛЕКСЕЕВНА ШНИТОВА,

*курсант Барнаульского юридического института МВД России
E-mail: shnitova_anastasia96@mail.ru*

Научная специальность 12.00.10 — международное право; европейское право

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. В Российской действительности особую актуальность приобретает проблема провокации преступлений сотрудниками правоохранительных органов. Это подтверждается складывающейся практикой рассмотрения Европейским судом по правам человека жалоб по провокации преступлений. В статье проведен анализ существующих проблем в сфере провокации преступлений и предложены пути их решения.

Ключевые слова: провокация преступлений, европейский суд по правам человека, правоохранительные органы.

Abstract. The problem of provocation crime by law enforcement officials is now becoming ever more relevant in the Russian reality. This is confirmed by the evolving jurisprudence of the European Court of Human Rights complaints under the provocation of crimes. The author analyses existing problems in the sphere of provocation of crime and proposes solutions to them.

Keywords: provocation of crimes, the European Court of Human Rights, the law enforcement agencies.

Применение в российском праве решений Европейского Суда по правам человека способствует не только уяснению и единообразному применению на всей территории России правовых норм, но и самое главное — обеспечивает их соответствие европейским стандартам в области прав человека. Подобное значение правовых позиций Страсбургского суда предполагает их знание как правоприменителями, так и частными лицами [10].

В Российской Федерации проблема провокации преступлений сотрудниками правоохранительных органов приобретает особую актуальность. Это подтверждается складывающейся практикой рассмотрения Европейским судом по правам человека (далее ЕСПЧ, Европейский суд) жалоб, предметом которых выступает так называемая «полицейская провокация». Речь, в первую очередь, идет о таких

категориях дел, как сбыт наркотических средств и получение взяток.

Примерами таких жалоб, рассмотренных Европейским судом в последние годы, являются, в частности:

Постановление ЕСПЧ от 22.03.2016 года по делу «Акулин и другие против Российской Федерации» [7], где заявители (девять человек), осужденные за сбыт наркотиков, утверждали, что они были привлечены к уголовной ответственности в результате подстрекательств (провокаций) со стороны сотрудников правоохранительных органов к совершению преступления. Европейский Суд единогласно постановил, что в данном деле власти Российской Федерации нарушили требования пункта 1 статьи 6 Конвенции (право на справедливое судебное разбирательство) в отношении всех заявителей, и обязал Российскую Федерацию выплатить заяви-

телям, представившим требования о справедливой компенсации, по 3 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

Постановление ЕСПЧ от 30.10.2014 по делу «Носко и Нефедов против Российской Федерации» [6], где заявители обжаловали законность осуждения за взяточничество, которое явилось следствием провокации со стороны сотрудников органов внутренних дел. Судом установлено, что по делу допущено нарушение требований пункта 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (право на справедливое судебное разбирательство) и определена обязанность Российской Федерации выплатить заявителем по 3 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

В России прямой запрет совершения провокационных действий установлен ст. 5 Федерального закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», не допускающей подстрекательство, склонение, побуждение в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий. Из этого следует, что в российском законодательстве понятия «правомерная провокация» отсутствует. В целом, совершение провокационных действий находится в прямом противоречии с основным назначением полиции, определенным ст. 1 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», — защитой прав и свобод граждан. Реализация этого назначения возможна только в условиях строгого и неуклонного соблюдения принципа законности.

Анализ правовых позиций ЕСПЧ, сформулированных при рассмотрении жалоб против РФ о провокации сбыта наркотических средств и получения взятки со стороны сотрудников правоохранительных органов, позволяет констатировать наличие системной проблемы российского законодательства и правоприменительной практики, связанной с законностью проведения оперативно-розыскных мероприятий, документирующих преступную деятельность и использованием их результатов в процессе доказывания по уголовному делу.

Подавляющее большинство проблем во время рассмотрения соответствующих категорий дел возникает при исследовании доказательств, полученных в ходе оперативно-розыскной деятельности, а именно по результатам проведения проверочной за-

купки (при документировании сбыта наркотических средств) или оперативного эксперимента (при документировании получения взятки). Сторона защиты зачастую ссылается на допущенные в ходе данных ОРМ провокационные действия сотрудников правоохранительных органов. Указанный довод в большинстве случаев остается без внимания и надлежащей оценки со стороны суда, что впоследствии позволяет заявителям обращаться в Европейский суд с жалобами на нарушение ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод — «Право на справедливое судебное разбирательство».

В России проверочная закупка и оперативный эксперимент (ст. 8 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности») проводятся органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, по решению руководителя этого органа. При этом законом не предусмотрена необходимость получения судебной санкции или прохождения иной разрешительной процедуры, поскольку, по мнению законодателя, данные оперативно-розыскные мероприятия не затрагивают конституционных прав граждан, таких, как права на тайну переписки, телефонных переговоров, телеграфных и иных сообщений, неприкосновенность жилища.

С целью отграничения провокации от законного поведения, Европейский суд выделил два основных критерия: материальный и процессуальный.

Материальный критерий сводится к установлению достаточных оснований для проведения контрольной закупки, а именно: обоснованные подозрения, что заявитель осуществляет преступную деятельность, либо у него сформировалось намерение совершить преступление, и оно могло быть совершено без вмешательства властей, при их пассивном поведении.

Исследуя данные вопросы, Европейский суд неоднократно отмечал, что существующая в России процедура принятия решения о проведении проверочной закупки имеет ряд недостатков: решение об их проведении принимается самим органом, проводящим операцию, этот орган не обязан обосновывать — ни заранее, ни впоследствии — необходимость ее осуществления, требования к документальному оформлению операции не распространяются на этап, предшествующий вынесению решения о ее назначении [3]. Для исключения про-

вокации необходимо доказать, что намерение лица совершить преступление возникло до того, как оперативные работники вступили с ним в контакт, то есть в суд должны быть предоставлены материалы, относящиеся к раннему этапу планирования проведения проверочной закупки. При этом простое заявление сотрудников полиции о том, что они располагали информацией о причастности заявителя к совершению преступлений, не может приниматься во внимание.

В рамках процессуального критерия Европейский суд оценивает процедуру вынесения российскими судами решений по заявлениям о провокации. При этом Судом отмечается повышенная ответственность российских судов, поскольку в условиях проведения оперативно-розыскных мероприятий без достаточных правовых границ или соразмерных гарантий, рассмотрение судами заявлений о провокации является единственным эффективным способом проверить законность оснований проведения оперативно-розыскных мероприятий [5].

Полагаем данные стандарты пока еще не в полном объеме восприняты правоприменителями. Так, в одном из обзоров судебной практики по Алтайскому краю указано: «Оперативно-розыскные мероприятия проводились в связи с имевшейся у сотрудников милиции информацией о том, что О.С.Э. занимается сбытом наркотических средств. Об этом свидетельствует имеющееся в материалах дела постановление о проведении проверочной закупки наркотических средств» [9]. Однако, как было указано выше, позиция Европейского суда сводится к тому, что представить в суд одно постановление о проведении проверочной закупки недостаточно. Необходимы конкретные доказательства, относящиеся к фактам преступной деятельности лица, послужившие основанием для проведения проверочной закупки.

Проверочная закупка проводится для выявления готовящегося преступления, пресечения совершаемого или фиксации совершенного преступления, то есть во всех случаях умысел лица на совершение преступления уже был сформирован и реализовался до вмешательства полиции и проведения проверочной закупки. Если, умысел возникает у лица, в результате предложения лица, действующего в рамках

проверочной закупки, эту закупку следует рассматривать как провокацию преступления.

Вместе с тем, оправдательные приговоры по ст. 228 УК РФ выносятся редко. Так, согласно статистическим данным Верховного Суда РФ за 2015 год вынесен 31 оправдательный приговор по ст. 228-233 УК РФ [8].

По мнению ЕСПЧ, отказ судов от рассмотрения заявлений о провокации противоречит основным гарантиям справедливого судебного разбирательства (состязательность, равноправие сторон), нанося непоправимый ущерб его результатам. Таким образом, ЕСПЧ считает недопустимым построение уголовного дела исключительно на результатах проверочной закупки, к которой не только закон не предъявляет строгих формальных требований, но и которая находится, по сути, вне судебного контроля.

Как известно, ЕСПЧ не вправе указывать государствам, какие меры общего характера необходимо предпринять для устранения выявленных системных недостатков и приведения своей национальной системы в соответствие с требованиями Конвенции. Однако это не препятствует ему приводить положительные примеры других государств, которые могут быть приняты во внимание. Так, в Постановлении по делу «Веселов и другие против России» [4] Суд привел примеры разрешительной процедуры, установленной для проведения контрольных закупок в других странах — членах Совета Европы. В большинстве этих стран разрешение на проведение аналогичных оперативных мероприятий дается либо судом, либо прокурором.

До настоящего времени эффективных мер противодействия провокации преступлений российскими властями не принято.

В этой связи представляется обоснованным внесение изменений в законодательство РФ, которые могли бы способствовать устранению обозначенных выше системных недостатков, выявленных Европейским судом.

Во-первых, необходимо, по нашему мнению, установить уголовную ответственность за провокацию преступлений в целом. В действующей редакции Уголовного кодекса РФ в ст. 304 установлена ответственность лишь за провокацию взятки либо коммерческого подкупа. Но, полагаем, речь в данной статье идет не о провокации как о побуждении,

склонении лица к совершению преступления, а о фальсификации доказательств преступления, которого на самом деле не было (попытка передачи должностному лицу без его согласия денег, ценных бумаг, иного имущества в целях искусственного создания доказательств совершения преступления).

Во-вторых, учитывая, что результаты проверочной закупки во многих случаях ложатся в основу обвинения и осуждения лица, ее проведение напрямую затрагивает такие конституционные права гражданина, как право на жизнь, здоровье, свободу и личную неприкосновенность, защиту своей чести и доброго имени. В этой связи целесообразно в законе «Об оперативно-розыскной деятельности» предусмотреть в качестве условия проведения проверочной закупки судебное решение. Это обеспечило бы предварительный судебный контроль за законностью осуществления данного оперативно-розыскного мероприятия.

И, наконец, судам, рассматривающим уголовные дела, в которых обвиняемые заявляют об имевшей место провокации, должен быть обеспечен доступ ко всем материалам, относящимся к документированию преступной деятельности лица. Именно суд должен решать вопрос о сохранении конфиденциальности данной информации, либо о возможности ее раскрытия стороне защиты.

Очевидно, что проблема провокации преступлений не может быть разрешена принятием одного нормативного акта или акта судебного толкования. Вместе с тем, полагаем, реализация предложенных мер послужит важным шагом на пути приведения национальной системы РФ в соответствие с требованиями Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Литература

1. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.
2. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.
3. Постановление Европейского суда по правам человека от 26.10.2006 Дело Худобин против Российской Федерации Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2007. № 11. С. 13—41.
4. Постановление Европейского суда по правам человека от 02.10.2012 Дело Веселов и другие против Российской Федерации Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2013. № 4. С. 9, 137—157.
5. Постановление Европейского суда по правам человека от 24.04.2014 Дело Лагутин и другие против России // URL: <http://www.echr.coe.int>
6. Постановление Европейского суда по правам человека от 30.10.2014 Дело Носко и Нефедов против Российской Федерации // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2015. № 4. С. 7, 130—143.
7. Постановление Европейского суда по правам человека от 22.03.2016 Дело Акулин и другие против России // Российская хроника Европейского Суда. 2016. № 2.
8. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Данные статистики // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3417>
9. Официальный сайт Железнодорожного районного суда г. Барнаула // URL: <http://zheleznodorozhny.alt@sudrf.ru>
10. Анохин Ю.В., Черепанова О.С. О значении решений Европейского суда по правам человека для правовой системы Российской Федерации // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. № 1. С. 128—138.
11. Додонов В.Н. Провокация преступления с позиции современного уголовного права // Вестник Академии. Научно-практический журнал Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2008. № 3(5). С. 13—16.
12. Зенкин А.Н. Провокация преступления как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Законность. 2015. № 6. С. 26—31.
13. Налбандян Р.Г. Провокация преступлений: позиция Европейского суда по правам человека // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 1. С. 11—13.
14. Фоменко Е.В. К вопросу о непосредственном объекте преступления в виде провокации взятки либо коммерческого подкупа // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 1. С. 104—106.

УДК 341
ББК 67.9

ПЛАН ДЕЙСТВИЙ СОВЕТА ЕВРОПЫ ПО БОРЬБЕ С ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

ДМИТРИЙ ДМИТРИЕВИЧ ШАЛЯГИН,

начальник кафедры прав человека и международного права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

член Рабочей группы по транснациональной организованной преступности Европейского комитета

по проблемам преступности Совета Европы,

кандидат юридических наук, доцент,

E-mail: dshalyagin@yandex.ru

Научная специальность 12.00.10 — международное право; европейское право

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. В 2012 г. Комитет министров Совета Европы принял решение акцентировать деятельность этой международной организации на проблеме транснациональной организованной преступности (ТОП), учредив специальную Рабочую группу по разработке Белой книги о ТОП и Плана действий по борьбе с ТОП на 2016—2020 гг. В указанных документах выявляются ключевые проблемы современного состояния противодействия ТОП и пути планомерного их решения, выразившиеся в пяти ключевых направлениях.

Ключевые слова: Совет Европы, Российская Федерация, транснациональная организованная преступность, сетевое сотрудничество, специальные методы расследования, защита свидетелей, административное взаимодействие, возвращение активов.

Abstract. In 2012, the Committee of Ministers of the Council of Europe took the decision to focus the activities of this international organisation on the issues of transnational organized crime (TOC), establishing an Ad-hoc drafting group to develop a White Paper on TOP and Action Plan on combating TOC (2016-2020) In these documents identifies the key problems of the modern counter TOC and a systematic way of solving them, expressed in the five key areas.

Keywords: Council of Europe, Russian Federation, transnational organised crime, co-operation through networking, special investigative techniques, witness protection, administrative synergies, asset recovery.

Правовые и организационные проблемы международного сотрудничества в целях борьбы с транснациональной организованной преступностью (далее — ТОП) несмотря на существенный вклад ряда многосторонних институтов и сегодня остаются злободневными. Многие уже сделано и продолжает делаться в этой связи на универсальном уровне. Прежде всего, это политико-правовая деятельность Организации Объединенных Наций и Управления по наркотикам и преступности ООН, а также практическая деятельность Интерпола и сотрудничество на двустороннем уровне. Достаточно упомянуть, в этой связи, принятую 15 ноября 2000 г. Генеральной

Ассамблеей ООН Резолюцией № 55/25 Конвенцию против транснациональной организованной преступности [2], которая положила начало широко-масштабному сотрудничеству государств в борьбе с одним из самых масштабных криминальных вызовов XX—XXI веков.

Однако ни действующая конвенция, ни принятые в ее развитие дополнительные протоколы, к сожалению, не решают всех проблем. Преступность, особенно организованная, продолжает стремительно развиваться как количественно, так и качественно. Совершенно справедливо, что «рост транснациональной организованной пре-

ступности, затрагивающей интересы многих государств, иногда даже отдельных регионов; усложнение характера способов совершения преступных действий; видоизменение сфер осуществления преступной деятельности... обуславливают актуальность международного сотрудничества в борьбе с преступностью в последние десятилетия» [8, с. 5].

Европа и ее региональные международные организации, в частности Совет Европы, всегда демонстрировали самые передовые подходы к решению глобальных и региональных проблем, порой даже опережая своих универсальных партнеров¹. Полагаем, что и в борьбе с транснациональной организованной преступностью Совет Европы и государства-члены способны дать адекватный ответ [7].

Транснациональная организованная преступность является ключевой проблемой для многих государств-членов Совета Европы (далее — СЕ), поскольку представляет собой серьезную угрозу верховенству права и грозит серьезными последствиями для экономики, социального развития и безопасности граждан. Национальный интерес участия России в работе по совершенствованию механизма противодействия ТОП определяется как серьезностью состояния оперативной обстановки, так и с учетом положения пункта 22, Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, в котором говорится о «появлении новых форм противоправной деятельности, в частности с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий, и обострении угроз, связанных с неконтролируемой и незаконной миграцией, торговлей людьми, наркоторговлей и другими проявлениями транснациональной организованной преступности» [6], и таким образом относящим проблему ТОП к одной из основных угроз безопасности Российской Федерации, то очевидно, что без надлежащего международного сотрудничества в этой сфере решить проблему ТОП не представляется возможным. Согласно докладу Комитета Ев-

ропейского парламента по борьбе с организованной преступностью и отмыванием, сегодня в Европе активно действует примерно 3 600 международных организованных преступных групп [3]. Очевидно, что Совет Европы, как сказал Генеральный секретарь Организации Турбьерн Ягланд, являясь общеевропейской международной организацией, призванной защищать демократию, права человека и верховенство права, в рамках «большой» Европы, обязан играть все более значительную роль в борьбе против ТОП [1, с. 5].

Одним из ключевых недостатков, характеризующих современное состояние международного сотрудничества в борьбе с преступностью вообще, и с ТОП в частности, является его географическая фрагментарность [7, с. 266]. В этой связи роль СЕ, как организации объединяющей все 28 государств-членов ЕС и 19 других европейских стран, может стать площадкой, где должна определяться общеевропейская политика по консолидированной борьбе с ТОП.

Без надлежащего применения юридического инструментария международное сотрудничество затруднительно или даже невозможно. Необходимо содействовать более эффективной реализации стандартов СЕ в данной области. В целях создания общей основы для сотрудничества в вопросах уголовной юстиции по всей Европе, а иногда и за ее пределами, начиная со второй половины 50-х годов XX в. в рамках СЕ было заключено порядка 45 международных многосторонних договоров (конвенций, протоколов и соглашений) [16], а также около 120 актов мягкого права (резолуций и рекомендаций), разработанных и принятых СЕ в уголовно-правовой и антикриминальной сферах [17; 14; 15]. Эти акты охватывают такие механизмы сотрудничества, как экстрадиция, взаимная правовая помощь и передача осужденных лиц, а также направлены против конкретных форм преступности, имеющих трансграничное измерение, таких как киберпреступность, коррупция, манипуляции в спорте, нелегальный оборот медицинской продукции, терроризм, торговля людьми, торговля человеческими органами и др.

Многие из этих конвенций ратифицированы большинством государств. Кроме того, в последние годы все большее число неевропейских государств

¹ В этой связи, характерен пример ряда международно-правовых актов Совета Европы, где Организация выступила пионером международного регулирования на фоне универсальных международных организаций: по вопросам выдачи преступников, оказании взаимной правовой помощи, борьбе с киберпреступностью, манипуляции спортивных соревнований и др. *Прим. авт.*

вступили в «семью» СЕ путем присоединения к этим конвенциям.

Однако, несмотря на развитый инструментарий, как на универсальном, так и на европейском уровне, мы не можем утверждать, что сотрудничество в борьбе с ТОП сегодня ведется планомерно. В этой связи Комитет министров Совета Европы по рекомендации Европейского комитета по проблемам преступности (ЕКПП) — основного органа СЕ по антикриминальной проблематике — принял решение учредить Специальную рабочую группу по ТОП (PC-GR-COT) для разработки Белой книги о транснациональной организованной преступности, где бы были идентифицированы основные проблемы, препятствующие международному сотрудничеству государств-членов СЕ по противодействию ТОП и предложены пути решения некоторых из них, а затем на ее основе выработать четкую политику СЕ в отношении противодействия ТОП на основе Плана действий.

Одобренный 4 декабря 2015 г. Европейским комитетом по проблемам преступности и окончательно принятый Комитетом министров Совета Европы 2 марта 2016 г. План действий СЕ по ТОП на 2016—2020 гг. [4] поставил перед Советом Европы и его государствами-членами новые и беспрецедентно амбициозные цели в борьбе с ТОП, т.к. появление новых, значительных транснациональных сфер для преступной деятельности вместе с появлением новых видов преступлений с выраженным транснациональным характером, требуют новых усилий по их предупреждению, расследованию и преследованию.

Новые формы ТОП вместе с серьезными рисками, исходящих от «традиционного» типа трансграничной организованной преступности, таких как незаконный оборот наркотиков, оружия или торговля людьми, требуют скоординированных действий на международном уровне, чтобы дать максимальную поддержку государствам — членам, которые несут основную ответственность за предотвращение и борьбу с ТОП, но при этом нуждаются в эффективном сотрудничестве с другими государствами.

Частью этого нового сценария являются проблемы информационного общества, где новые технологии и специализированные цифровые средства

связи широко используются преступниками в их незаконной транснациональной деятельности. Тем не менее, новые технологии могут также являться эффективными инструментами, позволяющими сотрудникам правоохранительных органов отслеживать, выявлять и расследовать самые сложные формы ТОП. В конечном счете, общий ответ на ТОП и необходимое международное полицейское и судебное сотрудничество, дающие уголовно-правовую реакцию на ТОП, также могут извлечь выгоду из быстрых и гибких форм коммуникации нового информационного общества. Вызов заключается в преобразовании движущих факторов новых форм преступности в новые ответы, с учетом того, что формальные и неформальные международные сети сотрудничества также основаны на быстрых формах общения.

План действий учитывает сферу компетенций других международных организаций в целях усиления общей значимости, а соответствующие действия были выбраны в надежде, что они будут усиливать борьбу с ТОП.

Этот План действий призван представить конкретные предложения государствам-членам Совета Европы для эффективного решения ряда вопросов, подробно изложенных в пяти ключевых областях, определенных Белой книгой.

Представляется, что План действий должен быть реализован в течение четырех лет (2016—2020 гг.). Понятно, что совершенствование инструментов и механизмов для борьбы с некоторыми формами ТОП является задачей, которая не может быть предметом для временных рамок, т.к. это непрерывно длящаяся борьба. Основной причиной создания таких временных рамок для Плана действий является то, что более короткие сроки не позволили бы дать достаточно времени для реализации основных целей, изложенных в Белой книге. Вместе с тем, четырехлетние временные рамки позволяют как дать первоначальные оценки получаемым результатам, так и позволят сделать определенные корректировки в отношении будущих действий для среднесрочной оценки, которая будет осуществляться. В завершении этого Плана действий также должен быть подготовлен окончательный отчет.

Что касается общих итогов деятельности, то некоторые результаты следует ожидать еще до того,

как окончится четырехлетний срок, в то время как некоторых других целей, которые требуют непрерывных, текущих действий, удастся достичь лишь частично, в пределах срока, установленного для исполнения настоящего Плана действий. Например, усилия по обеспечению выполнения всеми государствами-членами действий по ратификации или третьими государствами действий по присоединению к конвенциям, имеющих отношение к ТОП, потребуют постоянных усилий, явно выходящих за пределы временных рамок настоящего Плана действий.

Необходимо отметить, что в рамках четырехлетнего Плана действий, некоторые действия будут не продолжительными, в то время как другие действия, которые уже на пути к реализации или частично реализованы по-прежнему будут усиливаться и контролироваться. Кроме того, некоторые действия будут начинаться только после того, как необходимая информация была собрана и соответствующие решения будут приняты, например, о необходимости и возможности разработки новой нормативно-правовой базы.

Признается более целесообразным предложить осуществление нескольких действий одновременно, вместо того, чтобы сосредоточиться на одном действии каждый год, которое может привести к менее эффективным результатам.

План действий построен на выводах, изложенных в Белой книге о ТОП.

Представляя свой анализ и выводы по ТОП, Белая книга концентрируется на ключевых областях, где Совет Европы мог бы сделать определенное влияние и обеспечить реальные дополнительные преимущества. Таким образом, основная цель настоящего Плана действий заключается в том, чтобы обеспечить конкретные мероприятия, которые будут осуществляться в каждой ключевой области (направлении деятельности). Она имеет ту же структуру, разделяя предлагаемые действия на пять пунктов, каждый из которых соответствует одной из определенных ключевых областей.

Пятью ключевыми областями, как указано в Белой книге, являются следующие [1, с. 19—37]:

№ 1: Укрепление международного сотрудничества посредством сетей

№ 2: Специальные методы расследования

№ 3: Защита свидетелей и стимулы для сотрудничества

№ 4: Административное взаимодействие и сотрудничество с частным сектором

№ 5: Возвращение активов

План действий преследует три основные цели:

- укрепление правовой базы борьбы с ТОП с фокусированием на ее гармонизации между государствами-членами;
- совершенствование имплементации правовых инструментов по борьбе с ТОП в соответствии с основными правами человека и в полном соответствии с верховенством права;
- совершенствование международного полицейского и судебного сотрудничества в сфере ТОП на общеевропейском уровне.

Для достижения этих целей в Плана действий определены три вида шагов:

а) Принятие прямых мер по улучшению практической реализации, когда это применимо:

Действия, определенные в соответствии с этим пунктом, — это действия, которые относятся к конкретной деятельности, не связанной ни с правовой базой и ее качеством, ни с укреплением потенциала; а связанные в основном с определением политики и осуществлением политических шагов. Тем не менее, принятие прямых мер также может быть связано или оказывать влияние на другие виды действий.

б) Содействие стандартизации на правовом и практическом уровне:

Под этим заголовком в Плана действий перечислены предлагаемые действия, которые считаются актуальными в целях совершенствования нормативно-правовой базы; не только с целью улучшения ее качества, но и с целью способствовать определенной степени стандартизации среди внутригосударственных правовых положений, касающихся повышения эффективности борьбы с ТОП. Кроме того, действия, направленные на обеспечение или содействие надлежащей имплементации правовых норм, также рассматриваются в данном разделе.

в) Наращивание потенциала (в отношении конкретных целевых групп, включая обучение):

Под этим заголовком План действий определяет в основном целевую группу, которая должна участвовать в деятельности по наращиванию потенциала и возможные проблемные вопросы, которые должны быть охвачены. Само собой разумеется, что определение целевой группы или категории специалистов не исключает участия, например, специалистов-практиков или других специалистов; он лишь указывает на основную целевую группу. Что касается проблемных вопросов, то предложения носят скорее общий характер и не направлены на представление точного названия или содержания. Это требует разработки совместно с участвующими органами, и они должны быть согласованы со всеми мониторинговыми органами, с тем чтобы избежать пробелов и/или дублирования.

Все шаги, предлагаемые в настоящем Плана действий, рассматриваются как эффективные и своевременные в борьбе с ТОП с учетом двух элементов: их приоритет с точки зрения времени и осуществимость их реализации наиболее успешным образом. Критерии эффективности затрат также были учтены при подготовке предложений о действиях и конкретных шагах. Тем не менее, применение этих критериев не привело к исключению соответствующих предложений, несмотря на их, предположительно, более высокие затраты.

Широкий набор мер, предложенных в рамках этого Плана действий должен лечь в основу программ, рассчитанных на реализацию в течение всего периода четырех лет. С точки зрения разработки и реализации предложенных мероприятий, установление приоритетов было исключено из Плана действий по ряду причин:

- сфера действия уже была ограничена путем определения лишь пяти ключевых областей в Белой книге;
- многие действия неизбежно связаны между собой;
- некоторые действия, которые не могут рассматриваться в качестве приоритетной задачи с точки зрения непосредственного воздействия, являются, тем не менее, крайне важными для получения необходимых знаний, которые могли бы способствовать осуществлению других шагов.

В то время как расстановка приоритетов среди шагов преднамеренно в Плана действий не осуществлялась, тем не менее, есть некоторые действия, которые были идентифицированы как важные из-за их решающего значения для укрепления сотрудничества в борьбе с ТОП. Ниже приведен список, который никоим образом не является исчерпывающим, содержащий действия, которые были определены практиками как «основные шаги»: создание подгруппы по ТОП в рамках Совета Европы; действия, связанные с судебными сетями и функционированием контактных пунктов по ТОП; и другие действия, связанные с ускорением исполнения международных судебных запросов о сотрудничестве.

С этой точки зрения, «Укрепление международного сотрудничества посредством сетей» можно было бы рассматривать в качестве приоритетной задачи, из-за его всеобъемлющего влияния на цели, которые предусмотрены в рамках других ключевых областей. Сказав это, тем не менее считаем, что все пять ключевых областей имеют равное значение и также поддерживаются общими действиями в рамках сквозных или взаимосвязанных областей.

В ключевой области 1 (Укрепление международного сотрудничества посредством сетей), если приоритет должен быть идентифицирован, то он должен выглядеть следующим образом: во-первых, прямое действие для осуществления; во-вторых, стандартизация на правовом и практическом уровне. Тем не менее, такой приоритет не будет применяться к ключевым областям 4 (Административное взаимодействие и сотрудничество с частным сектором) и 5 (Возвращение активов), где шаги в рамках «Прямых действий для реализации» и «Совершенствование правовой и практической стандартизации» являются в равной степени важными; в этих областях обеспечение соответствующих исследований имеет первостепенное значение.

В каждой из областей, порядок, в котором перечислены действия, могут быть использованы в качестве ориентира для определения приоритетов, с учетом того, что все действия уже признаны целесообразными.

Наращивание потенциала является еще одним общим приоритетом, но, т.к. это длящееся действие

и в нем существует общая потребность, то оно будет планироваться и осуществляться на постоянной основе.

Реализация предложенных мероприятий должна быть согласована на центральном уровне в рамках Секретариата Совета Европы. Как заявлено в Белой книге, мониторинговые органы и руководящие и экспертные комитеты Совета Европы имеют многолетний опыт и высокую специализацию в различных областях, которые непосредственно связаны с ТОП и способны адресовать многогранные проблемы ТОП в общеевропейском контексте. Поэтому при осуществлении настоящего Плана действий, Совет Европы должен включать его органы, обладающих специальными знаниями в конкретных областях. Такими органами являются Комитет экспертов Совета Европы по оценке мер борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма (MONEYVAL)² [18]; Группа сотрудничества по борьбе со злоупотреблением и незаконным оборотом наркотиков (Группа Помпиду)³ [19]; Комитет экспертов по вопросам функционирования европейских конвенций о сотрудничестве по уголовным делам (PC-OC)⁴ [20]; Группа государств против коррупции (GRECO)⁵ [12]; Комитет экспертов по терроризму (CODEXTER)⁶ [9]; Группа экспертов по борьбе с торговлей людьми (GRETA)⁷ [13]; Комитет Конвенции по киберпреступности

² MONEYVAL является межправительственной группой экспертов, целью создания которой является обеспечение государствам-членам Совета Европы наличия эффективной системы противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма и возможности выполнения соответствующих международных стандартов в этих областях. *Прим. авт.*

³ Группа Помпиду способствует развитию междисциплинарной, эффективной и обоснованной политики в отношении проблемы наркотиков в государствах-членах, объединяя практику, науку и политику в направлении реализации программ по борьбе с наркотиками. *Прим. авт.*

⁴ Комитет PC-OC осуществляет мониторинг всех документов Совета Европы в сфере международного сотрудничества по уголовно-правовым вопросам. Он разрабатывает (согласовывает) новые обязывающие и инициативные нормы и осуществляет их мониторинг, включая разработку практического проблемно-ориентированного сопровождения, его применение или толкование. *Прим. авт.*

⁵ Группа GRECO следит за исполнением документов и стандартов Совета Европы по борьбе с коррупцией. *Прим. авт.*

⁶ CODEXTER является межправительственным комитетом, который координирует осуществление деятельности в приоритетных областях в рамках мер по борьбе с терроризмом и следит за исполнением документов Совета Европы против терроризма. *Прим. авт.*

⁷ Группа GRETA следит за применением Конвенции Совета Европы о противодействии торговле людьми. *Прим. авт.*

(Т-СУ)⁸ [21] и Конференция Сторон Конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма (СОР-198)⁹ [11].

Существует огромное количество информации, связанной с ТОП, которая уже собрана и проанализирована различными мониторинговыми органами Совета Европы, и которую необходимо аккумулировать для эффективного противодействия ТОП. Учитывая, что каждый орган имеет конкретный мандат, то может оказаться невыполнимым распространение деятельности этих органов на проблему ТОП.

Оценка результатов осуществления Плана действий предусмотрена в два этапа: через два года после начала реализации и по завершению четырехлетнего периода. Выводы, которые будут сделаны по итогам этих оценок результатов, должны использоваться для корректировки хода выполнения Плана.

Предложения, содержащиеся в Белой книге о ТОП, и шаги, изложенные в Плана действий по борьбе с ТОП, как мы надеемся, не только послужат повышению эффективности борьбы с этим криминальным феноменом, но и снизят эффект фрагментарности европейского сотрудничества как в этой специфической сфере, так и в других смежных областях. Кроме того, для Российской Федерации, активно участвовавшей в разработке Белой книги и Плана действий по борьбе с ТОП, важно использовать «окно возможностей» на антикриминальном треке сотрудничества с Советом Европы в качестве адекватной альтернативы планомерному взаимодействию по линии ЕС [5], снизившему свою активность по известным политическим причинам.

Литература

1. Белая книга о транснациональной организованной преступности. Перевод Горшеневой

⁸ В Комитете Т-СУ представлены государства—участники Конвенции по киберпреступности для мониторинга за ее эффективным осуществлением. Целью Комитета является обмен информацией о существенных правовых, политических или технических достижениях, относящихся к киберпреступности и сбор доказательств в электронной форме. *Прим. авт.*

⁹ СОР 198 — это Конференция Сторон Конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма, являющейся мониторинговым механизмом к Конвенции CETS 198. *Прим. авт.*

- И.А., Шалягина Д.Д. Council of Europe Publishing. Strasbourg, 2014. // URL: http://www.coe.int/t/DGHL/STANDARDSETTING/CDPC/PC-GR-COT/White-paper-Web_RU.pdf
2. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml
 3. Мереминская Е. Порабощенная Европа. Торговля людьми в Евросоюзе приносит €25 млрд в год. Газета.ru. 14.10.2013. // URL: <http://www.gazeta.ru/business/2013/10/14/5704821.shtml>
 4. План действий Совета Европы по борьбе с транснациональной организованной преступностью. Перевод Горшениной И.А., Шалягина Д.Д. Страсбург: Совет Европы, М.: МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя, 2016.
 5. План совместных действий России — ЕС по борьбе с организованной преступностью 2000 г., // URL: http://www.russianmission.eu/userfiles/file/action_plan_to_fight_crime_2000_russian.pdf
 6. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // URL: <http://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>
 7. Шалягин Д.Д. Актуальные аспекты реализации плана действий Совета Европы по борьбе с транснациональной организованной преступностью. Статья. Актуальные проблемы современного международного права: материалы XIV Международного конгресса «Блищенковские чтения»: в 2 ч. / отв. ред. А.Х. Абашидзе. Москва, 16 апреля 2016 г. М.: РУДН, 2016, Ч. 1, С. 265—279.
 8. Шалягин Д.Д., Пузырева Ю.В. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью: учебное пособие. М.: МосУ МВД России, 2014.
 9. CODEXTER — Committee of Experts on Terrorism. // URL: <http://www.coe.int/en/web/counterterrorism/codexter>
 10. PC-OC — Committee of Experts on the Operation of European Conventions on Co-operation in Criminal Matters. [Электронный ресурс] URL: <http://www.coe.int/en/web/transnational-criminal-justice-PCOC>
 11. COP-198 — Conference of the Parties to the CETS 198. [Электронный ресурс] URL: www.coe.int/t/dghl/monitoring/cop198/about/about_en.asp
 12. GRECO — Group of States against Corruption. [Электронный ресурс] URL: <http://www.coe.int/en/web/greco>
 13. GRETA — Group of Experts on Action against Trafficking in Human Beings. // URL: <http://www.coe.int/en/web/anti-human-trafficking>
 14. Council of Europe Committee of Ministers Recommendation Rec(2001)11 of the Committee of Ministers to member states concerning guiding principles on the fight against organised crime. // URL: <https://wcd.coe.int/com.instranet.InstraServlet?command=com.instranet.CmdBlobGet&InstranetImage=531010&SecMode=1&DocId=21280&Usage=2>
 15. Council of Europe Committee of Ministers Recommendation Rec(2005)9 of the Committee of Ministers to member states on the protection of witnesses and collaborators of justice. // URL: <http://selec.org/doc/CoE%20Reccomendation.witness%20protection%202005.pdf>
 16. European Committee on Crime Problems (CDPC). Conventions elaborated under the authority of the CDPC. // URL: <http://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list>
 17. European Committee on Crime Problems (CDPC). Resolutions and recommendations elaborated under the authority of the CDPC. // URL: <http://www.coe.int/t/dghl/standardsetting/cdpc/2Recommendations.asp>
 18. MONEYVAL — Committee of Experts on the Evaluation of Anti-Money Laundering Measures and the Financing of Terrorism. // URL: http://www.coe.int/t/dghl/monitoring/moneyval/About/About_MONEYVAL_en.asp
 19. Pompidou Group — Co-operation Group to Combat Drug Abuse and Illicit Trafficking in Drugs. // URL: http://www.coe.int/T/DG3/Pompidou/default_en.asp
 20. PC-OC — Committee of Experts on the Operation of European Conventions on Co-operation in Criminal Matters. // URL: <http://www.coe.int/t/dghl/standardsetting/pc-oc/>
 21. T-CY — Cybercrime Convention Committee [Электронный ресурс] URL: <http://www.coe.int/en/web/cybercrime/tyc>

УДК 342
ББК 67.400

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

СЕРГЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ВАСИЛЕВИЧ,

доцент кафедры конституционного права Белорусского государственного университета,

кандидат юридических наук, доцент

E-mail: Gregory_1@tut.by

Научная специальность 12.00.02 — конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Анализируются взгляды ученых и мыслителей прошлого относительно понятия социального государства. Отражено развитие взглядов, показана роль и значение становления государства как социального для стабильности общественного развития. Исследована сущность социального государства, его основные черты. Отстаивается идея о более широком восприятии социального государства, нежели это принято считать в настоящее время. Автор полагает, что его суть и содержание не следует сводить только к обеспечению материальными благами. В социальном государстве создаются условия для достойного и гармоничного развития личности.

Ключевые слова: социальное государство, политическая система, форма государства, политический режим, социальная функция.

Abstract. The views of scientists and thinkers of the past regarding the notion of a social state are analyzed. The development of views is reflected, the role and significance of the formation of the state as social for the stability of social development is shown. The essence of the social state, its key features is investigated. The idea of a broader perception of the social state is being defended, rather than it is generally accepted at the present time. The author believes that its essence and content should not be reduced only to the provision of material goods. In a social state conditions are created for a decent and harmonious development of the individual.

Keywords: social state, political system, state form, political regime, social function.

Введение. Государство было и остается важнейшим элементом политической системы общества. С ним граждане связывают свои надежды, особенно в период кризисов, негативных событий. С древних времен государству посвящали свои труды философы (например, Платон, Аристотель), юристы, экономисты и др., исследуя его роль и значение в жизни человека.

В обществе с учетом оценки деятельности государства и его устройства сложились различные представления и образы государства. Как справедливо замечает известный российский ученый профессор Ю.А. Тихомиров, в представлении одних государство — это нечто идеальное, мистическое, далекое от земной жизни. С точки зрения других, государство — это зло, которое проявляется в действиях властей. В последние десятилетия наблюдалось увеличение

удельного веса регулирующей функции государства. В то же время формируются модели демократического государства, механизмы эффективного государственного и корпоративного управления, принципы правового государства, предопределяющего развитие законодательства и становление правопорядка [1, с. 11—12]. Государство как «форма системной организации общества оказалось весьма жизнестойким, позволило обеспечить целостность общества и консолидации населения». Однако опыт государств, по его справедливому замечанию, таков, что одни следуют императивам общества, другие преувеличивают свои полномочия и забывают о своей роли «слуги» общества [1, с. 17—18].

Основная часть. Идея социального государства имеет давнюю историю. Она насчитывает несколько столетий, однако и сегодня нет единства в понимании

этого явления. Наиболее активно ее стали развивать в семнадцатых-девятнадцатых веках. Среди авторов можно назвать П. Гольбаха, Дж. Локка, Ш. Монтескье, Ж.Ж. Руссо, Г. Гегеля. Сторонники социального государства обосновывают необходимость его развития идеями гуманизма, справедливости, солидаризма (О. Конт, Э. Дюркгейм, Л. Дюги и др.).

Непосредственно понятие «социальное государство» было введено в научный оборот немецким государствоведом Лоренцом фон Штейном в 1850 году. С его точки зрения социальное государство «обязано способствовать экономическому и общественному прогрессу всех своих граждан, ибо, в конечном счете, развитие одного выступает условием развития другого и именно в этом смысле следует понимать социальное государство» [2].

В западной доктрине в качестве синонима социального государства используется термин «государство благосостояния» — welfare state.

По мнению П.Н. Байматова социальное государство «включает в себя многовекторные направления социальной политики, предметное поле которой складывается из таких социальных элементов как занятость населения, образование, охрана здоровья, социальное обеспечение, обеспечение жильем и др.» [3, с. 198]. Он считает ключевым показателем социальности государства степень социального обеспечения, которое является лакмусовой бумажкой при оценке того, является ли государство социальным. «В теории и практике социального переплелись две стороны: регулирование экономической жизни и предоставление гражданам льгот и гарантий. Оно необходимо хотя бы потому, что эти процессы приобретают все в большей степени общественный характер и выходят за рамки возможностей частных субъектов» [4, с. 9].

Сущностью социального государства, по мнению Э.В. Габреляна, является «изъятие и перераспределение материальных благ одних групп населения в пользу других (богатых в пользу бедных, социально сильных в пользу социально слабых), обеспечение социальных прав одних за счет других» [5]. Отвергая такую оценку социального государства, согласимся с позицией вышеназванного автора, что перераспределительная деятельность существующих государств различается масштабами [5, с. 33]. Сопоставляя правовое и социальное

государство, он обращает внимание на два подхода: либо социальное государство продолжение правового государства, либо социальное государство представляет отход от правового государства. При выборе варианта, социальное государство, по его утверждению, может быть представлено с учетом целесообразности, морали или права. Габрелян Э.В. считает, что те, кто придерживается точки зрения, согласно которой социальное государство — продолжение правового государства, его дополнение и развитие, акцент при этом ведут о таком (социальном) государстве, которое занимается распределением экономических благ в целях обеспечения достойного существования. «Обеспечение права на достойное существование — официально декларируемая причина возникновения у государства социальной функции» [6, с. 18]. В литературе высказывается мнение, что социальность государства обусловлена его инстинктом политического самосохранения. Именно по этой причине государство выполняет такие обязанности как обеспечение права на образование, медицинское обслуживание и др. [6, с. 19]. «При отсутствии социальной деятельности государства деформируется вся структура прав и свобод человека и гражданина: индивиду в этом случае не всегда будут доступны эти права и свободы» [6, с. 20]. Перераспределительная функция полезна для поддержания социального мира. При социальном регулировании нельзя абстрагироваться от фактических различий людей.

Интересна позиция Э.В. Габреляна, считающего что «социальное государство стремится откорректировать правовое государство, дополнив к принципу формального равенства сущностно иной принцип — фактического (материального) равенства, единственно возможным способом — перераспределением материальных благ, выравнивая тем самым естественное неравенство субъективных прав и отменяя бедность» [5, с. 33]. При этом Э.В. Габрелян высказывает сожаление по поводу сокращения «формального равенства», «уменьшения свободы в социальных отношениях, «отходу от правового государства», «права одних осуществляются за счет прав других, что нарушает принцип формального равенства» [5, с. 34]. Непонятно во имя каких благородных целей автор гипертрофирует ценность формального равенства. Личные и со-

циальные права он противопоставляет друг другу. К правам можно отнести, по его мнению, либо первое либо второе поколение прав. Кроме того, автор рассматривает правовое и социальное государство в качестве отличных по своему содержанию социальных феноменов.

О.В. Родионова считает, что социальным может быть как демократическое правовое государство, так и тоталитарное (к последнему она относит СССР) [6, с. 16]. По ее мнению, правовое государство может быть несоциальным только, если речь идет об аграрном обществе, в индустриальном и постиндустриальном обществе это якобы невозможно [6, с. 17]. С таким утверждением согласиться нельзя. Социальное правовое и демократическое государство необходимо воспринимать в единстве. Нет оснований признавать правовым государством то, которое не является социальным и социальным, если оно не правовое. Социальный характер государства проявляется в его социальной политике. В соответствии со ст. 2 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах государства, взявшие на себя обязательства по его исполнению, обеспечивают содержащиеся в нем права в максимальных пределах имеющихся ресурсов.

Социальное государство предполагает свою структуру и сферу общественной жизнедеятельности, исходя из существующих конституционных основ. Современные государства стремятся проводить в той или иной степени социальную политику. Различие заключается в масштабах, методах и глубине ее реализации. Есть и крайние точки зрения. Некоторые ученые считают агрессивным насилием государственное перераспределение в пользу отдельных групп. Называет это государственным интервенционизмом, публично-властным агрессивным насилием. О.В. Мартышин, характеризуя социальное государство, акцент делает на использовании таким государством «рычагов политической (государственной) власти для обеспечения справедливости в обществе. Оно предполагает государственное вмешательство в экономическую, общественную жизнь» [4, с. 5—15]. Близкой позиции придерживается и другой российский ученый М.В. Баглай, который считает социальным такое государство, которое проявляет заботу о благополучии, социальной справедливости, социальной защищенности своих

граждан [7]. Однако этого недостаточно. Необходим новый взгляд на социальное государство. Оно не только гарантирует материальные блага конкретным категориям людей при определенных жизненных условиях, но и решает более общую задачу обеспечить достойную жизнь человека во всех ее проявлениях — личной свободы, право политического выбора, экономическое благополучие и многое другое, что составляет статус человека. В этом отношении более близкой нам является определение социального государства, которое дано в Конституционном лексиконе, подготовленном российским ученым С.А. Авакьяном: это государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие личности. Хотя в нем далее автор ограничивается перечислением традиционно называемых социальных прав: труд, здоровье, оплата труда, материнство, отцовство, детство и т.п. [8, с. 590].

О.В. Родионова определяет, что социальная функция — это «деятельность государства, направленная на минимизацию различий в доступе членам государства к общественным благам, с целью обеспечения стабильности (самосохранения) социума» [6, с. 15]. Социальная функция, присущая государству, отличается в исторической ретроспективе динамизмом: происходит уменьшение «тоталитарности», уменьшение сфер, подвластных государству, расширению сторонников идеи все большего невмешательства государства в экономические процессы. Однако, если на первых этапах развития человеческой цивилизации идеи социального государства, взгляды на его природу и сущность развивались в трудах исследователей, то в середине двадцатого столетия на уровне Организации объединенных наций появляются международные документы, такие как Всеобщая Декларация прав человека, международные пакты о правах. По утверждению О.В. Родионовой социальная функция получает свое большее развитие в индустриальном обществе. При этом, как она считает, «любое государство, а не только правовое на индустриальной стадии развития общества становится социальным, т.е. оно вынуждено целенаправленно обеспечивать определенный уровень достойной жизни своим гражданам» [6, с. 18].

Акторами, осуществляющими социальную функцию государства, по мнению одних авторов вы-

ступают государственные органы, государственные предприятия, учреждения, организации, институты гражданского общества, граждане. Однако, полагаем, что в качестве социальных акторов необходимо рассматривать и частный сектор. Разделяем идею о социальной ответственности бизнеса перед обществом. По утверждению П.Н. Байматова в формировании социального государства обязаны участвовать не только государство и общество, но и граждане. Этот вывод иллюстрируется примером государственной помощи нуждающимся гражданам. Здесь необходимы также и собственные усилия гражданина [3]. Все эти субъекты взаимответственны за состояние социального благополучия. Реальная конкуренция, социальная ориентированность бизнеса важны для становления социального государства. В литературе высказывается идея о более широком круге субъектов — участников социального партнерства. Не замыкаясь в традиционном трипартизме, следует видеть появление новых субъектов, например, собственников, некоторые категории государственных служащих, не имеющих права создавать профессиональные союзы (военнослужащие, судьи и др.). К ним можно относить НКО [9, с. 29].

В данном случае можно вести речь о социальном партнерстве. Сфера действия социального партнерства уже давно вышла за рамки трудовых отношений. Социальное партнерство представляет систему взаимоотношений между гражданами, государственными органами, иными субъектами политической системы.

В настоящее время все более ослабевают позиции противников социального государства. Однако это не значит, что перестали быть острыми задачи учета интересов предпринимателей (свобода предпринимательской деятельности), обеспечение эффективности производства, искоренение социального иждивенчества. Как подчеркивает О.В. Мартышин, отрицание идей социального государства сопровождается тезисом «приоритет личных интересов над общественными», «персоноцентристская система». «минимальное государство», что предполагает крайний индивидуализм. По его справедливому мнению, которое нами разделяется, подлинное развитие в сочетании личного и общественного, их гармонии [4, с. 12—13].

Экономические кризисы, переход к постиндустриальному обществу предполагает поиск эффек-

тивных инструментов социальной защиты. В этом отношении перспективным является подход некоторых государств (например, Швейцария), которые намерены установить для всех своих граждан гарантированный национальный минимальный доход. Полагаем, что этот опыт можно было заимствовать и нам, определив на первом этапе те категории граждан, которые на него могут претендовать.

Для реализации социальных прав необходимо создание соответствующих экономических условий [4, с. 9]. Гибкий, эффективно функционирующий рынок труда является важнейшей составляющей инновационной экономики. Вместе с тем современное развитие экономики невозможно без продуктивной занятости, являющейся производной от эффективно функционирующего гибкого рынка труда, позволяющего оперативно реагировать на экономические вызовы

В.Г. Баев, Шуняева А.Е. полагают, что в Российской Федерации формирование социального государства еще только начинается, а государственное управление характеризуется неполной нормативной базой, в которой отсутствуют в полном объеме конституционные обязанности Российского государства в сфере социальной политики [10, с. 12—17].

О.В. Родионова выделяет следующие исторические типы социального государства: период становления социального государства (с 14 века до 1940-х годов); патерналистское социальное государство (с 1940-х до 1980-х годов) (для него, как отмечает О.В. Родионова, каждому по потребностям, определяемым стандартами конкретного общества); неопатерналистское социальное государство. Неопатерналистское государство ориентировано на всемерное вовлечение в сферу труда всех трудоспособных, в отличие от патерналистского, для которого главной была забота обо всех нуждающихся [6, с. 15—26]. Весьма интересно представил развитие социальной функции государства О.В. Мартышин, используя для этого форму гегелевских триад: «древний, средневековый и абсолютистский «тоталитаризм» (тезис), далее экономический либерализм (антитезис), наконец, социальное государство конца XIX века и до наших дней (синтез) [4, с. 6].

Характеризуя политику Советской России в период 1918—1920 гг. некоторые авторы правильно отмечают, что она носила патерналистский харак-

тер. Это проявлялось в виде льгот, обеспечении хотя и низкого, но гарантированного дохода, жестком контроле по недопущению социальных эксцессов [11, с. 25]. В советский период общегосударственные интересы превалировали над личными, характерно было умаление самостоятельности личности. Для социалистического государства присуще свое понимание социальной справедливости, в основе которого был приоритет коллективистских начал. По мнению Игольниковой В.А. «государство советского периода не только не смогло обеспечить социальные потребности своих граждан, но и действуя в угоду своим социалистическим интересам, наоборот, в значительной степени ограничивало социальные права и свободы граждан» [11, с. 25]. Однако при этом в своей публикации, делая подобный вывод, она ограничилась анализом периода 1918—1920 гг. Это не вполне корректно, учитывая гражданскую войну и разруху в тот период.

Несмотря на то, что идеи социального государства были высказаны много столетий назад, наличие научных работ по этой тематике, в конституциях понятие «социальное государство» стало закрепляться после Второй мировой войны. Первым стал Основной Закон Германии 1949 г. Анализ содержания текстов конституций в зависимости от уровня закрепления в них принципов и норм социального государства позволяет выделить их следующие группы. Ряд государств имеют конституции, в которых не закрепляются социальные права (США, Бельгия, Япония). В следующую группу входят государства, чьи конституции фиксируют только часть социальных прав (Конституция Ирландии). И отдельную группу составляют конституции государств, где очень детально закрепляются социальные права. К ним можно отнести конституции Испании, республик бывшего СССР.

Конституция Республики Беларусь провозгласила наше государство социальным (ст. 1). В ней нет конкретных параметров социального государства, однако основное содержание политики в данном направлении развития государства раскрывается в ряде других статей Основного Закона нашей республики. Тем самым, речь идет о соответствующей социальной политике. Фиксация в Конституции положения о социальном характере нашего государства является правовым императивом, который опреде-

ляет задачу и цель его функционирования. Развитие социального государства в современных условиях приобретает важное значение, так как рост неравенства несет угрозу стабильности государства, его устойчивому развитию. В то же время социальное государство принципиально отличается от социалистического государства. Социальное государство предполагает активную позицию трудоспособных граждан, которые обязаны заботиться о своем благополучии, развитии своих способностей, профессионализма. Здесь нами разделяется емкая характеристика социального государства как государства, которое призвано создавать равные стартовые условия для всех своих граждан, поддерживает слабых и немощных [8, с. 384].

Конституция Республики Беларусь не содержит указания на методы реализации социальной функции, пределах ее реализации. Хотя в действующей Конституции нет указания на планирование, однако подчеркивается необходимость государственного регулирования социально-экономических отношений, равная защита права государственной и частной форм собственности, государственная форма собственности на земли сельскохозяйственного назначения, исключительная государственная собственность на иные природные ресурсы (недра, воды, леса), социальное партнерство (ст. 14).

Необходима реструктуризация социальной функции. В современных условиях обостряется проблема трудовых ресурсов, эффективной занятости. Кризисные явления в экономике ведущих мировых держав, сбой в налаженном экономическом сотрудничестве в связи с введением экономических санкций, демографические причины (старение населения, отсутствие сбалансированного притока новых рабочих рук в связи с низкой рождаемостью в последние десятилетия и др.), слабые (несовременные) технологии ведут к падению производства, снижению валового внутреннего продукта, снижению конкуренции на внешних рынках, благосостояния граждан. Одной из важнейших внутренних задач государства является создание инновационной среды в сфере образования, труда, которая бы стимулировала человека быть инициативным, старательным при исполнении своих трудовых (служебных) обязанностей. Важно способствовать формированию креативной личности. Разделяем оценку

О.В. Родионовой так называемого развитого социального государства, которому присуща адресность социальной помощи, отказ от патерналистского типа отношений, предоставление работоспособным гражданам возможности самореализации, забота о тех лицах, которые по объективным причинам не могут позаботиться о себе самостоятельно [6, с. 24].

Заключение. Современное социальное государство сосредотачивается не на привилегиях и дотациях всем нуждающимся независимо от их статуса, а в помощи желающим активно реализовать свои способности (переквалификация, обучение и др.). На этом пути много трудностей. Для подлинно социального государства характерно создание благоприятных условий для всестороннего развития личности, которая в полной мере может реализовать всю совокупность прав — личных, политических, экономических, социальных, культурных. Только в гармоничном сочетании всех элементов, присущих государству, можно делать об успешности становления государства как социального. На наш взгляд, замыкаться только на одном сегменте прав нельзя. В настоящее время вся совокупность прав должна находиться в гармонии, без социальных прав сложно представить развитость государства как правового или демократического. Ключевым показателем государственной политики, хорошего управления является обеспечение права человека на достоинство. Достойный уровень жизни нельзя сводить только к материальным благам. С учетом этого, можно утверждать, что говоря о правовом демократическом социальном государстве мы имеем в виду общую характеристику государства: без демократии или правовой государственности нельзя говорить о правовом или социальном государстве. Полезно позитивно воспринять конструктивный подход немецких ученых, которые понимают под демократией и правовой государственностью понимают «организационные и процедурные принципы, обеспечивающие условия нормального существования общества и государства, а под социальной государственностью — само это существование» [12, с. 64].

С учетом изложенного, считаем возможным дать следующее определение социального государства — это такое государство, правовым императивом деятельности которого является создание условий для всестороннего развития личности, реализа-

ции ею всего комплекса прав и свобод, надлежащего выполнения конституционных обязанностей, оказание социально-экономической помощи гражданам, которые по объективным причинам (возраст, инвалидность, многодетность и т.п.) не в состоянии на равных условиях конкурировать на рынке труда с трудоспособными лицами.

Литература

1. Тихомиров Ю.А. Государство: монография / Ю.А. Тихомиров. М.: Норма: ИНФРА-М., 2013.
2. Штейн Л. Фон. История социального движения Франции с 1789 г. СПб.: Тип. А. М. Котомина, 1872.
3. Байматов П.Н. Россия и Запад: конституционное право граждан на социальное обеспечение — индикатор социального государства // Право и политика. 2014. № 2 (170). С. 197—206.
4. Мартышин О.В. Идея социального государства и ее противники // Государство и право. 2011, № 12. С. 5—15.
5. Габрелян Э.В. О правовом социальном государстве // Российская юстиция. 2011, № 5. С. 32—34.
6. Родионова О.В. Современное социальное государство: типология и проблемы модернизации // Правоведение. 2010, № 3. С. 15—26.
7. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: Учебник. М.В. Баглай. 3-е изд., изм. и доп. М.: Издательство Норма-Инфра-М., 2001.
8. Авакьян С.А. Конституционный лексикон. Государственно-правовой терминологический словарь / С.А. Авакьян. М.: Юстицинформ, 2015.
9. Ау Т.И. К вопросу о понятии социального партнерства (с учетом специфики Казахстана) // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 11.
10. Баев В.Г., Шуняева А.Е. Социальное государство: понятие, содержание, конституционное закрепление // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 17. С. 7—11.
11. Игольникова В.А. Реализация элементов социального государства в Советской России (1917—1920 гг.) // История государства и права. 2011. № 6. С. 166—173.
12. Государственное право Германии. В 2 т. Т. 1. М.: Российская Академия наук. Институт государства и права, 1994.

УДК 347
ББК 67.404

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВОЙ РЕЖИМ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ В СФЕРЕ ЮРИСПРУДЕНЦИИ КАК ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ЮРИЙ ФЕДОРОВИЧ БЕСПАЛОВ,

профессор кафедры гражданского процесса и организации службы судебных приставов

Всероссийского государственного университета юстиции,

доктор юридических наук, профессор, судья в отставке

электронная почта: nksmgs@mail.ru

Научная специальность 12.00.03 — гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Исследованы понятие и правовой режим научных статей в сфере юриспруденции как объектов интеллектуальных прав.

Автором дано определение «научной статьи» и выделены основные признаки научной статьи в сфере юриспруденции. Сделан вывод о том, что правовой режим научной статьи в сфере юриспруденции включает в себя совокупность требований, которым она должна соответствовать, а правовой статус автора и/или иного правообладателя — права, установленные для автора произведения науки.

Ключевые слова: научная статья, научная статья в сфере юриспруденции.

Abstract. In this article, the concept and legal regime of scientific articles in the field of jurisprudence as objects of intellectual rights are explored.

The author gives the definition of a «scientific article» and outlines the main features of a scientific article in the field of jurisprudence. It is concluded that the legal regime of scientific articles in the field of law includes a set of requirements that it must meet, and the legal status of the author and/or copyright holder — right set for the author of a work of science.

Keywords: scientific article, scientific article in the field of jurisprudence.

Одним из актуальных и имеющих теоретическое и практическое значение является вопрос о понятии и правовом режиме научных статей по вопросам, относящимся к сфере юриспруденции, как объектов интеллектуальных прав в РФ.

В научной литературе понятие и правовой режим научных статей в сфере юриспруденции и безотносительно к какой-либо отрасли знаний представлены неполно и требуют всестороннего, комплексного и фундаментального исследования.

Л.Н. Беляева, Н.Л. Шубина определяют научную статью «как текст, который должен отражать основную концепцию автора и полученные им результаты...» [1]. Н.Ю. Абрамова отмечает, что «в

научной статье выражается развернутая обстоятельная аргументированная концепция автора по поводу актуальной научной проблемы или задачи» [2]. Г. Граефен полагает, что «научная статья в гораздо большей степени, чем монография и другие тексты, является интегрирующим моментом обмена знаниями, так как благодаря публикации научных статей происходит проникновение в ситуацию конкретного исследования» [3]. Е.В. Михайлова считает, что «научная статья — первичный письменный жанр научного дискурса, задачей которого является постановка и решение одной научной проблемы, имеющая средний объем, систему ссылок и выходные данные» [4].

По мнению В.В. Чистякова, Е.В. Ястребова, «научная статья должна выполнять функцию апробации научных положений, выносимых на защиту. Именно отточить их — задача научной статьи» [5].

Названные и другие уважаемые исследователи определяют по-разному понятие научной статьи, ее существо, назначение, основные структурные элементы. Вместе с тем, как нам представляется, большинство авторов в качестве основного признака научной статьи выделяют выявление и обоснование наличия теоретической и/или практической проблемы в какой-либо сфере знания, ее актуальность и обоснование авторских рекомендаций по ее разрешению.

Надо полагать, что под научной статьей следует понимать самостоятельный вид произведений науки, являющийся объектом интеллектуальных прав и обладающий специальным правовым режимом.

Применительно к области юридической науки научная статья есть самостоятельный объект интеллектуальных прав в сфере юриспруденции, отвечающая по форме, структуре и содержанию требованиям, установленным в РФ соответствующими нормативными правовыми актами, и в частности, обладающая новизной, имеющая объективную для восприятия форму выражения, содержащая достоверные выводы и положения, обладающие достоверностью, имеющие теоретическую и практическую значимость для юридической науки, нормотворчества и правоприменения.

Российское законодательство содержит некоторые положения, предусматривающие требования к форме и содержанию научной статьи. Дополнительные требования к научной статье определяют соответствующие научные издательства.

Так, в п.п. 11,13 постановления Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 «О порядке присуждения ученых степеней» предусмотрено, что основные научные результаты диссертации должны быть опубликованы в рецензируемых научных изданиях. Количество публикаций, в которых излагаются основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора наук, в рецензируемых изданиях должно быть: в области искусствоведения и культурологии, социально-экономических,

общественных и гуманитарных наук — не менее 15; в остальных областях — не менее 10. Количество публикаций, в которых излагаются основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, в рецензируемых изданиях должно быть: в области искусствоведения и культурологии, социально-экономических, общественных и гуманитарных наук — не менее 3; в остальных областях — не менее 2.

Кроме того, в соответствии с п. 32 данного постановления в заключении диссертационного совета приводятся результаты голосования по присуждению ученой степени и решение диссертационного совета о присуждении или об отказе в присуждении ученой степени, а также информация о соблюдении установленных настоящим Положением критериев, которым должна отвечать диссертация на соискание ученой степени, наличии (отсутствии) в диссертации недостоверных сведений об опубликованных соискателем ученой степени работах, в которых изложены основные научные результаты диссертации.

Таким образом, анализируемое нами постановление устанавливает требования к форме и содержанию научных статей для защиты диссертации, к числу научных статей и предусматривает необходимость их опубликования в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией РФ.

Требования к оформлению и содержанию научных статей предусмотрены Государственными стандартами: «ГОСТ 7.60-2003. Межгосударственный стандарт. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Издания. Основные виды. Термины и определения»; ГОСТ 7.9-95 Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Реферат и аннотация. Общие требования; ГОСТ 7.32-2001 Отчет о научно-исследовательской работе. Структура и правила оформления; ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления и некоторые другие.

Следовательно, для отнесения научной статьи к объекту интеллектуальных прав необходимо, чтобы она отвечала требованиям, установленным российским законодательством к ее форме, структуре и содержанию, и в частности, являлась результатом самостоятельной творческой деятельности, имела

объективную форму выражения, была обнародованной, доступной, подтверждала апробированность выводов, их достоверность, теоретическую и практическую ценность, а также свидетельствовала об их актуальности. Научной статье обеспечиваются охрана и защита, в том числе неприкосновенности, а ее автору, иному правообладателю — охрана и защита прав.

Изложенное позволяет заключить, что правовой режим научной статьи в сфере юриспруденции включает в себя совокупность требований, которым она должна соответствовать, а правовой статус автора и/или иного правообладателя — совокупность прав, установленных для автора произведения науки.

Специфика научной статьи в сфере юриспруденции состоит в том, что она относится к особой сфере знаний — юридической науке и содержит решения относительно данной сферы знаний, нормотворчества и/или правоприменения.

Литература

1. *Беляева Л.Н., Шубина Н.Л.* Научная статья как объект экспертной оценки // *Известия РГПУ им. А.И. Герцена.* 2014. № 172. С. 5—12.
2. *Абрамова Н.Ю.* О научных публикациях в России // *Научная периодика: проблемы и решения.* 2011. № 1. С. 17—21.
3. *Graefen G.* Der wissenschaftliche Artikel: Textart und Textorganisation / Gabriele Graefen. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien: Lang, 1997.
4. *Михайлова Е.В.* Интертекстуальность в научном дискурсе (на примере статей): автореферат дис. ... канд. филос. наук / Е.В. Михайлова. Волгоград, 2007.
5. *Чистяков В.В., Ястребова Е.В.* Еще раз о критериях к статьям, публикуемым в журналах, рекомендованных ВАК РФ // *Бизнес в законе.* 2008. № 3 С. 12—14.

УДК 346.26

ББК 67.404

КЛАССИФИКАЦИЯ ВИДОВ LEGAL DUE DILIGENCE

ОЛЕСЯ ВЛАДИМИРОВНА НЕЧУХАЕВА,

соискатель кафедры предпринимательского и корпоративного права

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

E-mail: nechukhaeva.olesya@gmail.com

Научная специальность 12.00.03 — Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Проводится сравнительный анализ необходимых и обязательных элементов аудита и legal due diligence с целью упорядочить порядок проведения данной проверки и повысить уровень качества. Автором приводится классификация видов legal due diligence по аналогии с видами аудита.

Ключевые слова: аудит, виды аудита, legal due diligence, виды legal due diligence, аудитор, аудиторская организация.

Abstract. This article compares the key (necessary and obligatory) aspects of audit elements and legal due diligence aspects in order to streamline the procedure for carrying out legal due diligence and improve its quality level. The author categorizes the types of legal due diligence by analogy with types of audit.

Keywords: audit, audit types, legal due diligence, types of legal due diligence, auditor, audit organization.

В соответствии со ст. 1 ФЗ от 30 декабря 2008 г. № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности в Российской Федерации» к аудиторской деятельности причисляют лишь проверки, осуществляемые в со-

ответствии с требованиями и в порядке, предусмотренными стандартами аудиторской деятельности. Иные проверки, не отвечающие указанным требованиям, не относятся к аудиторской деятельности.

Однако, несмотря на то, что *legal due diligence* не является аудитом в понимании данного закона и иных нормативных правовых актов, регулирующих отношения, возникающие при осуществлении аудиторской деятельности, установление ее потенциального места с учетом специфики в классификации видов аудита поможет упорядочить порядок проведения данной проверки и повысить уровень качества.

Анализ законодательства, научной литературы и практики осуществления аудита показывает наличие множества оснований для классификации аудита.

Основные критерии для выделения того или иного вида аудита представлены в таблице 1 [2, с. 171].

Проведенный анализ показал потенциальную возможность отнесения *legal due diligence* к некоторым из приведенных выше классификациям.

Так, по цели (назначению) аудит подразделяется на финансовый, налоговый, ценовой, управленческий, операционный и специальный и на соответствие законодательству, из которых элементы специального аудита и аудита на соответствие за-

конодательству могут быть применены к *legal due diligence*.

Специальный аудит — «проверка конкретных аспектов деятельности хозяйствующего субъекта, соблюдения определенных процедур, норм и правил» [4, с. 47]. Примером специального аудита является экологический, представляющий собой «систематический документированный процесс проверки, заключающийся в получении объективным путем и оценке свидетельств аудирования. Экологический аудит направлен на установление соответствия экологически значимых видов деятельности, событий, условий, систем менеджмента или информации по этим вопросам критериям аудирования» [6, с. 14].

Одним из основных блоков *legal due diligence* выделяют такую сферу, как экология. В зависимости от специфики проверяемого лица могут проводить исключительно *due diligence* (общий или юридический) только в данной области.

Аудит на соответствие законодательству «предназначен для проверки соблюдения предприятием конкретных правил, норм, законов, инструкций, договорных обязательств, которые оказывают воздействие на результаты осуществляемых операций. В процессе этого аудита устанавливается соответствие деятельности предприятия его уставу, проверке подлежат правильность начисления оплаты труда» и т.д. [1, с. 64].

Таблица 1

Виды аудита

Классификационный критерий	Вид аудита
Цель (назначение)	Финансовый Налоговый Ценовой Управленческий Операционный Специальный На соответствие законодательству
По частоте проведения	Первоначальный Повторяющийся (согласованный)
По направленности (по объектам аудита)	Общий Банковский Страховых организаций Бирж, инвестиционных институтов, Внебюджетных фондов
По категориям аудиторов	Государственный Негосударственный
По отношению к требованиям законодательства	Инициативный Обязательный
По отношению к организационной структуре (по отношению к пользователям информации)	Внешний Внутренний

Данный вид аудита, выделяемый по цели (назначению), наилучшим способом отражает направленность *legal due diligence*, так как ее объектом являются правовые аспекты и законодательно урегулированные вопросы.

Таким образом, *legal due diligence* является проверкой, направленной на совокупное достижение целей специального (в частности, экологического) аудита и аудита на соответствие законодательству.

Также к *legal due diligence* потенциально применима классификация видов аудита по отношению к требованиям законодательства — инициативный и обязательный.

Основанием для инициативного аудита является решение хозяйствующего субъекта. Инициативный (добровольный) аудит проводится аудиторской фирмой или индивидуальным аудитором на основе договора. Характер и масштабы такой проверки определяет само аудируемое лицо [1, с. 64]. «Цели инициативного аудита формируются в зависимости от ситуации на предприятии, в результате которой возникла необходимость в аудите. Например, желание собственников удостовериться в соблюдении их интересов администрацией... соблюдении законодательства или наоборот, возникшее недоверие между собственниками и наемной администрацией, конфликты между отдельными руководителями, несовершенство системы организации учета» [3].

Полагаем, что *legal due diligence* по своему смыслу является инициативным аудитом. Так, при ее проведении объем, подлежащий исследованию, определяется техническим заданием, которое является неотъемлемым приложением к договору на проведение *legal due diligence*.

Так, например, в акционерных обществах согласно п. 5 ст. 67.1 Гражданского кодекса Российской Федерации и ст. 86 ФЗ от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» право инициировать аудит закреплено за общим собранием акционеров (размер оплаты услуг аудитора определяется советом директоров (наблюдательным советом) общества) и акционерами, совокупная доля которых в уставном капитале составляет 10 и более процентов; в обществах с ограниченной ответственностью согласно п. 4 ст. 67.1 Гражданского кодекса Российской Федерации и ст. 48 ФЗ от 8 февраля

1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» — общим собранием участников и любым участником общества.

Ч. 2 ст. 48 ФЗ от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» предусматривает, что любой участник общества может выступить инициатором проведения аудита за свой счет с потенциальной возможностью возмещения обществом данных расходов по решению общего собрания.

В силу ст. 8 ФЗ от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» участник общества имеет право на получение информации о деятельности общества и ознакомление с его бухгалтерскими книгами и иной документацией.

Стоит отметить, что участник общества вправе инициировать проведение аудиторской проверки за период, в течение которого он не являлся его участником (Постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 9 марта 2011 г. по делу № А45-25123/2009; п. 5 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18 января 2011 г. № 144 «О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров о предоставлении информации участникам хозяйственных обществ»).

Так, к *legal due diligence* можно применить следующие элементы инициативного аудита:

1) правом инициировать проведение *legal due diligence* могут воспользоваться, например, общее собрание участников или акционеров, совет директоров (наблюдательный совет), единоличный и коллегиальный исполнительные органы, иные органы управления в зависимости от организационно-правовой формы юридического лица, любой участник или акционер юридического лица, а также третьи лица (контрагенты, инвесторы и др.) по согласованию;

2) бремя оплаты услуг по проведению *legal due diligence* несет ее инициатор. В деле Университет Западной Австралии против Грея, рассмотренном Федеральным Судом Австралии (*The University of Western Australia v Gray* (No 9), [2007] FCA 111 // правовая система Westlaw), стоимость проведения *legal due diligence* разделена между двумя заинтересованными лицами;

3) отсутствие ограничений периода деятельности юридического лица, подпадающего под *legal due diligence*;

4) свободный выбор исполнителя *legal due diligence* ее инициатором.

Однако юридические лица-инициаторы *legal due diligence* должны соблюдать требования, установленные ФЗ от 05 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» и ФЗ от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц», если указанные нормативные правовые акты являются обязательными для соблюдения данными юридическими лицами.

Аналогичная ситуация закреплена в ст. 5 ФЗ от 30 декабря 2008 г. № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» при проведении обязательного аудита. Так, заключение договора на проведение обязательного аудита бухгалтерской (финансовой) отчетности организации, в уставном (складочном) капитале которой доля государственной собственности составляет не менее 25 процентов, а также на проведение аудита бухгалтерской (финансовой) отчетности государственной корпорации, государственной компании, публично-правовой компании, государственного унитарного предприятия или муниципального унитарного предприятия возможно лишь с аудиторскими организациями или индивидуальными аудиторами, которые определены по результатам открытого конкурса в порядке, урегулированном ФЗ от 05 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

Классификация видов аудита по отношению к организационной структуре (по отношению к пользователям информации) — внешний и внутренний — также может быть применена к *legal due diligence*.

Первый вид аудита, приведенный в данной классификации, — внешний аудит — проводится сторонними (независимыми от аудируемого лица) организациями и независимыми аудиторами. Внешним аудитом является независимая проверка бухгалтерской (финансовой) отчетности аудируемого

лица в целях выражения мнения о достоверности такой отчетности [2, с. 198].

В свою очередь, внешний *legal due diligence* также проводится сторонними исполнителями с целью выражения мнения о соответствии правовой деятельности проверяемого лица требованиям текущего законодательства.

Второй вид аудита — внутренний — в соответствии с Федеральным правилом (стандартом) аудиторской деятельности № 29 «Рассмотрение работы внутреннего аудитора» (Постановление Правительства Российской Федерации от 23 сентября 2002 г. № 696 «Об утверждении федеральных правил (стандартов) аудиторской деятельности») представляет собой контрольную деятельность, осуществляемую внутри аудируемого лица его подразделением — службой внутреннего аудита.

Институтом внутренних аудиторов дано следующее определение внутреннего аудита: «деятельность по предоставлению независимых и объективных гарантий и консультаций, направленная на совершенствование работы организации. Внутренний аудит помогает организации достичь поставленных целей, используя систематизированный и последовательный подход к оценке и повышению эффективности процессов управления рисками, контроля и корпоративного управления» [5].

Объем и цели внутреннего аудита определяются и находятся в зависимости от размера и структуры аудируемого лица и требований руководства.

Федеральное правило (стандарт) аудиторской деятельности № 29 «Рассмотрение работы внутреннего аудитора» содержит примеры функций службы внутреннего аудита:

1) мониторинг эффективности процедур внутреннего контроля (постановка необходимых систем бухгалтерского учета и внутреннего контроля входит в обязанности руководства, и этому следует постоянно уделять соответствующее внимание, а на службу внутреннего аудита обычно возлагаются обязанности по проверке этих систем, мониторингу эффективности их функционирования, а также представлению рекомендаций по их усовершенствованию);

2) исследование финансовой и управленческой информации (включает обзорную проверку средств и способов, используемых для сбора, изме-

Виды legal due diligence

Критерий	Вид legal due diligence
Цель (назначение)	Специальный На соответствие законодательству
По отношению к требованиям законодательства	Инициативный
По отношению к организационной структуре (по отношению к пользователям информации)	Внешний Внутренний

рения, классификации этой информации и составления отчетности на ее основе, а также специфические запросы в отношении отдельных ее составляющих частей, включая детальное тестирование операций, остатков по счетам бухгалтерского учета и других процедур);

3) контроль экономности, эффективности и результативности, включая нефинансовые средства контроля аудируемого лица;

4) контроль за соблюдением законодательства Российской Федерации, нормативных актов и прочих внешних требований, а также политики, директив и прочих внутренних требований руководства.

Осуществление внутреннего legal due diligence, включая соблюдение текущего законодательства, нормативных правовых актов и прочих внешних и внутренних обязательных требований, штатными аудиторами (при наличии необходимых знаний) и юристами службы внутреннего аудита возможно при наличии необходимых трудовых ресурсов (количества соответствующих сотрудников) для выполнения объема данной проверки.

Объем и цели определяются заданиями руководства юридического лица и начальника службы внутреннего аудита и зависят от размера, структуры и деятельности проверяемого юридического лица.

В таком случае отчет о legal due diligence будет являться локальным нормативным актом, предназначенным для внутреннего использования юридическим лицом.

В свою очередь, внешний legal due diligence также проводится сторонними исполнителями с целью выражения мнения о соответствии правовой деятельности проверяемого лица требованиям текущего законодательства.

Напомним, что хотя legal due diligence не является аудитом в понимании ФЗ от 30 декабря 2008 г. № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности в Россий-

ской Федерации» и иных нормативных правовых актов, регулирующих отношения, возникающие при осуществлении аудиторской деятельности, можно провести классификацию его видов с учетом специфики по аналогии с классификацией видов аудита (табл. 2).

Таким образом, исходя из понимания потенциального места с учетом специфики в классификации видов аудита можно сделать вывод, что legal due diligence является по своему характеру инициативной проверкой, направленной на достижение целей специального аудита и аудита на соответствие законодательству, осуществляемой внешними (независимыми от юридического лица) силами или внутренними ресурсами.

Такое понимание призвано помочь выявить необходимые и обязательные элементы legal due diligence, что позволяет лучше сформулировать цели и задачи предстоящей проверки, упорядочить порядок ее проведения и, соответственно, повысить уровень качества оказываемых услуг.

Литература

1. Ерофеева В.А., Пискунов В.А., Битюкова Т.А. Аудит. М., 2010.
2. Ершова И.В., Ершов А.А. Правовое регулирование аудиторской деятельности в Российской Федерации. М., 2011.
3. Никольская Ю.П., Мерзликina Е.М. Аудит. Часть 1.: Учебное пособие. М., 2000.
4. Шеремет А.Д., Суйц В.П. Аудит: Учебник. М., 2006.
5. Институт внутренних аудиторов. Международные основы профессиональной практики // https://www.iaa-ru.ru/inner_auditor/professional/
6. Чернова М.В. Виды аудита: современная классификация // Аудиторские ведомости. 2011. № 6.

УДК 347

ББК 67.404

РЕЙДЕРСТВО КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИИ. ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВИНЫ КАК СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ РЕЙДЕРСКОГО ЗАХВАТА

АЛЬБЕРТ ВЛАДИСЛАВОВИЧ ТУМАКОВ,*старший преподаватель кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса**Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,**кандидат юридических наук**E-mail: albert-tumakov@rambler.ru;***ЯНА НИКОЛАЕВНА СТЕПАННИКОВА,***курсант международно-правового факультета**Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя 318 учебной группы**Научная специальность 12.00.03 — гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право**Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

Аннотация. Проблемы гражданско-правовых и уголовно-правовых аспектов вины при рейдерском захвате. Рейдерство в настоящее время находится на высокой стадии своего развития, как следствие, изучение субъективной стороны рейдерского захвата в целом и вины, как отдельного элемента, в частности с позиций уголовного и гражданского права приобретает особую значимость.

Ключевые слова: рейдерство, национальная безопасность, противодействие рейдерству, рейдерский захват.

Abstract. The article is devoted to the problems of civil law and criminal law aspects of guilt under raider seizure. Raiding is currently at a high stage of its development, as a result, the study of the subjective side of raider capture as a whole and guilt as a separate element, in particular from the standpoint of criminal and civil law acquires special significance.

Keywords: raiding, national security, counteraction to raiding, raider capture.

Бесконтрольное расширение рейдерства приводит к экономической дестабилизации уже не только на микро-, но и на макроэкономическом уровне, представляя собой угрозу национальной безопасности государства.

Пункт 46 главы 4 «Стратегии национальной безопасности РФ» от 31.12.2015 года № 683 гласит: «Особое внимание уделяется искоренению причин и условий, порождающих коррупцию, которая является препятствием устойчивому развитию Российской Федерации и реализации стратегических национальных приоритетов. В этих целях реализуются Национальная стратегия противодействия коррупции и национальные планы противодействия коррупции, в обществе формируется атмосфера непри-

емлемости данного явления, повышается уровень ответственности за коррупционные преступления, совершенствуется правоприменительная практика в указанной области». Так как коррупция является неотъемлемой частью и условием рейдерства, стоит рассмотреть подробнее проблемные аспекты данного преступления, которого как такового в уголовном законе РФ не существует.

Изучение субъективной стороны рейдерского захвата в целом и вины, как отдельного элемента, в частности с позиций уголовного и гражданского права приобретает особую значимость. В науке уголовного права имеется детально разработанное учение о вине как характеристике субъективной стороны преступления. Широко используются по-

нения виновности и невиновности и в гражданском праве (ст. 28, 39, 105, 151, 178, 230 ГК РФ). Вместе с тем вина как характеристика субъективной стороны правонарушения имеет в гражданском праве свои особенности. Отметим наиболее существенные различия в проявлении уголовного и гражданско-правового принципов вины, имеющие значение для межотраслевого противодействия рейдерству:

1. Обязательность вины для характеристики субъективной стороны уголовного правоотношения в отличие от гражданского правоотношения.
2. Распространение понятий виновности и вины в уголовном праве только на физических лиц. В гражданском праве, напротив, данные понятия действуют в отношении не только физических, но и юридических лиц и других субъектов гражданско-правовых отношений.
3. Установление в ст. 5 УК РФ принципа презумпции невиновности. Для ГК РФ характерно провозглашение принципа презумпции виновности, что обусловлено спецификой гражданско-правового метода регулирования общественных отношений.

С точки зрения борьбы с рейдерством указанные обстоятельства проявляются в следующем:

При недоказанности вины в рамках уголовного судопроизводства рейдер не подлежит уголовной ответственности. В связи с тем, что вина в гражданском праве не всегда имеет квалифицирующее значение, причинитель вреда (нарушитель обязательств) может быть привлечен к гражданско-правовой ответственности и в случае недоказанности вины.

Обращение к уголовным и гражданско-правовым характеристикам субъективной стороны неправомерных захватов чужого имущества, прав корпоративного контроля вызвано спецификой рейдерских посягательств, которые, по мнению ряда авторов, находятся на стыке уголовного и гражданского права.

Многие исследователи в области рейдерства указывают на трудности в разграничении рейдерских преступлений и гражданско-правовых деликтов.

В подтверждение вышесказанного приведем слова заместителя председателя комитета Госдумы по безопасности Г.В. Гудкова: «К сожалению, в настоящее время в России опаснее украсть велосипед, чем завод или совхоз, владеющий десятками тысяч гектаров. За кражу велосипеда наступает реальная уголовная ответственность, а за захват завода —

нет. Полиция не желает вмешиваться в эти вопросы под тем предлогом, что это финансово-хозяйственные отношения собственников, которые сами должны разбираться друг с другом».

Председатель Следственного комитета А.И. Бастрыкин обращает внимание на то, что при возникновении спора о правомерном характере перехода права на имущество в первую очередь затрагиваются гражданско-правовые отношения собственников, что не позволяет сразу сделать категоричный вывод о наличии признаков преступления.

По мнению П. Яни, сегодня «чрезвычайно важно определить те критерии, которые позволяют отделить уголовно наказуемые деяния от нарушений, влекущих только гражданско-правовую ответственность».

На необходимость разграничения преступлений в сфере экономической деятельности и гражданско-правового деликта указывает А.М. Яковлев [1].

Сложности в межотраслевой дифференциации ответственности за рейдерские посягательства приводят к распространению практики отказов в возбуждении уголовного дела правоохранительными органами, сопровождающихся уведомлением потерпевшего о разрешении данного вопроса в гражданско-правовом порядке.

К уголовной ответственности привлекаются не юридические лица, деятельность которых связана с незаконным захватом чужого бизнеса, а отдельные физические лица, осуществляющие соответствующие действия. Что же касается гражданско-правовой ответственности, то она распространяется и на юридических лиц.

В уголовном судопроизводстве виновность рейдера определяет только суд. Бремя доказывания невиновности в гражданском судопроизводстве за редким исключением возлагается на причинителя вреда (нарушителя обязательств).

Следует отметить, что большинство цивилистов в аспекте категории вины рассматривают и понятие добросовестности. Так, Е. Богданов под добросовестностью участников гражданских правоотношений понимает «субъективную сторону их поведения, когда они не знали и не могли знать о правах третьих лиц на соответствующее имущество или иной своей неправомерности» [2, с. 55].

Аналогичным образом рассматривает данную категорию и С.А. Краснова: она обращает внимание

на использование в нормах, учитывающих добросовестное поведение лица, словосочетания «не знал и не должен был знать».

По мнению М.В. Аверьяновой, формулировка добросовестности «не знал и не должен был знать» включает в себя как объективный, так и субъективный критерии. «Не знал» — это субъективная сторона (то есть лицо, действительно, находилось в неведении), а «не должен был знать» включает в себя объективную сторону, которая подразумевает наличие определенного стандарта поведения, диктующего, какие конкретно меры следует принять участнику соответствующего правоотношения, чтобы иметь представление о фактических обстоятельствах, сопровождающих заключение сделки [3].

С утверждением о дуализме понятия «добросовестность» следует согласиться. В объективном смысле добросовестность означает требование к поведению участников правоотношений, вытекающее из конкретных правовых норм. Субъективный элемент непосредственно связан с действиями субъекта, которые должны соответствовать таким критериям, как правдивость, уважение прав, верность обязательствам. Он свидетельствует о наличии у субъекта психологической позиции, внутреннего понимания необходимости определенного поведения.

Н. Лопашенко отмечает, что явление рейдерства во многом связано с проблемой добросовестного приобретателя и его защиты, которая существует в гражданском праве. «Недружественные захваты-поглощения... ставят нас перед неразрешимым в большинстве ситуаций выбором: чья защита должна быть приоритетной — собственника или добросовестного приобретателя».

Рейдер, незаконно завладев имуществом хозяйствующего субъекта и (или) правами корпоративного контроля, стремится к получению защиты, предусмотренной ст. 302 ГК РФ для добросовестного приобретателя.

Данные факты позволяют сделать вывод о том, что единственной реальной возможностью для собственника вернуть свое имущество в порядке гражданского судопроизводства является доказывание того обстоятельства, что имущество первоначально выбыло из его владения помимо его воли (ч. 1).

Так, если имущество выбывает из владения собственника на основе судебного решения, то такое

выбытие следует признать произведенным помимо воли собственника, причем независимо от того, имело ли место применение судебным приставом-исполнителем принудительных мер по исполнению судебного акта или добровольное исполнение собственником требований, содержащихся в исполнительном документе.

Обращает на себя внимание тот факт, что возможность применения ст. 302 ГК РФ для защиты потерпевшей стороны от рейдерских посягательств ограничена указанием на субъектный состав правоотношения: право истребовать имущество предоставлено собственнику или лицу, которому имущество было передано собственником во владение. Вместе с тем остаются фактически не защищенными права других участников гражданского оборота, например лиц, которым принадлежит право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком (ст. 268). Как свидетельствуют многочисленные публикации в прессе, рейдерские посягательства могут быть направлены и на данные имущественные права.

Отметим, что собственник или лицо, которому имущество было передано собственником во владение, не защищены механизмом ст. 302 ГК РФ при приобретении рейдерами предприятия как юридического лица (установления прав корпоративного контроля), поскольку здесь уже идет речь не об имуществе, а о правоспособности хозяйствующих субъектов.

Представители юридического сообщества в целях совершенствования гражданского законодательства предложили закрепить в ст. 1 ГК РФ принцип добросовестности, что, по их мнению, позволит не только установить важнейшие ориентиры поведения субъектов права, но и более широко применить меры гражданско-правовой защиты в случае недобросовестных действий участников гражданского оборота. Представляется справедливым высказанное Е.В. Овчаровой предложение и о закреплении критериев добросовестности и недобросовестности [4].

Резюмируя вышесказанное, отметим, что рейдерство представляет собой область межотраслевого правового регулирования, осуществляемого посредством норм гражданского, уголовного и других отраслей права. В ряде случаев деяния рейдеров

могут быть квалифицированы и как преступление, и как гражданское правонарушение. В этом смысле для межотраслевой дифференциации ответственности имеет значение различие в субъективной стороне составов: преступление совершается только виновно, а правонарушение — независимо от вины.

В гражданском праве, в отличие от уголовного, форма и степень вины, как правило, не влияют на размер ответственности.

Противодействие рейдерству на уровне государства следует осуществлять за счет повышения эффективности взаимодействия правоохранительных органов и органов государственной власти. Как сказал Президент РФ В.В. Путин: «Нужна последовательная, жесткая, настойчивая и принципиальная борьба с коррупцией». И действовать нужно в соответствии с пунктами 56, 58, 62 главы 4 Указа Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» которые четко указывают нам, что «необходимы активные меры по борьбе с коррупцией, тене-

вой и криминальной экономикой, а также по государственной защите российских производителей, осуществляющих деятельность в области военной, продовольственной, информационной и энергетической безопасности».

Литература

1. Экономизация коррупции. Механизм противодействия: монография / Проява С.М.: Юнити-Дана; Закон и право, 2012. 141 с.
2. Сборник научных статей по итогам научно-практического семинара в Московском университете МВД России, под ред. д.ю.н. Кадникова Н.Г. и к.ю.н. Малыковцева М.М. Московский Университет МВД России. М., 2009. Статья д.ю.н. Давитадзе М.Д.
3. Экономизация коррупции. Механизм противодействия: монография / Проява С.М.: Юнити-Дана; Закон и право. 2012. 160 с.
4. Экономизация коррупции. Механизм противодействия: монография / Проява С.М.: Юнити-Дана; Закон и право. 2012. 110 с.

УДК 343
ББК 67.408

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И КОРРУПЦИОННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ И ЕЕ ЛАТЕНТНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

ПЕТР ИВАНОВИЧ ИВАНОВ,

доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, заслуженный юрист РФ;

РАВИЛЬ ШАЙХЛИСЛАНОВИЧ ШЕГАБУДИНОВ,

заместитель начальника УВД по Юго-Восточному административному округу ГУ МВД России по г. Москве, кандидат юридических наук

Научная специальность 12.00.08 — уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматриваются теоретические и прикладные аспекты латентности экономической и коррупционной преступности, а также современное состояние латентной преступности.

Ключевые слова: латентность, латентная преступность, мнения криминологов, экономическая и коррупционная преступность, объект криминологического исследования.

Abstract. Theoretical and applied aspects of the latency of economic and corruption criminality, as well as the current state of latent crime are considered.

Keywords: latency, latent crime, opinions of criminologists, economic and corruption criminality, the object of criminological research.

Многие криминологи, анализируя понятие преступлений, входящих, в частности, в гл. 22 УК РФ, в числе признаков экономических и коррупционных преступлений выделяют их латентность [1, с. 75—76].

Латентная экономическая и коррупционная преступность как относительно самостоятельное правовое явление в силу повышенной ее общественной опасности привлекает внимание не только практиков, но и ученых [2; 26]. Профессор В.Н. Кудрявцев одним из первых в свое время обратил внимание на нерешенность проблемы выявления латентных (незарегистрированных) преступлений. При этом он ее решение видел в принятии как практических мер борьбы с ними (поиск эффективных для этого способов), так и разработке научных методов определения размеров и основных очагов распространенности латентных преступлений. К сожалению, несмотря на принимаемые меры, проблема латентности, в частности, экономической и коррупционной преступности, продолжает оставаться менее исследованной. Между тем «рост удельного веса латентной преступности (незаявленной, неучтенной, неустановленной) — симптом ухудшения криминологической обстановки в стране или регионе» [3, с. 113].

Преступность можно сравнивать с айсбергом, верхняя (надводная) часть которого — известные преступления, а нижняя (подводная) — неизвестные преступления. А вот что касается неизвестной части, то, по мнению специалистов, фактическая такая преступность значительно выше обнаруженной. К большому сожалению, трудно не согласиться с данной точкой зрения. Суть проблемы латентная экономическая и коррупционная преступность, на наш взгляд, состоит в выяснении действительных ее параметров. В этом контексте профессор Г.А. Аванесов пишет: «Данная проблема связана с решением многих вопросов как теоретического, так и практического характера. Основной же вопрос — это неотвратимость наказания» [4, с. 175—176]. Как известно, безнаказанность порождает все новые и новые правонарушения.

По большому счету «определение и оценка размеров латентной преступности рассматриваются специалистами как единственная возможность адекватной оценки преступности в целом» [4, с. 176]. Не зная реальное ее состояние, невозможно

тактически правильно распределить имеющиеся в распоряжении полиции силы и средства с тем, чтобы как-то сдержать рост уровня латентности.

Изучение специальной и юридической литературы показывает, что латентность экономических и коррупционных преступлений — это проблема комплексная, она предполагает междисциплинарное исследование. Данная проблема должна интересовать не только криминологов, но и исследователей в области теории ОРД. Так, специалисты в этой области каждый раз обращаются к ней, когда ими дается, например, оперативно-розыскная характеристика указанным видам преступлений. Однако они чаще всего при этом оперируют понятиями, сформулированными учеными-криминологами. Сами, как правило, не пытаются, используя категориальный аппарат теории ОРД, объяснить сущность и содержание латентности экономической и коррупционной преступности, предмет этой науки не возбраняет это сделать. Разумеется, легче использовать то, что уже создано криминологами на основе проведенного ими глубокого научного исследования. Думается, что в условиях совершенствования информационных технологий (использование в преступных целях сети Интернет, ключей удаленного доступа к системе «Банк-Клиент», электронная переписка и т.п.), когда преступность в сфере экономики приобретает высокоинтеллектуальный и организованный характер, что является мощным инструментом противодействия правоохранительным органам, потребность в научном осмыслении ее латентности через призму теории ОРД лишь нарастает. Известно, что невозможно противопоставить изощренным уловкам преступников ничем, кроме как комплекса проводимых оперативно-розыскных мероприятий.

Следует особо подчеркнуть, что криминология в изучении латентности преступности продвинулась далеко вперед, тогда как исследования в области теории ОРД на наш взгляд, находятся как бы в зачаточном состоянии. К сожалению, монографические работы, посвященные латентности экономической преступности в оперативно-розыскном аспекте, пока что отсутствуют. Лишь отдельные вопросы фрагментарно затронуты в научных публикациях. Следует также отметить, что в настоящее время мы не имеем даже общепринятого научно обоснованного определения понятия «латентность преступ-

ности в сфере экономики». Между тем справедливости ради укажем, что подходы к формулированию такого понятия, безусловно, предпринимались.

Если криминология объясняет, как и каким образом возникла латентная экономическая преступность, тенденции и закономерности ее развития, то в свою очередь теория ОРД определяет систему научных принципов борьбы с ней, механизм их реализации, а также закономерности выявления, предупреждения, пресечения, раскрытия преступлений экономической и коррупционной направленности и установления лиц, причастных к ним.

Думается, что при всех превосходствах криминологии теория ОРД должна иметь свой понятийный аппарат, хотя, как уже отмечалось выше, она активно использует при объяснении событий, явлений и процессов определения, понятия и термины других наук. Разумеется, это вполне закономерно, ибо объект воздействия у них один и тот же, в частности применительно к затронутой нами теме — это коррупция и преступность в сфере экономики как относительно самостоятельные социально правовые явления. Очевидно, что любая наука стремится обогатить свой понятийный аппарат преимущественно за счет собственной терминологии, а не только путем заимствования из других наук.

Говоря об этом, не следует забывать и о том, что каждая наука имеет свой объект, предмет и метод [5, с. 15—95]. В этом плане не является исключением и теория ОРД. В настоящее время без преувеличения можно сказать, что необходимые предпосылки для углубленного изучения проблемы латентности созданы. Так, почему бы специалистам в области теории ОРД нельзя рассматривать латентную экономическую и коррупционную преступность как систему, если преступность в целом давно изучается как система. Чтобы ответить на вопрос: «Какие же составные части названных видов преступности?», надо провести системное исследование. Думается, что основными элементами (компонентами) латентной экономической и коррупционной преступности являются: среда ее проявления (совокупность условий); отдельные виды преступлений экономической и коррупционной направленности; «внешние» и «внутренние» изменения преступности; качества, которыми она обладает, тенденции и закономерности. Все названные компоненты взаимосвязаны между

собой и образуют целостное социально-правовое явление — латентную экономическую и коррупционную преступность. Она динамична, постоянно изменяется под влиянием совокупности условий. Тем самым данный вид преступности воспроизводит себя.

Регулируя целый пласт отношений, возникающих в процессе осуществления ОРД, теория непременно натывается на механизм, составной частью которого и является тот самый понятийный аппарат. Процесс его совершенствования, как известно, непрерывный. Между тем инструментом познания природы возникновения и развития совокупности отношений в сфере ОРД по борьбе с латентной экономической и коррупционной преступностью остаются категории и институты оперативно-розыскной науки.

В числе категорий, которыми наука оперирует при объяснении явлений и процессов, латентность преступности в сфере экономики и коррупции должна занимать достойное место.

Административное, гражданское, банковское, налоговое, уголовное и уголовно-процессуальное, оперативно-розыскное и иное законодательство постоянно совершенствуется, что в свою очередь сказывается на количественно-качественных изменениях, происходящих в содержании понятия «латентная экономическая и коррупционная преступность». Однако эти процессы, несмотря на их теоретическую и практическую значимость, пока что не стали предметом углубленного изучения.

Криминологами давно доказано, что из-за высокого уровня латентности истинные масштабы преступных посягательств», в частности, в сфере экономики, значительно превышают регистрируемый уровень. Принимая во внимание данное обстоятельство, следует отметить, что ведомственная статистика вряд ли отражает реальное состояние как экономической, так и коррупционной преступности. Между тем при оценке деятельности, например, подразделений ЭБиПК руководители территориальных ОВД, имея в своем распоряжении сведения о количестве раскрытых тяжких и особо тяжких преступлений экономической и коррупционной направленности, в первую очередь принимают во внимание число лиц, уголовные дела в отношении которых направлены в суд, в расчете на 100 единиц штатной численности подразделений полиции (при этом коэффициент значимости показателя — 10)

[6, 29]. Аналогичным образом рассчитывается показатель раскрытия тяжких и особо тяжких преступлений коррупционной направленности.

В последнее время допущено некоторое снижение общего количества зарегистрированных преступлений экономической направленности. Так, в 2014 г. органами внутренних дел было выявлено всего лишь 97,6 тыс. преступлений, следствие по которым обязательно, тогда как в 2013 г. — 130 тыс. Такое положение дел, на наш взгляд, можно объяснить чередой изменений и дополнений, внесенных в уголовное, уголовно-процессуальное, налоговое и иное законодательство. Судебно-следственная практика не смогла так быстро их переосмыслить и перестроиться. К числу причин также можно причислить существенное сокращение в результате реформ штатной численности сотрудников ЭБиПК.

Со своей стороны, полагаем, что снижение количества выявленных экономических преступлений ни в коей мере не означает, что сфера экономики стала криминологически «чистой», поскольку немало преступлений в ней выявляется лишь спустя 2—3 года с момента их совершения. Таким образом, они оказываются в числе длящихся (продолжаемых) преступлений, а это, в свою очередь, сказывается и на уровне латентности экономической и коррупционной преступности. Чтобы избежать от подобных ситуаций, без усиления оперативно-розыскной работы вряд ли удастся, ибо преступления совершаются втайне.

Говоря об этом, нельзя не учитывать и то, что «в последние годы преступность все более приобретает характер международной и транснациональной, наблюдается возрастание ее консолидации» [7, с. 3]. Такого рода преступления чаще всего имеют место при незаконном выводе денежных средств за рубеж, легализации доходов, полученных преступным путем, при сбыте поддельных денег и ценных бумаг, а также в сферах лесозаготовок и обработки древесины, производства и оборота этилового спирта, спиртосодержащей и алкогольной продукции, оборота лекарственных средств и биологически активных добавок, интеллектуальной собственности, оборота водных биологических ресурсов.

Указанные выше черты присущи не только общеуголовным преступлениям, но и экономическим. Многолетняя практика свидетельствует о том, что данные виды преступлений не всегда удается сво-

временно выявить и раскрыть. При этом традиционные формы и методы оперативно-розыскной работы, как показывают изучение и анализ практики, в последнее время не дают желаемого результата. В то же время некоторые руководители ОВД, вместо того чтобы заниматься поиском действенных средств борьбы с преступностью, продолжают «по старинке» нацеливать работу на корректировку статистических данных за счет постановки на учет дополнительных эпизодов по малозначительным преступлениям в сфере экономики. Думается, что тем самым ими искажается реальная картина состояния экономической преступности на обслуживаемой территории.

Проведенный нами анализ судебно-следственной практики позволил выявить одну весьма тревожную тенденцию: повсеместно наблюдается увеличение числа лиц, осужденных по ч. 3 и 4 ст. 159 УК РФ, при одновременном уменьшении количества лиц, осужденных по ст. 290 УК РФ. Иными словами, «в последнее время чиновников все чаще наказывают не за взятки или же посредничество в них, а за мошенничество. То есть идет переквалификация тяжких статей на более мягкие. В результате преступнику удастся избежать уплаты крупного денежного штрафа, в десятки раз превышающего сумму обещанного вознаграждения. Или более длительной отсидки». Чтобы не допустить впредь подобных фактов, был подготовлен законопроект о внесении в УК РФ новой статьи «Получение незаконного вознаграждения». Это — деньги, ценные бумаги или имущество, которые должностное лицо получило лично или через посредника.

Говоря о переквалификации совершенного деяния, нельзя не отметить качество и сложность документирования в соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» фактов взяточничества. Чиновники высшего и среднего звена управления в целях сокрытия следов преступления выстраивают многоуровневые конспирированные коррупционные схемы через преступные действия лиц, не имеющих официального отношения к органам власти (помощники, референты, секретари, советники, специалисты и т.д.). Они участвуют в коррупционных схемах как посредники при переговорах или получатели незаконного денежного вознаграждения для дальнейшей передачи. Разумеется, подобные действия преступников обу-

словливают необходимость поиска наиболее эффективных тактических приемов документирования в сочетании с аналитической и технической разведкой криминального подполья.

В последнее время подразделения ЭБиПК все чаще совместно с территориальными органами ФСБ России проводят комплекс мероприятий, преследующих цель выявления и фиксации данных, могущих быть в последующем доказательствами по делу. Такое сотрудничество позволяет изобличить взяточников, даже создавших законспирированные схемы.

Между тем нельзя не отметить, что обнаружение и закрепление фактических данных в процессе документирования — достаточно трудоемкая задача, на решение которой, при необходимости, ориентированы многие оперативные подразделения полиции. При этом руководители ОВД несут персональную ответственность за рациональное использование находящихся в их распоряжении сил и средств. В то же время отдельные из них, несмотря на существующий «запрет» распыления сил и средств, требуют принять дополнительные меры по противодействию «бытовой коррупции», т.е. мало-значительным преступлениям коррупционной направленности, которые можно выявить и без проведения комплекса оперативно-розыскных мероприятий в системе образовательных учреждений, медицинских организаций, организаций, оказывающих социальные и жилищно-коммунальные услуги. Иными словами, неоперативные подразделения системы ОВД вполне могли бы справиться с данной задачей. Что же касается подразделений ЭБиПК, то их усилия, на наш взгляд, должны направляться на документирование коррупционных преступлений, совершаемых высокопоставленными должностными лицами с широким кругом полномочий, а не на противодействие «бытовой коррупции». Со своей стороны, полагаем допустимым осуществление оперативно-розыскной работы по широкому «фронту», охватывая как «элитарную», так и «бытовую» коррупцию, но в исключительных случаях. При этом следует учесть, что осуществление всего комплекса оперативно-розыскной работы — дорогостоящее удовольствие. Такая работа должна быть нацелена в первую очередь на выявление и раскрытие тяжких и особо тяжких преступлений экономической и коррупционной направленности. Благодаря

ей удастся существенным образом сдерживать рост их латентности.

Как уже нами отмечалось, латентная преступность в сфере экономики и ее последствия вызывают особое беспокойство правоохранительных органов. По причине существования скрытой части совершенных преступлений в сфере экономики не представляется возможным иметь точные сведения об их реальном состоянии. Вследствие этого не располагаем также точными данными о размере материального ущерба, причиненного в результате их совершения. В настоящее время правоохранительные органы о количестве совершенных данных видов преступлений и величине нанесенного ими ущерба имеют лишь искаженное представление.

Профессор В.Е. Эминов о латентности, в частности организованной преступности, пишет: «...статистика по уголовным преступлениям сегодня дает весьма искаженное представление о реальных объемах и интенсивности организованной преступности в России в силу сверхлатентности многих ее видов.

По оценке некоторых экспертов, реальный объем организованной преступности в нашей стране, по меньшей мере, на порядок превосходит статистическое его отражение [8, с. 76]. Применительно к организованной преступности в экономической сфере латентная ее часть может более чем в 300 раз превышать зарегистрированную [9, с. 81].

Особенность формирования сверхлатентности как свойства современной организованной преступности в России состоит в том, что руководители значительной части ОПФ, благодаря коррупционным связям или своему должностному положению, могут непосредственно влиять на формирование статистики организованной преступности и эффективности мер борьбы с ней» [10, с. 23]. Разделяя мнение профессора В.Е. Эминова, отметим, что организованная экономическая преступность, сопряженная с коррупцией, на сегодня представляет наибольшую общественную опасность. Исследователи данное обстоятельство подчеркивают как одну из основных черт, характеризующих данный вид преступности [11].

При совершении латентных экономических и коррупционных преступлений в силу целого ряда субъективных и объективных факторов не обеспечивается в полном объеме реализация принципа

неотвратимости ответственности за их совершение. Профессор В.В. Лунеев, давая характеристику экономической преступности и власти, пишет: «Особенность отечественной экономической преступности — исключительная латентность. Регистрируемая величина ее и раньше не превышала пятой, десятой, а по некоторым деяниям и сотой части преступности [12, с. 19]. К 1990 г. эти показатели снизились в 3—7 раз [13, с. 21]. С распадом Союза, утратой социально-правового контроля и переходом к рыночной экономике многие экономические преступления выявляются не более чем в тысячной своей доле» [14, с. 507]. Мы видим, какую опасность представляют они, будучи незаявленными либо неустановленными, для экономики страны. На этом фоне, безусловно, повышается роль и значение ОРД и их подразделений ЭБиПК.

Многие криминологи высказывают свою озабоченность, изучая латентную преступность. Так, Э.И. Петров, Р.Н. Марченко и Л.В. Барина подчеркивают, что «высокий уровень латентной преступности порождает у людей неверие в неотвратимость наказания, в способность правоохранительных органов, в том числе органов внутренних дел, эффективно бороться с ней. Ранее проводившиеся исследования показали, что преступления, совершаемые в сфере экономики, имеют очень высокий уровень латентности. Латентность преступлений в сфере экономики составляет: различных форм хищений — до 73%, обмана потребителей и заказчиков — от 92 до 95%, взяточничества — 98%» [15, с. 72].

Приведем еще одно криминологическое исследование, по результатам которого утверждается, что «к категории латентных сегодня относится до 70—80% преступлений в сфере экономики, в том числе до 95% взяток и всех видов хищений, т.е. преступлений против собственности» [16, с. 240]. Из приведенных данных (с 1989 г. по 2016 г.) видно, что за указанный период существенных изменений в сторону снижения латентности не произошло. Сохраняется значительный разрыв между количеством реально совершенных в сфере экономики преступлений, о которых правоохранительные органы не осведомлены, и сведениями о них.

Проведенный нами анализ показывает, что нередко рассматриваемые преступления из простого их вида превращаются в сложный (многоэпизод-

ный, переходят в разряд дящихся). Более того, серьезные трудности возникают при прогнозировании преступности в сфере экономики, в результате чего снижается достоверность самих прогнозов, а это в свою очередь создает трудности при определении приоритетных направлений борьбы с ней.

Одним из действенных методов выявления латентной преступности в сфере экономики, на наш взгляд, является анализ сообщений, поступающих, прежде всего, от граждан, оказывающих содействие подразделениям полиции. По результатам анализа удается получить некоторые данные о степени распространенности, например, хищений бюджетных средств, выделяемых для реализации федеральных или региональных целевых программ, либо неправомερных действий, связанных с получением и освоением денежных средств «материнского капитала». Как известно, эти преступления характеризуются повышенной латентностью, другим способом не представляется возможным получить первичные данные о совершаемых (совершенных) преступлениях указанной категории.

Только благодаря квалифицированному использованию оперативно-розыскных сил, средств, методов и мероприятий подразделениями ЭБиПК устанавливаются не выявленные ранее преступления (т.е. не нашедшие отражения в статистических учетах), мотивы их сокрытия правоохранительными органами, обстоятельства, способствующие высокой латентности преступлений в сфере экономики и коррупционных проявлений.

Как известно, совершаемые хищения путем присвоения, растраты, факты мошенничества, взяточничества, как правило, завуалированы, в результате чего не удается их своевременно выявить. Помимо данного обстоятельства, на сегодня имеется множество факторов, обуславливающих существование латентной (скрытой) преступности в сфере экономики (пробелы и просчеты в уголовном, уголовно-процессуальном, оперативно-розыскном и ином законодательстве; малозначительность причиненного преступлением ущерба; значительное сокращение штатной численности сотрудников, и, в первую очередь, подразделений ЭБиПК; проведение оперативно-розыскных и иных мероприятий при ограниченном финансовом обеспечении; слабое оснащение современными специальными техническими сред-

ствами; недостаточная социальная и правовая защита граждан, оказывающих содействие подразделениям полиции; ориентированность ныне действующей системы оценки на валовые показатели и т.п.).

Исходя из массива информации, аккумулированной в различных формах в подразделениях ЭБиПК (сообщения из оперативных источников, материалы оперативной проверки, дела оперативного учета, справки-меморандумы, аналитические обзоры, докладные записки и т.п.), представляется возможным определить примерную картину соотношения между выявленной и латентной преступностью в сфере экономики как в региональном, так и в отраслевом разрезе.

В этих же целях можно использовать возможности информационных систем в области обеспечения экономической безопасности по линии подразделений ЭБиПК. С их помощью осуществляется информационно-справочная и аналитическая поддержка оперативно-служебной деятельности названных подразделений. Данная система может аккумулировать информацию о мероприятиях по выявлению и раскрытию преступлений экономической и коррупционной направленности, информационно-аналитические материалы по приоритетным направлениям служебной деятельности, а также информацию о результатах исследований документов. Интегрированные банки данных постоянно пополняются за счет таких источников информации, как справки и акты, составляемые по результатам исследования документов; сообщения о проведенных мероприятиях по выявлению (раскрытию) преступлений, возмещению (предотвращению) материального ущерба, причиненного в результате совершения экономических и коррупционных преступлений. Думается, что разноплановые сведения, содержащиеся в этих документах, служат источником информации для выявления латентных преступлений в сфере экономики.

Следует отметить, что суть проблемы латентности преступности заключается в разработке такой методики, которая максимально позволяла бы определить фактический уровень латентности. В этом плане особого внимания заслуживают работы Г.А. Аванесова, К.К. Горяйнова, С.М. Иншакова, В.В. Лунеева, В.Д. Ларичева, В.Е. Эминова [17, 24, 27, 28] и многих других авторов. Так, профессор В.В. Лунеев, рассматривая преступность в целом,

выделяет латентную преступность и ее разновидности (незаявленные, неучтенные и неустановленные преступления). При этом под латентной преступностью автор понимает «реальную, но скрытую или незарегистрированную часть фактически совершенных преступлений» [18, с. 382]. Далее конкретизируется автором ее содержание: «Фактическая преступность нередко многократно превышает преступность, о которой осведомлена уголовная юстиция, а известная ей преступность — та ее часть, которая регистрируется и расследуется. Разность между учтенной преступностью и фактической и составляет латентную преступность. Она в некоторых странах, в том числе и в России, превышает зарегистрированную ее часть в 3—4—5 раз» [18].

В.В. Лунеев в своих работах дает развернутую характеристику латентной преступности, что, безусловно, заслуживает самого пристального внимания со стороны исследователей.

Другая часть криминологов несколько по-другому рассматривает латентную преступность, последняя, по их мнению, «представляет собой совокупность лиц и совершенных ими в конкретном регионе и в конкретный период времени преступных деяний, не зафиксированных в уголовной статистике» [19, с. 43—44]. Сторонники данной точки зрения в латентной преступности выделяют две части: 1) скрытую преступность (не выявленную правоохранительными органами); 2) скрываемую преступность (не нашедшую отражения в статистических учетах в результате неправомερных действий должностных лиц названных органов).

В криминологии можно встретить и иные подходы к рассмотрению понятия «латентность преступности». Так, Г.А. Аванесов, С.М. Иншаков и С.Я. Лебедев утверждают, что «латентная преступность образуется из совокупности преступлений, по каким-либо причинам не попавших в орбиту внимания органов, которым по закону предоставлено право расследовать или рассматривать дела о совершенных преступлениях, не выявленных этими органами и не нашедших отражения в учете уголовно наказуемых деяний, т.е. не зарегистрированных официальной системой уголовно-правовой регистрации» [20, с. 188]. Авторы выделяют следующие группы латентности преступлений: естественная латентность, пограничные ситуации и искусствен-

ная латентность. Отсюда следует, что названные группы, вместе взятые, и образуют латентную преступность. Иными словами, мы имеем дело с собирательным понятием. В этом плане латентная преступность ничем не отличается от обычной (традиционной) преступности. Однако это не означает, что между ними не существуют различия. Так, например, латентная экономическая и коррупционная преступность как массовидное явление возникла и существует по присущей ей закономерностям [21, с. 497—514; 515—531]. Обладает изменчивостью, что отражается в тенденциях ее развития (в прошлом, настоящем и, как прогноз, будущем). Кроме того, имеются совокупность характерных только латентной преступности количественные (уровень) и качественные признаки (структура и характер деяний).

Приведенные нами определения понятия «латентная преступность» заслуживают самого пристального внимания, ибо они имеют довольно прочную теоретическую основу.

Вот еще одно не менее интересное определение, которое содержится в проекте рекомендаций круглого стола «Проблемы латентности преступности экономической направленности». Латентная преступность определяется как «совокупность корыстных преступных посягательств, не повлекших уголовно-правовых мер реагирования и воздействия со стороны органов, осуществляющих преследование и привлечение виновных лиц к ответственности» [22, с. 4].

Результаты пресловутой «палочной» системы не отражают реальную картину экономической преступности. В свою очередь, «латентная преступность ... является серьезным криминогенным фактором, детерминирующим дальнейшее увеличение преступности» [21, с. 134].

С учетом сказанного приведем несколько ситуаций, очень схожих с преступными деяниями. Так, немало преступлений в сфере предпринимательства, которые завуалированы под гражданско-правовые сделки. Возникают большие сложности в оценке собранных сотрудниками подразделений ЭБиПК материалов на этапе доследственной проверки. Следователи чаще всего в них не усматривают признаков преступлений. В конечном счете принимается решение об отказе в возбуждении уголовного дела. Тем самым замаскированное деяние не попадает в официальный учет как совершенное

преступление. Одновременно подобного рода действия влекут негативные последствия, в том числе они способствуют увеличению числа скрытых преступлений в сфере предпринимательства.

Вот еще одна криминальная ситуация, которая зачастую должным образом не получает правовой оценки. Здесь речь идет о малозначительных, но многоэпизодных преступлениях в сфере экономики, выявление и раскрытие которых на сегодня отнесено к компетенции не подразделений ЭБиПК, а других служб полиции (уголовный розыск, участковые уполномоченные). Последние, в силу занятости и отсутствия определенных для этого навыков, как правило, целенаправленную работу не осуществляют. Сотрудники же подразделений ЭБиПК по причине отсутствия стимула (такие преступления не находят отражения в системе оценки результатов их деятельности) лишь попутно выявляют такого рода преступления. Отсюда можно заключить, что с криминологической позиции реально совершенные преступления экономической направленности (так называемые малозначительные), выявленные в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий, не перестают быть латентными.

Или другая ситуация, когда не все факты сбыта поддельных денег фиксируются в правоохранительных органах. Отчасти это происходит в результате недобросовестного отношения их сотрудников к своим служебным обязанностям. Безусловно, существуют и другие причины. Так, например, вынесение необоснованных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, или необоснованное прекращение уголовных дел, либо необоснованное вынесение оправдательных приговоров судом.

Как мы видим, достаточно много факторов, обуславливающих уровень латентности преступности в сфере экономики. При этом нельзя не заметить, что организованная экономическая преступная деятельность представляет повышенную общественную опасность.

Преступные деяния характеризуются тщательной маскировкой, которая достигается преимущественно путем придания им видимости легальной деятельности, последняя почти ничем внешне не отличается от обычного предпринимательства. Благодаря таким действиям лидерам и активным членам криминальных структур в сфере экономи-

ки удастся долгое время безнаказанно продолжать совершать тяжкие и особо тяжкие преступления экономической направленности. Совершаемые ими противоправные действия будут считаться латентными до тех пор, пока не найдут отражения в официальных документах учета преступлений и лиц, их совершивших.

Исследователи справедливо отмечают, что уровень латентной преступности в сфере экономики сильно колеблется в пределах 30% и более от числа учтенных (заявленных). В то же время нельзя не отметить то обстоятельство, что «при анализе региональных различий преступности устанавливается, не связаны ли они с разной степенью латентности преступности в разных регионах. Может быть, в одном регионе более тщательно регистрируют все преступления, и за счет этого там преступность по результатам анализа статистики выглядит более высокой, чем в другом, где преступления не выявляют, скрывают» [23, с. 144].

Профессор В.В. Лунеев, опираясь на результаты исследования, утверждает, что «масштабы латентной преступности в точности, как правило, не известны. Они определяются путем применения различных социологических, статистических и аналитических методик (сравнительный анализ взаимосвязанных показателей уголовной статистики; сопоставление сведений уголовного учета с данными административных и дисциплинарных нарушений, с данными медицинских учреждений об оказании помощи по поводу телесных повреждений, со статистикой жалоб, заявлений, писем граждан в правоохранительные и другие государственные органы; опросы граждан, осужденных и заключенных; экспертные оценки специалистов и др.)» [21, с. 383].

Мы лишь отчасти разделяем мнение криминологов, утверждающих, что «достаточно эффективным методом выявления латентности является ее экспертная оценка. С ее помощью можно получить достоверные сведения о соотношении между выявленными и скрытыми преступлениями» [25, с. 47]. Напротив, полагаем, что при использовании данного метода в «чистом» его виде может присутствовать субъективная оценка, что, на наш взгляд, никак не позволяет сделать вывод о достоверности полученных сведений о фактическом состоянии рассматриваемого нами вида преступности. В связи

с этим рекомендуем перепроверять результаты, полученные в ходе применения указанного метода, с использованием иных способов и приемов. Только после этого можно сделать более или менее убедительный вывод.

Посредством сопоставления полученных данных в результате анализа оперативно-розыскной информации с данными уголовной статистики все больше убеждаемся в том, что преступления в сфере экономики получили некоторое распространение, не нашедшее своего отражения в статистике. Допустим, что граждане все чаще стали жаловаться на факты вымогательства со стороны должностных лиц в сфере ЖКХ, но, по данным уголовной статистики, не наблюдается роста названных видов преступлений. Отсюда можно предположить», что произошло увеличение их латентности.

В заключение считаем возможным отметить следующее.

Во-первых, латентность экономической и коррупционной преступности — относительно самостоятельный признак, характеризующий качественную сторону указанных видов преступности и он тесно взаимосвязан с организованной их формой. Особенно градо — и бюджетобразующие отрасли экономики отличаются высоким уровнем латентности. Снижение ее уровня — насущная задача сегодняшнего дня. Успешное ее решение зависит от многих факторов, в том числе научной разработки проблемы латентности путем объединения для этого усилий ученых в области юридических наук криминологического цикла в целом.

В-вторых, глубокое криминологическое исследование создает необходимую предпосылку для разработки научно обоснованных предложений и рекомендаций по совершенствованию деятельности органов внутренних дел и их подразделений ЭБиПК. Многолетняя практика показывает, что невидимым (скрытым) экономическим и коррупционным преступлениям можно противопоставить только комплекс мероприятий, проводимых на основе сочетания гласных и негласных начал.

Литература

1. Криминология. Особенная часть: Курс лекций / Под ред. проф. В.Д. Малкова. М.: Академия управления МВД России, 2010.

2. *Иванов П.И., Беляева Л.И.* Основные меры по борьбе с латентной преступностью в сфере экономики // Актуальные проблемы оперативно-розыскной и административной деятельности органов внутренних дел. 2014. № 3 (31). С. 3—9.
3. *Лунеев В.В.* Криминология: учебник для бакалавров. М.: Издательство Юрайт, 2013.
4. *Аванесов Г.А.* Криминология: учебник. М.: Академия МВД СССР, 1984. С. 175—176.
5. *Шумилов А.Ю.* Оперативно-розыскная наука в Российской Федерации: монография / А.Ю. Шумилов. В 3 т. М.: издательский дом Шумиловой И.И., 2013. Т. 1: Оперативно-розыскная деятельность и формирование науки о ней. С. 15—95.
6. Приказ МВД России от 31 декабря 2013 г. № 1040 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов МВД России».
7. *Стахов Я.Г.* Уголовная политика и ее реализация субъектами Российской Федерации: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006.
8. *Хабалов В.И.* Сотрудники правоохранительных органов об организованной преступности // Криминальная ситуация на рубеже веков в России. М., 1999.
9. *Аслаханов А.А.* Преступность в сфере экономики. М., 1997.
10. *Эминов В.Е.* Концепция борьбы с организованной преступностью в России. М.: ТК Велби; Проспект, 2007.
11. *Шегабудинов Р.Ш.* Организованная экономическая преступность, сопряженная с коррупцией: Монография. М., 2010.
12. Криминологические и правовые проблемы защиты экономической системы: Тезисы выступлений на расширенном заседании координационного бюро по криминологии. Горький, 1989.
13. *Ларьков А.М.* Проблемы предупреждения и расследования должностных преступлений в сфере экономики: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1990.
14. *Лунеев В.В.* Криминология: учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2013.
15. *Петров Э.И., Марченко Р.Н., Баринова Л.В.* Криминологическая характеристика и предупреждение экономических преступлений: Учеб. Пособие. М.: Академия МВД России, 1995.
16. *Акаева А.А.* Латентность преступности против собственности и ее причины // Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон / Под ред. Проф. А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2001.
17. *Конев А.А.* Основные криминологические характеристики латентной преступности. Омск, 1980.
18. *Лунеев В.В.* Курс мировой и российской криминологии: Учебник: в 2 т. Т. 1: Общая часть. М.: Юрайт, 2011.
19. Криминология. Общая часть: Курс лекций / Под ред. Проф. В.Д. Малкова. М.: Академия управления МВД России, 2009.
20. Криминология: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция» / Аванесов Г.А., Иншаков С.М., Лебедев С.Я., Эриашвили Н.Д. / Под редакцией Г.А. Аванесова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007.
21. *Лунеев В.В.* Криминология: Учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2013.
22. Проблемы латентности преступности экономической направленности: Проект рекомендаций круглого стола (НИЦ № 3 ВНИИ МВД России, 25 октября 2013 г.). М., 2013.
23. Криминология: Учебник / под общ. ред. А.И. Долговой. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма; ИНФРА-М, 2013.
24. *Лунеев В.В.* Контроль над преступностью: надежны ли показатели? // Государство и право. 1995. № 7. С. 89—102.
25. Криминология. Общая часть: Курс лекций / Под ред. проф. В.Д. Малкова. М.: Академия управления МВД России, 2009.
26. *Иванов П.И., Беляева Л.И.* Теория оперативно-розыскной деятельности о латентности экономических и коррупционных преступлений // Актуальные проблемы оперативно-розыскной и административной деятельности органов внутренних дел. 2014, № 4 (32). С. 3—16.
27. *Горяинов К.К.* Латентная преступность в России: опыт теоретического и прикладного исследования. М., 1994.
28. *Горяинов К.К., Исиченко А.П., Кондратьев Л.В.* Латентная преступность. М., 1994.
29. Распоряжение МВД России от 31 мая 2013 г. № 1/5107 «О системе изучения и оценки оперативно-служебной деятельности территориальных органов МВД России по обеспечению экономической безопасности и противодействия коррупции».

УДК 343.8
ББК 67.409

ИНТЕРЕСЫ И ЗАКОННЫЕ ИНТЕРЕСЫ УЧАСТНИКОВ ДОСУДЕБНЫХ ЭТАПОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА ОРЛОВА,

главный научный сотрудник ВНИИ МВД России, доктор юридических наук, доцент

Научная специальность 12.00.08 — уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Проведен сравнительно правовой анализ понятий «интересы» и «законные интересы» применительно к реализации прав участниками уголовного судопроизводства на его досудебных этапах. Раскрыто содержание указанных понятий. Обосновывается вывод о необходимости унифицированного подхода к использованию данных понятий в сфере правового регулирования уголовно-процессуальных правоотношений.

Ключевые слова: уголовно-процессуальный закон, досудебные этапы уголовного судопроизводства, интересы, законные интересы, обеспечение прав участников уголовного судопроизводства, адвокат, защитник, право на защиту.

Abstract. A comparatively legal analysis of the notions of «interests» and «legitimate interests» in relation to the exercise of rights by participants in criminal proceedings at its pre-trial stages is carried out. The content of concepts is revealed. The author justified that a unified approach to the use of these concepts in the sphere of legal regulation of criminal procedural legal relations is necessary.

Keywords: criminal procedure law, pre-judicial stages of criminal legal proceedings, interests, legitimate interests, ensuring rights of participants of criminal legal proceedings, lawyer, defender, right for protection.

Уголовно-процессуальная деятельность на досудебных этапах уголовного судопроизводства, существенно затрагивая права и законные интересы широкого круга лиц, нуждается в четкой правовой регламентации, в исключении противоречивых правовых положений, лежащих в основе ее организации. Поэтому, отражая в правовых нормах то или иное понятие, надлежит исходить из его смысла, содержания и возможности однозначного понимания.

Актуальность данного вопроса обусловлена тем, что дефиниции, нашедшие отражение в законе в контексте соответствующей нормы, могут быть адресованы участникам уголовного судопроизводства, раскрывая различные аспекты их процессуального статуса.

Следует подчеркнуть, что интенсивное обновление уголовно-процессуального закона по различным направлениям, которое мы наблюдаем с момента введения в действие, не позволяет позиционировать составляющие его нормы как систему статичную, а, напротив, демонстрирует поиск путей ее совершенствования.

Мы полагаем, что данный подход актуален и для исследования вопросов, непосредственно связанных с понятийным аппаратом, лежащим в основе формирования правовых предписаний, направленных на реализацию назначения уголовного судопроизводства.

В рамках настоящей статьи остановимся на сущности и соотношении понятий «интересы» и «законные интересы» участников уголовного судопроизводства, сделав акцент на его досудебных этапах.

Побудительным мотивом к рассмотрению данного вопроса послужил тот факт, что в нормах УПК РФ применительно к правоотношениям, возникающим в сфере регулирования прав участников уголовного судопроизводства, употребляются термины «интересы» и «законные интересы».

Как следует из содержания ст. 6 УПК РФ, уголовное судопроизводство имеет своим назначением (наряду с правами) защиту *законных интересов* лиц, участвующих в данном процессе.

При этом направления реализации указанных положений в части обеспечения и защиты *законных*

интересов участников уголовного судопроизводства предусмотрены в целом ряде иных правовых предписаний.

Например, для защиты прав и *законных интересов* потерпевших, являющихся несовершеннолетними или в силу иных причин лишенных возможности самостоятельно защищать свои права и *законные интересы*, к обязательному участию в деле привлекаются их законные представители (ч. 2 ст. 45 УПК РФ); уголовное дело может быть возбуждено при отсутствии заявления потерпевшего или его законного представителя в случае совершения преступления в отношении лица, которое не в состоянии самостоятельно защищать свои права и *законные интересы* (ч. 4 ст. 20 УПК РФ); заинтересованные участники уголовного судопроизводства, права и *законные интересы* которых затронуты на досудебных этапах, вправе заявлять соответствующие ходатайства, направленные на обеспечение собственных или представляемых прав и *законных интересов* (ч. 1 ст. 119 УПК РФ).

Вместе с тем, обеспечение возможности осуществления прав лиц, участвующих в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, предусмотрено в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают *их интересы* (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ); защитником является лицо, осуществляющее в порядке, установленном УПК РФ защиту прав и *интересов* подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу (ч. 1 ст. 49 УПК РФ); в судебном заседании по проверке законности и обоснованности действий (бездействия) и решений должностных лиц на досудебных этапах уголовного судопроизводства, наряду с заявителями, указанными в ч. 2 ст. 125 УПК РФ вправе участвовать лица, чьи *интересы* непосредственно затрагиваются обжалуемыми действиями (бездействием), решениями (ч. 3 ст. 125 УПК РФ).

Таким образом, очевидно отсутствие единообразных подходов к использованию в содержании процессуальных норм дефиниций «интересы» и «законные интересы».

Вместе с тем, анализируя представленные в законе формулировки, надлежит отметить, что *ин-*

тересы человека в целом *различны* по своей природе и определяются *различными* субъективными потребностями, вызванными как внутренними побуждениями, так и внешними воздействиями или сложившимися обстоятельствами. Это может быть, например, особое внимание к чему-нибудь, желание вникнуть в суть, понять, узнать что-либо; занимательность, значительность события; нужда, потребность в чем-либо; выгода или корысть [1, с. 252].

Таким образом, многообразие семантики слова *интересы* допускает возможность позиционировать их и как корыстные, неправомерные, нередко извращенные, а потому не поддерживаемые и не защищаемые официальной властью [2, с. 396].

Применительно к этапу возбуждения уголовного дела это могут быть, например, интересы, обусловленные стремлением лица, в отношении которого осуществляется проверка сообщения о преступлении, избежать уголовного преследования, пострадавшего от преступного посягательства — усугубить вину причинителя вреда, заявителя или очевидца — оговорить какое-либо лицо, дать информацию заведомо ложную или не в полной мере соответствующую фактическим обстоятельствам дела.

Анализируя в рассматриваемом аспекте понятие «защитник», сформулированное в ч. 1 ст. 49 УПК РФ, следует отметить, что, как следует из ее содержания, защита и оказание юридической помощи обвиняемому, подозреваемому, а также лицу, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, осуществляются в соответствии с уголовно-процессуальным законом, что предполагает защиту *интересов законных*, не вступающих в противоречие с назначением уголовного судопроизводства.

При этом показательно, что в Стандарте осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, утвержденном решением комиссии ФПА по этике, представлены единые минимальные требования к деятельности адвокатов, осуществляющих защиту по уголовному делу, установление которых не предполагает ограничений в не запрещенных законодательством способах реализации целей защиты прав и *законных интересов* подзащитного.

О том, что законодатель не отождествляет понятия «интересы» и «законные интересы» свидетель-

ствуют, по нашему мнению, положения ч. 3 ст. 161 УПК РФ, регламентирующей недопустимость разглашения данных предварительного расследования.

Так, данные предварительного расследования могут быть преданы гласности лишь с разрешения соответствующего должностного лица и только в том случае если разглашение не противоречит *интересам* предварительного расследования и не связано с нарушением прав и законных *интересов участников* уголовного судопроизводства.

Представляется очевидным, что в отличие от интересов участников уголовного судопроизводства, *интересы* предварительного расследования позиционируются только как *законные*.

Обращает на себя внимание позиция Пленума Верховного Суда РФ, нашедшая отражение в постановлении от 16.10. 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», где прямо указано, что *законные интересы* граждан и организаций предполагают удовлетворение потребностей, *не противоречащих нормам права и общественной нравственности*.

В теории государства и права справедливо отмечается идентичность понятий «законные интересы» и «охраняемые законом интересы», подчеркивается, что законодатель не проводит между ними различия, использует как равнозначные и взаимозаменяемые, а их юридическим базисом служат нормы права [2, с. 396—397].

Необходимо подчеркнуть, что в целом права человека и гражданина охватывают сферу его от-

ношений с государством, в которой предполагается не только ограждение этих прав от возможных посягательств, но и содействие государства в их реализации.

Таким образом, закрепление того или иного субъективного права на законодательном уровне свидетельствует о наличии государственных обязательств по созданию условий для его реализации.

Следовательно, применительно к правовому регулированию конкретных правоотношений, возникающих как в ходе проверки сообщения о преступлении, так и предварительного расследования, акцентированное внимание законодателя на *законных интересах* лиц, участвующих в производстве процессуальных действий, позволит сузить круг *интересов возможных*, ограничивая их сферой действия права, создавая тем самым предпосылки для реализации назначения уголовного судопроизводства.

Закономерным представляется вывод о том, что понятия «интересы» и «законные интересы» не тождественны, различны по смыслу и содержанию, а отсутствие в УПК РФ единообразия в их использовании, является обстоятельством, которое вряд ли правильно оставлять без внимания.

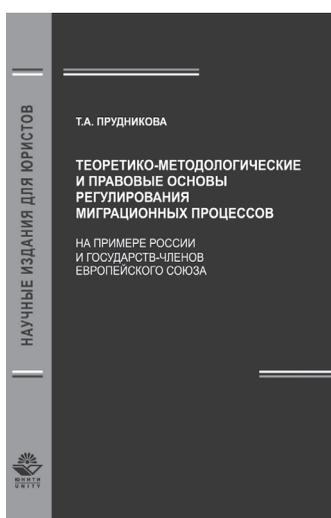
Литература

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1989.
2. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. М.: Издательский дом Дело РАНХиГС, 2016.

Теоретико-методологические и правовые основы регулирования миграционных процессов (На примере России и государств — членов Европейского Союза): Монография / Прудникова Т.А. М.: Изд-во ЮНИТИ, 2016.

В монографии раскрываются развитие миграционных процессов и основы их административно-правового регулирования. Анализируется опыт международно-правового регулирования миграционных процессов. Рассматриваются основные направления совершенствования национального законодательства, регулирующего миграционные процессы.

Для аспирантов юридических вузов, практических работников системы правоохранительных органов, а также студентов, курсантов, слушателей образовательных учреждений МВД России юридического профиля.

УДК 343.8
ББК 67.409

ОБ УЧАСТИИ СЛЕДОВАТЕЛЯ В АПЕЛЛЯЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ

СВЕТЛАНА ЮРЬЕВНА УСТИНОВА,

судья Московского городского суда

E-mail: 9031359727@mail.ru

Научная специальность 12.00.08 — уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. В юридической литературе и практике существуют различные точки зрения на проблему участия следователя в процедуре апелляционной проверки судебных решений. Исходя из того, что на досудебной стадии процесса следователь осуществляет уголовное преследование от имени государства, является процессуально самостоятельным лицом, направляющим ход расследования, автор настоящей статьи рассматривает вопрос о необходимости предоставления следователю права обжалования вынесенного с его участием судебного решения и привлечения следователя к рассмотрению дел в апелляционной инстанции в качестве представителя обвинения. Свое мнение о том, что активное участие следователя в апелляционном процессе является одним из важных факторов эффективности апелляции, автор статьи обосновывает результатами анализа изменений законодательства и судебной практики.

Ключевые слова: следователь, апелляция, апелляционная инстанция, судебное решение, промежуточное и итоговое судебное решение, сторона обвинения.

Abstract. In the legal literature and practice, there are different views on the problem of investigator's participation in the procedure of revision judgements by an appeal. Basing on the provision that at pretrial stage of process the investigator conducts criminal prosecution representing the state, he is a procedurally independent in directing a course of the investigation, the author of this article considers the view of necessity to entitle to the investigator a right to appeal judgements, made with his participation, and to represent the side of prosecution in the court of appeal. The author of this article expresses the opinion that the active participation of investigator in the appeal process is an important factor of effective appeal, based on an analysis of changes in legislation and judicial practice.

Keywords: investigator, appeal, court of appeal, judgement, intermediate and final judgement, prosecution.

Значительное расширение применения апелляции в отечественном уголовном судопроизводстве, связанное с изменениями, внесенными в порядок пересмотра не вступивших в законную силу приговоров и иных решений суда первой инстанции Федеральным законом Российской Федерации от 29 декабря 2010 года [1], который дополнил УПК РФ главой № 45, повлекло за собой необходимость тщательного исследования новой формы судебного контроля за законностью судебных решений, при которой полномочия суда апелляционной инстанции, осуществляющего проверку решений, вынесенных судом первой инстанции, до вступления их в законную силу, не только суще-

ственно расширены, но и в значительной степени видоизменены.

Предоставление апелляционной инстанции дополнительных процессуальных возможностей, в том числе посредством увеличения круга решений, принимаемых по результатам проверки законности и обоснованности не вступивших в законную силу приговоров и иных решений суда первой инстанции, не могло не отразиться на качестве судебных решений, обращаемых к исполнению после ревизии их судом второй инстанции, сроках, в течение которых уголовные дела и материалы, рассматриваемые судами на досудебной стадии процесса (на стадии предварительного расследования), завершаются вы-

несением итоговых решений, вступающих в законную силу, а также на участниках судопроизводства, имеющих право обжаловать судебные решения и участвовать в рассмотрении дела судом апелляционной инстанции.

Поскольку «главный смысл апелляции: исправление ошибок, допущенных нижестоящими судами, в максимально возможном числе случаев» [2], полагаем, что вынесение законных, обоснованных и мотивированных апелляционных решений, гарантирующих защиту прав участников судопроизводства, обеспечивается не только качественной работой судов апелляционной инстанции, но и процессуальной активностью сторон, от которой в значительной мере зависит объем ревизии приговоров, постановлений, определений первой инстанции и непосредственно сами решения апелляционной инстанции с учетом которых приговоры, постановления, определения первой инстанции вступают в законную силу и подлежат исполнению.

Так как при апелляционном рассмотрении дела суд «не только вправе, но и обязан самостоятельно исправить все ошибки или неправильности приговора, обжалованного в суд апелляционной инстанции, постановив в итоге новое судебное решение, совершенно заменяющее собой предыдущее» [3], в том числе с учетом доказательств, которые в силу различных причин не были представлены в суд первой инстанции и не получили с его стороны какой-либо оценки, следует отметить, что в ряде случаев для принятия по делу правильного решения возникает необходимость в привлечении к участию в апелляционном процессе следователя, который в одних ситуациях должен выступать в качестве свидетеля, а в других — как представитель обвинения, обладающий наиболее полной информацией по уголовному делу, особенно на досудебной стадии процесса.

Наличие у сторон возможности представить в апелляционную инстанцию новые доказательства, в том числе ходатайствовать о допросе следователя в качестве свидетеля, обязанность суда второй инстанции дать оценку исследованным ею доказательствам, а также право постановить по делу новый приговор, вынести новое решение или возвратить дело прокурору, в том числе на основе этих доказательств, безусловно являются признаками сокраще-

ния дистанции между следствием и деятельностью суда, осуществляющего контроль за законностью и обоснованностью принятых по делу промежуточных и итоговых судебных решений до вступления их в законную силу.

Однако, несмотря на это, до настоящего времени ни в юридической литературе, ни в правоприменительной практике не разрешена проблема участия следователя в апелляционном производстве по делу в каком-либо ином статусе, кроме свидетеля, и не существует однозначного ответа на вопрос о том, вправе ли следователь обжаловать до вступления в законную силу решения, вынесенные судом по результатам рассмотрения его ходатайств о производстве процессуальных действий или проверки его процессуальных решений и действий, ограничивающих конституционные права граждан.

Между тем практика рассмотрения апелляционных жалоб и представлений на промежуточные и окончательные судебные решения дает основания констатировать актуальность указанной проблемы, особенно для проверки законности и обоснованности промежуточных судебных решений, вынесенных в ходе досудебного производства по уголовному делу.

В связи с тем, что законодатель включил судебные решения, вынесенные в порядке ст. 107—109, 125 и 165 УПК РФ, в круг промежуточных решений, которые могут быть обжалованы в апелляционном порядке до вынесения итогового судебного решения по делу (ч. 3 ст. 3892 УПК РФ) полноценная проверка законности указанных судебных решений и своевременное (на стадии апелляции) внесение в них необходимых корректив не могут быть обеспечены в условиях, когда право обжаловать эти решения и в полной мере реализовать в судебном заседании апелляционной инстанции права участника процесса со стороны обвинения предоставлено лишь прокурору, поскольку в связи с произошедшим перераспределением функций и полномочий следственных органов и прокуратуры «прокурор не может быть полноценным представителем государства от стороны обвинения на досудебной стадии уже только потому, что он не оказывает влияния на формирование позиции следствия и принимаемые следователем решения» [4].

На досудебной стадии процесса, когда прокурор еще не обладает статусом государственного обвинителя, уголовное преследование от имени государства по делам публичного и частно-публичного обвинения осуществляется следователем, который самостоятельно направляет ход расследования и «выступает субъектом, который приводит в действие судебный механизм посредством своего правопритязания в виде постановления о возбуждении ходатайства на применение той или иной процессуальной меры, затрагивающей конституционные права граждан» [5].

При таких обстоятельствах предоставление следователю права обжаловать судебные решения, вынесенные по его ходатайствам о применении процессуальных мер, направленных на обеспечение расследования по делу (решения по ходатайствам об избрании меры пресечения, продлении срока ее применения, о разрешении следственных действий, производство которых санкционируется судом), а также решения, вынесенные судом по результатам проверки законности и обоснованности действий и решений следователя в порядке ст. 125 УПК РФ, следует рассматривать как неперемное условие принятия апелляционной инстанцией решения, способствующего эффективному расследованию по делу и таким образом обеспечивающему защиту прав потерпевших.

Обращаясь к судебной практике, можно обнаружить целый ряд примеров, свидетельствующих об ошибочности мнения правоприменителей, считающих, что наделение прокурора правом обжалования судебного решения, вынесенного на досудебной стадии процесса, является достаточной гарантией пересмотра апелляционной инстанцией постановлений, не отвечающих цели вынесения промежуточных судебных решений — «создать необходимые условия для реализации участниками процесса их прав и для обеспечения выполнения ими своих процессуальных обязанностей, для правильного разрешения уголовного дела без неоправданной задержки» [6].

Так, необоснованное постановление районного суда от 16 октября 2013 года об отказе в удовлетворении ходатайства следователя о разрешении производства обыска в жилище в рамках расследования уголовного дела, возбужденного по признакам пре-

ступления, предусмотренного ч. 1 ст. 273 УК РФ, было отменено лишь 5 декабря 2014 года судом кассационной инстанции в связи с тем, что в апелляционном порядке прокурор указанное постановление суда не обжаловал [7].

Постановление районного суда об отказе в удовлетворении ходатайства следователя о разрешении эксгумации трупа в рамках расследования уголовного дела, возбужденного по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, было отменено апелляционной инстанцией лишь благодаря активной позиции потерпевшей, подавшей апелляционную жалобу, поскольку прокуратура принятое судом решение не обжаловала. Удовлетворив жалобу потерпевшей, апелляционная инстанция отменила постановление суда и разрешила проведение следственного действия, что обеспечило возможность продолжения расследования по делу [8].

В указанных ситуациях прокуроры выразили свою позицию по делу, согласившись с судебными решениями первой инстанции, однако в практике встречаются и такие примеры, когда оценки прокурорами и следователями вынесенных судом решений являются диаметрально противоположными, когда прокурор в апелляционной инстанции становится на сторону защиты, и единственным представителем обвинения по делу оказывается следователь.

Так, прокурором было принесено апелляционное представление на постановление Пресненского районного суда г. Москвы от 29 октября 2014 года о продлении срока содержания под стражей лица, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, указанное постановление обжаловали также и защитники обвиняемого, в судебном заседании апелляционной инстанции прокурор, обвиняемый и адвокаты поддержали апелляционные жалобы и представление, единственным участником судебного разбирательства, возражавшим в апелляционной инстанции против отмены постановления Пресненского районного суда г. Москвы, был участвовавший в судебном заседании апелляционной инстанции следователь. Утверждать, что выступление следователя в апелляционной инстанции повлияло на решение суда, оставившего постановление Пресненского районного суда г. Москвы от 29 октября 2014 года без изменения осно-

ваний не имеется, однако в данном случае участие следователя в судебном заседании апелляционной инстанции обеспечило состязательность сторон [9].

Противоположные позиции занимали следователь и прокурор и по делу, рассмотренному Реутовским городским судом Московской области. На постановление указанного суда от 22 ноября 2013 года об удовлетворении ходатайства следователя о разрешении производства выемки предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, прокурором было принесено представление, а мнение следователя относительно законности судебного решения и необоснованности представления прокурора было доведено до апелляционной инстанции — Московского областного суда путем подачи следователем возражений на представление прокурора. В этом случае решение суда первой инстанции также было оставлено без изменения, а апелляционное представление прокурора — без удовлетворения [10].

Необходимо также отдельно отметить случаи, когда судом первой инстанции выносятся постановления (определения), которое может повлечь для следователя неблагоприятные последствия, например, применение к нему мер дисциплинарного воздействия на основании постановления о признании решения либо действий следователя незаконными по жалобе в порядке ст. 125 УПК РФ или на основании вынесенного судом частного постановления (определения). В этих случаях непредставление следователю возможности обжаловать судебные решения лишает его возможности каким-либо образом защитить свои интересы, особенно при несовпадении позиций следователя и прокурора.

Несмотря на то, что «судебная практика не допускает возможности апелляционного обжалования судебных решений, в том числе вынесенных в порядке, который предусмотрен ст. 108, 125 и 165 УПК, дознавателем или следователем» [11, с. 788], и суды неоднократно принимали решения о возврате без назначения к апелляционному рассмотрению материалов, поступивших в апелляционную инстанцию с апелляционными жалобами следователей [12], невозможно игнорировать тот факт, что отношение правоприменителей к участию следователей в апелляционном процессе является двойственным, о

чем свидетельствует отсутствие каких-либо споров относительно права следователя принимать участие в судебном заседании апелляционной инстанции по делам, которые согласно закону рассматриваются судом первой инстанции с участием следователя, а также многочисленные случаи, когда на принесенные по делам апелляционные жалобы и представления, следователи подавали письменные возражения, и эти возражения не только принимались судами первой инстанции, но и учитывались при апелляционной проверке законности и обоснованности судебных решений, вынесенных на досудебной стадии процесса [13].

Обоснованность позиции теоретиков права, полагающих, что все более активная роль, которую следователь играет в судебных процедурах, «ставит перед законодателем вопрос о наделении его полным объемом процессуальных прав представителя стороны обвинения, в том числе правом на обжалование решения, вынесенного по результатам проведенного с его участием судебного разбирательства» [14, с. 241] подтверждает и анализ решений, принятых апелляционной инстанцией по результатам проверки судебных постановлений, вынесенных по результатам рассмотрения ходатайств следователя об избрании обвиняемым меры пресечения в виде заключения под стражу, поскольку о необходимости наделения следователя правом представлять в апелляционной инстанции сторону обвинения, свидетельствует не только возможное несоответствие оценки прокурором и следователем одних и тех же обстоятельств, влияющих на решение вопроса о мере пресечения, но и право стороны обвинения представить апелляционной инстанции дополнительные доказательства, которые могут учитываться при оценке доводов сторон и повлиять на выводы апелляционной инстанции относительно законности и обоснованности обжалуемого судебного постановления.

Так как на стадии досудебного производства следователь обладает наиболее полной информацией по делу, именно его участие в судебном заседании может обеспечить получение апелляционной инстанцией той актуальной информации, без которой апелляционная инстанция не в состоянии в полной мере реализовать предоставленные ей законом процессуальные возможности, например от-

менить решение суда об отказе в удовлетворении ходатайства следователя об избрании обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу и принять новое решение по существу данного ходатайства.

Так, Севастопольский городской суд, Приморский краевой суд, Московский городской суд выносили в апелляционном порядке решения об отмене постановлений первой инстанции об отказе в удовлетворении ходатайств следователей об избрании обвиняемым меры пресечения в виде заключения под стражу и удовлетворяли указанные ходатайства следователей [15], но данные решения принимались в случаях, когда суд первой инстанции при отказе в удовлетворении ходатайства следователя избирал обвиняемым меру пресечения в виде домашнего ареста. Однако в подавляющем большинстве случаев, апелляционная инстанция при отмене постановления суда, вынесенного по результатам рассмотрения ходатайства следователя об избрании обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста, была вынуждена направлять ходатайство следователя на новое рассмотрение в суд первой инстанции в связи с необходимостью более тщательной проверки обстоятельств, имеющих значение для принятия по ходатайству правильного решения, и выяснения вопроса о том, избиралась ли обвиняемому в связи с отказом суда в удовлетворении ходатайства следователя иная мера пресечения.

Суммируя вышеизложенное, можно прийти к выводу о взаимном влиянии процессуальной активности следствия и решений апелляционной инстанции, поскольку, с одной стороны, вынесение законного и обоснованного апелляционного решения, а также достижение цели апелляции — правильного разрешения дела без неоправданной задержки, во многом зависит от участия следователя в апелляционном производстве, с другой стороны, — решения апелляционной инстанции, связанные с обеспечением расследования, его возобновлением (в случае возврата дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ) или оценкой законности и обоснованности действий и решений следователя по результатам рассмотрения жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ, оказывают влияние на эффективность расследования по уголовным делам.

Литература

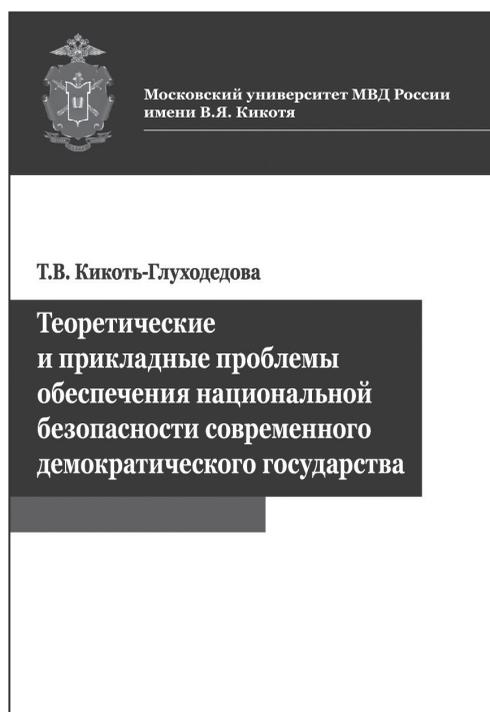
1. Федеральный закон от 29.12.2010 № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 45.
2. *Скляренко М.В.* Функционирование системы обжалования, проверки и пересмотра судебных решений непрерывно совершенствуется // Уголовное судопроизводство. 2016. № 1. С. 41—46.
3. Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ и УПК РФ. Первый опыт критического осмысления / Е.А. Борисова, Л.В. Головкин, Н.Н. Ковтун и др.; под общ. ред. Н.А. Колоколова. М.: Юрист, 2011. 188 с.
4. *Цветков Ю.А.* Следователь в апелляции // Уголовное судопроизводство. 2014. № 4. С. 27—32.
5. *Руновский А.В.* Процессуальная роль следователя в уголовном суде // Российский следователь. 2012. № 2. С. 13—16.
6. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Часть 2. Актуальные вопросы судебной практики, рекомендации судей Верховного Суда РФ по применению уголовно-процессуального законодательства на основе новейшей судебной практики: Практическое пособие. 7-е издание, переработанное и дополненное. Под ред. В.М. Лебедева. М.: Юрайт, 2016.
7. Постановление Президиума Московского городского суда от 05.12.2014 по делу № 44у-245/14.
8. Апелляционное постановление Московского городского суда от 17.08.2015 № 10-11324/15.
9. Апелляционное постановление Московского городского суда от 26.11.2014 № 10-15813/14.
10. Апелляционное постановление Московского областного суда от 26.12.2013 № 22к-8468/13.
11. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. Ред. В.М. Лебедев; [рук. Авт. Кол. В.А. Давыдов]. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014.
12. Постановление Московского городского суда от 10.10.2013 № 10-10176/2013, Постановление Московского городского суда от 02.10.2013.
13. Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 28.08.2015 по делу № 22-5109/2015, Апелляционное постановление Москов-

ского областного суда от 11.08.2015 № 22к-5228/15, Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 03.08.2015 по делу № 22-4765/2015, Апелляционное постановление Московского городского суда от 15.06.2015 по делу № 10-7990/2015, Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 25.03.2015 по делу № 22-1963/2015, Апелляционное постановление Московского областного суда от 03.09.2013 по делу № 22к-5882, Апелляционное определение Оренбургского областного суда от 15.05.2013 по делу № 22к-1762/2013, Апелляционное постановление Московского городского суда от 28.11.2016 по делу № 10-19018/2016, Апелляционное постановление Московского городского суда от 06.07.2016 № 10-10278/2016.

14. Апелляция в уголовном судопроизводстве: научно-практическое пособие / Под общ. ред. В.В. Ершова. М.: «Издательство право», 2013.

15. Апелляционное постановление Севастопольского городского суда от 30.04.2015 по делу № 22к-238/15, Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 24.09.2015 по делу № 22-5979/2015, Апелляционное постановление Московского городского суда от 22.01.2016 № 10-0858/2016, Апелляционное постановление Московского городского суда от 14.08.2015 № 10-11249/2015, Апелляционное постановление Московского городского суда от 14.10.2015 по делу № 10-13991/2015.

Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлениям подготовки «Юриспруденция» и «Правоохранительная деятельность» / под ред. С.Я. Лебедева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 655 с.

Раскрыты основные теоретические и практические положения организации и осуществления деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений и административных правонарушений. Показаны ее правовые, организационные и тактические основы, вопросы предотвращения, профилактики и пресечения противоправных деяний, входящие в предупредительную компетенцию органов внутренних дел. Определены милицмейская специфика общей, индивидуальной и виктимологической профилактики правонарушений. Особое внимание уделено предупреждению милицией преступлений

и административных правонарушений, совершаемых несовершеннолетними; против личности; в сфере экономики; террористической и экстремистской направленности; связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ; с незаконным оборотом оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ; в сфере экологической безопасности; безопасности дорожного движения и др.

Для курсантов, слушателей, адъюнктов и преподавателей высших и средних специальных учебных заведений системы МВД России, студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов, практических работников правоохранительных органов.

УДК 343.13

ББК 67.410

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ ГОНЧАР,

старший преподаватель кафедры предварительного расследования

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук

E-mail: v_gonchar@list.ru

Научная специальность 12.00.09 — уголовный процесс

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматриваются актуальные проблемы совершенствования государственной политики по противодействию преступлениям в сфере информационных технологий. Автор анализирует последние нормативно-правовые акты принятые в этой области. В статье акцентируется внимание на необходимости изменения подходов в подготовке кадров по противодействию преступлениям в сфере информационных технологий.

Ключевые слова: правовые основы расследования киберпреступлений, новые направления государственной политики, противодействие преступлениям в сфере информационных технологий, киберпреступления, цифровая экономика, подготовка кадров в правоохранительных органах.

Abstract. This article is devoted to topical problems of improving state policy on countering crimes in the field of information technology. The author analyzes the latest regulatory and legal acts adopted in this area. The article focuses attention on the need to change approaches in the training of personnel to counteract crimes in the field of information technology.

Keywords: the legal framework for the investigation of cybercrime, new directions of state policy, counteraction to crimes in the field of information technology, cybercrime, digital economy, training of law enforcement personnel.

Начиная анализ любой важной темы, а тема данной статьи безусловно является таковой, целесообразно определиться с тем, что мы считаем политикой.

В настоящее время выделяют три основные группы определений политики: социологическое, субстанциональное и научно сконструированное. По нашему мнению, для проблематики данной статьи наиболее точно подходит одна из научно сконструированных трактовок, а именно: «**политика** — это процесс подготовки, принятия и практической реализации обязательных для всего общества решений» [1, с. 14].

Анализируя отдельные информационные инциденты, исследуя подготавливаемые, принимаемые и реализуемые правовые акты, направленные на предотвращение и пресечение данных инцидентов, появляется возможность проследить становление до-

статочно нового направления государственной политики, а именно политики по противодействию преступлениям в сфере информационных технологий.

Известно, что вопросы информационной безопасности, защиты компьютерной информации, обеспечения защищенности сведений, образующих охраняемую законом тайну, и иные подобные проблемы вызывают серьезную озабоченность как в России, так и во всем мире. Данные вопросы самым непосредственным образом связаны с обеспечением национальной безопасности государств, защитой конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Необходимость совершенствования государственной политики по противодействию преступлениям в сфере информационных технологий подтверждается тем, что в последнее время данные преступления стали глобальной международной

проблемой, многие из них имеют трансграничный характер.

Среди недавних, наиболее известных сообщений о подобных преступлениях можно выделить:

Май 2017 г. — компьютерные системы в более чем 150 странах мира поразил вирус—шифровальщик под названием WannaCry (также WannaCrypt или Wana). На экране зараженных компьютеров появлялось сообщение о том, что все файлы зашифрованы, а за расшифровку пользователю предлагалось выплатить эквивалент \$300 в биткойнах [2]. По некоторым оценкам кибератака с использованием вируса WannaCry привела к ущербу свыше миллиарда долларов [3].

Июнь 2017 г. компьютерные системы по всему миру были атакованы вирусом Petya. Сильнее всего пострадала Украина — там кибератака парализовала работу сайтов правительства, банков, энергетических и транспортных компаний. В России вирус атаковал компьютерные системы «Роснефти» и «Башнефти» [4]. В конце июня вирус-шифровальщик Petya, распространился на компьютерные системы в Европе, США, странах Азии. Частично была парализована работа системы управления крупнейшего контейнерного порта имени Джавахарлала Неру в Индии, оператором которого выступает A.P. Moller—Maersk [5].

Сентябрь 2017 г. анонимные сообщения о заложенных бомбах поступали из разных городов России — Владивостока, Магадана, Омска, Челябинска, Уфы, Перми, Ставрополя. Только в Перми эвакуировали более пяти тысяч человек. Были отменены занятия во всех школах, оцеплены торговые центры и вокзалы [6].

Далее масштабная эвакуация граждан из общественных зданий после анонимных звонков о минировании добралась и до Москвы, где после сотни анонимных вызовов было эвакуировано более 50 тысяч человек. Так 13 сентября после телефонных сообщений о минировании были эвакуированы посетители Ярославского, Ленинградского, Киевского и Казанского вокзалов, Митинского радиорынка, торговых центров ГУМ, «Афимолл—сити», «Метрополис», «Вавилон» и «Город». Кроме того, экстренно покинули свои гостиницы постояльцы «Националя», «Космоса» и «Звездной». Также были экстренно эвакуированы сотрудники и учащиеся МГИМО,

РГСУ, Российского экономического университета имени Плеханова и Московского государственного медицинского университета имени Сеченова.

По сведениям из открытых источников, основной версией подобных звонков остается спланированная атака с применением средств *IP—телефонии*. (выделено авт.) Такие системы позволяют организовать массовый обзвон из одного—двух мест и при этом скрыть реальный номер абонента [7].

По большинству из данных инцидентов возбуждены уголовные дела, однако использование преступниками средств анонимизации существенно усложняет расследование этих преступлений.

По первоначальным подсчетам государство потратило более 300 млн руб. на эвакуацию людей из различных объектов из—за массовых анонимных звонков о «минировании» по всей стране [8].

Представленные примеры наглядно демонстрируют нарастающую активность преступников в сфере информационных технологий, свидетельствуют об изощренности и масштабе их противоправной деятельности.

Ущерб от подобных преступлений всегда значительный, однако в Российской Федерации некоторые негативные последствия (например, от программы—шифровальщика WannaCry) были нейтрализованы благодаря внедряемой государственной системе обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации [9].

Указанная система является одним из элементов создаваемого современного механизма противодействия информационным инцидентам и является результатом реализации соответствующей государственной политики, направленной на достижение определенной цели — обеспечение полноценного противодействия преступлениям в сфере информационных технологий.

Отдельные стратегические направления данной политики периодически освещаются на самом высоком уровне. Так Президент Российской Федерации В.В. Путин неоднократно акцентировал внимание на необходимости внедрения цифровых технологий в различные сферы жизни [10] и важности усиления информационной безопасности. Среди последних наиболее значимых, на наш взгляд, заявлений на данную тему можно выделить:

1 декабря 2016 г. в послании Федеральному Собранию Российской Федерации Президент определил следующее: «Необходимо укреплять защиту от киберугроз, должна быть значительно повышена устойчивость всех элементов инфраструктуры, финансовой системы, государственного управления. Предлагаю запустить масштабную системную программу развития экономики нового технологического поколения, так называемой цифровой экономики. В ее реализации будем опираться именно на российские компании, научные, исследовательские и инжиниринговые центры страны. *Это вопрос национальной безопасности и технологической независимости России, в полном смысле этого слова — нашего будущего* (выделено авт.)» [11].

26 апреля 2017 г. В.В. Путин поручил председателю правительства Д.А. Медведеву до 1 декабря 2017 г. обеспечить внесение изменений в федеральные законы для усиления безопасности государственных информационных систем [12].

7 июля 2017 г. вопросам кибербезопасности было уделено значительное внимание на встрече Президентов РФ и США, которые отметили что данная тема становится все более рискованной, порождающей разные угрозы, включая террористическую, и угрозы нормальному функционированию общества [13].

8 июля 2017 г. на Пресс—конференции по итогам саммита «Группы двадцати» В.В. Путин отметил, что существует договоренность с Президентом Соединенных Штатов о создании рабочей группы и совместной работе по контролю за безопасностью в области киберпространства, совместном обеспечении безусловного соблюдения международных правовых норм в этой сфере. Кроме того, была отмечена необходимость выработать общие правила в сфере цифровой экономики, обозначить, что такое кибербезопасность, разработать систему правил поведения в этой сфере [14].

3—5 сентября 2017 г. В.В. Путин посетил Китай для участия в саммите БРИКС. В преддверии данного саммита Президент в своей статье, опубликованной в ведущих СМИ стран БРИКС отметил, что Россия выступает за расширение взаимодействия стран БРИКС в сфере глобальной информационной безопасности. Президент предложил сообща сформировать соответствующую международно-правовую

базу сотрудничества, а в перспективе — разработать и принять универсальные правила ответственного поведения государств в этой области. Отметил, что важным шагом могло бы стать заключение межправительственного соглашения БРИКС по международной информационной безопасности [15].

Приведенные заявления «на высшем уровне» имеют конкретное воплощение в нормативно-правовых актах, активно принимаемых в последнее время. Данные акты изменяют устаревшую и формируют ту самую, так необходимую сейчас правовую основу для реализации государственной политики по противодействию современным угрозам в области информационной безопасности.

Из наиболее значимых правовых актов последнего времени, регламентирующих вопросы информационной безопасности следует выделить:

Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации».

В данной Доктрине указано: «Состояние информационной безопасности в области науки, технологий и образования характеризуется недостаточной эффективностью научных исследований, направленных на создание перспективных информационных технологий, низким уровнем внедрения отечественных разработок *и недостаточным кадровым обеспечением в области информационной безопасности*, а также низкой осведомленностью граждан в вопросах обеспечения личной информационной безопасности. При этом *мероприятия* по обеспечению безопасности информационной инфраструктуры, включая ее целостность, доступность и устойчивое функционирование, с использованием отечественных информационных технологий и отечественной продукции зачастую *не имеют комплексной основы*» (выделено авт.).

Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы».

Одним из основных принципов данной Стратегии является обеспечение государственной защиты интересов российских граждан в информационной сфере. Так же закреплены 17 новых информационных понятий, среди которых: индустриальный интернет, интернет вещей, информационное общество,

облачные вычисления, туманные вычисления, цифровая экономика, экосистема цифровой экономики.

В стратегии обращено внимание на то, что с использованием сети «Интернет» все чаще совершаются компьютерные атаки на государственные и частные информационные ресурсы и на объекты критической информационной инфраструктуры.

Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.».

В данном правовом акте закреплено, что к основным вызовам и угрозам экономической безопасности РФ относится, в числе прочих, стремление развитых государств использовать свои преимущества в уровне развития экономики, высоких технологий (в том числе информационных) в качестве инструмента глобальной конкуренции. Обращено внимание, что в настоящее время в России наблюдается слабая инновационная активность, *существует отставание в области разработки и внедрения новых и перспективных технологий (в том числе технологий цифровой экономики), недостаточный уровень квалификации и ключевых компетенций отечественных специалистов* (выделено авт.)

Стратегия так же фиксирует основные направления государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности, к которым, в числе других, относит: создание экономических условий для разработки и внедрения современных технологий, стимулирование инновационного развития, а также совершенствование нормативно—правовой базы в этой сфере.

Федеральный закон от 1 июля 2017 г. № 156-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Данным Федеральным законом регламентирован новый порядок ограничения доступа к сайту в информационно—телекоммуникационных сетях (в том числе в сети «Интернет») сходному до степени смешения с сайтом в сети «Интернет», доступ к которому ограничен по решению суда в связи с неоднократным и неправомерным размещением информации, содержащей объекты авторских и (или) смежных прав (копия заблокированного сайта).

Нормы закона, в частности, предусматривают принятие Минкомсвязью России по поступающей

информации, мотивированного решения о признании сайта в сети «Интернет» копией заблокированного сайта и направление данного решения владельцу такого сайта и в Роскомнадзор для принятия мер по внесудебному ограничению доступа к копии заблокированного сайта.

Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации».

Законом устанавливаются основные принципы обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры (далее КИИ), полномочия государственных органов в области обеспечения безопасности КИИ. Так же, определяются права, обязанности и ответственность лиц, владеющих на праве собственности или ином законном основании объектами КИИ, операторов связи и информационных систем, обеспечивающих взаимодействие этих объектов.

Структурой, контролирующей безопасность КИИ, становится *Национальный координационный центр по компьютерным инцидентам* (выделено авт.). Кроме того, устанавливаются «основные принципы обеспечения безопасности КИИ, полномочия государственных органов РФ в области обеспечения данной безопасности, а также права, обязанности и ответственность лиц, владеющих на праве собственности или ином законном основании объектами КИИ, операторов связи и информационных систем, обеспечивающих взаимодействие этих объектов».

Собственниками или лицами, пользовавшимися объектами КИИ на праве аренды или иного законного основания, должны быть «российские юридические лица или индивидуальные предприниматели». Указано, что иностранные компании, если они представляют свои интересы на территории России через российские юридические лица, смогут продолжить свою работу без ограничений.

Законом вводится реестр значимых объектов КИИ, а также устанавливаются требования по обеспечению безопасности значимых объектов КИИ с учетом их категорий. Создаются системы безопасности значимых объектов КИИ РФ и обеспечение их функционирования. Безопасность КИИ будет обеспечиваться в том числе за счет «взаимодействия этих систем с государственной системой обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы

РФ, созданной в соответствии с указом Президента РФ от 15 января 2013 г. № 31с «О создании государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации» [16].

Постановление Правительства Российской Федерации от 19 августа 2017 г. № 983 «О представлении Президенту Российской Федерации предложения о подписании Соглашения о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий» и Распоряжение Президента Российской Федерации от 26 августа 2017 г. № 297-рп «О подписании Соглашения о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий».

В данных нормативных актах предлагается проект Соглашения «О сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий» и закрепляется целесообразность его скорейшего подписания на высшем уровне.

Следует отметить, что рассмотренные нормативно-правовые акты являются достаточно прогрессивными, направленными на противодействие современным угрозам в области информационной безопасности. Кроме того, можно сделать вывод, что в настоящее время происходит активное реформирование существовавшей и создание новой правовой основы использования информационных технологий в различных сферах жизни общества и функционирования государства, а также формируются институты, обеспечивающие реализацию основных направлений государственной политики по противодействию преступлениям в сфере информационных технологий.

Очевидно, что данный процесс будет продолжен. Однако для успешного противодействия преступлениям в сфере информационных технологий, наличие качественной и современной правовой базы является необходимым, но не достаточным условием.

Автор уверен, что основой успешного выполнения принимаемых норм и залогом реализации государственной политики в области информационной безопасности является обучение и воспитание соответствующих кадров, которые бы обеспечили «прорывные» результаты в данной области.

Успешная реализация столь «амбициозной» цели предусматривает необходимость существенных изменений как в структуре, так и в организации учебного процесса в образовательных учреждениях (особенно в ВУЗах), организующих подготовку специалистов в области информационной безопасности. К данной категории специалистов, наряду со специалистами технических профилей безусловно относятся сотрудники правоохранительных органов (сотрудники оперативных подразделений, дознаватели, следователи, прокуроры, судьи) [17, с. 19].

Автор считает, что достаточно быстрый и положительный результат может дать активное взаимодействие представителей ВУЗов с сотрудниками организаций, имеющими определенные достижения в области обеспечения собственной информационной безопасности. Одними из ключевых субъектов в данной сфере деятельности, безусловно являются «ПАО Сбербанк России», «Лаборатория Касперского» и некоторые другие организации.

Для достижения поставленных целей и выполнения заявленных задач в ВУЗах, подготавливающих сотрудников правоохранительных органов целесообразно:

1. Сформировать следующие группы:

- *научно-исследовательскую группу*, участники которой обладали бы достаточными возможностями по изучению и разработке проблем связанным с расследованием преступлений в сфере высоких технологий (как минимум по одному представителю от профильных кафедр);
- *контрольно-координирующую группу*, участники которой будут заниматься организацией взаимодействия ВУЗа и представителями иных ВУЗов и организаций (представитель ВУЗа, представитель иных организаций, секретарь, технический консультант, юридический консультант);
- *экспертно-консультативную группу*, участники которой будут осуществлять проверку и приемку результатов работы научно-исследовательской группы (представитель ВУЗа, представитель иных организаций и возможно представители иных ВУЗов).

2. Сформулировать функциональные права, обязанности и цели деятельности сотрудников научно-исследовательской, контрольно-координирующей и экспертно-консультативной групп.

3. Разработать регламенты работы сотрудников научно-исследовательской, контрольно-координирующей и экспертно-консультативной групп.

4. Организовать обмен информацией о составе, функциях и регламенте работы сотрудников научно-исследовательской, контрольно-координирующей и экспертно-консультативной групп с представителями иных организаций и иных профильных ВУЗов (обмен контактами).

5. Установить ежеквартальный обмен информацией (в письменной форме) об основных результатах работы групп ВУЗа по основным направлениям совместной деятельности с представителями иных организаций и профильных ВУЗов.

6. Проводить совместные совещания участников групп ВУЗа с представителями иных организаций и профильных ВУЗов для подведения итогов осуществленной деятельности и корректировки планов для дальнейшего взаимодействия (подготовка письменного отчета за 6 месяцев, вербальный обмен выявленными проблемами, корректировка поставленных и формирование новых целей на следующие полугодие).

7. Публиковать ежегодный бюллетень о результатах деятельности ВУЗа по вопросам противодействия преступлениям, совершенным с использованием информационных технологий.

В заключении следует отметить, что формирование данных структур, это своеобразная точка отсчета, после которой в профильных ВУЗах, создавших подобные структуры, возможны существенные изменения в области подготовки необходимых кадров, способных обеспечить информационную безопасность и технологическую независимость России на должном уровне.

Литература

1. Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию: Учебник для студентов высш. учебн. заведений. М.: Аспект Пресс, 1998.

2. Новый В., Черненко Е., Сафронов И., Белавин П. Вирус собрал выкуп URL://<https://www.kommersant.ru/doc/3297004>

3. Ущерб от вируса WannaCry превысил 1 млрд долларов URL://<https://rg.ru/2017/05/25/ushcherb-ot-virusa-wannacry-prevysil-1-mlrd-dollarov.html>

4. Group-IB сообщила об атаке «невидимого» вируса-вымогателя на смартфоны URL://<http://www.rbc.ru/rbcfreenews/595dfebb9a79477b3e714e6e>

5. Поразивший Европу вирус Petya распространился на Индию и Китай URL://<http://www.rbc.ru/society/28/06/2017/595378a59a794708f6bebe52>

6. Ложная тревога URL://<https://rg.ru/2017/09/12/reg-pfo/v-krupnyh-gorodah-rossii-evakuirovali-desiatki-shkol-vokzalov-i-tc.html>

7. Телефонные террористы дозвонились в Москву URL://<https://www.kommersant.ru/doc/3409928>

8. Полиция оценила ущерб от «минирования» по всей России URL://<http://www.rbc.ru/society/18/09/2017/59bfb4da9a7947ddc2bc8546>

9. Выписка из Концепции государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации (утв. Президентом РФ 12 декабря 2014 г. N К 1274) URL://http://www.fsb.ru/files/PDF/Vipiska_iz_koncepcii.pdf

10. Владимир Путин: Внедрить цифровые технологии во все сферы жизни URL://<https://rg.ru/2017/06/04/reg-szfo/vladimir-putin-vnedrit-cifrovye-tehnologii-vo-vse-sfery-zhizni.html>

11. Послание Президента Федеральному Собранию URL://<http://kremlin.ru/events/president/news/53379>

12. Поручение Председателю Правительства Дмитрию Медведеву URL://<https://russian.rt.com/russia/news/383793-putin-medvedev-bezopasnost>

13. Киберугрозы волнуют и Путина, и Трампа URL://<https://www.pnp.ru/politics/kiberbezopasnost-volnuet-i-putina-i-trampa.html>

14. Пресс-конференция по итогам саммита «Группы двадцати» URL://<http://kremlin.ru/events/president/news/55017>

15. Россия предлагает заключить соглашение БРИКС по информационной безопасности URL://<https://ria.ru/world/20170901/1501520432.html>

16. Путин подписал закон о безопасности критической информационной инфраструктуры URL://<https://www.vedomosti.ru/technology/news/2017/07/26/726197-prezident-informatsionnoi-infrastrukturi>

17. Мешков М.В., Гончар В.В. Следователь в уголовном процессе России: понятийно-правовые проблемы // Российский следователь. 2011. № 23. С. 18—20.

УДК 343
ББК 67.52

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

АНДРЕЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ ВОРОНЦОВ,

*доцент кафедры организации ОРД Академии управления МВД России,
кандидат юридических наук;*

БОРИС ПАВЛОВИЧ МИХАЙЛОВ,

*профессор кафедры ОРД и СТ Московского Университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;*

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ ХАЗОВ,

*начальник кафедры Конституционного и муниципального права Московского Университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор*

Научная специальность 12.00.12 — криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматриваются актуальные проблемы организации оперативно-розыскной профилактики органов внутренних дел. Анализируются основные элементы, обозначаются проблемы и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: оперативно-розыскная профилактика; оперативно-розыскная деятельность; оперативные службы МВД России.

Abstract. The article concerns topical problems of organization of operational-investigative prevention of the internal Affairs bodies. Analyzed the basic elements are identified issues and proposes solutions to them.

Keywords: operational-investigative prevention; investigative activity; operational service of the MIA of Russia.

В соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации [1] обеспечение государственной и общественной безопасности должно осуществляться путем повышения эффективности деятельности правоохранительных органов и специальных служб, органов государственного контроля (надзора), совершенствования единой государственной системы профилактики преступности, разработки и использования специальных мер, направленных на снижение уровня криминализации общественных отношений [2]. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» одним из основных направлений деятельности полиции определил предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений (п. 2, ч. 1, ст. 2).

В развитие положений Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 23 июня

2016 г. был принят Федеральный закон № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», который определил правовую основу, принципы, субъекты и шестнадцать основных направлений системы профилактики (ст. 1—6). Учитывая, что большая часть этих направлений имеет непосредственное отношение к органам внутренних дел, на сегодняшний день важную роль приобретает оперативно-розыскная профилактика (ОРП).

Изучение научной литературы показывает, что представление о содержании оперативно-розыскной профилактики складывалось и уточнялось по мере развития теории оперативно-розыскной деятельности (Далее — ОРД). Институту оперативно-розыскной профилактики, как одному из важнейших направлений ОРД, посвящены труды: А.И. Алексеева, И.И. Басецкого, И.Э. Бордиловского, К.К. Горяинов

ва, И.А. Климова [3], А.Я. Кудрявцева, А.Г. Лекаря, Б.П. Михайлова [4], В.С. Овчинского, С.С. Овчинского, Ю.И. Римаренко, Г.К. Синилова и ряда других известных ученых [5]. Вместе с тем оперативно-разыскная профилактика не имеет однозначного научного понимания.

Взяв за основу понятие «профилактики правонарушений», определяемое в ст. 2 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», можно сказать, что оперативно-разыскная профилактика — это осуществляемый оперативными подразделениями органов внутренних дел комплекс мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленный на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений, пресечение преступлений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц, поставленных на оперативно-профилактический учет, в целях недопущения совершения ими преступлений и иных правонарушений [6].

Система оперативно-разыскной профилактике органов внутренних дел РФ прошла длительный путь своего развития. 12 июня 1993 г. приказом МВД России № 284 «Об объявлении решения коллегии МВД России от 29 мая 1993 г. № 2км/1 «О мерах по организации и совершенствованию профилактической деятельности органов внутренних дел» была утверждена Концепция (основные направления) профилактической деятельности органов внутренних дел. В развитие данной концепции 6 августа 1993 г. приказом МВД России № 390 «Об утверждении нормативных актов в области регулирования деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений»¹ был создан возглавляемый первым заместителем министра внутренних дел Координационно-методический совет МВД России по профилактике преступлений; утверждены положение о совете, его состав и Наставление о деятельности служб и подразделений органов внутренних дел по предупреждению преступлений.

Среди заместителей председателя и членов совета не было руководителей оперативных служб

МВД России, в число членов совета входили только руководители подразделений, входящих в состав ГУУР, ГУБЭП и УБНОН. Раздел № 4 наставления был посвящен обязанностям сотрудников подразделений: уголовного розыска, по борьбе с экономическими преступлениями и по борьбе с незаконным оборотом наркотиков – по предупреждению преступлений, но направлений ОРП оперативных служб органов внутренних дел наставление не содержало.

11 августа 1998 г. приказом МВД России № 490 «Об утверждении нормативных актов о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений»² был упразднен Координационно-методический совет МВД России по профилактике преступлений и создан возглавляемый заместителем министра внутренних дел Координационно-методический совет МВД России по предупреждению преступлений. Приказом были утверждены положение о данном совете, его состав и Наставление о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений. Заместителем председателя совета стал первый заместитель начальника ГУУР, в число членов совета были включены: заместители начальников ГУБЭП, УБНОН и ГУВДТ. Руководителям территориальных органов МВД России по субъектам РФ было поручено образовать подобные координационно-методические советы в своих подразделениях и утвердить положения об их деятельности. Направлений оперативно-разыскной профилактики оперативных служб органов внутренних дел данное наставление не содержало.

17 января 2006 г. приказ МВД России от № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» упразднил Координационно-методический совет МВД России по предупреждению преступлений. Вместо него был создан возглавляемый первым заместителем министра внутренних дел Оперативный штаб МВД России по профилактике преступлений, утверждены положение о штабе, его состав и Инструкция о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений. Руководителям территориальных органов МВД России по субъектам РФ было поручено создать в составе подчиненных подразделений и возглавить лично подобные оперативные штабы

¹ Утратил силу в связи с изданием Приказа МВД РФ от 11.08.1998 № 490

² Утратил силу в связи с изданием Приказа МВД РФ от 17.01.2006 № 19.

по предупреждению преступлений [7]. Инструкция определила основные задачи органов внутренних дел по предупреждению преступлений:

1. Выявление и анализ причин и условий, способствующих совершению преступлений, принятие мер по их устранению [8].

2. Выявление и постановка на профилактические учеты лиц, имеющих намерение совершить преступление.

3. Установление лиц, осуществляющих подготовку к преступлению и (или) покушение на преступление, и принятие мер по пресечению их противоправной деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации.

4. Привлечение к работе по предупреждению преступлений общественных объединений правоохранительной направленности и граждан.

5. Предупреждение безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [9].

6. Осуществление контроля (надзора) за соблюдением лицами установленных для них в соответствии с Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» запретов и ограничений [10].

Постановлением Правительства РФ от 28.03.2008 N 216 «О Правительственной комиссии по профилактике правонарушений» в целях обеспечения согласованных действий заинтересованных органов исполнительной власти при реализации мер в системе государственной профилактики правонарушений был образован координационный орган — Правительственная комиссия по профилактике правонарушений. В соответствии с Распоряжением Правительства РФ от 14 июня 2012 г. № 975-р председателем комиссии является Министр внутренних дел, его заместителями: первый заместитель министра внутренних дел и заместитель министра здравоохранения и социального развития, в ее состав вошли представители Государственной думы, Совета Федерации, Администрации Президента РФ, заместители руководителей целого ряда федеральных ведомств и служб.

Несмотря на накопленный опыт развития оперативно-разыскной профилактики органов внутренних дел РФ остается ряд нерешенных проблем нормативно-правового и организационного порядка.

Во-первых, это проблема, связанная с отсутствием нормативных правовых актов, раскрывающих сущность оперативно-разыскной профилактики, предупреждения преступлений и пресечения преступлений оперативными подразделениями органов внутренних дел. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» относит предупреждение и пресечение преступлений к одной из основных задач ОРД, но не раскрывает их содержания [9].

Инструкция о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений, утвержденная приказом МВД России от 17 января 2006 г. № 19, определяет предупреждение преступлений, как «деятельность служб, подразделений и сотрудников органов внутренних дел, осуществляемую в пределах их компетенции, направленную на недопущение преступлений путем выявления, устранения или нейтрализации причин, условий и обстоятельств, способствующих их совершению, оказания профилактического воздействия на лиц с противоправным поведением» [10].

Чтобы раскрыть смысл предупреждения преступлений необходимо рассмотреть позиции ученых на этот счет. Алексеев А.И. видит предупреждение преступности, как «одну из важных областей социального регулирования, управления и контроля, обеспечения упорядочения общественных отношений путем недопущения наиболее опасных посягательств на них». Долгова А.И. считает, что «предупреждение преступности общее (общесоциальное) — это система мер по устранению процессов детерминации и причинности преступности, воздействующая на все население или его группы, выделяемые по общим экономическим, социальным, и иным критериям, создающим вероятность преступного поведения практически всех преступлений этих социальных групп» [13].

Таким образом, можно определить предупреждение преступлений оперативными подразделениями органов внутренних дел, как комплекс оперативно-разыскных и иных мероприятий, направленных на недопущение преступлений путем выявления, устранения или нейтрализации причин и условий, способствующих их совершению, оказания воспитательного воздействия на лиц, поставленных на оперативно-профилактический учет [14].

Понятие «пресечение преступления» неразрывно связано с термином «неоконченное преступление» (приготовление к преступлению или покушение на преступление) Уголовного кодекса РФ (Далее — УК РФ). Поэтому, по нашему мнению, пресечение преступлений оперативными подразделениями органов внутренних дел — это комплекс оперативно-разыскных и иных мероприятий, направленных на прекращение совершения неоконченных преступлений, их регистрацию в установленном порядке, передачу собранных материалов в следственные подразделения правоохранительных органов для возбуждения уголовных дел в соответствии с требованиями УПК РФ.

На наш взгляд, давно назрела необходимость расширить глоссарий оперативно-разыскного законодательства. Для этого целесообразно раскрыть содержание основных терминов, используемых в Федеральном законе от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» в ст. 1 этого закона, переименовав ее название в «Основные понятия, используемые в данном законе». Среди других необходимых правоприменителям понятий ОРД в эту статью необходимо включить понятия оперативно-разыскная профилактика, предупреждения и пресечения преступлений.

Во-вторых, это проблема, связанная с отсутствием опоры системы профилактики органов внутренних дел. На федеральном уровне этой системы находятся: Правительственная комиссия по профилактике правонарушений и Оперативный штаб МВД России по профилактике преступлений, на уровне субъектов РФ — Комиссии субъектов РФ по профилактике правонарушений и Оперативные штабы территориальных органов МВД России на региональном уровне по профилактике преступлений. В территориальных органах МВД России на городском и районном уровне профилактических органов не существует.

На наш взгляд, в территориальных органах МВД России на городском и районном уровнях необходимо создать рабочие группы по противодействию преступности (включающей задачу предупреждения и пресечения преступлений), состоящие из необходимого количества групп [15]. Каждая рабочая группа должна обслуживать состоящий из трех-пяти административных участков конкретный

профилактический участок. Руководителями этих групп целесообразно назначить старших оперуполномоченных уголовного розыска, заместителями — старших участковых уполномоченных полиции. В состав каждой группы также включать несколько оперуполномоченных уголовного розыска, несколько участковых уполномоченных полиции и одного инспектора по делам несовершеннолетних. Полномочия, права и обязанности участников групп противодействия преступности должны быть детально регламентированы.

В-третьих, это проблема, связанная с привлечением к реальному участию в оперативно-разыскной профилактике органов внутренних дел оперативных служб МВД России. Так, например, в Инструкции о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений, утвержденной приказом МВД России от 17 января 2006 г. № 19, представлены обязанности по предупреждению преступлений только сотрудников подразделений: уголовного розыска, экономической безопасности и противодействия коррупции, по предупреждению экстремизма. Как и в предыдущих приказах в приказе МВД России от 17 января 2006 г. № 19 не указаны конкретные направления ОРП оперативных служб МВД России: ГУУР, ГУЭБ и ПК, ГУПЭ, ГУСБ, ГУТ, УОРИ, ГУ МВД России по Северо-Кавказскому федеральному округу. В ГУНК МВД России уже создано Управление организации ОРП. УОГЗ МВД России по своей сути является оперативно-профилактической службой органов внутренних дел. В системе оперативно-разыскной профилактики, служба оперативно-разыскной информации, на наш взгляд, должна получить функцию анализа результатов проведения оперативными подразделениями территориальных органов МВД России общей и индивидуальной оперативно-разыскной профилактики преступлений, ежегодной выработки рекомендаций по устранению причин и условий, способствующих их совершению [16].

В-четвертых, это проблема, связанная с не полным отражением основных направлений оперативно-разыскной профилактики в ведомственной системе оценки результатов деятельности территориальных органов МВД России на региональном уровне. В число показателей предупреждения и пресечения преступлений, определенных этой системой оценки, входят:

1. Сумма отношений числа лиц, подпадающих под административный надзор, к числу лиц, состоящих под административным надзором, и числа лиц, состоящих под административным надзором, совершивших преступления (за исключением лиц, совершивших преступления, инициативно выявленные сотрудниками полиции, предусмотренные ст. 112, 115, 116, 117, 119, 150, 151, 156, ч. 1, 2 ст. 213, ч. 1, 4 ст. 222, ст. 228, 228.1, 228.2, 228.3, 228.4, 231, 232, 241, 314.1, 318, 319 Уголовного кодекса РФ (Далее — УК РФ), а также лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 157 УК РФ), в расчете на 10 лиц, состоящих под административным надзором в отчетном периоде.

2. Число несовершеннолетних, совершивших преступления (на 1 тыс. несовершеннолетних в возрасте 14—17 лет).

3. Количество тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных на бытовой почве (в расчете на 100 тыс. населения).

4. Количество предварительно расследованных преступлений по ст. 112, 115, 116, 117, 119, 150, 151, 156, ч.ч. 1, 2 ст. 213, ст. 232, 241, 314,1 УК РФ (из числа выявленных территориальным органом МВД России) в расчете на 100 единиц штатной численности подразделений полиции и следственных подразделений.

5. Количество побегов, совершенных лицами, охраняемыми сотрудниками органов внутренних дел, в расчете на 10 тыс. содержащихся в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел [17].

Число показателей предупреждения и пресечения преступлений, определенных существующей системой оценки для подразделений органов внутренних дел на транспорте, еще меньше:

1. Количество предварительно расследованных преступлений по ст. 112, 115, 119, 150, 151, ч.ч. 1, 2 ст. 213 УК РФ (из числа выявленных территориальным органом МВД России) в расчете на 100 единиц штатной численности подразделений полиции и следственных подразделений.

2. Доля преступлений, совершенных несовершеннолетними, в общем числе предварительно расследованных.

3. Количество побегов, совершенных лицами, охраняемыми сотрудниками органов внутренних дел [17].

Показатели существующей системы оценки (кроме побегов) в большей мере определяются не результатами борьбы с преступностью, а не зависящими от органов внутренних дел причинами и условиями преступности [18]. Поэтому, если объективное состояние оперативной обстановки не позволит их достичь возможны беспочвенные наказания добросовестных сотрудников или фальсификации результатов работы со стороны руководителей территориальных органов МВД России.

В ведомственной системе оценки результатов деятельности территориальных органов МВД России раздел, посвященный оперативно-разыскной профилактике, не предусмотрен. По нашему мнению, в этот раздел могли быть включены такие показатели оперативных служб, как:

1. Доля состоящих под административным надзором лиц, проходящих по делам оперативно-профилактического наблюдения, от общего количества лиц, состоящих под административным надзором.

2. Количество пресеченных на стадии совершения тяжких и особо тяжких преступлений в расчете на 100 единиц штатной численности оперативных подразделений органов внутренних дел.

3. Количество выявленных преступлений по ст. 150, 151, 167, 174, 174.1, 175, ч. 2 ст. 213, ст. 222, 223, 226, 228, 228.1, 228.2, 229, 232, ч. 2 ст. 240, 241, 322, 322.1, 327 УК РФ в расчете на 100 единиц штатной численности оперативных подразделений органов внутренних дел.

4. Количество депортированных из РФ уголовных авторитетов из других стран.

5. Количество найденных и возвращенных на место проживания несовершеннолетних, занимающихся бродяжничеством [19].

Таким образом, можно сказать, что хотя МВД России играет важную связующую роль в единой государственной системе профилактики преступности, развитие оперативно-разыскной профилактики органов внутренних дел требует принятия ряда управленческих решений правового и организационного характера.

Литература

1. Указ Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1 (часть II). Ст. 212.

2. Национальная безопасность. *Эриашивили Н.Д., Миронова О.А., Хазов Е.Н., Горшенева И.А., Егоров С.А., Ординарцев И.И., Саудаханов М.В., Кальгина А.А., Бакулевская Л.В., Варсеев В.В., Кирсанов А.Ю. М.*, 2017.
3. *Климов И.А., Тузов Л.Л., Дубонос Е.С., Кузьмин Н.А., Эриашивили Н.Д., Хазов Е.Н., Данилкин В.Н., Бычков В.В., Бражников Д.А., Алексеев В.В., Иванцов С.В., Богданов А.В., Щеглов А.В., Комахин Б.Н., Ильинский И.И., Янишевский А.Б., Галузо В.Н.* Оперативно-розыскная деятельность. Учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки Юриспруденция. 3-е издание. М., 2017.
4. *Михайлов Б.П., Хазов Е.Н.* Место и роль Конституции Российской Федерации в правовом обеспечении оперативно-розыскной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 11. С. 31—37.
5. *Абакумов О.Б., Алексеев В.В., Баженов С.В., Бакланов Л.А., Богданов А.В., Бражников Д.А., Бычков В.В., Галушко В.А., Дубинин А.С., Иванцов С.В., Ильинский И.И., Кундетов А.И., Напханенко И.П., Панюшин Д.Б., Саранчин Д.В., Сыпачев А.Ю., Тагиров З.И., Шукин А.М., Шукин В.М., Хазов Е.Н. и др.* Правовые основы оперативно-розыскной деятельности. Учебно-методическое пособие. М., 2017.
6. *Абакумов О.Б., Балацкий Д.Ю., Богданов А.В., Воронцов А.В., Завьялов И.А., Иванцов С.В., Ильинский И.И., Михайлов Б.П., Семенчук В.В., Хазов Е.Н.* Криминальная среда (оперативно-розыскной аспект). Монография. Хабаровск, 2017.
7. *Афанасьев Д.В., Хазов Е.Н.* Административно-правовая деятельность штабных подразделений органов внутренних дел. Монография. М., 2015.
8. *Богданов А.В., Воронцов А.В., Ефимкин М.С., Завьялов И.А., Иванцов С.В., Ильинский И.И., Любан В.Г., Михайлов Б.П., Синилов Д.К., Турбина О.В., Хазов Е.Н., Хромов И.Л., Чикова Я.Н., Эриашивили Н.Д.* Криминальная среда. Понятие, генезис оперативно-розыскное воздействие / Под редакцией Б.П. Михайлова, Е.Н. Хазова. М., 2015.
9. *Богданов А.В., Егоров С.А., Хазов Е.Н.* Роль правового воспитания несовершеннолетних и его влияние на профилактику подростковой преступности // Социально-гуманитарное обозрение. 2017. № 1. С. 22—25.
10. Приказ МВД России от 17.01.2006 г. № 19 (ред. от 20.01.2016) «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» (вместе с «Инструкцией о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений») // URL:// <http://www.pravo.gov.ru>.
11. Федеральный закон от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.
12. Приказ МВД России от 17.01.2006 г. № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» (вместе с «Инструкцией о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений») // URL:// <http://www.pravo.gov.ru>.
13. Российская криминологическая энциклопедия / под общ ред. А.И. Долговой. М, 2000.
14. *Богданов А.В., Комахин Б.Н., Хазов Е.Н.* Профилактические мероприятия, проводимые полицейскими подразделениями, по пресечению правонарушений и преступлений среди несовершеннолетних // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4. С. 202—208.
15. *Воронцов А.В., Михайлов Б.П., Хазов Е.Н.* Особенности криминальной среды современного мегаполиса (на примере г. Москвы) // Вестник экономической безопасности. 2016. № 2. С. 64—68.
16. *Богданов А.В., Хазов Е.Н.* Основные направления деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел по выявлению и предупреждению преступлений, связанных с мошенничеством // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 10. С. 276—279.
17. Приказ МВД России от 31.12.2013 г. № 1040. Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации, // URL:// <http://www.pravo.gov.ru>.
18. *Абакумов О.Б., Богданов А.В., Воронцов А.В., Завьялов И.А., Ильинский И.И., Михайлов Б.П., Хазов Е.Н.* Криминальная среда как объект оперативно-розыскной деятельности (теоретический и прикладной аспекты). М., 2014.
19. *Богданов А.В., Хазов Е.Н.* Основные направления деятельности полиции по профилактике безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 1. С. 158—161.

УДК 343

ББК 67.52

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ: ИСТОРИЧЕСКИЙ И СОВРЕМЕННЫЙ АСПЕКТЫ

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ ПОПОВ,*Главный научный сотрудник ФГКУ «ВНИИ МВД России» доктор юридических наук, профессор,**Заслуженный юрист РФ, Почетный сотрудник МВД России**E-mail: proressor1951@inbox.ru**Научная специальность 12.00.12 — криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность**Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

Аннотация. Рассмотрены вопросы, связанные с исследованием вещественных доказательств. Отмечено, что теория криминалистической идентификации в своем первоначальном виде подвергалась серьезной критике и пересмотру. Обращено внимание на то, что факты, установленные исследованием вещественных доказательств, могут быть относиться к любой стороне состава преступления — объекту, объективной стороне субъекту, или субъективной стороне. Подчеркнуто, что понятие вещественного доказательства должно быть достаточно широким и гибким, включая как отдельные предметы, так и «вещественную» обстановку в случае сложного комплекса материальных объектов. Сформулирован вывод о том, что методами исследования вещественных доказательств нередко устанавливается наличие невидимых записей или следов. Обращено внимание на то, что основные такие средства выявления невидимого, как усиление и преобразование были сформулированы видными учеными А.А. Эйсманом и В.М. Николайчиком.

Ключевые слова: теория идентификации; идентификационное тождество; исследование вещественных доказательств; предмет исследования; методика выявления невидимого; технические средства; пальцевый узор; материальные объекты; установление тождества; установление причинной связи; тактическое направление расследования.

Abstract. The Considered questions connected with study of the material evidences. It Is Noted that theory to of criminal law identification serious critic was subjected to in its initial type and revising. It Is Point to the fact, facts, installed by study of the material evidences, can be pertain to any side corpus delicti — an object, objective side subject, or subjective side. Underlined that notion of the material evidence must be it is enough broad and flexible, including both separates subjects, and «material» situation in the event of complex complex material object. The Worded conclusion about that that methods of the study of the material evidences quite often is fixed presence of the unencountered record or trace. It Is Point to the fact, the main such facility of the discovery unencountered, as reinforcement and transformation were worded visible scientist A.A. Eysmanom and V.M. Nikolaychikom.

Keywords: the theory to identifications; the identification identity; the study of the material evidences; the subject of the study; the methods of the discovery unencountered; the technical facilities; пальцевый pattern; the material objects; the determination identity; the determination causal relationship; the tactical direction of the investigation.

1. Теоретические основы идентификации и исследования вещественных доказательств.

Вопросы, связанные с исследованием вещественных доказательств, в свое время А.Э Эйсман рассматривал с точки зрения систематизации задач, возникающих в процессе расследования преступлений, и характеристики общих методов их решения. При этом им затрагивались не все, а главным обра-

зом, дискуссионные вопросы [1, с. 23]. С.М. Потопов эти вопросы относил к предмету теории идентификации, которая представляет собой попытку широкого обогащения типовых задач, раз решаемых в ходе расследования уголовных дел [2, с. 66].

Разработанная теория идентификации характеризует задачу исследования как установления тождества, содержит учение о признаках, сравни-

тельной их оценке. Разработанная ею четкая терминология получила широкое распространение в следственной практике и специальных отраслях науки. Указанные выше положения и определили жизнеспособность теории идентификации. При этом нельзя не отметить, что теория криминалистической идентификации в своем первоначальном виде подвергалась серьезной критике и пересмотру.

Различают теорию идентификации в «узком» смысле как теорию установления идентификационного тождества лиц, животных, предметов и теорию идентификации в широком смысле, включающие проблемы установления родовой (групповой) принадлежности объектов, родовой (групповой) принадлежности объектов, а также ряд вопросов, решение которых лишь приближенно, с некоторыми оговорками может быть охвачено понятием установления тождества.

Для того, чтобы составить цельное, последовательное представление методов исследования вещественных доказательств, о всех разрешаемых вопросах и о значении фактов, установленных исследованием, в системе доказательств по уголовному делу, нужна достаточно широкая и гибкая теоретическая концепция.

Она может быть названа общей теорией исследования вещественных доказательств или, в интересах сохранения традиции, теорией идентификации в широком смысле слова. Здесь важно подчеркнуть, что первостепенное значение имеет не достоинство того или иного названия, а тот широкий и всесторонний смысл, который должен быть в нем вложен.

Результатом исследования вещественного доказательства является знание о факте — каком-то событии, действии или объекте, так или иначе связанным с преступлением. В большинстве случаев знание об этом факте при иных обстоятельствах может быть получено из других источников (свидетельских показаний и т.д.) и, наоборот, могут быть получены в результате исследования.

Факты, установленные исследованием вещественных доказательств, могут быть относиться к любой стороне состава преступления — объекту, объективной стороне субъекту, или субъективной стороне. Например, устанавливаемая в результате исследования техническая причина дорожно-транспортного происшествия представляет собой «слож-

ный» факт, тогда как констатация тождества обуви по ее следу — сравнительно простой факт.

Соответственно и понятие вещественного доказательства должно быть достаточно широким и гибким, включая как отдельные предметы, так и «вещественную» обстановку в случае сложного комплекса материальных объектов.

Чтобы правильно, научно обоснованно систематизировать типичные, наиболее часто встречающиеся вопросы, которые решаются путем исследования вещественных доказательств, следует обратиться к практике.

Результаты изучения практики расследования преступлений, в том числе, 30-ти летний опыт следственной работы автора в органах предварительного следствия, позволяет нам представить следующую обобщенную схему возможных задач и результатов исследования вещественных доказательств:

- 1) установление наличия определенного объекта, который может быть доказательством по уголовному делу (в частности, выявление невидимого следа пальца руки, текста и т.п.);
- 2) определение соответствия объекта заданной характеристике (например, является ли данный предмет, имеющий вид самопишущей ручки, огнестрельным оружием);
- 3) установление сущности события по его результатам (например, какова техническая причина пожара);
- 4) установление родовой (групповой) принадлежности объекта (на каком компьютере, на какой модели пишущей машинки напечатан текст);
- 5) установление характера действия (с какого) расстояния произведен выстрел; когда выполнен текст и т.д.);
- 6) установление индивидуально определенного объекта (отождествление) и взаимной принадлежности частей.

2. Установление наличия определенного объекта, который может служить доказательством, и родовой (групповой) принадлежности объекта.

Методами исследования вещественных доказательств нередко устанавливается наличие невидимых записей или следов. Основные такие средства выявления невидимого, как усиление и преобразование были сформулированы такими видными учеными, как А.А. Эйман, В.М. Николайчик [3].

Если техническая сторона методики выявления невидимого разработана сравнительно хорошо, то специфический правовой аспект этой проблемы теорией почти не рассматривался. Между тем он заслуживает серьезного внимания. Когда в результате применения технических средств не удастся выявить весь объект (в частности, не все буквы текста или не все части пальцевого узора, а лишь некоторые), возникает необходимость в интерпретации недостающих деталей, то есть, в их восстановлении их на основе изучения смысла содержания личных записей («смысловая расшифровка») или закономерностей, по которым располагаются детали в узоре.

После совершения преступления следователь, приступая к своей работе, нередко сталкивается с результатами происшедших событий. То есть, с теми изменениями в состоянии, положении, форме материальных объектов, которые произошли вследствие действий, связанных с совершением преступления.

Установление рода (или однородности) объектов представляет собой достоверное знание, выражаемое в форме категорического суждения: удар нанесен молотком, след оставлен ботинком и т.д. При этом возникает вопрос, каким образом следователь или суд могут использовать установленный факт однородности?

То обстоятельство, что следы оставлены ботинками, а у подозреваемого тоже есть ботинки, означает по существу лишь возможность того, что следы оставлены ботинками подозреваемого. Понятия «род», «вид», «единичное» и соответствующие им «однородность», «тождество» — это отвлеченные логические понятия, которые выражают только самые общие отношения между объектами.

Между тем, всякому отвлеченному понятию рода или вида, например, понятию рода объекта, в действительности отвечает некоторая реально существующая группа предметов, а понятию рода материала — некоторая масса или объем этого материала.

Родовому понятию «пальцевый узор» соответствует группа реально существующих узоров на пальцах у людей, а родовому понятию «чернила» — реальная масса чернил, содержащихся в бочках, бутылках, флаконах и в штрихах на документах.

Чисто логическое понятие рода или вида еще ничего не говорит о количестве реальных предметов, его составляющих, о том, например, во сколько раз больше предметов входит в род обуви сравнительно с видом модельной обуви, насколько превышает масса чернил вообще массу фиолетовых чернил и т.д.

Между тем все названные данные об абсолютном и относительном количестве предметом или масс материала, равно как и данные о времени существования, выпуска, обращения предметов, об относительном распространении их в определенных условиях места времени оказывают решающее влияние на оценку значения факта однородности для суждения о возможности тождества.

Логическое определение рода или вида должно наполниться конкретным содержанием группы предметов или массы материала. Необходимые для этого данные извлекаются не из толкования логических понятий, а из изучения конкретных объектов и условий их существования.

Пока объем групп велик, численная характеристика его неопределенна, а специфические «местные» условия распространения не известны, однородность означает неопределенную возможность тождества. Но когда установлено, что обувь подозреваемого и обувь, оставившая следы, относится к «узкой» группе модельной, мужской, определенного размера, изношенной обуви, которая была выпущена, например, в количестве двухсот пар, распространялась по определенным каналам; что в данной местности, в данное время года такую обувь, как правило, местные жители не носят, а приезжих в это время было мало и так далее и тому подобное — когда все это известно, можно говорить о вероятности или высокой вероятности тождества обуви.

Тот факт, что дробь, извлеченная из трупа, отлична из сплава, идущего на приготовление телефонного кабеля, а кабель найден у одного подозреваемого, при условии, что событие произошло в отдаленной местности, где мало телефонных линий и кабелей, мобильная связь не доступна, означает вероятность того, что дробь изготовлена из кабеля, принадлежащего подозреваемому.

Установление тождества конкретного действовавшего предмета, равно как и установление взаимной принадлежности частей, ранее составлявших

целое, не всегда может быть достигнуто средствами исследования вещественных доказательств.

Тождество украденного кольца, так же, как и конкретное лицо, оставившее отпечаток пальца в хранилище, было установлено судом на основании констатированного исследованием факта однородности, как продолжение и непосредственное развитие именно этой линии расследования.

При определенных условиях такое тактическое направление расследования целесообразно, так как ближайшим путем ведет к достижению истины по уголовному делу. Но оно не единственное и не обязательное. Принадлежность похищенного кольца к небольшой группе имела бы самостоятельное значение улики в том случае, если бы следователю не удалось исключить все остальные кольца этой группы. Тогда однородность означала бы в глазах судей известную степень вероятности того, что кольцо, найденное у подозреваемого, и кольцо, хранившиеся в ювелирном магазине, — одно и то же.

При определенных условиях, в частности, когда характеристика действовавшего объекта представляется очевидной или уже установлена, предметом исследования становится непосредственно действие.

На практике чаще всего возникает необходимость не в общем установлении действия по его результатам, а в получении частных характеристик этого действия. Типичными в этом отношении являются задачи установления:

- 1) расстояние (например, расстояние выстрела);
- 2) направления действия (в каком направлении двигался автомобиль, откуда про изведен выстрел);
- 3) скорости движения и силы действия;
- 4) последовательности действий (что раньше: написан, напечатан текст или поставлен оттиск печати);
- 5) давности или времени совершения определенного действия (когда написано письмо; когда из данного оружия был произведен выстрел; какова давность перелома кости или ранения).

Когда непосредственная задача исследования состоит в выяснении только одной из сторон события, может сложиться впечатление, что эта задача вообще никакого отношения к установлению причинной связи не имеет. Естественно, это только внешнее впечатление.

Литература

1. *Эйсман А.А.* Некоторые вопросы теории исследования вещественных доказательств // Вопросы криминалистики. ВНИИ Криминалистики прокуратуры СССР. Госюриздат. М., 1962.
2. *Потанов С.М.* Принципы криминалистической идентификации // Советское государство и право. М., 1940. № 1.
3. *Эйсман А.А., Николайчик В.М.* Физические методы выявления невидимых текстов. М., Госюриздат, 1961.

Налоговая безопасность: монография для магистров вузов // под ред. О.А. Мироновой. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2017. 463 с. (Серия «Magister»).

Монография подготовлена коллективом ведущих ученых и специалистов в сфере налогообложения с целью формирования новой дисциплины магистратуры и профессионального курса аспирантуры.

Содержит развернутое теоретическое и методологическое обоснование проблем налоговой безопасности государства на всех уровнях управления, хозяйствующих субъектов и личности. Сформулированы новые концептуальные положения и систематизирован методический инструментарий отдельных областей деятельности по обеспечению налоговой безопасности. Предложены оригинальные методические разработки по анализу и оценке налоговой безопасности на региональном уровне и уровне предприятия.

Для магистрантов, аспирантов, преподавателей экономических и налоговых дисциплин вузов, а также специалистов-практиков.

УДК 342.951

ББК 67.401.031

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ СУБИНСТИТУТ ТАМОЖЕННОГО ДЕКЛАРИРОВАНИЯ

*ГЛЕБ НИКОЛАЕВИЧ ВАСИЛЕНКО,**доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,**кандидат юридических наук, доцент**E-mail: svava1945@gmail.com**Научная специальность — 12.00.14 административное право, административный процесс**Рецензент: доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,**кандидат юридических наук И.Ю. Сизов**Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

Аннотация. Содержится авторская точка зрения об административно-правовой природе таможенного декларирования и его принадлежности к соответствующему административно-правовому институту.

Ключевые слова: субинститут, административное право, декларирование, таможня, декларация.

Abstract. Article contains the author's point of view of administrative and legal nature of the customs declaration and its accessories to the appropriate administrative and legal institutions.

Keywords: subinstitut, administrative law, declaration, customs declaration.

Вопросы правовой регламентации государственной управленческой деятельности в Российской Федерации остаются одной из самых актуальных и обсуждаемых тем профессионального сообщества административистов. В рамках реализуемых административных реформаций, вопрос качества административно-правовой регламентации общественных отношений встает на первое место. От уровня административно-правового регулирования самым непосредственным образом зависит успех социально значимых преобразований в стране [3, с. 34].

Современное интенсивное развитие административно-правовой отрасли неминуемо приводит к формированию обновленных методов и форм правовой регламентации, самостоятельные институты административного права трансформируются, обретая новое предназначение в институциональной системе отрасли административного права. В данных обстоятельствах проявляются реальные предпосылки для возникновения качественно иных правовых форм, среди которых выделяется декларационный административно-правовой институт, с его сложной и многогранной внутренней системой.

Декларационный административно-правовой институт представляет собой общность норм административного права, регламентирующих отношения в обществе, формирующиеся по поводу нормативно установленного уведомления юридическими и физическими лицами, их представителями, уполномоченных органов государственной власти о своих доходах (расходах), доходах (расходах) третьих лиц, о соответствии принадлежащих им денежных средств, вещей, иных материальных объектов или производимых ими товаров, работ или оказываемых услуг, нормативно допустимым качественным и (или) количественным показателям, в целях осуществления внутривозвращенного и государственного контроля (надзора) в определенных профильным административным законодательством направлениях деятельности [5, с. 270].

Качественная новизна административно-декларационных правоотношений связана с тем, что декларант изначально воспринимается уполномоченным государственным органом как добросовестно действующий субъект, в отношении него распространяются все нормативно предусмотренные ме-

ханизмы защиты прав, естественно, если субъектом контроля не будет доказана недобросовестность декларанта.

Особенность отношений в сфере административного декларирования подчеркивается, в том числе, спецификой метода их правовой регламентации, который, имея императивную природу, проявляет уведомительный характер — декларационные органы — уполномоченные государственные органы исполнительной власти делегируют определенный объем ответственности за правопорядок в одной из декларационных сфер декларанту, при этом, сохраняют в пределах своей компетенции контрольно-надзорные полномочия, направленные, главным образом, на мониторинг следования декларационным условиям, предусмотренным в поданной декларантом и утвержденной декларации. Следует подчеркнуть, что в указанной управленческой схеме режим декларационного контроля нормативно строго определен.

Объекты и предметы декларационных отношений отличаются многообразием, в настоящее время можно говорить о 15 субинститутах административно-правового декларирования. Один из них — административно-правовой субинститут таможенного декларирования является в определенной степени традиционным [4, с. 3] или наиболее ранним с исторической точки зрения правовым образованием в системе административно-правового декларирования наряду с налоговым декларированием.

Таможенное декларирование представляет собой процесс заявления уполномоченным лицом точных сведений о товарах в соответствии с требованиями избранного таможенного режима или специальной таможенной процедуры.

Таможенная декларация (декларационный акт) — оформленный в соответствии с требованиями законодательства документ, содержащий необходимую информацию о перемещении через границу груза, включая экспортные и импортные товары, пассажирский багаж, ручную кладь, ценности, валюту.

В рамках административно-правового субинститута таможенного декларирования можно выделить два основных направления — пассажирское таможенное декларирование и декларирование товаров.

Форма пассажирской таможенной декларации и порядок ее заполнения определены Решением Комиссии таможенного союза от 18 июня 2010 г.

№ 287, а форма и порядок заполнения декларации на товары — Решением Комиссии таможенного союза от 20 мая 2010 г. № 257.

Особенности оформления пассажиром таможенного декларационного акта находят отражение в положениях статьи 355 Таможенного кодекса Таможенного союза [1, с. 143].

Декларант оформляет декларационный акт от руки разборчиво и четко либо с применением электронных печатающих устройств, отражая в соответствующих графах декларации сведения о товарах, перемещаемых через таможенную границу таможенного союза, а также иную, предусмотренную таможенным законодательством Таможенного союза информацию, необходимую для таможенных целей.

Декларационная информация отражается на языке государства — члена Таможенного союза, русском или английском языках, а с разрешения таможенного органа — и на ином языке, которым владеют уполномоченные должностные лица декларационного органа.

Информация, изложенная в декларационном акте, может быть дополнена или изменена по мотивированному обращению декларанта в таможенный орган до выпуска товаров, если предложенные изменения не касаются соблюдения предусмотренных запретов и ограничений, не оказывают влияния на принятие решения о выпуске товаров или на определение объема таможенных платежей.

Коррекция сведений, отражаемых в зарегистрированном декларационном акте, не может повлечь за собой изложение сведений об иных товарах, кроме тех, что уже были заявлены в зарегистрированном декларационном акте.

Любая коррекция содержания декларационного акта сопровождается заверенной подписью декларанта и оттиском личной номерной печати регистрирующего декларацию уполномоченного должностного лица таможенного декларационного органа.

В целях таможенного декларирования декларационный акт (декларация) оформляется в двух экземплярах:

- для товаров, ввозимых на таможенную территорию Таможенного союза в сопровождаемом багаже;
- для товаров, перевозимых через таможенную границу Таможенного союза в несопровожаемом багаже;

- для товаров, в отношении которых декларант заявил о намерении осуществить идентификацию;
- для транспортных средств для личного пользования, перемещаемых временно на таможенную территорию Таможенного союза.

В других случаях второй экземпляр декларационного акта оформляется по просьбе декларанта. Декларант имеет право оформить декларационный акт в трех экземплярах или более.

Центральным таможенным органом государства — члена Таможенного союза устанавливаются случаи, при которых таможенное декларирование авто-, мототранспортных средств сопровождается оформлением декларационного акта в единственном экземпляре.

Все экземпляры декларационного акта (декларации) — как основные, так и дополнительные листы, заверяются подписью декларанта или уполномоченного таможенного представителя декларанта, кроме того, на них обязательно указывается дата оформления декларационного акта.

Представляя декларационный акт таможенный представитель после подписи в декларации указывает следующие сведения:

- идентификационный регистрационный номер таможенного представителя в соответствии со специальным реестром;
- фамилия, имя, отчество и должность работника таможенного представителя, реализующего таможенные операции;
- номер документа, исходя из которого таможенный представитель совершает таможенные операции от имени декларанта.

Декларационный акт (декларация) наличных денег оформляется при перемещении:

- наличных денежных средств (банкноты и монеты, за исключением монет из драгоценных металлов) и дорожных чеков в сумме, превышающей в эквиваленте 10 000 долларов США;
- иных денежных инструментов в документальной форме (вексель, чеки (банковские), ценные бумаги на предъявителя, удостоверяющие обязательство эмитента (должника) по выплате денежных средств, в которых не указано лицо, которому осуществляется такая выплата).

При оформлении формуляра отражаются сведения обо всех перемещаемых наличных денежных

средствах, дорожных чеках и денежных инструментах.

Последовательность оформления декларационного акта на товары исходит из содержания положений статьи 180 Таможенного кодекса Таможенного союза.

В одной декларации на товары, как правило, заявляется информация о товарах, находящихся в рамках одной товарной партии, которые попадают под одну и ту же таможенную процедуру.

Под одной товарной партией понимается:

- при перемещении товаров на таможенную территорию Евразийского экономического союза — товары, перемещаемые от одного и того же отправителя в адрес одного и того же получателя по таможенной территории в рамках исполнения обязательств по одному документу, подтверждающему совершение внешнеэкономической сделки, или по односторонней внешнеэкономической сделке, или без осуществления какой-либо сделки, а также если подобные товары в рамках сроков, изложенных в статье 185 Таможенного кодекса Таможенного союза, предъявлены одному и тому же таможенному органу в месте прибытия на таможенную территорию или в месте доставки, если применялась таможенная процедура таможенного транзита, и находятся в одном месте временного хранения, либо выпущены в сроки, установленные для подачи декларации на товары в соответствии со статьей 197 Таможенного кодекса Таможенного союза;
- при перемещении товаров с таможенной территории — товары, одновременно отгружаемые или отгружаемые в течение определенного периода времени в случаях, определенных законодательством государств — членов Таможенного союза, в регионе деятельности одного и того же таможенного органа одним и тем же отправителем в адрес одного и того же получателя, находящегося за пределами таможенной территории, в рамках исполнения обязательств по одному документу, подтверждающему совершение внешнеэкономической сделки (или по одному документу об условиях переработки товаров при таможенном декларировании продуктов переработки), либо по односторонней внешне-

экономической сделке, либо без совершения какой-либо сделки;

- при изменении или завершении действия ранее заявленной таможенной процедуры без перемещения товаров через таможенную границу Таможенного союза — товары, помещенные под одну и ту же предшествующую таможенную процедуру по одному договору, если при совершении внешнеэкономической сделки заключался соответствующий договор (или по одному документу об условиях переработки товаров), продукты их переработки, товары, изготовленные (полученные) из таких товаров, отходы, образовавшиеся из таких товаров, находящиеся под таможенным контролем одного и того же таможенного органа или выпущенные в сроки, установленные для подачи декларации на товары в соответствии со статьей 197 Таможенного кодекса Таможенного союза, декларантом которых будет являться то же лицо, которое поместило товары под предшествующую таможенную процедуру, либо лицо, приобретшее имущественные права на декларируемые товары после их помещения под предшествующую таможенную процедуру [7, с. 5].

Декларант имеет право отразить информацию о товарах, содержащихся в одной товарной партии, в нескольких декларациях на товары, подаваемых в один и тот же таможенный орган, за исключением ряда нормативно предусмотренных случаев.

В Республике Беларусь присутствие в товарной партии товаров, представляющих собой компоненты (части) товара, перевозимые в течение определенного временного промежутка разными партиями товаров в разобранном состоянии идентифицируемые общим кодом единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза, соответствующим комплектному или завершеному товару, и товаров, не являющихся такими компонентами, а также при наличии в партии товаров, представляющих собой составляющие различных товаров либо выпущенных в связи с реализацией нескольких обязательств о подаче декларации на товары, представленными в соответствии со статьей 197 Таможенного кодекса Таможенного союза, декларирование подобных товаров осуществляется с применением определенно-

го числа самостоятельных (отличных друг от друга) декларационных актов на товары.

В рамках одного декларационного акта на товар может быть обозначена информация о не более чем девятистах девяносто девяти товарах. В тех случаях, когда товары, находящиеся в одной партии, обозначаются в целях размещения под различные таможенные процедуры, оформляются самостоятельные декларационные акты на товары для каждой таможенной процедуры.

При таможенном декларировании ценных бумаг и валюты оформляется самостоятельная декларация на товары на каждый вид ценных бумаг и валюты.

При декларировании жизненно необходимых и важнейших лекарств, признаваемых таковыми профильным законодательством Российской Федерации, декларация оформляется на один товар, когда лекарства имеют единое название, лекарственную форму, форму выпуска и дозировку.

В случае декларирования в единой декларации товаров разных названий, находящихся в общей партии, с обозначением общего классификационного кода из единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза, допустимо применение товарного списка, исполняемого в 3-х экземплярах и составляющего неотделимую часть декларации на товары.

В таком списке, который используется в Российской Федерации, должна размещаться информация о названиях товаров, о количестве каждого товара, о стоимости и классификационном коде товара по единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза.

Декларация на товары заполняется разборчиво, с применением печатающих устройств, заглавными буквами. В документе не допустимы какие-либо исправления или помарки.

В случаях, когда в документах обнаруживаются названия иностранных лиц, транспортных средств, товаров, то такие сведения отражаются в декларации на товары буквами латинского алфавита.

Вместе с подачей в таможенный орган письменной декларации на товары, представляется и ее электронная копия, определенного решением Евразийской экономической комиссии формата и структуры.

Специальные перечни нормативно-справочной информации и классификаторы, используемые для

таможенных целей, применяют для заявления сведений в декларацию на товары. Указанные инструменты (средства) декларирования должны отвечать положениям международных договоров и актов, составляющих право Таможенного союза, и (или) законодательство государств — членов Таможенного союза.

Декларация на товары помимо прочего обязательно содержит нормативно определенные данные о самом декларанте:

- для организации — сокращенное название организации и место ее расположения (сокращенное название государства исходя из классификатора стран мира, административно-территориальная единица, населенный пункт, улица, номер дома, квартиры, комнаты, офиса), а для Республики Беларусь еще и адрес электронной почты при его наличии;
- если от имени организации выступает не являющееся юридическим лицом ее отдельная структура, то кроме упомянутой выше информации заявляется аналогичный набор сведений об этом подразделении;
- для индивидуального предпринимателя указывают установочные данные физического лица и аналогичный набор приведенных выше сведений;
- для физического лица, не являющегося индивидуальным предпринимателем, указывают фамилию, имя, отчество физического лица, адрес его места жительства, адрес электронной почты при его наличии либо для Республики Армения — номерной знак общественных услуг или номер справки об отсутствии подобного знака для Республики Беларусь, а также информация о документе, удостоверяющем личность, серия и номер документа, дата его выдачи, идентификационный номер при их наличии либо для Республики Армения — номерной знак общественных услуг либо номер справки об отсутствии подобного знака.

В заключении отметим, что административно-правовой субинститут таможенного декларирования обладает всеми признаками, свойственными для подобного рода административно-правовых образований: общими (материальными) и специальными (процессуальными) принципами, регулятивно-охранительными целями, задачами институционального правового образования; системой профильных понятий и терминов; уникальным субъектным со-

ставом; специфичностью регулируемых нормами субинститута отношений; особой механикой регулирования, которая, опираясь на императивное воздействие, предполагает гораздо более «либеральное» нежели другие средства государственной-управленческой деятельности взаимодействие участников декларационных процедур, что, в свою очередь, позволяет несколько иначе взглянуть на предмет и метод отрасли административного права.

Литература

1. Таможенный кодекс Таможенного союза (приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27.11.2009 № 17) / Собрание законодательства РФ, 13.12.2010, № 50, ст. 6615.

2. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 16.07.2012 № 54 «Об утверждении единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза» // СПС Консультант Плюс.

3. *Бондарь Е.О.* Государственный контроль (надзор) как важная функция управленческой деятельности / Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные вопросы обеспечения общественной безопасности и противодействия преступности в Крымском федеральном округе». Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2016. С. 34—38.

4. *Бондарь Е.О.* К вопросу о становлении таможенного права в Российской Федерации // Правовая идея. № 1, 2013. С. 3.

5. *Сизов И.Ю., Василенко Г.Н.* Декларирование как часть позитивно-юрисдикционной административно-процессуальной школы // Административное и муниципальное право. № 3. М., 2016. С. 270—272.

6. *Шурухнова Д.Н.* Основные направления международного сотрудничества по борьбе с административными правонарушениями // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. № 1(30), 2016. С. 93—95.

7. Решение Комиссии Таможенного союза от 20 мая 2010 г. № 257 «Об Инstrukциях по заполнению таможенных деклараций и формах таможенных деклараций» // СПС Консультант Плюс.

УДК 342.951

ББК 67.401

ЗАЧИСЛЕНИЕ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ МВД РОССИИ В СИСТЕМЕ СПОСОБОВ ПОСТУПЛЕНИЯ НА СЛУЖБУ В ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

МАКСИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ ВАШАЕВ,

адъюнкт кафедры административного права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

E-mail: vashaev_m@rfmumvd.ru

Научная специальность — 12.00.14 административное право, административный процесс

Рецензент: кандидат юридических наук, профессор С.Н. Бочаров

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассмотрены основные способы поступления на службу в органы внутренних дел, проведен сравнительный анализ данных способов, отдельно выделены особенности зачисления как основания возникновения правоотношений в образовательных организациях МВД России; автором установлено, что зачисление как способ поступления на обучение свойственен для всех образовательных организаций, в том числе, где предусмотрена государственная служба; дано определение зачислению как самостоятельному способу поступления на службу в ОВД.

Ключевые слова: поступление на службу в органы внутренних дел, основания возникновения правоотношений в органах внутренних дел, административно правовой статус сотрудников органов внутренних дел, образовательные организации МВД России, курсанты, слушатели.

Abstract. The article describes the main ways of entering the service in bodies of internal Affairs, the comparative analysis of these methods, separately highlighted features of enrollment as the basis for the existence of the relationship in the educational institutions of the MIA of Russia; the author found that enrollment as a way of entering the training typical for all educational institutions, including, where provided for public service; the definition of enrollment as an independent method of entering the service in bodies of internal Affairs.

Keywords: entering the service in bodies of internal Affairs, the grounds of the legal, administrative legal status of employees of internal Affairs bodies, educational institutions of the MIA of Russia, cadets, listeners.

Прохождение государственной службы в органах внутренних дел (далее — ОВД) осуществляется на различных должностях и включает в себя несколько последовательно сменяющих друг друга стадий, которые начинаются с момента поступления на службу и заканчиваются увольнением с нее. В частности, в соответствии с п. 5 ст. 12 Федерального закона Российской Федерации от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» выделяются следующие стадии прохождения государственной службы: 1) назначение на должность; 2) присвоение классного чина, дипломатического ранга, воинского и специального звания, 3) аттестацию или квалификацион-

ный экзамен, 4) другие обстоятельства (события) в соответствии с настоящим Федеральным законом, федеральными законами о видах государственной службы и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации. При этом каждая стадия характеризуется как относительно самостоятельная часть прохождения службы, наполняемая отдельными этапами — группами взаимосвязанных действий [1, с. 325]. В течение всего указанного периода происходит реализация административно-правового статуса сотрудника ОВД. В данной статье мы уделим внимание анализу такой правовой категории в рамках

института поступления на службу в ОВД как зачисление в образовательные организации МВД России.

Следует признать, что вопросы, поступления на государственную службу в ОВД, являлись предметом исследования таких ученых-административистов как Д.Н. Бахрах, С.Н. Бочаров, А.А. Гришковец, А.А. Демин, А.В. Зубач, В.М. Манохин, А.Ф. Ноздрачев, Д.М. Овсянко, П.П. Сергун, Ю.Н. Стариков, В.В. Черников и др. Вместе с тем, аспекты, связанные с зачислением в образовательные организации МВД России, а также механизм правовой реализации данного правового института практически не исследован и требует тщательного анализа, а также выработки предложений по дальнейшему совершенствованию.

Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — ФЗ № 342) содержит указание на такой способ поступления на службу в ОВД, как зачисление в образовательные организации МВД России. Пункт 2. ст. 20 указанного закона позволяет выделить четыре основных способа возникновения правоотношения в органах внутренних дел (конкурс, зачисление, назначение, восстановление). В целях определения сходных черт и различий процедуры, составляющей содержание правового института поступления на службу в ОВД, уместно провести сравнительный анализ данных способов, а также нормативно-правовых актов их регулирующих. Несомненно, представляется важным определить, специфику зачисления курсантов и слушателей для обучения в образовательную организацию МВД России.

Первый способ поступления на службу в органы внутренних дел — по результатам конкурса. Конкурс, как способ комплектования должностей государственной службы, закреплен Федеральным законом Российской Федерации от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» (п. 2 ст. 11). Указанный правовой акт устанавливает порядок поступления на государственную службу и замещения вакантных должностей государственной службы на конкурсной основе, условия формирования конкурсных комиссий, правила опубликования информации о конкурсах в средствах массовой информации.

Необходимо отметить, что назначаемому на должность по конкурсу, испытательный срок не устанавливается. Что касается реализации и механизма его проведения, то данным вопросам уделено самое поверхностное внимание и норма носит отсылочный характер. В частности, ст. 25 ФЗ № 342 определяет, что назначение на отдельные должности в ОВД, включенные в перечень должностей, утверждаемый руководителем федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, осуществляется по результатам конкурса, который заключается в оценке профессионального уровня претендентов на замещение должности в органах внутренних дел, их соответствия установленным квалификационным требованиям к соответствующей должности.

Положения ФЗ № 342 относительно процедуры поступления на службу ОВД детализируются Приказом МВД России от 29 марта 2013 г. № 174 «Об учреждении порядка и условий проведения конкурса на замещение вакантной должности в органах внутренних дел Российской Федерации, назначение на которые осуществляется по результатам конкурса». Данный приказ достаточно подробно регламентирует проведение конкурса условия назначения и определен перечень должностей, замещаемых по конкурсу.

Анализ научных точек зрения по вопросу предназначения и понятия конкурса в ОВД позволяет прийти к выводу, что конкурс на замещение вакантной должности государственной службы представляет собой своеобразную форму конкуренции между претендентами на одну и ту же должность [3, с. 139; 4; 5; 6].

Цель конкурса на замещение вакантной должности заключается в оценке профессионального уровня претендентов на замещение должности в ОВД, их соответствия установленным квалификационным требованиям к соответствующей должности. Что в свою очередь позволяет правильно определить пригодность лиц, претендующих на замещение должности организации, к исполнению функций на этой должности и способности к дальнейшему профессиональному росту [7, с. 310]. Сам конкурс предусматривает заключение контракта с его победителем с последующим изданием приказа о замещении им вакантной должности.

Таким образом, конкурс представляет собой наиболее эффективный способ поступления на службу в ОВД и является фактически единственным средством познания деловых качеств, претендующего на ее замещение кандидата. Именно данный способ замещения способен отобрать кандидатов, наиболее соответствующих определенной должности. Однако, к сожалению конкурс как организационно-правовой способ имеет ограниченное распространение в системе МВД России [6, с. 135] и связан с замещением должностей в учебных и научных подразделениях образовательных организаций МВД России.

Второй способ поступления на службу в ОВД — это зачисление в образовательную организацию высшего образования федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел для обучения по очной форме по результатам прохождения вступительных испытаний.

Несомненно, что ведомственная наука и образование, в том числе и в МВД, в настоящее время являются составной частью общероссийской науки и образования и участвуют в формировании правового государства [8, с. 34].

Осуществленный нами анализ нормативных актов, регламентирующих деятельность образовательных организаций высшего образования России показал, что зачисление как способ поступления на обучение свойствен для всех образовательных организаций¹, в том числе, где предусмотрена государственная служба².

В настоящее время отбор, порядок и условия приема, а также зачисление на обучение в образовательные организации МВД России, осуществляется федеральным законодательством³, а также путем принятия нормативных правовых актов Министер-

ства образования и науки⁴ и ведомственных правовых актов МВД России⁵.

Процесс комплектования курсантами и слушателями образовательных организаций МВД России имеет в основном схожие черты с поступлением на государственную службу в ОВД и включает в себя несколько самостоятельных этапов: изучение данных о кандидатах на обучение из числа граждан, впервые принимаемых на службу в органы внутренних дел, в процессе осуществления мероприятий, связанных с допуском к сведениям, составляющим государственную и иную охраняемую законом тайну; проверка достоверности сообщенных кандидатом на обучение сведений; проверка уровня физической подготовки, медицинским освидетельствованием (обследованием), профессиональным психологическим отбором, психофизиологическими исследованиями (обследованиями), тестированием, направленными на выявление потребления без назначения врача наркотических средств или психотропных веществ и злоупотребления алкоголем или токсическими веществами, позволяющих определить пригодность кандидатов на обучение к службе в органах внутренних дел, возможность и целесообразность направления их на обучение в образовательные организации МВД России⁶.

Наряду с этим существует определенная специфика при поступлении на обучение, связанная с организационным обеспечением и проведением вступительных испытаний. Данная процедура устанавливается в части, не урегулированной законода-

¹ См., например, п. 1. ст. 54. Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

² См., например, ст. 8., п. 1 Указа Президента РФ от 16.09.1999 № 1237 «Вопросы прохождения военной службы» (вместе с «Положением о порядке прохождения военной службы»); Приказ Минюста России от 06.06.2005 № 76 «Об утверждении Инструкции о порядке применения «Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы» (Зарегистрировано в Минюсте России 23.06.2005 № 6748).

³ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»; Федеральный закон от 30.11.2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

⁴ Приказ МВД России от 18.03.2013 № 150 «Об организации научного обеспечения и применении положительного опыта в органах внутренних дел Российской Федерации и внутренних войсках МВД России»; Приказ Минобрнауки России от 12.05.2014 г. № 509 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования по специальности 40.02.02 Правоохранительная деятельность» (Зарегистрировано в Минюсте России 21.08.2014 № 33737) и др.

⁵ Приказ МВД России от 12 марта 2015 г. № 321 «Об утверждении порядка и условий приема в федеральные государственные организации осуществляющие образовательную деятельность и находящиеся в ведении Министерства внутренних дел Российской Федерации»; приказ МВД России от 18 июля 2014 г. № 595 «О некоторых вопросах поступления граждан Российской Федерации на службу в органы внутренних дел Российской Федерации и др.

⁶ См.: п. 40 приказа МВД России от 12.03.2015 № 321 «Об утверждении Порядка и условий приема в федеральные государственные организации, осуществляющие образовательную деятельность и находящиеся в ведении Министерства внутренних дел Российской Федерации».

тельством Российской Федерации об образовании, образовательной организацией МВД России самостоятельно и ежегодно утверждаются локальным нормативным актом⁷. В соответствии, с которым с кандидатами на обучение, имеющими результаты единого государственного экзамена проводятся дополнительные вступительные испытания (физическая подготовка, обществознание, русский язык и др.). Организация проведения приема на обучение, в образовательных организациях МВД России, осуществляется приемной комиссией. Работа, которой определяются положением о ней, утверждаемым начальником образовательной организации МВД России.

Кандидаты на обучение, успешно сдавшие вступительные экзамены, зачисляются до начала учебного года приказом начальника образовательной организации на первый курс. Несомненно, что приказ о зачислении играет особую роль в правовом положении конкретного обучающегося, поскольку одновременно с изданием указанного правового акта кандидат на обучение, замещает должность курсанта, ему присваивается специальное звание рядового полиции, а, следовательно с замещением должности осуществляется практическая реализация задач, целей и функций органов внутренних дел, в том числе направленных на защиту прав и свобод человека и гражданина, охрану правопорядка, обеспечения общественной безопасности. При этом курсантам предоставляются социальные и правовые гарантии, они также обеспечиваются денежным содержанием за счет средств федерального бюджета, снабжаются форменным обмундированием и т.д.

Таким образом, можно предположить, что возникновение правоотношений в образовательных организациях МВД России фактически осуществляется на основе конкурса, так как общей целью проведения любого конкурса является выявление участников, показавших лучшие результаты. Кандидаты на обучение проходят несколько этапов конкурса. При этом применяются различные формы проверок, в том числе и вступительные испытания.

Полученные данные ранжируются и переводятся в баллы, в том числе учитываются баллы, начисленные за индивидуальные достижения. При равенстве баллов более высокое место занимают кандидаты на обучение, имеющие преимущественное право зачисления. Только институт конкурсного отбора предполагает, что на обучение в органы внутренних дел будут приняты лишь самые лучшие и подготовленные кандидаты, участвующие в нем.

В связи с этим в научной литературе выдвигаются предложения по совершенствованию прохождения службы в ОВД. Например, применительно к зачислению лиц, поступающих в образовательные организации МВД России, некоторые авторы обосновывают целесообразность закрепления в Положении о службе в ОВД конкурсного порядка замещения должности курсанта (слушателя) [9, с. 110].

Однако мы считаем, что образовательные организации МВД России тесно взаимосвязаны и действуют в рамках единой образовательной системы и поэтому с учетом единообразия возникновения правоотношений при помощи особенного для системы образования организационно-правового способа как зачисление, трудно подобрать новое исчерпывающее определение, указанному способу поступления на службу в ОВД.

Третьим способом поступления на службу в ОВД является назначение на должность в органы внутренних дел. Исторический анализ поступления на полицейскую службу, а также проведенное изучение точек зрения многих авторов, позволяет прийти к выводу о том, что назначение на должность является самым распространенным основанием возникновения правоотношения в ОВД [6, с. 26; 9, с. 102; 10, с. 72].

Согласно ст. 20 ФЗ № 342 правоотношения на службе в органах внутренних дел между Российской Федерацией и гражданином возникают и осуществляются на основании контракта. Контракт вступает в силу со дня, определенного приказом руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченного руководителя о назначении гражданина на должность в органах внутренних дел. Соответственно, служебные правоотношения сотрудника ОВД возникают с момента подписания начальником соответствующего органа внутренних дел (согласно

⁷ См., например, приказ Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя от 27.01.2016 № 64 Правила приема в федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя» в 2016 году // URL: <https://мосу.мвд.рф/>(дата обращения 20.07.2016 г.).

его компетенции) приказа по личному составу, где указывается период испытания⁸ и устанавливается определенный оклад по должности. Одновременно с назначением на должность государственному служащему присваивается звание. Как указывал С.С. Студеникин еще в конце 40-х гг. XX в., обязанность исполнения государственных поручений возникает не с момента достигнутого соглашения между государственным органом нанимателем — и поступающим на государственную службу, а с момента назначения на должность [11, с. 82].

С этого момента гражданин Российской Федерации дополнительно к своему конституционно-правовому статусу приобретает полномочия государственного служащего, которые определены с учетом той должности, на которую он назначен.

Наконец, рассмотрим четвертый способ поступления на службу в ОВД — восстановление в должности. Основанием процедуры восстановления сотрудника ОВД в ранее занимаемой должности является заключение служебной проверки, а также вступившие в силу решения суда о признании увольнения незаконным, что в свою очередь влечет издание приказа о восстановлении на службе. Данным приказом устанавливается должность, в которой пребывал сотрудник до незаконного увольнения, а также специальное звание, должностной оклад и другие установленные законодательством надбавки.

Необходимость в данном основании возникновения правоотношений в ОВД не вызывает сомнений, поскольку является правовой гарантией по реализации восстановления в правах сотрудника, в отношении которого было принято ошибочное решение об увольнении из ОВД, отстранении от занимаемой должности.

Рассмотрев сложившуюся ситуацию с основными способами поступления на службу в ОВД, мы можем прийти к выводу о том, что зачисление, как особый способ возникновения правоотношений в

образовательных организациях МВД России, имеет ряд особенностей.

Во-первых, рассматриваемый способ поступления на службу, получивший в нормативных правовых актах вполне определенное название — «зачисление», является самостоятельной правовой формой возникновения правоотношений в ОВД.

Во-вторых, как нами ранее было указано, зачисление как способ возникновения правоотношений между образовательной организацией и кандидатом на обучение свойственен для всех образовательных организаций России. Однако, необходимо отметить, что в образовательных организациях МВД России обучающейся кроме реализации конституционного права на образование закрепленного в ст. 43 Конституции Российской Федерации, при зачислении на обучение и соответственно поступлении на службу в ОВД реализует и другую конституционную норму, а именно часть 4 ст. 32 Конституции РФ, которая предусматривает, что граждане РФ имеют равный доступ к государственной службе в соответствии со способностями и профессиональной подготовкой [12, с. 14].

В-третьих, отношения по поводу поступления в ведомственные организации профессионального образования МВД России, в отличие от аналогичных отношений в образовательных организациях, где не предусмотрена государственная служба, одновременно включают два юридических свойства. С одной стороны, гражданин поступающий в образовательную организацию МВД России, одновременно является как кандидатом на обучение, так и кандидатом для поступления на службу в ОВД. В тоже время только совокупность установленных условий приема на обучение в организации высшего образования и соответствие квалификационным требованиям, установленным ФЗ № 342 для прохождения службы в ОВД будет являться залогом успеха для зачисления в образовательную организацию МВД России.

В-четвертых, только зачисление, из всех перечисленных способов поступления на службу в ОВД, позволяет одновременно наделить сотрудника ОВД специальным административно-правовым статусом обучающегося образовательной организации МВД России, и правовым статусом сотрудника ОВД. В свою очередь данные статусы могут как дополнять

⁸ В соответствии со ст. 24, п. 1, ФЗ 242 для гражданина, поступающего на службу в органы внутренних дел, в целях проверки уровня его подготовки и соответствия должности в органах внутренних дел, на замещение которой он претендует, устанавливается испытание на срок от двух до шести месяцев, за исключением случаев, установленных частями 10 и 11 настоящей статьи. При поступлении на службу в органы внутренних дел на должность, при замещении которой присваивается специальное звание полиции, установление испытания на срок менее трех месяцев не допускается.

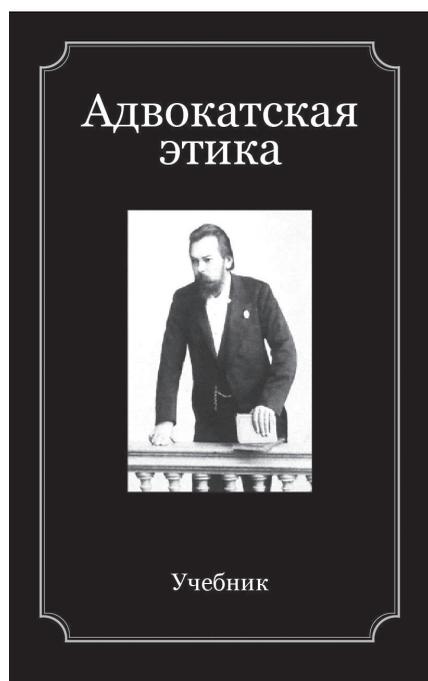

друг друга, так и иметь обратное взаимодействие, при котором один специальный статус влияет на другой, ограничивая его и видоизменяя.

В заключении необходимо прийти к выводу, что зачисление это самостоятельный исторически сложившийся способ поступления на службу в ОВД, представляющий собой сложный юридический состав, в который входят два юридических факта: назначение на должность и поступление на обучение. Именно это и является качественной характеристикой исследуемого основания возникновения правоотношений между гражданином и образовательной организацией МВД России.

Литература

1. *Бахрах Д.Н.* Административное право. М: Изд-во БЕК, 1996. С. 325.
2. *Сафронов А.Д.* О некоторых аспектах конкурсного замещения должностей правоохранительной службы // Вестник МВД России. № 3 (86). С. 55.
3. *Спицына Е.А.* Правовое обеспечение формирования кадровых ресурсов органов внутренних дел: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 139.
4. *Роша А.Н.* Актуальные проблемы работы с кадрами в органах внутренних дел в условиях расширения демократии // Совершенствование работы с кадрами в органах внутренних дел: Труды Академии МВД СССР, М., 1989.
5. *Овсянко Д.М.* Административно-правовые проблемы государственной службы в Российской Федерации. М., 1998.
6. *Сергун П.П.* Государственная служба в органах внутренних дел Российской Федерации: теоретико-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998.
7. Комментарий к Федеральному закону от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» и Федеральному закону от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» / Под общ. ред. Г.В. Мальцева и И.Н. Барцица. М.: Изд-во РАГС, 2005.
8. *Гук А.И.* Интеграция науки и образования в системе МВД России. Монография. М., 2002.
9. *Бобров А.М.* Поступление на государственную службу в органы внутренних дел Российской Федерации. Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011.
10. *Манохин В.М.* Советская государственная служба. М., 1966.
11. *Студеникин С.С.* Советская государственная служба // Вопросы советского административного права. М.-Л., 1949. С. 82.
12. *Федоров В.И.* Кадровое обеспечение системы МВД России. Монография. СПб., 2000.

Адвокатская этика. Учебник. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник. Гриф НИИ образования и науки. / Под ред. Г.Б. Мирзоева, Н.Д. Эриашвили. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 303 с.

Раскрываются содержание и социальная ценность профессиональной этики адвоката. Всесторонне рассматриваются этико-психологические особенности личности и деятельности адвоката, морально-психологические аспекты оказания им консультационных услуг, защиты прав и интересов граждан в суде. Даются практические рекомендации по формированию профессионального имиджа, преодолению профессиональной деформации, использованию методов правомерного психологического воздействия на участников уголовного и гражданского процесса. Освещаются вопросы истории этических установок в адвокатской деятельности и отношения к адвокатской профессии.

Для студентов и аспирантов, преподавателей юридических вузов, практикующих адвокатов, стажеров и помощников адвокатов, слушателей курсов повышения квалификации.

УДК 342
ББК 67.401

ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ КАПЫШ,

Генеральный директор АО «Сибер» ГК «Ростех»

E-mail: info@siber.ru

Научная специальность — 12.00.14 административное право, административный процесс

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Программно-целевой метод обеспечения экономической безопасности рассматривается автором как наиболее перспективное направление реализации Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.

Ключевые слова: экономическая безопасность, административный метод, государственные программы, муниципальные программы, экономически безопасный уровень.

Abstract. Goal — oriented method of economic security is considered by the author as the most promising direction in the realization of the strategy of economic security of the Russian Federation for the period up to 2030.

Keywords: economic safety, method of administration, state programs, municipal programs, economically safe level.

В свете принятия Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. [1], направленной на обеспечение противодействия вызовам и угрозам экономической безопасности, предотвращение кризисных явлений в ресурсно-сырьевой, производственной, научно-технологической и финансовой сферах, а также на недопущение снижения качества жизни населения, возникает острая потребность обеспечения механизма ее реализации административными инструментами.

По иным составляющим национальной безопасности были приняты федеральные и региональные целевые программы. Например, согласно Постановлению Правительства РФ от 30.12.2012 № 1481 «О федеральной целевой программе «Пожарная безопасность в Российской Федерации на период до 2017 года» на 1-м этапе (2013—2014 гг.) было предусмотрено решение задач Программы по обеспечению пожарной безопасности за счет финансовых средств федерального бюджета, средств субъектов Российской Федерации и организаций с учетом норм законодательства Российской Федерации в соответствии с положениями федеральных законов «О пожарной безопасности», «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности» и «О добровольной пожарной охране», регламентиру-

ющих разграничение полномочий органов государственной власти на федеральном уровне и уровне субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаций в области обеспечения пожарной безопасности в Российской Федерации. Реализацию Программы предполагается осуществить в течение 5 лет (2013—2017 гг.) в 2 этапа.

Нельзя не отметить активное использование термина «экономическая безопасность» в содержании программных документов различного уровня и направленности. Так в Постановлении Правительства Ленинградской области от 07.03.2013 № 66 «Об утверждении Порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Ленинградской области» сказано: прогноз конечных результатов государственной программы, характеризующих целевое состояние (изменение состояния) уровня и качества жизни населения, социальной сферы, экономики, общественной безопасности, государственных институтов, степени реализации других общественно значимых интересов и потребностей в соответствующей сфере (пункт «г.»).

В рассматриваемых программах нередко указываются и основные угрозы экономической безопасности. В Ленинградской области определено, что региональная безопасность играет ключевую

роль в реализации конституционных прав и свобод граждан, обеспечении возможности самореализации личности, духовном обновлении, политической и социальной стабильности общества, обеспечении функционирования государства и становится все более важным фактором развития территории.

Применение программно-целевого метода при реализации Государственной программы позволит обеспечить комплексное урегулирование наиболее острых и проблемных вопросов и системное развитие инфраструктуры в сфере обеспечения правопорядка и безопасности Ленинградской области [2].

Обеспечение экономической безопасностью очень часто фигурирует и в теме управления долгом административных образований, что показывается подчас отождествление понятий «экономическая безопасность» и «финансовая безопасность». Постановление Правительства Самарской области от 09.10.2006 № 129 «О Стратегии социально-экономического развития Самарской области на период до 2020 г.» прописывает что структурные преобразования в экономике области предполагают активное привлечение, концентрацию и перераспределение финансовых ресурсов. Процесс трансформации сбережений в инвестиции, межотраслевой перелив капитала, рост инвестиционной привлекательности и экономической безопасности региона в значительной степени обеспечиваются рациональным использованием всех рычагов и инструментов финансово-кредитного механизма.

Управление муниципальным долгом является составной частью системы управления муниципальными финансами в муниципальном образовании город Белогорск. Эффективное управление муниципальным долгом означает не только своевременное обслуживание долговых обязательств, но и проведение рациональной долговой политики, направленной на сохранение объема и структуры муниципального долга на экономически безопасном уровне при соблюдении ограничений, установленных законодательством Российской Федерации [3].

Но чаще в данном контексте встречается термин «экономически безопасный уровень» [4]. В Постановлении Правительства Республики Северная Осетия-Алания от 05.09.2014 № 297 «О внесении изменений в Постановление Правительства Республики Северная Осетия-Алания от 15 ноября 2013 г. № 412

«О государственной программе Республики Северная Осетия-Алания «Поддержка и развитие малого и среднего предпринимательства в Республике Северная Осетия-Алания» на 2014—2016 годы».

Сельское хозяйство — важнейшая сфера экономической деятельности по производству сельскохозяйственной продукции и оказанию услуг в целях обеспечения населения качественным продовольствием, промышленности — сырьем, обеспечивающая продовольственную и экономическую безопасность сказано в разделе 1 Постановления Правительства РМ от 19.11.2012 № 404 «О Государственной программе Республики Мордовия развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013—2020 годы». Аналогична формулировка в Постановлении Администрации Смоленской области от 20.11.2013 № 928 «Об утверждении областной государственной программы «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в Смоленской области» на 2014—2020 годы»: растениеводство являются ведущими системообразующими сферами экономики края, формирующими агропродовольственный рынок, продовольственную и экономическую безопасность, трудовой и поселенческий потенциал сельских территорий. Приказ Главного управления сельского хозяйства Алтайского края от 01.09.2015 № 81 «Об утверждении ведомственной целевой программы «Развитие мясного скотоводства в Алтайском крае» на 2016—2018 годы» говорит, что названная Программа разработана в соответствии с положениями государственной программы Алтайского края «Развитие сельского хозяйства Алтайского края» на 2013—2020 годы и направлена на развитие мясного скотоводства Алтайского края, которое рассматривается в качестве одной из ведущих, системообразующих подотраслей сельского хозяйства региона, формирующих его аграрную экономику и агропродовольственный рынок, обеспечивающих продовольственную и экономическую безопасность, а также использование трудового и поселенческого потенциала сельских территорий.

В качестве угроз экономической безопасности в региональном законодательстве упоминается сокращение численности населения. Так, главной проблемой демографического развития Забайкальского края с позиции обеспечения экономической

безопасности является систематическое уменьшение абсолютной численности населения [5].

В отдельных муниципальных актах, касающихся обеспечения экономической безопасности были перечислены конкретные мероприятия в данном направлении. В Туапсинской районной программе «Обеспечение безопасности населения на 2014 год» среди целей и задач Подпрограммы выделено обеспечение экономической безопасности Туапсинского района, создание условий для интенсивного экономического развития [6]. В структуру другой муниципальной программы включено отдельное мероприятие — организация бюджетного процесса в городе Владивостоке. В результате реализации данного отдельного мероприятия предусматривается:

Оптимизация долговой нагрузки на бюджет, направленная на сохранение долговой устойчивости и поддержание размера муниципального долга на экономически безопасном уровне при безусловном соблюдении бюджетных ограничений, установленных Бюджетным кодексом Российской Федерации, включает в себя:

- ежемесячный мониторинг задолженности бюджета по долговым обязательствам с целью недопущения просроченной задолженности;
- ежегодное снижение дефицита бюджета в среднем на 2%, принятие бездефицитного бюджета с 2018 г.;
- при планировании бюджета на очередной финансовый год, начиная с 2016 года, изыскание дополнительных возможностей уменьшения муниципального долга [7].

Постановление Правительства МО от 23.08.2013 № 665/38 «Об утверждении государственной программы Московской области «Безопасность Подмосковья» утвердило указанную программу, цель которой — пропаганда правовых знаний и законопослушания в области обеспечения общественной, экономической безопасности, правопорядка, а также противодействия терроризму, экстремизму и коррупции, незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ на территории Московской области.

Отдельно выделены повышение правосознания в качестве основных направлений реализации государственной политики по вопросам обеспечения общественной, экономической безопасности, правопорядка, а также противодействия терроризму, экстремизму и коррупции, незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ на терри-

тории Московской области определяются целями и задачами Программы и разработаны с учетом Основ государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан, утвержденных Президентом Российской Федерации от 28.04.2011 № Пр-1168 [8].

В региональном законодательстве так же описаны функции конкретных государственных и муниципальных органов в процессе обеспечения экономической безопасности. Например, в Астраханской области это обеспечение функций контроля и защиты в сфере охраны, экономической безопасности, антикоррупционной деятельности и информационной защиты [9]. Что касается правового регулирования в московском регионе, то еще в 1994 г. было законодательно определено, что в последнее время значительно возросло количество различного рода предложений о сотрудничестве со стороны иностранных фирм, а также российских коммерческих структур. При этом имеют место случаи, когда отраслевые подразделения правительства Москвы, территориальные органы управления всех звеньев выходят на сотрудничество с фирмами, не проверив должным образом степень их надежности.

Было так же указано, что рядом департаментов и префектур нарушаются распоряжения премьер-министра правительства Москвы от 06.03.92 № 550-РП и мэра Москвы от 06.08.92 № 256-РМ о предоставлении в Департаментом внешних связей информации о субъектах внешнеэкономической деятельности в целях упорядочения работы по обеспечению экономической безопасности при осуществлении внешнеэкономической деятельности 15.02.2000 г. было утверждено «Положение о Бюро экономической безопасности Московской торгово-промышленной палаты» [10].

Во исполнение Федерального закона от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд», указа Мэра Москвы от 19 июля 2007 г. № 44-УМ «Об органах исполнительной власти города Москвы» (в редакции указов Мэра Москвы от 14 сентября 2007 г. № 91-УМ и от 16 ноября 2007 г. № 105-УМ), а также в целях упорядочения контрольных функций, выполняемых органами исполнительной власти города Москвы, и более эффективного обеспечения экономической безопасности города Москвы Правительство Москвы постановляет:

• проводит внешнеэкономическую политику города Москвы, решает вопросы обеспечения экономической безопасности в области внешнеэкономической деятельности (п. 5 ст. 16, Закона г. Москвы от 20.12.2006 № 65 «О Правительстве Москвы»).

Постановлением Правительства Москвы от 18.12.2007 № 1097-ПП (ред. от 03.07.2015) «О возложении на Комитет по контролю и регулированию инвестиционных программ города Москвы дополнительных функций и его преобразовании в Контрольный комитет города Москвы» была возложена функция разработки концепции по обеспечению экономической безопасности Москвы.

На наш взгляд, сегодня в свете реализации нового федерального акта в сфере обеспечения экономической безопасности отраслевое и территориальное управление нужно сочетать с механизмом программно-целевого управления. Реализация конкретных мероприятий в рамках программ по обеспечению экономической безопасности на федеральном, региональном и муниципальном уровнях видится как наиболее перспективное.

Литература

1. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.
2. Постановление Правительства Ленинградской области от 14.11.2013 № 396 «О государственной программе Ленинградской области «Безопасность Ленинградской области» // URL://http://docs.cntd.ru/document/537949051
3. Постановление Администрации города Белогорска от 10.10.2014 № 1831 «Об утверждении муниципальной программы «Повышение эффективности управления муниципальными финансами и муниципальным долгом города Белогорск на 2015—2020 годы» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Областной закон Ростовской области от 03.12.2012 № 987-ЗС (ред. от 16.12.2015) О Программе социально-экономического развития Ростовской области на 2013—2016 годы» (принят ЗС РО 23.11.2012) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Правительства Забайкальского края от 01.08.2014 № 457 (ред. от 13.11.2015) «Об утверждении государственной программы Забайкальского края «Содействие занятости населения на 2014—2020 годы» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление администрации муниципального образования Туапсинский район Краснодарского края от 25.04.2014 № 1163 «О внесении изменений в постановление администрации муниципального образования Туапсинский район от 23 января 2014 года № 150 «Об утверждении муниципальной программы «Обеспечение безопасности населения на 2014 год» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление администрации г. Владивостока от 31.07.2014 № 7646 «Об утверждении муниципальной программы «Управление муниципальными финансами Владивостокского городского округа» на 2014—2018 годы» // URL://http://docs.cntd.ru/document/432855442
8. Распоряжение ГУРБ МО от 19.02.2013 № 10-РГУ «Об утверждении программ Главного управления региональной безопасности Московской области в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан на 2013 год» (вместе с «Программой участия государственных гражданских служащих Московской области, проходящих государственную гражданскую службу Московской области в Главном управлении региональной безопасности Московской области, в лекционной и консультационной работе по пропаганде правовых знаний и законопослушания по вопросам обеспечения общественной, экономической безопасности, правопорядка, а также противодействия терроризму, экстремизму и коррупции, незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ на территории Московской области на 2013 год») // URL://http://lawru.info/dok/2013/02/19/n866711.htm
9. Приказ службы по обеспечению безопасности жизнедеятельности населения Астраханской области от 18.09.2015 № 48 «Об утверждении ведомственной целевой программы «Обеспечение безопасности жизнедеятельности населения Астраханской области» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Распоряжение Мэра Москвы от 12.08.1994 № 392-РМ «Об упорядочении работы по обеспечению экономической безопасности при осуществлении внешнеэкономической деятельности» (вместе с «Положением об экономической безопасности при осуществлении внешнеэкономической деятельности») // СПС «КонсультантПлюс».

УДК 342
ББК 67.401

РЕАЛИЗАЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СВЕТЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КИВИЧ,

*доцент кафедры административного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: yv_kivich@mail.ru*

Научная специальность 12.00.14 — административное право; административный процесс

*Рецензент: доцент кафедры административного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент Е.О. Бондарь*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассмотрены вопросы общей теории административного процесса, установлены основные подходы к определению места органов внутренних дел в производстве по делам об административных правонарушениях, регулируемого новым Проектом Кодекса, анализируются в связи с этим его недостатки, предлагаются варианты разрешения соответствующих противоречий и юридических коллизий.

Ключевые слова: административный процесс, законодательство об административных правонарушениях, производство по делам об административных правонарушениях, новый Проект Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Abstract. The questions of the general theory of the administrative process are considered, the main approaches to determining the place of law enforcement bodies in the proceedings on cases of administrative violations regulated by the new Draft Code are analyzed, its shortcomings are analyzed in this connection, variants of resolving the corresponding contradictions and legal conflicts are suggested.

Keywords: administrative process, legislation on administrative offenses, production on cases of administrative offenses, new Draft of the Russian Federation Code of Administrative Offences.

Среди типичных нарушений, допускаемых сотрудниками органов внутренних дел при осуществлении производства по делам об административных правонарушениях чаще всего встречаются такие как, несоблюдение предусмотренных законом сроков давности привлечения к ответственности; составление протоколов и постановлений об административном правонарушении без указания в них всех необходимых сведений и без требуемого раз-

яснения прав и обязанностей всем участникам производства по делу; неполное выявление всех предусмотренных законом обстоятельств, подлежащих выяснению по делу об административном правонарушении; нарушение установленного законом порядка административного расследования; применение штрафов за конкретные виды правонарушений, предусмотренных законом, ниже или выше установленных размеров и др. [3].

Полиция обладает рядом полномочий в области обеспечения правопорядка и безопасности, что обусловлено основными направлениями деятельности данного органа, определенными в статье 2 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», среди которых важную роль играют административно-юрисдикционные полномочия. Значимость названных полномочий во многом предопределена реформированием законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях и внесением на рассмотрение Государственной Думы Федерального Собрания РФ проекта Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — Проект).

Анализ части 1 статьи 43.12 Проекта позволяет сделать вывод о том, что органам внутренних дел подведомственны административные правонарушения, предусмотренные 12 главами Особенной части Проекта. В настоящее время сотрудники ОВД вправе рассматривать дела об административных правонарушениях, предусмотренных в главах 6, 8, 10—14, 18—20 КоАП РФ, то есть 10 главами Особенной части КоАП РФ, что в первом приближении дает возможность констатировать расширение административно-юрисдикционных полномочий органов внутренних дел. Вместе с тем, детальный анализ позволяет заключить, что такое положение объясняется увеличением числа глав Особенной части Проекта по сравнению с действующим КоАП РФ. При этом можно сделать вывод о том, что реальное число категорий дел об административных правонарушениях подведомственных ОВД, сокращено.

В Проекте правами по рассмотрению дел об административных правонарушениях наделены должностные лица ОВД по аналогии с КоАП РФ. Такое решение вполне закономерно, так как существующее положение является наиболее оптимальным. При этом должностные лица органов внутренних дел вправе назначать административные наказания исключительно двух видов — предупреждение и административный штраф. Очевидно, что эффективное воздействие на развитие противоправной ситуации, особенно предупреждение административных правонарушений, что является основной целью применения административных наказаний, существенно затруднено.

Полагаем, что должностных лиц органов внутренних дел целесообразно наделить полномочиями по применению ряда видов административных наказаний. В частности, в арсенал органов внутренних дел (полиции) целесообразно включить такие виды административных наказаний, как лишение специального права и обязательные работы. Данный вывод обуславливается не только учетом правоохранительного потенциала названных административных наказаний, но и тем, что органы внутренних дел наделяются полномочиями по их исполнению. В этой связи они при расширении полномочий по применению дополнительных видов административных наказаний смогут обеспечить эффективность их исполнения.

Обращает на себя внимание сохранение негативной тенденции сокращения административно-юрисдикционных полномочий органов внутренних дел в экономической сфере. Органами внутренних дел на протяжении длительного времени накоплен существенный опыт противодействия административным правонарушениям в данной сфере [1].

В настоящее время органы исполнительной власти не в полной мере справляются с этой важной правоохранительной задачей. Органы Роспотребнадзора России и другие юрисдикционные органы в ряде ситуаций не могут оказать должного противодействия экономическим правонарушениям. При этом следует учитывать, что должностные лица органов внутренних дел содействуют ряду субъектов, в производстве которых находятся дела об административных правонарушениях, в частности осуществляют применение таких мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, как доставление, административное задержание, досмотр (его различных видов), изъятие вещей и документов, а также других полномочий.

Значимость законодательства об административных правонарушениях такова, что принято решение об отложении рассмотрения Проекта. Такое решение является вполне закономерным, так как имеют место недостатки как в Общей, Особенной, так и процессуальной частях Проекта. В этой связи можно высказать надежду, что в ходе его доработки будут учтены выявленные дефекты, в том числе

и по расширению административно-юрисдикционных полномочий органов внутренних дел. Очевидно, что необходимо принять во внимание отечественные правовые традиции, накопленный опыт, перспективы развития охраняемых общественных отношений и в этой связи выстроить механизм правоохраны.

Следует предупредить опасность в виде принятия тенденциозных решений по ограничению правоохранительного потенциала органов внутренних дел. Они объективно должны быть расширены, но при совершенствовании средств контроля (надзора), в том числе и использовании потенциала общественного контроля [2].

Осуществление реформирования законодательства об административных правонарушениях является неизбежным, при этом преобразования будут носить глубинный характер.

Литература

1. *Кивич Ю.В.* Административно-правовые основы деятельности органов внутренних дел. // Материалы всероссийской научно-практической конференции «Административное и административно-процессуальное право: актуальные проблемы». 1—30 апреля 2006 г. МосУ МВД России. Москва. 2006. С. 456—462.
2. *Макарейко Н.В.* Административно-юрисдикционные полномочия органов внутренних дел в свете проекта кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3 (35). С. 244—245.
3. *Низаметдинов А.М., Потапенкова И.В.* Проблемные аспекты в административно-юрисдикционной деятельности органов внутренних дел (полиции) // Вестник экономической безопасности. 2016. № 2. С. 176—179.

Юридическая ответственность в публично-правовых отношениях: сб. науч. публикаций / под ред. В.О. Бежанова. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2016. 199 с.

Вниманию читателей предлагается сборник научных работ профессорско-преподавательского состава, аспирантов, магистрантов и студентов по материалам круглого стола кафедры публичного права юридического факультета Института экономики, управления и права Российского государственного гуманитарного университета.

Основное внимание уделено проблемам: правового статуса ликвидированной партии; сравнительной характеристики понятий «конституционная ответственность», «публично-правовая ответственность», «политическая ответственность»; коллективной ответственности в избирательном праве, ответственности наблюдателей на выборах, в том числе международных; ответ-

ственности государственных органов при осуществлении государственного контроля (надзора) за вред, причиненный субъектам предпринимательской деятельности; защиты работников аппаратов политических партий.

Для студентов, преподавателей магистрантов, аспирантов, преподавателей образовательных учреждений, интересующихся вопросами юридической ответственности в публично-правовых отношениях.

УДК 342
ББК 67.401

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И НАЗНАЧЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРЕСЕЧЕНИЯ

ВЛАДИСЛАВ ИГОРЕВИЧ КОВШЕВАЦКИЙ,

преподаватель кафедры административного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

E-mail: kovshevatsky@yandex.ru;

СТАНИСЛАВ ПЕТРОВИЧ СТАЩЕНКО,

преподаватель кафедры административного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

E-mail: arlik13@inbox.ru

Научная специальность 12.00.14 — административное право; административный процесс

Рецензент: кандидат юридических наук **А.В. Константинов**

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Проведен анализ мнений ученых-административистов, а также исторические аспекты применения полицейских мер административного пресечения

Ключевые слова: административное право, административный процесс, нормы, административное пресечение, полиция, принуждение, оружие, наказание.

Abstract. Analysis of the views of administrative scientists has been carried out, as well as historical aspects of the use of administrative measures by the police.

Keywords: administrative law, administrative process, regulations, administrative suppression, police, coercion, a weapon, punishment.

Меры административного пресечения связаны с административной деятельностью полиции. Создание полиции как специализированного органа связано, по мнению М.Г. Пинигина, с реформаторской деятельностью Петра I. Полиция, по мысли царя, должна была стать регулярным, военизированным органом государственного управления, повседневно и профессионально занимающимся охраной общественного порядка и внутренней безопасности. Однако сказать, что в царское время была административная юстиция, мы не можем. В те времена не делили социальные отклонения на преступления и административные правонарушения.

Первые полицейские наказания, которые отличались от уголовных наказаний и налагаемые без следственных действий и надлежащего судопроиз-

водства, берут свое начало в период правления Екатерины II. В 1782 г. принимают Устав благочиния, или полицейский, в соответствии с которым в населенных пунктах учреждался новый полицейский орган управа благочиния, главным предназначением которой было обеспечение правопорядка на территории Российской Империи.

О полномочиях полиции в те времена мало что говорили. В законодательных актах 1775, 1782, 1837 и 1862 годов лишь упоминалось, что полиция может при сопротивлении заключить под стражу. О других мерах принуждения или пресечения вообще не говорилось.

Применять оружие полицейскими было разрешено по следующим основаниям:

1. для отражения нападения с применением оружия на полицейского или невооруженного напа-

дения, но совершаемого при таких обстоятельствах, когда другим способом защищаться невозможно;

2. для поимки и задержания оказывающего активное противодействие преступника;

3. при преследовании сбежавшего заключенного;

4. для защиты лиц, подвергшихся нападению, сопряженному с угрозой жизни, здоровья и неприкосновенности.

Надо сказать, что полицейские зачастую сами нарушали правопорядок, жестоко пресекая граждан за неисполнение, или промедление в исполнении многочисленных предложений правительства. Полицейские дрались, ссорились, пьянствовали вместе с преступниками.

В советское время полиция называлась милицией, деятельность которой регулировалась законом «О милиции». Согласно ст. 13—15 Закона «О милиции» сотрудники милиции имели право применить принудительные меры для пресечения административных правонарушений, для пресечения преступления, задержания лиц, их совершивших, преодоления противодействия законным требованиям и т.д.

В настоящее время сотрудники полиции наделены особыми полномочиями по применению различных мер административного пресечения правонарушений для выполнения возложенных на них обязанностей по защите жизни, здоровья, прав и свобод граждан, собственности, интересов общества и государства. При этом понятия мер административного пресечения и специальных мер административного пресечения российское законодательство не содержит.

Для того, чтобы определить понятие специальных мер административного пресечения, сначала определим правовую природу это явления. Все меры административного пресечения, включая специальные меры административного пресечения, относятся к мерам государственного принуждения.

Мерами государственного принуждения применительно к административному процессу, по мнению И.Д. Фиалковской, — это применение мер административного воздействия представителем административной власти или судьей к физическим и юридическим лицам для охраны правопорядка. С этим определением можно согласиться, но охрана

правопорядка — это совокупность не только административных, но и уголовных мер по достижению целей режима законности.

Н.Ш. Малакшинова считает, что государственное принуждение в рассматриваемой сфере, как система, состоит из конкретных мер административного принуждения, которые в зависимости от ситуации могут применяться уполномоченными на то государственными органами или их должностными лицами. Нас не устраивает это определение ввиду того, что здесь не определено, для чего применяется государственное принуждение.

Ввиду того, что государственное принуждение в административном процессе состоит из административно — предупредительных мер, мер пресечения и мер административной ответственности, а также мер административно-процессуального обеспечения, на наш взгляд, государственное принуждение — применение мер административного воздействия представителем административной власти или судьей к физическим и юридическим лицам для предупреждения, пресечения и наложения административной ответственности.

А.И. Каплунов не раскрывая понятия мер административного пресечения, считает, что эти меры направлены на прекращение обнаруженного административного правонарушения, а не для обеспечения процессуальных действий. Словарь В.И. Даля под словом «пресекать» понимает прекращение, уничтожение, остановку чего — либо, поэтому согласимся, что меры административного пресечения направлены на прекращение обнаруженного административного правонарушения. И.Ю. Сухачев тоже так считает, понимая под мерами административного пресечения меры, которые применяются для непосредственного прекращения правонарушений.

Е.Е. Новичкова пишет, что мерами административного пресечения признаются такие меры, которые направлены на принудительное прекращение правонарушений и предотвращение их вредных последствий.

К.А. Кареева-Попелковская понимает под мерами административного пресечения средства для принудительного прекращения противоправных деяний, данная группа мер административного принуждения должна создавать необходимые право-

вые и организационные условия для последующего привлечения к административной ответственности правонарушителя. Помимо сказанного меры административного пресечения призваны создавать необходимые условия для формирования доказательственной базы по делам об административных правонарушениях, а также служат средством обеспечения законности в различных сферах публичного управления.

По мнению Р.Б. Осокина, меры административного пресечения, во-первых, являются наиболее распространенной разновидностью административного принуждения, применяемого в самых разнообразных ситуациях в отношении различных субъектов. Во-вторых, меры административного пресечения используются различными должностными лицами полиции. В-третьих, обеспечивая реализацию административной ответственности, эти меры непосредственно не сопряжены с наказанием и не содержат в себе тех правовых ограничений субъективных прав, которые влекут за собой административные наказания. Кроме перечисленного, можем добавить, что мерам административного пресечения присущ упрощенный порядок процессуального оформления.

Сказанное позволяет сделать вывод, что мерами административного пресечения правонарушений, используемых полицией, являются регламентируемые нормами административного права средства принудительного полицейского воздействия, направленные на прекращение противоправных деяний со стороны правонарушителей, устранение связанных с такими деяниями негативных последствий, а также создание оптимальных условий для последующего привлечения лиц, виновных в совершении административного правонарушения, к административной ответственности.

Таким образом, назначение мер административного пресечения в том, чтобы:

- принудительно прекратить противоправные деяния со стороны правонарушителей;
- устранить негативные последствия противоправных деяний;
- создать оптимальные условия для последующего привлечения лиц, виновных в совершении административного правонарушения, к административной ответственности.

Литература

1. Пинигин, М.Г. Штаты полиции России в XVIII веке / М.Г. Пинигин // Агропродовольственная политика России. 2016. № 4 (52). С. 70—73.
2. Канунникова Н.Г. Актуальные проблемы борьбы с административными правонарушениями / Н.Г. Канунникова // Административное право и процесс. 2013. № 4. С. 5—11.
3. Лазарева О.В. Регламентация деятельности губернской полиции Российской империи в XIX начале XX веков / О.В. Лазарева // Социально-политические науки. 2012. № 4. С. 35—40.
4. Вершинина С.И. О соотношении охранительных норм и норм принуждения / С.И. Вершинина // Российский юридический журнал. 2011. № 4. С. 52—63.
5. Фиалковская И.Д. Сущность метода принуждения в теории административного права // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 2—1. С. 290—294.
6. Малакишинова Н.Ш. Особенности применения некоторых мер административного принуждения / Н.Ш. Малакишинова, Б.Б. Цыбиков // *Ceteris Paribus*. 2016. № 10. С. 37—41.
7. Каплунов А.И. Административно-процессуальное право: учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. А.И. Каплунова. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России. 2015. С. 301.
8. Даль В.И. Толковый словарь великорусского языка / В.И. Даль. В 4 т. Т. 2. М., 2011. С. 342.
9. Сухачев И.Ю. Административная деятельность полиции. Части общая и особенная / под ред. А.К. Дубровина. Иркутск: ФГКОУ ВПО ВСИ «МВД России». 2013. С. 59.
10. Новичкова Е.Е. Административно-процессуальное право: учебное пособие / под ред. А.Н. Доброва. 2-е изд., перераб. и доп. Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД России. 2015. С. 90.
11. Кареева-Попелковская К.А. Меры административного пресечения в деятельности полиции / К.А. Кареева-Попелковская // Административное и муниципальное право. 2011. № 8. С. 47.
12. Осокин Р.Б. О необходимости разработки концептуальных основ противодействия престу-

плениям против общественной нравственности / Р.Б. Осокин // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов. 2011. Вып. 3(95). С. 236—239.

13. Основы профессиональной деятельности. Жевлакович С.С., Химичева О.В., Кардашевский В.В., Потапенкова И.В., Климкина Е.В., Кушнарченко И.А., Ковшевацкий В.И., Щеглов А.В., Уваров Н.В., Шестопалова Е.В., Шаров Д.В., Езовский А.Н., Сысоев А.А., Хромов В.А., Питомцев М.Н., Разницын В.А., Ермолов П.С., Соиников С.А., Дмитренко А.П., Кисин В.Р. и др. учебное пособие / М., 2016.

14. Государственная служба в органах внутренних дел. Бочаров С.Н., Брунер Р.А., Василенко Г.Н.,

Жалсанов Б.Ц., Зырянов С.М., Климкина Е.В., Ковшевацкий В.И., Малахова Н.В., Ольшевская А.В., Покозий В.В., Сакулина Л.Л., Соиников С.А., Хадисов Г.Х. Курс лекций / под редакцией канд. юрид. наук, проф. С.Н. Бочарова Рецензенты: А.Д. Ульянов; А.Е. Кузнецов; А.А. Фатьянов. М., 2015.

15. Административное право Российской Федерации. Бочаров С.Н., Брунер Р.А., Зырянов С.М., Кивич Ю.В., Климкина Е.В., Ковшевацкий В.И., Малахова Н.В., Ольшевская А.В., Покозий В.В., Попович О.М., Сакулина Л.Л., Сизов И.Ю., Соиников С.А., Сущинская С.И., Хадисов Г.Х., Шурухнова Д.Н. Курс лекций / Под редакцией кандидата юридических наук, профессора С.Н. Бочарова. Рецензенты: Ю.И. Попугаев; А.В. Зубач. М., 2015.

УДК 342.9
ББК 67.401

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ОТДЕЛЬНЫХ ПРАВ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

ВАСИЛИЙ ВИКТОРОВИЧ ПОКОЗИЙ,

профессор кафедры административного права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

E-mail: d2862@yandex.ru;

ГАЗИЯВДИБИР ХАДИСОВИЧ ХАДИСОВ,

заместитель начальника кафедры административного права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

E-mail: hadisov65@mail.ru

Научная специальность 12.00.14 — административное право; административный процесс

Рецензент: кандидат юридических наук С.П. Стаценко

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматриваются вопросы, связанные с содержанием отдельных прав сотрудников органов внутренних дел, дается юридический анализ особенностей их реализации

Ключевые слова: права, реализация права, сотрудник органов внутренних дел, юридическая самозащита, время отдыха, должностной регламент, отзыв о служебной деятельности, служебная проверка.

Abstract. The article deals with issues related to the content of individual rights of employees of law enforcement agencies, provides a legal analysis of the specifics of their implementation.

Keywords: rights, realization of law, employee of law-enforcement bodies, legal self-defense, rest time, job regulations, recall of official activity, service check.

Для раскрытия содержания некоторых прав сотрудников органов внутренних дел (далее — сотрудник) необходимо обратить внимание на ряд ключевых юридических аспектов.

Право на условия, необходимые для выполнения служебных обязанностей и профессионального развития.

Соответствие служебного места требованиям, предусмотренным в законодательстве: противопожарным; санитарно-гигиеническим (предельно допустимым нормам электромагнитного облучения, ударного воздействия ультразвуковых волн, искусственного освещения, блескости, отклонений от правильного направления светового потока; шума и вибрации; уровня температуры, влажности, скорости движения и степени загрязнения окружающего воздуха); материально-техническим (необходимое количество систем вентиляции; помещений для медицинской помощи с аптечками, укомплектованными набором лекарственных средств и препаратов для оказания первой медицинской помощи; компьютерное обеспечение, включающее наличие необходимых программ — носителей информации, нужной сотруднику для выполнения служебных обязанностей); психологическим (комнаты для отдыха сотрудников в служебное время и их психологической разгрузки). Таким образом, формируется комплексный оптимальный микроклимат. Уполномоченный руководитель обязан максимально защитить сотрудника от вредного воздействия обозначенных факторов. Полное и комплектное оснащение указанных мест, а также их рациональная планировка, позволяют наилучшим образом упорядочить процесс служебной деятельности и существенно повысить ее результативность (эффективность). Названные факторы оказывают существенное влияние на физическое и психическое здоровье сотрудников, а значит, — формируют их работоспособность. При нарушении уполномоченным руководителем, рассматриваемых требований, повлекших, подтвержденное медицинским заключением, существенное ухудшение физического или психического здоровья сотрудника органов внутренних дел, вина последнего в неисполнении или ненадлежащем исполнении служебных обязанностей, исключается.

Право на ознакомление с должностным регламентом (должностной инструкцией) и иными до-

кументами, определяющими его права и обязанности по замещаемой должности, с критериями оценки эффективности выполнения служебных обязанностей, показателями результативности служебной деятельности и условиями продвижения по службе в органах внутренних дел.

Отсутствие в названных документах критериев качества исполнения служебных обязанностей является одной из причин возникновения служебных споров, в случае если руководитель сотрудника недоволен степенью добросовестности его отношения к служебной деятельности. В таких случаях, юридических оснований для предъявления к сотруднику претензий, нет. Отсутствие конкретных количественных критериев или их нормативной обоснованности, приводит к невозможности объективно оценить результативность исполнения сотрудником своих должностных обязанностей, обуславливает нарушение уполномоченным руководителем, предусмотренных законодательством норм труда. Анализируемое право, включает в себя официальную возможность сотрудника органов внутренних дел давать согласие на постоянное или временное изменение трудовых функций (перевод на другую работу), или отказывать в указанном согласии. Так, в соответствии со ст. 72.1 Трудового кодекса России, перевод на другую работу допускается только с письменного согласия работника, за исключением случаев, предусмотренных законодательством. Время, необходимое сотруднику для названного ознакомления, нормативно не ограничено. Сотруднику законодательно не запрещено копировать указанные материалы, если в них нет сведений, относящихся к охраняемой законом тайне.

Право на отдых в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Во внеслужебное время, при обычном режиме службы, сотрудник вправе свободно передвигаться по территории России, а при отсутствии допуска к сведениям особой важности или совершенно секретным, по своему усмотрению покидать пределы России. В случае заболевания сотрудника во время его отдыха за пределами территории России, медицинские документы (выданные в установленном порядке представителем иностранного государства), подтверждающие указанный факт, являются юридическим подтверждением законности возможного несвоевременного

прибытия сотрудника к месту прохождения службы и основанием для продления использовавшегося отпуска. Во время перерыва в течение служебного дня недопустимо проводить какие-либо служебные мероприятия, так как подобная возможность законодательно не предусмотрена. Право на отдых, несомненно, предполагает законную возможность сотрудника органов внутренних дел реализовать его, в том числе, в тишине и спокойствии. В связи с этим, сотрудник, отключивший на время отдыха личные средства связи, юридических норм не нарушает.

Право на ознакомление с отзывами о его служебной деятельности и другими определенными федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел документами до внесения их в личное дело, с материалами личного дела в порядке, определяемом федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел, а также на приобщение к личному делу его письменных объяснений и других документов и материалов.

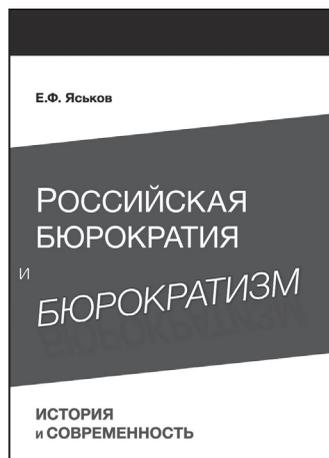
Право на ознакомление с личным делом предоставляет сотруднику возможность убедиться в следующем: в том, что все поощрения, объявленные ему приказами уполномоченного руководителя, отражены в указанном деле; удостовериться, что в названном деле отсутствуют сведения о дисциплинарных взысканиях, о которых он не был информирован; проверить отсутствие в рассматриваемом деле отрицательных отзывов о его служебной деятельности, с которыми он не был ознакомлен; в том, что его личное дело имеется в наличии.

Право на проведение по его заявлению служебной проверки.

Реализация рассматриваемого права является эффективным средством юридической самозащиты сотрудника в случае распространения о нем сведений, порочащих его честь и достоинство, не соответствующих действительности. Если в материалах, проводимой по данному факту, служебной проверки нет объективных подтверждений достоверности распространенной информации, сотрудник вправе обратиться с иском в суд о ее опровержении и компенсации морального вреда.

Литература

1. Административное право Российской Федерации: курс лекций / под ред. к.ю.н., проф. С.Н. Бочарова. Ч. 1. М.: Московский университет МВД России, 2013. 116 с.
2. Административное право Российской Федерации: курс лекций / под ред. к.ю.н., проф. С.Н. Бочарова. Ч. 2. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2015. 300 с.
3. Зырянов С.М. Структура и содержание административно-правового статуса государственного инспектора. Журнал российского права. 2015. № 2. С. 17—26.
4. Покозий В.В., Хадисов Г.Х. Юридическая самозащита физических лиц в административном законодательстве. М., Вестник экономической безопасности. 2016. № 3. С. 109—110.
5. Покозий В.В., Хадисов Г.Х. Отдельные вопросы привлечения сотрудников органов внутренних дел к административной ответственности. 2016, М., Вестник Московского университета МВД России. 2015, № 4. С. 196—201.

Российская бюрократия и бюрократизм. История и современность: монография / Е.Ф. Яськов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 519 с.

Рассматриваются проблемы бюрократизма как специфической субкультуры управления. Исследуется сущность этого явления, ретроспективно прослеживаются его особенности в контексте развития российской государственности начиная с возникновения Русского централизованного государства и до наших дней.

УДК 378
ББК 74

ВЕДОМСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ: СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ

СЕРГЕЙ СТЕПАНОВИЧ ЖЕВЛАКОВИЧ,

*профессор кафедры педагогики Московского университета МВД России, кандидат социологических наук, доцент
Научная специальность 13.00.01 — общая педагогика, история педагогики и образования*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматривается содержание понятия «ведомственная политика в области подготовки кадров» в контексте анализа соотношения понятий «образовательная политика» и «политика в сфере образования». В основе анализа — результаты исследования автора. Структурные элементы понятия «ведомственная политика в области подготовки кадров»: цели, задачи, средства, методы, субъекты и их место, роль в формировании и реализации политики, исследуются на примере политики МВД России в области подготовки кадров.

Ключевые слова: образовательная политика; политика в сфере образования; ведомственная политика в области подготовки кадров; политика МВД России в области подготовки кадров; субъекты политики МВД России в области подготовки кадров.

Abstract. The content of the concept of educational policy in the context of general understanding of a policy as governmental course, as activities of people and as spheres of a public life is regarded. The analysis is based on programs, projects strategies of the government of the Russian Federation in the field of developing education, as well as conceptual positions of researchers and the results of interviews of teachers of schools of St.-Petersburg.

Keywords: educational policy, subjects of educational policy, levels of the formation of educational policy.

Разработка методологии формирования и реализации политики МВД России в области подготовки кадров для органов внутренних дел предполагает определение содержания понятия «ведомственная политика в области подготовки кадров», анализ соотношения понятия «ведомственная политика в области подготовки кадров» с более общими, родовые в данном контексте, понятиями «политика в сфере образования», «государственная политика в сфере образования», «образовательная политика», анализ таких составляющих понятия «ведомственная политика в области подготовки кадров», как цели, задачи, принципы, объект, субъект, средства и методы, используемые в процессе реализации.

Ведомственные образовательные организации, образующие соответствующие образовательные системы (МВД России, Минобороны России, ФСИН России, ФСБ России и др.), не зависимо от своей специфики, являются неотъемлемыми составными частями федеральной образовательной системы, функционирующими в рамках государственной

политики в сфере образования. С другой стороны, ведомственные образовательные системы являются важнейшими образовательными составляющими отдельных самостоятельных направлений внутренней и внешней политики (например, политики в сфере внутренних дел, политики в сфере обороны, политики в сфере обеспечения безопасности), в сфере которых осуществляют свою деятельность федеральные органы исполнительной власти, в ведении которых находятся данные образовательные организации. В этом плане ведомственная политика в области подготовки кадров выступает как структурный элемент государственной образовательной политики.

Поскольку отдельные структурные элементы некорректно идентифицировать с целым, представляется необоснованным при рассмотрении вопросов ведомственной политики в области подготовки кадров использовать понятия «ведомственная образовательная политика» или «ведомственная политика в области образования».

До настоящего времени понятие «политика МВД России в области подготовки кадров» не являлось предметом самостоятельного исследования и разработки, отсутствовала целенаправленная научно обоснованная работа по формированию этой политики, ее концептуальных основ, системному обоснованию места ведомственной политики в области подготовки кадров в ведомственной кадровой политике в целом.

Как результат — существенные пробелы в управлении ведомственной системой образования и подготовки кадров, в том числе:

- отсутствие стратегического планирования, перспективных программ развития ведомственной образовательной системы, фрагментарное, на эмпирическом уровне решение текущих проблем ее функционирования;
- отсутствие эффективной системы мониторинга деятельности ведомственной образовательной системы, ориентированной не на формальные показатели, а на реальную оценку качества подготовки кадров;
- отсутствие сформированной системы подготовки и повышения квалификации руководителей и педагогических работников образовательных организаций.

Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» в перечень федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих государственное управление в сфере образования, впервые включил, наряду с другими органами, федеральные органы исполнительной власти, имеющие в своем ведении образовательные организации (ст. 89).

Определив на законодательном уровне особенности реализации профессиональных образовательных программ и деятельности образовательных организаций федеральных государственных органов, осуществляющих подготовку кадров в интересах обороны и безопасности государства, обеспечения законности и правопорядка, указанный закон определил эти федеральные органы исполнительной власти в качестве субъектов государственного управления в сфере образования (ст. 81).

Как и государственная политика в сфере образования в целом, ведомственная политика в сфере подготовки кадров, употребляя терминологию

О.Н. Смолина [1, с. 84], устанавливает основные координаты политического пространства:

- финансово-экономическую, определяющую ресурсное обеспечение (финансовое и материально-техническое) ведомственной образовательной системы, подготовки кадров в целом;
- нормативную правовую, устанавливающую структуру и порядок организации подготовки кадров для ведомства, содержание целевой подготовки кадров (в том числе, разработка образовательных стандартов и основных профессиональных образовательных программ, основных программ профессионального обучения), порядок организации образовательного процесса в ведомственных организациях, осуществляющих образовательную деятельность (образовательных организациях и организациях, осуществляющих обучение), компетенции, полномочия, права и обязанности ведомственных органов управления в сфере подготовки кадров и других субъектов ведомственной политики в области подготовки кадров, участников образовательного процесса;
- духовно-идеологическую, морально-психологическую, определяющую установки и ориентации, которые влияют как на содержание образования, построение образовательно-воспитательного процесса, так и на выбор решений, норм поведения.

Ведомственная политика в области подготовки кадров направлена на создание необходимых условий (экономических, институциональных и духовно-идеологических) для осуществления основных функций образования, в том числе: воспроизводство кадрового потенциала ведомства, формирование определенного типа личности, воспитание в соответствии с принятой системой ценностей.

Рассмотренные положения позволяют сделать вывод о том, что ведомственная политика в области подготовки кадров (в том числе, соответствующая политика МВД России) является частью, производной от общегосударственной, федеральной политики в сфере образования, ее особым, специфическим сегментом.

Одновременно, она является и образовательным компонентом других, наряду с государственной политикой в сфере образования, направлений внутренней и внешней политики, основными субъек-

ектами которых являются федеральные органы исполнительной власти (министерства и ведомства), имеющие в своем ведении образовательные организации.

Таким образом, ведомственную политику в области подготовки кадров (в том числе, соответствующую политику МВД России) можно рассматривать, с одной стороны, как обособленный структурный элемент содержания понятий «политика в сфере образования», «государственная политика в сфере образования» и, одновременно, с другой стороны, как одну из составляющих понятий «образовательная политика», «государственная образовательная политика».

В связи с этим, представляется некорректным использование понятий «ведомственная образовательная политика», «образовательная политика МВД России» и «ведомственная политика в сфере образования», «политика МВД России в сфере образования».

Учитывая, что ведомственные образовательные системы ограничиваются, как правило, только сферой профессионального образования и профессионального обучения и предназначены исключительно для воспроизводства кадрового потенциала ведомства, представляется обоснованным при определении исследуемого понятия ограничиваться формулировкой «ведомственная политика в области подготовки кадров».

Опираясь на изложенные выше концептуальные основы, сформулируем определение понятия «ведомственная политика в области подготовки кадров»:

- обособленный структурный элемент государственной политики в сфере образования, курс федерального органа исполнительной власти (стратегические цели, задачи, средства и методы деятельности, направленной на достижение поставленных целей), его структурных и территориальных подразделений, имеющих в своем подчинении организации, осуществляющие обучение, образовательные организации и осуществляющих образовательную деятельность, а так же других субъектов, направленный на кадровое обеспечение (подготовку, воспроизводство кадров) деятельности министерства (ведомства) по реализации стоящих перед ним целей, задач, функций в соответствующей сфере внутренней (внешней) политики.

Понятие «политика МВД России в области подготовки кадров для органов внутренних дел» следует рассматривать как разновидность ведомственной политики области подготовки кадров. Кроме того, следует учитывать, что это понятие в качестве составляющей, структурного элемента, входит в целую иерархию более общих понятий:

- является важнейшим структурным элементом содержания понятия «кадровая политика МВД России», которое, в свою очередь, является составным элементом содержания другого более общего понятия — «политика в сфере внутренних дел», а оно, в свою очередь — составным элементом содержания понятия «политика в сфере национальной безопасности и правоохранительной сфере» — важнейшего направления внутренней политики.

Таким образом, можно сделать вывод, что политика МВД России в области подготовки кадров для органов внутренних дел является образовательным компонентом такого направления внутренней политики государства как политика в сфере национальной безопасности и правоохранительной сфере. В этом смысле ее можно рассматривать как составной элемент структуры федеральной образовательной политики.

Руководствуясь рассмотренными выше концептуальными положениями, можно сформулировать следующее определение понятия «политика МВД России в области подготовки кадров для органов внутренних дел»:

- деятельность субъектов ведомственной политики в области подготовки кадров по определению стратегических целей и задач в области подготовки кадров для органов внутренних дел, функционирования и развития ведомственной системы образования, подготовки кадров, выбору и обоснованию средств и методов достижения этих целей и решения задач, их практической реализации в рамках нормативного правового регулирования, административно-управленческой деятельности и деятельности организаций, осуществляющих образовательную деятельность.

Ведущим субъектом политики МВД России в области подготовки кадров для органов внутренних дел является министерство, в лице его центрального аппарата. Он определяет цели и задачи в области подготовки кадров, функционирования и развития

ведомственной системы образования, подготовки кадров, средства и методы их осуществления, организует практическую реализацию на уровнях нормативного правового регулирования, административно-управленческой практики.

Следующий субъект ведомственной политики в области подготовки кадров — потребители образовательных услуг ведомственной системы подготовки кадров:

а) курсанты и слушатели образовательных организаций МВД России, которые формируют и выражают общественные ожидания в отношении ведомственной системы подготовки кадров, оценивают результаты ее деятельности и таким образом влияют на выработку ведомственной политики в области подготовки кадров. В рамках формирования и развития внутривузовской системы контроля качества особое место принадлежит совершенствованию форм обратной связи с обучающимися, оценки ими уровня организации образовательного процесса и качества работы преподавателей;

б) территориальные органы внутренних дел, которые выступают в качестве заказчиков и потребителей кадров для ведомственной образовательной системы, а также в качестве организаций, осуществляющих образовательную деятельность (в подчиненных им центрах профессиональной подготовки (далее — ЦПП) — организациях, осуществляющих профессиональное обучение). Они влияют на выработку и реализацию ведомственной политики в области подготовки кадров таким образом:

- формируют и выражают ожидания в отношении ведомственной образовательной системы, в том числе через ежегодные заявки на подготовку кадров для подразделений органов внутренних дел;
- организуют практическую реализацию ведомственной политики в области подготовки кадров на уровнях нормативной правовой практики, административно-управленческой практики, в части профессионального обучения в ЦПП сотрудников, впервые принимаемых на службу в органы внутренних дел, в части профессиональной служебной и физической подготовки кадров в процессе служебной деятельности на базе подчиненных им подразделений, а также в части организации профориентационной работы среди молодежи, отбора и комплектования

ведомственных образовательных организаций кандидатами на обучение.

Субъектом ведомственной политики в области подготовки кадров является и сама ведомственная образовательная система — образовательные организации в лице их руководителей, профессорско-преподавательского и командного составов. Они осознают свои проблемы, образовательные задачи и социальную миссию, формируют и выражают ожидания в отношении ведомственной политики в области подготовки кадров, обеспечивают ее практическую реализацию на уровне деятельности образовательных организаций.

Институты гражданского общества все активнее участвуют в процессе разработки и реализации кадровой политики МВД России. В этой части их так же можно отнести к субъектам политики МВД России в области подготовки кадров для органов внутренних дел.

Объекты политики МВД России в области подготовки кадров для органов внутренних дел: ведомственная образовательная система, а так же процессы формирования и воспроизводства кадрового потенциала органов внутренних дел (в части профессионального обучения, профессионального образования, в том числе, дополнительного профессионального образования, повседневного поддержания профессиональной подготовленности сотрудников).

Базовыми концептуальными основами современной кадровой политики МВД России являются:

- признание качества кадрового потенциала органов внутренних дел решающим фактором повышения эффективности их правоохранительной деятельности;
- необходимость формирования нового профессионального и нравственного облика сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации, отвечающего ожиданиям общества и современным требованиям правоохранительной практики.

Поэтому именно политика МВД России в области подготовки кадров для органов внутренних дел выступает не только инструментом реализации социальных целей и приоритетов в области совершенствования деятельности органов внутренних дел, обеспечения прав личности на образование, но и одним из основных механизмов реализации кадровой политики ведомства.

Политика МВД России в области подготовки кадров для органов внутренних дел, будучи составной частью, структурным элементом федеральной политики в сфере образования, основывается на тех же принципах, что и государственная политика в сфере образования в целом.

Проведенное автором исследование позволяет сформулировать видение стратегической цели современной политики МВД России в области подготовки кадров, как структурного элемента государственной политики в сфере образования.

Стратегическая цель современной политики МВД России в области подготовки кадров — воспроизводство на качественно новой основе кадрового потенциала органов внутренних дел, как одного из важнейших ресурсов интенсификации их деятельности, приведения в соответствие с ожиданиями общества и современными требованиями инновационного социально-ориентированного развития Российского государства.

Реализация этой цели предполагает решение следующих приоритетных задач:

- обеспечение современного качества и инновационного характера подготовки кадров в соответствии с требованиями современной практики правоохранительной деятельности, актуальными и перспективными потребностями органов внутренних дел;
- формирование механизмов оценки качества и востребованности образовательных услуг ведомственной образовательной системы с уча-

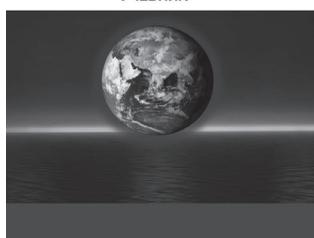
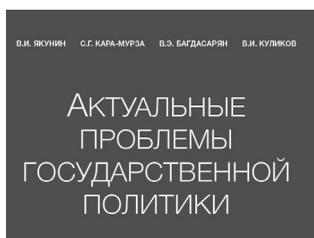
стием потребителей в лице территориальных органов, комплекующих образовательные организации, курсантов и слушателей, обучающихся в образовательных организациях МВД России, государственно-общественных объединений в системе образования, общественности;

- модернизация ведомственной системы образования, подготовки кадров для органов внутренних дел как одного из основных механизмов реализации кадровой политики МВД России;
- создание современной многоуровневой практико-ориентированной системы непрерывного профессионального образования, приведение содержания и структуры подготовки кадров в соответствие с динамично изменяющимися потребностями органов внутренних дел.

Эти цели и задачи современной политики МВД России в области подготовки кадров, с одной стороны, коррелируют со стратегическими целями и задачами государственной политики в сфере образования в целом, а, с другой стороны, учитывают специфику этой особой составляющей государственной образовательной политики.

Литература

1. *Смолин О.Н.* Социально-философские аспекты государственной образовательной политики в условиях радикальной трансформации российского общества. Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора философских наук. М., 2001.

Актуальные проблемы государственной политики: учебник для студентов вузов / [В.И. Якунин и др.]. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017.

В учебнике рассмотрены актуальные проблемы государственной политики на современном этапе. Дается характеристика базовым политическим категориям и понятиям на примере богатого исторического и социологического материала. Особое внимание уделяется цивилизационным аспектам формирования государственной политики.

Для студентов гуманитарных факультетов высших учебных заведений.

УДК 378
ББК 74

СЛУЖЕБНО-ПРИКЛАДНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ УТРЕННЕЙ ФИЗИЧЕСКОЙ ЗАРЯДКИ КУРСАНТОВ И СЛУШАТЕЛЕЙ УЧРЕЖДЕНИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ МВД РОССИИ

ВАДИМ АНАТОЛЬЕВИЧ ХРОМОВ,

*доцент кафедры физической подготовки учебно-научного комплекса специальной подготовки
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, мастер спорта СССР*

E-mail: hromov1967@mail.ru;

АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ШАРОНОВ,

*старший преподаватель кафедры физической подготовки учебно-научного комплекса специальной подготовки
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, мастер спорта СССР*

E-mail: sharonov0234@gmail.com;

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ ЮРТАЕВ,

*преподаватель кафедры физической подготовки учебно-научного комплекса специальной подготовки
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

E-mail: 50guest50@gmail.com

Научная специальность 13.00.01 — общая педагогика, история педагогики и образования

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Обосновывается эффективность утренней физической подготовки как формы служебно-прикладной физической подготовки в учебных организациях МВД России. Описаны цели и задачи утренней физической зарядки, основы подготовки и методики проведения утренней физической зарядки.

Ключевые слова: утренняя физическая зарядка, служебно-прикладная физическая подготовка, курсанты, слушатели, скорость, выносливость, сила, вузы МВД России, спортивно-массовая работа.

Abstract. Substantiates the effectiveness of the morning physical training as a form of service-applied physical training in educational organizations, the Russian Interior Ministry. Describes the goals and objectives of morning physical exercise, the basis for training and methods of conducting morning physical exercises.

Keywords: Morning physical exercises, office and applied physical training, cadets, listeners, speed, endurance, force, higher education institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia, sports and mass work.

Утренняя физическая зарядка (УФЗ) в учебных организациях МВД России проводится в целях систематической физической тренировки курсантов и слушателей. Она способствует быстрому приведению организма после сна в бодрое состояние, является обязательным элементом распорядка дня, проводится через десять минут после подъема ежедневно, кроме выходных и праздничных дней в течение тридцати минут.

Специальные задачи УФЗ обуславливаются спецификой профессионально-прикладной дея-

тельности будущих полицейских, решение которых определяет специальную направленность физической подготовки вузов МВД России с учетом их служебного предназначения. Специальными задачами утренней физической зарядки для курсантов вузов МВД России являются:

- преимущественное развитие общей, силовой и скоростной выносливости, силы, быстроты и ловкости.
- овладение в индивидуальных и коллективных действиях прикладными навыками при пере-

движении по пересеченной местности с преодолением отдельных естественных и искусственных препятствий.

- формирование готовности к применению силового задержания.

Специальная направленность утренней физической зарядки обеспечивается — преимущественным применением комплексного варианта зарядки с включением упражнений, направленных на развитие наиболее важных физических качеств и служебно-прикладных двигательных навыков.

Утренняя физическая зарядка в вузе проводится по вариантам, которые разрабатываются профессорско-преподавательским составом кафедры физической подготовки, с учетом решения общих и специальных задач физической подготовки, возможностей материальной базы и особенностей учебной подготовки личного состава.

Проведя анализ расчета времени всех форм физической подготовки (учебные занятия, спортивно-массовая работа, утренняя физическая зарядка, инструктажи перед заступлением в наряд или службу по охране общественного порядка) в вузе с уверенностью можно сказать, что утренняя физическая зарядка занимает 120 часов в год и является второй по объему после спортивно-массовой работы среди всех форм физической подготовки, за счет чего позволяет продуктивно совершенствовать физические качества и служебно-прикладные двигательные навыки у курсантов и слушателей.

Вместе с тем, в настоящее время существует проблема развития и совершенствования основных физических качеств и служебно-прикладных двигательных навыков у отдельных курсантов учебного заведения, которые стандартном режиме не могут по объективным причинам показывать требуемые результаты.

По нашему мнению, решить данное противоречие между требованиями к физической подготовленности курсантов вузов МВД России и реальным состоянием дел, может индивидуализация УФЗ курсантов, при которой должны учитываться индивидуальные особенности каждого курсанта, иными словами уровень их физического развития.

Примерный план организации утренней физической зарядки с учетом индивидуальных особенностей физического развития отдельных курсантов,

отстающих по предмету физическая подготовка нам представляется таким образом:

- должен быть определен списочный состав групп по отдельно отстающим курсантам в том или ином служебно-прикладном упражнении.
- распределить отстающих курсантов по группам для проведения утренней физической зарядки с учетом невыполнения требуемых нормативов.
- организовать на постоянной основе с периодичностью не реже одного раза в месяц инструкторско-методические занятия с лицами из числа курсовых офицеров или ответственными согласно приказа начальника вуза.
- периодически не реже одного раза в неделю осуществлять контроль за организацией и методикой проведения УФЗ в подразделениях.
- путем правильной организации занятий добиваться от курсантов выполнения запланированной индивидуальной нагрузки в полном объеме.

Прежде чем приступить к целенаправленным занятиям на утренней физической зарядке, курсанты должны знать свои максимальные результаты на данный момент. Подготовительная часть занятия должна начинаться в группах и проводиться в течении 3—5 мин. Основная часть занятия должна проводиться в форме учебно-тренировочного занятия по совершенствованию курсантами отстающих упражнений в течении 25 мин. И в течении 3—5 мин. заключительная часть.

В конце хотелось бы отметить, что организация утренней физической зарядки в учебной организации МВД России с развитием ее служебно-прикладной направленности, поможет также творческой педагогической деятельности профессорско-преподавательскому составу кафедры физической подготовки, активизирует деятельность курсантов и слушателей вузов и как следствие приведет к совершенствованию специальных и физических качеств, а также служебно-прикладных двигательных навыков.

Методически правильная направленность утренней физической зарядки в учебной организации МВД России с учетом индивидуальных особенностей курсантов и слушателей будет помогать эффективности по несению службы и выполнению служебных обязанностей будущих стражей закона.

Литература

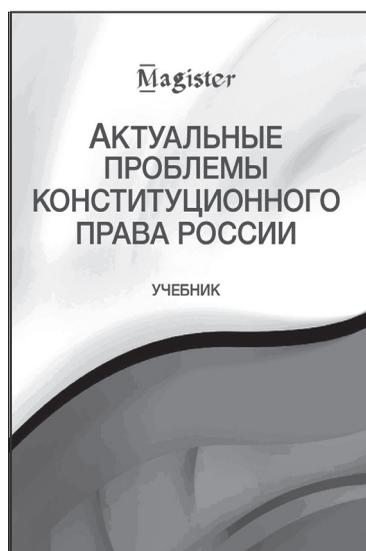
1. Жевлакович С.С., Химичева О.В., Кардашевский В.В., Потапенкова И.В., Кушнаренко И.А., Ковшевацкий В.И., Шестопалова Е.В., Шаров Д.В., Сысоев А.А., Хромов В.А., Питомцев М.Н., Разницын В.А., Ермолов П.С., Соиников С.А., Дмитренко А.П., Кисин В.Р. и др. Основы профессиональной деятельности. учебное пособие / М., 2016.

2. Зайцев А.А., Хромов В.А. Скоростные способности курсантов мужского и женского пола образовательных учреждений МВД России. В сборнике: Дети. Здоровье. Спорт Межрегиональный сборник научных трудов по проблемам интегративной и

спортивной антропологии — Под общей редакцией Р.Н. Дорохова. Смоленск, 2014. С. 153—156.

3. Хромов В.А., Платонов Д.А., Чехранов Ю.В. Особенности физической подготовки курсантов и слушателей вузов МВД России в современных условиях. Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 8. С. 220—222.

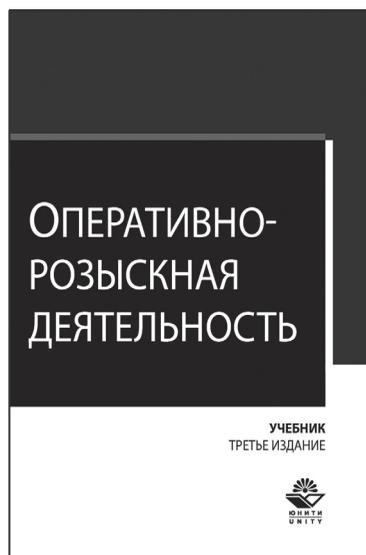
4. Физическая культура и физическая подготовка: учебник для студентов вузов, курсантов и слушателей образовательных учреждений высшего профессионального образования МВД России / под ред. В.Я. Кикотя, И.С. Барчукова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013.

Актуальные проблемы конституционного права России: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция». Гриф НИИ образования и науки. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». (Серия «Magister»). / Под ред. Б.С. Эбзеева. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 479 с.

Рассмотрены проблемные вопросы, относящиеся к предмету науки конституционного права. Цель учебника — раскрыть теоретическое содержание актуальных проблем основных разделов предмета, основы конституционного законодательства и правоприменительной практики по важнейшим проблемам государственного строительства в России.

Для студентов, магистрантов, адъюнктов и аспирантов юридических вузов.

Оперативно-розыскная деятельность: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / [И.А. Климов и др.]; под ред. И.А. Климова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 431 с.

Изложены базовые положения оперативно-розыскной деятельности (ОРД) в Российской Федерации. Приведены материалы, касающиеся оперативно-розыскной тактики, агентурного метода ОРД, финансового обеспечения, тактических особенностей деятельности различных субъектов ОРД по выявлению конкретных преступлений и других вопросов, составляющих государственную тайну.

В основе учебника — Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 5 июля 1995 г. (с последующими многочисленными изменениями и дополнениями).

Для студентов, слушателей и курсантов учебных заведений системы правоохранительных органов Российской Федерации.

УДК 378
ББК 74

ПРОЕКТИРОВАНИЕ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЕДУЩИХ КОНЦЕПТОВ

ВЛАДИСЛАВ АНАТОЛЬЕВИЧ ЧИСТОУСОВ,

кандидат педагогических наук, докторант, Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: vchistous@mail.ru;

ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА КАЗАНЦЕВА,

профессор кафедры педагогики, Университет управления «ТИСБИ», г. Казань, доктор педагогических наук

E-mail: menedgmt-kfu@mail.ru

Научная специальность 13.00.01 — общая педагогика, история педагогики и образования

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Анализируется проблема проектирования образовательного процесса в инновационном вузе. Предлагается новый педагогический феномен — нелинейно-детерминированное проектирование. Описываются аспекты и особенности.

Ключевые слова: нелинейное развитие; опережающее образование; системная инженерия; нелинейно-детерминированное проектирование; образовательный процесс.

Abstract. The authors actualize the problem of educational process's designing in innovative university. The newest pedagogic phenomenon — non-linear designing — is suggested. Some aspects and peculiarities of non-linear designing are described.

Keywords: non-linear development; forestalling education; systems engineering; non-linear designing; educational process.

Актуальность постановки проблемы проектирования инновационного образовательного процесса в профессиональном образовании определяется следующими обстоятельствами. Первое обстоятельство связано с непрерывными изменениями факторов, детерминирующих цели, содержание, технологии образовательного процесса. Так, анализ философской и профессионально-педагогической литературы показывает, что динамика развития цивилизации, культуры, областей знания, науки, техники, технологий, профессиональной деятельности и ее вариативных областей (в том числе, и области профессионального образования), рынка труда, социума, субъектов подчиняется различным нелинейным закономерностям [1; 3; 5; 6]. Второе обстоятельство, взаимосвязанное с первым, состоит в том, что время полного жизненного цикла систем (изделий; программ) уменьшается относительно времени полного жизненного цикла подготовки кадров в системе профессионального образования, что обуславливает необходимость разработки моделей опережающей подготовки и инновационных образовательных программ. Заметим, что

скорости этого процесса отличаются в различных областях знания и деятельности, причем наибольшие скорости достигаются в высокотехнологичных областях. Третье обстоятельство принадлежит к сфере проектировочной деятельности. В техническом знании (которое ранее, собственно, и послужило основным источником формирования концептуальных основ педагогического проектирования) изменился характер проектируемых систем. В настоящее время — это комплексные инженерные системы, представляющие собой интеграцию различных физических эффектов, достигающуюся оптимальным сочетанием разнородных компонентов. Для их разработки потребовалась командная деятельность различных специалистов, объединенная единой методологией. Отсюда, вследствие трансформации объектов проектирования (от систем к комплексным инженерно насыщенным системам) произошла трансформация проектировочных концептов (от инженерии к системной инженерии) [2].

Градиентом трансформации профессионального образования в условиях нелинейности является

ориентир на модели опережения. В связи с вышеизложенными обстоятельствами, в области педагогики, теории и методики профессионального образования возникает ряд проблемных вопросов: Возможно ли решение современных проектировочных задач на основе концептов, имеющих в области профессионального образования? Соответствуют ли представления о феномене «педагогическое проектирование», накопленные к настоящему времени в профессионально-педагогическом знании, системно инженерному знанию, как методологической основе проектирования современных систем? Как проектировать опережающее образование в условиях нелинейной динамики среды? Анализ авторских концептуальных моделей (В.С. Безрукова; В.П. Беспалько; Ю.Г. Тагур; А.А. Кирсанов; Л.И. Гурье; А.М. Новиков; Н.О. Яковлева; В.В. Афанасьев; В.Э. Штейнберг) показал, что феномен «педагогическое проектирование»: а) является компонентом деятельности педагогов (то есть включает лишь одну из трех категорий субъектов образовательного процесса); б) гомогенен (традиционно проектируются образовательные программы, причем в обучающем аспекте; воспитательный и развивающий аспекты либо проектируются отдельно, вне связи с обучающим, либо остаются на периферии процесса); в) выполняется на отдельных участках жизненного цикла (за исключением модели [4]) и реализуется, как правило, линейно, с минимумом итераций. Следует отметить, что сопоставление перечисленных выше авторских моделей с системно инженерными подходами выявило и наличие отдельных соответствий, однако, к сожалению, ни одна рассмотренная модель не может быть охарактеризована их комплексом.

Обобщение и систематизация ключевых позиций, характеризующих динамику современного мира, профессионального образования, проектировочной деятельности в процессе перехода к условиям нелинейности позволили обосновать необходимость трансформации теоретических основ проектирования в профессиональном образовании. Фактически, и условия среды, в рамках которых реализуются программы профессионального образования и те, на подготовку к деятельности выпускников в которых они ориентированы, кардинально изменились. Это, в свою очередь, обусловило необходимость поиска инновационных решений и, соот-

ветственно, совершенствования: а) объектов проектирования (комплекс «образовательная организация высшего образования — образовательный процесс — среда» вместо разработки какой-либо одной из этих составляющих); б) характера проектирования (необходимость целостной разработки комплексных гетерогенных образовательных систем взамен конструирования их отдельных элементов); в) требуемых результатов проектирования (их многомерного, многоаспектного представления в отличие от одномерного, одноаспектного). По аналогии с технико-технологическим знанием, в котором изменение объекта проектирования с систем на комплексные инженерно-насыщенные системы привело в методологическом плане к трансформации инженерии в системную инженерию (системотехнику, социотехнику), постановка задач проектирования образовательных систем, характеризующихся в настоящее время комплексностью, сложностью, гетерогенностью, в педагогике, теории и методике профессионального образования объективно определяет необходимость соответствующей трансформации ведущих концептов проектирования. Следуя установленной аналогии, в условиях нелинейного развития феномен «педагогическое проектирование» должен концептуально трансформироваться. Новейшему феномену было присвоено наименование «нелинейно-детерминированное проектирование». Нелинейно-детерминированное проектирование есть системообразующий компонент деятельности субъектов и средство обеспечения успешности образовательных систем в условиях нелинейной динамики среды. Наименование предложенного феномена отражает синергетическую парадигму (ядро современной картины мира), характер субъектов, среды, целей, содержания, процесса, результатов проектировочной деятельности в сфере профессионального образования. Слово «успешность» используется нами в системно инженерной трактовке: проектирование реализуется на полном жизненном цикле; продукты проектирования характеризуются неизменным наличием инновационных компонентов и потенциальными возможностями перспективной модернизации; обеспечивается удовлетворенность пользователей (потребителей). В отличие от педагогического проектирования, нелинейно-детерминированное проектирование предполагает уча-

стие всех субъектов образовательных систем (педагоги; обучающиеся; внешние субъекты) в разработке инновационного образовательного процесса.

В рамках выполняемого исследования нелинейно-детерминированное проектирование было представлено в виде системно инженерной схемы, что позволило конфигурировать и интегрировать разнообразные представления о проектировочной деятельности в сфере образования в нелинейных условиях среды. Основаниями визуализации явились системно-деятельностная методология и системотехнические правила изображения объектов [7, с. 437—448]. Композиционно схема представлена тремя основными областями: 1) область знания; 2) область мыследеятельности; 3) область нелинейно-детерминированного проектирования. Область мыследеятельности, следуя терминам организационно-деятельностной методологии, является кентавр-объектом (в нашем исследовании — деятельность по проектированию проектирования). Этот совокупный объект состоит из искусственной системы (задача — искусственно-техническая организация и преобразование естественной системы: проектирование образовательного процесса) и естественной системы (образовательный процесс как совокупная деятельность субъектов образовательных систем, системообразующим компонентом которой в нелинейных условиях среды является проектирование). Поэтому схемно область мыследеятельности представляется в виде матрешки (искусственная система охватывает естественную систему). Содержательное наполнение областей многомерно и представляет собой ряд сегментов и проектировочных параметров. В рамках каждого выделенного сегмента рассматривается пять параметров, однако, в общем случае, принимая во внимание нелинейность, открытость, как проектируемых систем, так и процесса проектировочной деятельности, процесс их эволюционного усложнения, в перспективе число проектировочных параметров будет только возрастать. Учитывая, что проектирование является системообразующим компонентом деятельности субъектов образовательных систем (как на этапе проектирования образовательного процесса, так и на этапах его реализации и рефлексии), методологический и проектировочный сегменты (с идентичным содержательным наполнением) включены

в структуру искусственной и естественной систем. В искусственную систему дополнительно включен и организационно-технический сегмент, обеспечивающий аккумуляцию проектировочных знаний, единую технологическую основу проектировочной деятельности субъектов образовательных систем. Состав остальных сегментов соответствует аспектам нелинейно-детерминированного проектирования: организационно-проектировочному, субъектно-проектировочному, коммуникационно-проектировочному, знаниево-проектировочному, программно-проектировочному. Системно инженерное (системотехническое) представление нелинейно-детерминированного проектирования служит основой для решения многомерных проектировочных задач, возникающих в профессиональном образовании в нелинейных условиях.

Таким образом, трансформация проектировочных концептов в профессиональном образовании, состоящая в переходе от педагогического проектирования к нелинейно-детерминированному проектированию, основанному на системно инженерных (системотехнических) подходах, обеспечивает нахождение баланса инновационных решений в динамичном многомерном проектировочном пространстве субъектами образовательных систем.

Литература

1. *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Синергетика: Нелинейность времени и ландшафты коэволюции. М.: КомКнига, 2007. 272 с.
2. *Косяков А., Свит У. и др.* Системная инженерия. Принципы и практика. Пер с англ. под ред. В.К. Батоврина. М.: ДМК Пресс, 2014. 624 с.
3. *Лесков Л.В.* Неизвестная вселенная. М.: Издательство ЛКИ. 2008. 232 с.
4. *Новиков А.М.* Педагогика: словарь системы основных понятий. М.: Эгвес. 2013. 286 с.
5. *Солодова Е.А.* Новые модели в системе образования: Синергетический подход: Учебное пособие. М.: ЛИБРОКОМ. 2013. 344 с.
6. *Степин В.С.* Теоретическое знание. М.: «Прогресс-Традиция», 2000. 744 с.
7. *Щедровицкий Г.П.* «Естественное» и «искусственное» в социотехнических системах / Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М.: Шк.Культ. Полит., 1995.

УДК 378

ББК 74

ФАКТОРЫ, ВОЗДЕЙСТВУЮЩИЕ НА СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ — БУДУЩИХ ДЕФЕКТОЛОГОВ

НАДЕЖДА ВЛАДИМИРОВНА ДЕЙНЕГА,

старший преподаватель факультета специальной педагогики и психологии кафедры логопедии

Московского государственного областного университета

E-mail: dnv_921@mail.ru

Научная специальность 13.00.08 — теория и методика профессионального образования

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Описываются факторы, воздействующие на становление личностно-профессиональной компетентности студентов — будущих дефектологов. Показана амплификация личностно-профессиональной компетентности студентов — будущих дефектологов с точки зрения временного фактора. Представлены результаты контент-анализа учебного плана подготовки бакалавров по направлению 44.03.03 Специальное (дефектологическое) образование, профиль подготовки «Дошкольная дефектология».

Ключевые слова: факторы, личностно-профессиональная компетентность, дефектолог, динамика, амплификация.

Abstract. The article describes the factors that influence the formation of personal and professional competence of students — future defectologists. The amplification of personal-professional competence of students — future defectologists from the point of view of time factor is shown. The results of the content analysis of the curriculum for the preparation of bachelors in the direction of 44.03.03 are presented. Special (defectological) education, the profile of the preparation «Preschool Defectology».

Keywords: factors, personal-professional competence, defectologist, dynamics, amplification.

Современный рынок труда в области коррекционно-педагогической деятельности, являясь внешним фактором, диктует необходимость в подготовке особых специалистов, ориентированных не только на образовательную деятельность. Дефектологу часто приходится действовать в области жизненных ситуаций, межличностных отношений, где нет готовых способов решения проблемы. Роберт Мертон, исследуя социологические законы и применяя «теорию среднего уровня» утверждал, что «если вы не представляете, с какими ситуациями могут столкнуться ваши ученики в будущем, учите их тому, что они могут применять в любых ситуациях».

Профессия дефектолога требует особых умений ориентироваться на решение изменяющихся задач, переносить и применять свои знания в новых нетра-

диционных ситуациях и направлять их на достаточно широкую сферу деятельности, как в теоретическом, так и в прикладном аспектах.

Практикой востребованы результаты профессионального образования не в виде того, что знает выпускник вуза, а в форме его практической готовности (или способности) к деятельности в типовых и нестандартных ситуациях профессиональной жизни. Речь идет об особых образовательных результатах системы профессионального образования так называемой «профессиональной компетентности» и таких ее составляющих, как специальные профессиональные и ключевые (базовые) компетенции [1].

Достаточно сложно, измерить понятие «становление личностно-профессиональной компетентности студента», так как оно охватывает многие сто-

роны личностной и профессиональной сфер как сегодняшнего студента университета, где он проходит подготовку, так и особенности, включая психологические, его будущей профессиональной деятельности. Мы говорим о прохождении студентом — будущим дефектологом этапов (или ступеней) формирования компетентности от бессознательного незнания до осознанного знания. Личностно-профессиональная компетентность формируется на этапах мотивов, явных знаний, начальных умений, простых и сложных навыков проходя ряд стадий накопления [2, с. 45—48].

На первом уровне обучения (бакалавриат) осуществляется подготовка, позволяющая сформировать у выпускника достаточно широкий спектр видов профессиональной деятельности в рамках выбранного профиля. В результате обучения на этой стадии студент получает базовые знания по фундаментальным и специальным дисциплинам. В реализуемом ФГОС ВО на уровне бакалавриата выделены следующие виды профессиональной деятельности: коррекционно-педагогическая, диагностико-консультативная, исследовательская, культурно-просветительская.

Это предполагает, что бакалавр дефектологического образования способен реализовывать различные аспекты изучения, образования, развития, абилитации, реабилитации и социальной адаптации людей с ОВЗ и особыми образовательными потребностями в существующих структурах (в том числе внедряющих инклюзивные программы), организовывать взаимодействие с семьей и окружением лиц с ОВЗ.

Находясь под воздействием внешних факторов общественных, экономических и политических личностность попадает в новую среду, в которой ей необходимо адаптироваться под воздействием микрофакторов. Принимая во внимание — личность преподавателя, микроклимат группы, внутреннюю среду организации факультета и вуза в целом осуществляющих образовательный процесс, особенности взаимодействия всех подразделений и психологический климат студент адаптируется в социальном окружении, используя имеющиеся компетентности и, развивая и углубляя новые компетенции.

Рефлексивные навыки, а также регулятивные свойства личности, как самоконтроль, самокритич-

ность, самооценка своих поступков, а также стрессоустойчивые качества — физическая тренированность, самовнушаемость, умение управлять своими эмоциями. Позволяют студентам быстрее адаптироваться и ориентироваться в ситуациях практического применения своих навыков и умений.

Коммуникабельность, эмпатичность, аттрактивность, красноречие представляют совокупность интерсоциальных навыков и являются составляющими операционального компонента личностно-профессиональной компетентности дефектолога.

Сложность взаимодействия между выше перечисленными факторами ведет к постоянному изменению соотношения данных факторов на каждом конкретном временном отрезке, поскольку любые изменения во взаимодействии всегда в той или иной мере обуславливают последующие взаимодействия [3, с. 134—136].

Рассматривая амплификацию личностно-профессиональной компетентности студентов — будущих дефектологов с точки зрения временного фактора, мы использовали контент анализ рабочих программ на первом уровне обучения (бакалавриат). В результате обучения на этой стадии студент получает фундаментальную подготовку по одному из профилей в рамках специального (дефектологического) образования.

Разработанный и внедряемый федеральный государственный стандарт высшего образования выделяет три вида компетенций общекультурные компетенции (ОК), общепрофессиональные компетенции (ОПК) и профессиональные компетенции (ПК). Все дисциплины учебного плана направлены на развитие определенных компетенций и логично было бы предположить, что и компетентность студентов как профессиональная, так и личностная во временном образовательном отрезке должна показывать положительную динамику.

Для более наглядного понимания вопроса приведем результаты анализа учебного плана подготовки бакалавров по направлению 44.03.03 Специальное (дефектологическое) образование, профиль подготовки «Дошкольная дефектология», год начала подготовки 2016 г.

Изучив учебный план подготовки бакалавров по направлению подготовки 44.03.03 Специальное

(дефектологическое) образование профиль: «Дошкольная логопедия» срок обучения четыре года, мы пришли к следующему выводу: Что на всех уровнях подготовки (79 дисциплин три вида практик и государственная аттестация) учитываются, развиваются и закрепляются на практике девять общекультурных компетенций, пять общепрофессиональных компетенций и 11 Профессиональных компетенций. Стержнем, инициирующим динамику личностно-профессиональной компетентности, является планомерное прохождение программы и рост теоретических и практических знаний. Понимание специфики профессии при знакомстве с клиническими основами нозологических групп, получение первичных знаний в использовании имеющихся навыков коммуникации в речевой культуре дефектолога и развитие этого навыка в профессиональном общении дефектолога.

Сосредоточение студентов на конкретной проблематике коррекции дефекта влечет за собой изучение диагностических и коррекционных методик. Переход количественных изменений в качественные отслеживается во время прохождения практик и знакомства с категорией детей дошколь-

ного и школьного возраста имеющих anomalies в развитии.

Данные проведенного нами контент-анализа положены в основу изучения, измерения и описания динамики становления личностно-профессиональной компетентности студентов — будущих дефектологов с учетом выше перечисленных факторов воздействующих на личность в процессе получения высшего профессионального образования.

Литература:

1. *Базаров Т.Ю.* Компетенции будущего: Квалификация? Компетентность (критерии качества)? // URL: cwww.tltsu.ru/publectures/lecture_06.html
2. *Климова Е.М., Миляева Н.С.* Роль направленности личности в построении карьеры. В сб.: Мат. науч.-метод. конф. преподавателей, аспирантов и студентов МГОУ. М., 2015.
3. *Поручкина С.М.* Профессионализм педагога. В сб.: Профессионализм педагога: сущность, содержание, перспективы развития: Науч. труды междунар. науч. конф. В 2 ч. М., 2016.

Социология жизни: Монография / Ж.Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 399 с. (Серия «Magister»).

Обосновывается возможность анализа общественных явлений и процессов с позиций новой теоретической концепции — социологии жизни. В ее основе лежит представление о жизненном мире, образующем триединством таких индикаторов, как реально функционирующее общественное сознание, действительное поведение людей, которые реализуются в условиях макро-, мезо- и микромира.

Анализируются генезис идей социологии жизни, ее объект и предмет, понятийный аппарат, структура и уровни социологического знания. Особое внимание уделяется ранее практически не используемому в социологии понятию «смысл жизни», которое позволяет глубже проникнуть в жизненный мир людей, точнее описать и интерпретировать анализируемые социальные проблемы для получения надежной до-

стоверной и ориентированной на практику информации. На этой основе дается описание многообразия жизненного мира, его позитивных и негативных характеристик.

УДК 378.6

ББК 74.58

МЕСТО МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ЭКЗАМЕНА В СИСТЕМЕ ОЦЕНКИ КОМПЕТЕНТНОСТИ СПЕЦИАЛИСТА

ИРИНА ГЕОРГИЕВНА ЕВСЕЕВА,

начальник кафедры педагогики УНК ПСД Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат психологических наук, доцент, полковник полиции

E-mail: irina.evseeva14@mail.ru;

ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА БОРИСОВА,

доцент кафедры экономической безопасности, финансов и экономического анализа

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат экономических наук, полковник полиции

E-mail: katysya_2000@mail.ru

Рецензент: доктор педагогических наук И.В. Ульянова

Научная специальность 13.00.08 — теория и методика профессионального образования

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Переход российского высшего профессионального образования на новые образовательные стандарты в новых для страны политических, экономических условиях предоставляет педагогическим коллективам современных образовательных организаций высшего образования широкие возможности творчески организовывать образовательный процесс с учетом богатого арсенала актуальных инноваций международного уровня при одновременной возможности сохранять и развивать традиции отечественного образования.

Ключевые слова: общекультурные и профессиональные компетенции обучающихся, междисциплинарные компетентности обучающихся, квазипрофессиональная учебная деятельность.

Abstract. The transition of the Russian higher professional education new educational standards in the nation's new political and economic conditions provides teachers of modern educational institutions of higher education ample opportunities to creatively organize the educational process taking into account the rich Arsenal of current innovations international level, whilst the possibility to preserve and develop traditions of domestic education.

Keywords: General cultural and professional competencies, interdisciplinary competence, quasiprofessional learning activities.

Государственная итоговая аттестация проводится на 5 курсе (10 семестр) обучения после изучения всех профильных учебных дисциплин и относится к завершающим процесс формирования специалиста по определенной специальности и специализации с присвоением квалификации (степени) выпускника.

Аттестационные испытания государственной итоговой аттестации проводятся в форме междисциплинарного государственного экзамена.

К государственной итоговой аттестации допускается обучающийся, не имеющий академической задолженности и в полном объеме выполнивший учебный план по соответствующей образовательной программе высшего образования.

Проведение аттестационных испытаний государственной итоговой аттестации слушателей направлено на определение готовности выпускника к самостоятельному выполнению служебных обязанностей в должности психолога, посредством определения уровня сформированности у экзаменуемого профессиональных компетенций (ПК), определенных ФГОС ВО [1], прежде всего, знаний, умений и навыков, как компонентов этих компетенций.

Для проведения государственной итоговой аттестации организуются аттестационные испытания, состоящие из трех этапов:

1. Теоретико-методологический анализ проблемной ситуации профессиональной деятельности.

2. Психодиагностика.

3. Коррекционно-развивающая и консультативная работа.

Переход высшей школы на ФГОС ВО, ориентированный на формирование компетентностей, актуализирует разработку контрольно измерительных материалов, позволяющих объективно оценивать компетентности слушателя.

Большинство исследователей понимают компетентность как овладение соответствующей компетенцией — заданным требованием к подготовке, необходимой для успешной профессиональной деятельности. Компетентность — это совокупность качеств личности слушателя (знаний, умений и навыков, опыта, способностей, ценностно смысловых ориентаций), которые обеспечивают и усиливают его готовность к работе по специальности.

В соответствии с содержанием образования различают компетентности ключевые, междисциплинарные и предметные; каждой компетентности соответствует свой спектр знаний, умений и навыков, а также ряд других качеств личности, важных для будущей работы. В настоящее время проблема объективной оценки именно таких качеств личности, выходящих за рамки традиционного, «знаниевого», подхода, изучена недостаточно [3].

Первым шагом к решению указанной проблемы, по нашему мнению, может стать оценка предметных и междисциплинарных компетентностей — именно они формируют способность и готовность слушателя применять получаемые знания в профессиональной деятельности, их преобразование в «знания в действии».

Готовность к применению знаний по конкретной дисциплине (учебному предмету) обеспечивают предметные компетентности, которые формируются в том случае, если при обучении дисциплине организуется квазипрофессиональная деятельность, моделирующая элементы деятельности профессиональной; готовность же слушателя комплексно применять знания нескольких дисциплин, как того и требует профессиональная деятельность, определяют междисциплинарные компетентности.

К их числу, кроме знаний, умений и навыков, необходимо отнести следующие:

1) понимание связей между различными дисциплинами и психологическая готовность приме-

нять знания из соответствующих дисциплин при изучении других;

2) опыт применения знаний по одним дисциплинам при изучении других;

3) понимание необходимости и возможности комплексно применять знания из различных дисциплин в профессиональной деятельности;

4) опыт комплексного применения знаний по различным дисциплинам в квазипрофессиональной деятельности;

5) уверенность слушателя в своих возможностях решать задачи профессиональной деятельности, комплексно применяя знания по различным дисциплинам;

6) желание и готовность при изучении дисциплины получать новые знания из других дисциплин.

Опыт применения знаний по одним дисциплинам при изучении других формируется, если содержание обучения отражает междисциплинарные связи, а опыт применения знаний в будущей работе — если организуется квазипрофессиональная учебная деятельность. Полученный опыт, соединяющий в единое целое отдельные усвоенные действия, способы и приемы решения задач, обеспечивает новое качество — способность решать определенные профессиональные задачи; укрепляет уверенность слушателя в своих возможностях и его желание получать дополнительные знания. Как видим, предметные и междисциплинарные компетентности существенно повышают готовность слушателя к будущей работе, а условием их формирования является усиление междисциплинарных связей в сочетании с квазипрофессиональной деятельностью.

Сегодня становится все более очевидным, что подрастающее поколение, в том числе и курсанты, мало озабочены авторством конкретного текста, библиографическими данными научного/художественного источника. Это говорит об их неспособности дифференцировать понятия и соответствующие им явления — «информационные ресурсы», «информационные технологии», их формы. В дальнейшем данный факт может не только влиять на развитие некомпетентной личности, но и спровоцировать пренебрежение обучающихся к компиляциям, некорректным заимствованиям, плагиату, т.е. косвенно влиять на формирование безнравственного поведения.

Для снижения перечисленных рисков в контексте педагогики смысложизненных ориентаций предлагается организовывать с курсантами библиотечный семинар — когда на занятии выступает сотрудник библиотеки, информирующий курсантов о правилах и способах поиска, систематизации информации, представленной в печатном виде, об автоматизированных ресурсах библиотеки. В свою очередь, преподаватель одной из учебных дисциплин (при подготовке социальных педагогов целесообразно выбрать учебную дисциплину «Общие основы педагогики») инструктирует обучающихся о правилах поиска, систематизации, обработки и передачи научной информации на основе актуальных для будущих социальных педагогов научных статей, опубликованных в периодической печати. На практическом уровне курсанты не только изучают научный материал, но и обобщают его, оформляя план-конспект, презентуют учебному взводу, совершенствуя навыки публичного выступления, дискуссии. Наши наблюдения показали, что значительная часть первокурсников (до 90% в учебном взводе) испытывает затруднения в обработке, структурировании научной информации и ее передаче в устной и письменной формах. В связи с этим вначале преподаватель обеспечивает безотметочную среду, содействуя подопечным в комфортном для личности процессе формирования актуальных умений и навыков.

Значительная часть курсантов первого курса, осваивающих социально-педагогическую деятельность, нуждается также в приобретении практического опыта в сфере личностного самосовершенствования, самовоспитания, в области организационной, творческой деятельности. Для этого работа с информацией, представленной в печатной и автоматизированной формах, систематически должна сопрягаться с рефлексивными, организационными, художественно-творческими заданиями: сначала со стороны преподавателя, затем — и сокурсников.

Нередко в педагогической среде возникает серьезное противоречие в области вопроса, касающегося хранения информации: актуальны ли в целом бумажные носители в настоящее время? Наша практика показала их значимость, ибо хранящаяся в них информация более реальна, более целенаправленно влияет на гармоничное развитие личности (ибо в восприятии информации участвуют тактильные

ощущения человека, стимулируется его понимание информационной целостности научного материала и проч.). Наряду с этим именно уважительное отношение к реальным книгам, журналам (как физическим объектам) стимулирует укрепление гуманитарных традиций в молодежной среде, в определенной мере позитивно сказывается на отходе от сугубо утилитарного отношения к информации и ее переносе в духовно-материальную сферу личности. В связи с этим столь важны такие акты в процессе обучения, как, например, приведение преподавателем цитаты в процессе лекции непосредственно из принесенной им на занятие книги или оформление обучающимися портфолио учебной дисциплины и систематическое его пополнение актуальными материалами, а также дальнейшее использование в последующие годы.

Особую важность в подготовке курсантов к работе с информационными ресурсами приобретает гносеологический аспект процесса обучения. Это связано с тем, что высокий уровень формализации знаний, транслируемый Интернетом, обуславливает значительное снижение нагрузки на интенсивность мыслительной деятельности человека, как следствие — нивелирование гибкости мышления, способности к выдвижению гипотез. Следовательно, для эффективного развития обучающейся личности остается важным (во многих случаях и приоритетным) и традиционно осваиваемый информационный ресурс посредством неавтоматизированных методов, способов, средств получения, хранения, поиска, систематизации, обработки и передачи информации. В частности, выступая в роли аналитика изучаемой информации (на основе слушания лекции, чтения книги и проч.), курсант осознает ряд соотношений и закономерностей предметной области; выступая в роли эксперта — порождает новые знания. Самостоятельно анализируя, обобщая, систематизируя информацию, курсант преобразует ее, переводя из внешнего формата во внутренний; он действует на уровне активного выполнения множеств операций: описания и обобщения фактов, их классификации, моделирования, прогнозирования и проч. В частности, организуя работу курсантов с научной информацией, уж на первом курсе необходимо содействовать им в освоении методов научного познания: наблюдения, эксперимента (элементарного уровня), анализа и синтеза, индукции и дедук-

ции, восхождения от абстрактного к конкретному, исторического и логического методов и проч.

Подводя итог, подчеркнем:

- общекультурная компетенция, связанная с развитием у курсантов способности работать с различными информационными ресурсами и технологиями, применять основные методы, способы и средства получения, хранения, поиска, систематизации, обработки и передачи информации (ОК-12) нуждается в функциональной дифференциации, благодаря чему будут актуализированы два аспекта информационных ресурсов: автоматизированный и традиционный (печатный);
- для комплексной работы по формированию у курсантов-будущих социальных педагогов ОК-12 требуется устойчивая интегративная деятельность специалистов кафедр педагогики и информатики и математики, библиотеки, а также ее акцентирование в период первого года обучения курсантов;
- формирование у курсантов ОК-12, как показала практика, наиболее эффективно в контексте концептуальных положений педагогики смысловых жизненных ориентаций, обеспечивающей целостность педагогического процесса, актуализирующей морально-нравственное воспитание и самовоспитание в процессе обучения, личностно ориентированный подход в ситуации подготовки социального педагога.

Междисциплинарные модели имеют универсальный характер и возникают в обучении любой дисциплине всякий раз, когда используются знания другой дисциплины. Известным примером является математическая модель в методе математического моделирования. Если же используются знания нескольких дисциплин, то соответствующие междисциплинарные модели строятся последовательно. Так, студент инженерного вуза, проектируя конструкционные материалы, обеспечивающие прочность механизма, вначале формирует его физическую модель — систему приложения сил из курса физики, исследует ее, интерпретирует результат. Далее он формирует и исследует другие модели, поочередно используя знания по другим дисциплинам: сопротивлению материалов, материаловедению и химии. В результате комплексного приме-

ния знаний получается описание конструкционных материалов. Именно в процессе формирования моделей студент осознает междисциплинарные связи.

Итоговую оценку выполнения проверочного задания следует формировать из оценки:

- 1) знаний по дисциплинам, необходимых для построения междисциплинарной модели;
- 2) навыков формирования таких моделей;
- 3) знаний, необходимых для исследования модели;
- 4) опыта применения знаний при таком исследовании;
- 5) умения интерпретировать и оценивать полученный результат.

Отсюда следует, что в проверочных заданиях следует предусмотреть, во-первых, разделы, определяющие уровень знаний слушателя (студента) по дисциплинам, во-вторых, задачи трех типов для оценивания навыков формирования междисциплинарных моделей, способности исследовать модели, умения осмысливать результат применения знаний. Наконец, необходимы задачи для проверки умения слушателя (студента) выполнять все эти этапы, последовательно переходя от одного к другому.

Оценка выполнения задания по выбранной шкале будет объективной оценкой и знаний, и междисциплинарных компетентностей слушателя (студента). Мы исходим из того, что у слушателя (студента), имеющего знания по дисциплине, компетентности могут быть не сформированы — если он не умеет применять знания за рамками дисциплины; отсутствие же у слушателя (студента) необходимых знаний приводит и к отсутствию междисциплинарных компетентностей.

Изложенные рассуждения затрагивают лишь некоторые аспекты описания контрольно-измерительных материалов для оценки междисциплинарных компетентностей, которое, безусловно, необходимо уточнять при практической реализации положений ФГОС ВО.

Литература

1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования. Приказ Минобрнауки России от 19 декабря 2013 года № 1367 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по

образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» // «Российская газета». 2014. № 56.

2. *Ульянова И.В., Свинарева О.В.* Особенности педагогического сопровождения обучающихся в контексте различных педагогических подходов // *Современные проблемы науки и образования*. 2015. № 4.

3. *Ульянова И.В., Евсеева И.Г., Борисова Е.В.* Подготовка курсантов — будущих социальных педагогов к консультационной деятельности // *Современные проблемы науки и образования*. 2015. № 6.

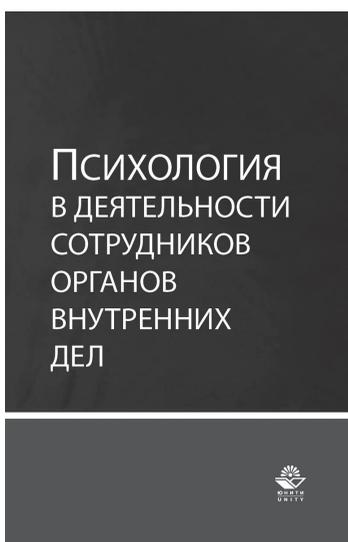
4. *Тихомиров С.Н., Евсеева И.Г.* Исследовательская компетентность курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России и методика ее формирования // *Философские исследования и современность: Сб. науч. тр. М.*, 2015.

Обстоятельства, исключающие преступность деяния. Учебное пособие. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки. Смирнов А.М. и др. Изд-во ЮНИТИ, 2016. 168 стр.

Учебное пособие предназначено для формирования у читателей полного представления о социально-правовой природе обстоятельств, исключающих преступность деяния, как одного из основных институтов российского уголовного права.

Для студентов, курсантов, слушателей вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция», а также специальности «Юриспруденция», для научно-педагогических работников и практикующих юристов.

Психология в деятельности сотрудников органов внутренних дел: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлениям подготовки «Правовое обеспечение национальной безопасности» и «Правоохранительная деятельность» / [В.Л. Цветков и др.]; под ред. И.А. Калиниченко. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2017. 207 с.

Рассматриваются проблемы психологии профессиональной деятельности для сотрудников полиции. Даются психологическая характеристика следственной деятельности, профессиографическое описание деятельности участкового уполномоченного полиции.

Анализируются психологические особенности предварительного расследования. Уделяется внимание криминальной психологии и особенностям судопроизводства по уголовным делам. Самостоятельная глава посвящена судебно-психологической экспертизе.

Для курсантов, адъюнктов, аспирантов вузов, а также всех тех, кто интересуется проблемами психологического обеспечения правоохранительной деятельности и юридической психологии.

УДК 378

ББК 74

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ СОЗДАНИЯ ЭЛЕКТОННЫХ УЧЕБНИКОВ ПО ДИСЦИПЛИНАМ «ТАКТИКО-СПЕЦИАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА» И «ОГНЕВАЯ ПОДГОТОВКА»

ГРИГОРИЙ ВАДИСЛАВОВИЧ ШЕВЧЕНКО,

старший преподаватель кафедры деятельности ОВД в особых условиях учебно-научного комплекса специальной подготовки

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

ВИКТОР АНАТОЛЬЕВИЧ БОЛДАРЕВ,

заместитель начальника кафедры огневой подготовки Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

E-mail: PoliceUniversity@yandex.ru

Научная специальность 13.00.08 — теория и методика профессионального образования

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматривается использование и внедрения компьютерных информационных технологий в образовательных учреждениях МВД России.

Ключевые слова: компьютер, мультимедиа, информация, технологии, методика, обучение, программы, педагогика.

Abstract. This article considers the usage and application of computer information technology in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Keywords: computer, multimedia, information, technology, methodology, training, programs, education.

В связи с реформированием Министерства внутренних дел России, новым подходом к обучению будущих офицеров полиции, требуются квалифицированные педагогические работники с новой методикой использования информационных технологий.

В настоящее время современные преподаватели вузов — это не только имеющие ученную степень, но и постоянно совершенствующие свой уровень профессионализма, и без информационных технологий здесь не обойтись. Педагогу знать общепринятое программное обеспечение офисного пакета Microsoft Office для обучения курсантов (слушателей) на сегодняшний день недостаточно. Сейчас подавляющее большинство преподавателей используют приложения прикладных программ для эффективного проведения занятия, например, приложения Microsoft Word, Excel, PowerPoint. Сегодня уже в школах начиная с 2012 года внесены в перечень школьной литературы — электронные учебники.

До сих пор нет четкого представления и определения «электронный учебник». Одни утвержда-

ют, что это специальное устройство с программным обеспечением, используемое в образовательном процессе, другие подразумевают электронную версию бумажного учебника, третьи утверждают, что это программно-методический комплекс, обеспечивающий возможность самостоятельного освоения учебного курса или большого раздела.

Авторы данной статьи представляют свою версию определения электронный учебник — это основное учебное электронное издание, созданное на высоком научном и методическом уровне, полностью соответствующее федеральной составляющей дисциплины Государственного образовательного стандарта специальностей и направлений, определяемой дидактическими единицами стандарта и программой. А электронное издание — это совокупность графической, текстовой, цифровой, речевой, музыкальной, видео-, фото- и другой информации, а также печатной документации пользователя [1].

Несмотря на многообразие этих определений можно с уверенностью сказать, что пока будут из-

меняться информационные технологии, равно так же будет расширяться понятие ЭУ. Существуют два основных вида ЭУ:

1. учебник с высокой динамикой мультимедийного материала. Как правило внедрена структура традиционного учебника по какому-нибудь предмету или дисциплине, при этом является независимым и неизменяемым. Наряду с основным материалом он содержит средства интерактивного доступа, средства анимации, а также видео-, кинофрагментов в динамике демонстрирующие принципы и способы реализации отдельных процессов и явлений. Он используется на персональных компьютерах или в локальных компьютерных сетях и распространяется на CD-ROM.

2. Internet-учебник. Под Internet-учебником понимается открытый и имеющий ссылки на внешние источники информации, базы данных и знаний электронный учебник, размещаемый на одном из серверов глобальной компьютерной сети.

В своем докладе «Дорожная карта дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации» министр внутренних дел Российской Федерации В. А. Колокольцев наряду с другими требованиями выдвинул задачи по совершенствованию системы управления и оптимизации деятельности ОВД: «Для скорейшего внедрения новейших достижений в области разработки ИТ в деятельность ОВД и оценки эффективности действующих информационных систем создать при Министре внутренних дел специализированный Экспертно-консультативный совет из представителей научных учреждений и крупнейших отечественных ИТ компаний [2].

Необходимо организовать изменение учебного процесса в образовательных учреждениях МВД России по обучению всех категорий курсантов новейшим методам работы с информацией».

И в связи с этим, педагогическим работникам образовательных организаций и учреждений МВД России необходимо, как уже выше было сказано помимо знаний приложения Microsoft Office, обучаться другому программному обеспечению, которое помогло бы применить другую, более интенсивную методику при обучении, отвечающую предъявляемым требованиям современных технических возможностей, а самое главное эффективно.

При использовании некоторого программного обеспечения практические занятия можно проводить более информативно, познавательно и интенсивно, например, применяя различные интерактивные условные тактические знаки в служебно-графических документах, при планировании и подготовке специальных операций можно проследить динамику проведения данных мероприятий или рассмотреть множество вариантов задержания правонарушителей или преступников [3].

Интересен теоретико-методологический аспект внедрения компьютерных технологий необходимостью их концептуального обоснования, как новой формы обучения.

На рис. 1 представлена классическая форма обучения с помощью линейно-активного метода, применяемого на занятии по дисциплине «Тактико-специальная подготовка» кафедры деятельности ОВД в особых условиях, где без использования КТ, в нынешнее время нельзя освоить большой информационный поток за короткое время занятия, а в часы самоподготовки воспользоваться мультимедийной лекцией.

А вот ходе проводимого научного исследования некоторые занятия по дисциплинам «Тактико-специальная подготовка», «Огневая подготовка», «Личная безопасность сотрудника ОВД» можно проводить с помощью разветвленно-интерактивного метода, который представлен на рис. 2.

Данный метод позволяет использовать компьютерные технологии по данным дисциплинам очень

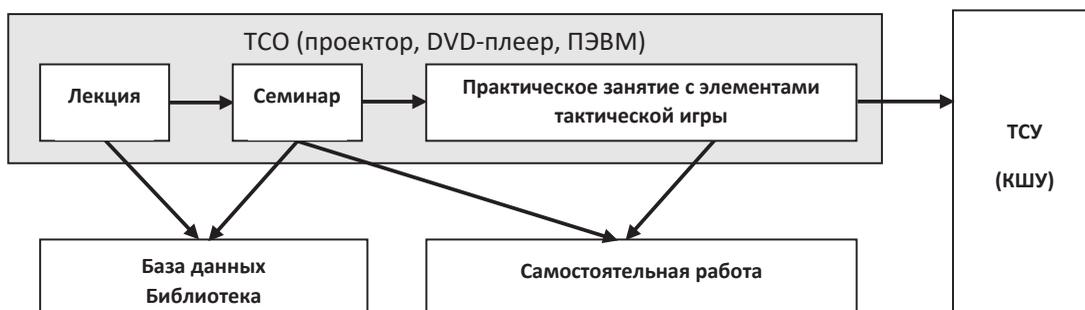

Рис. 1. Линейно-активный метод

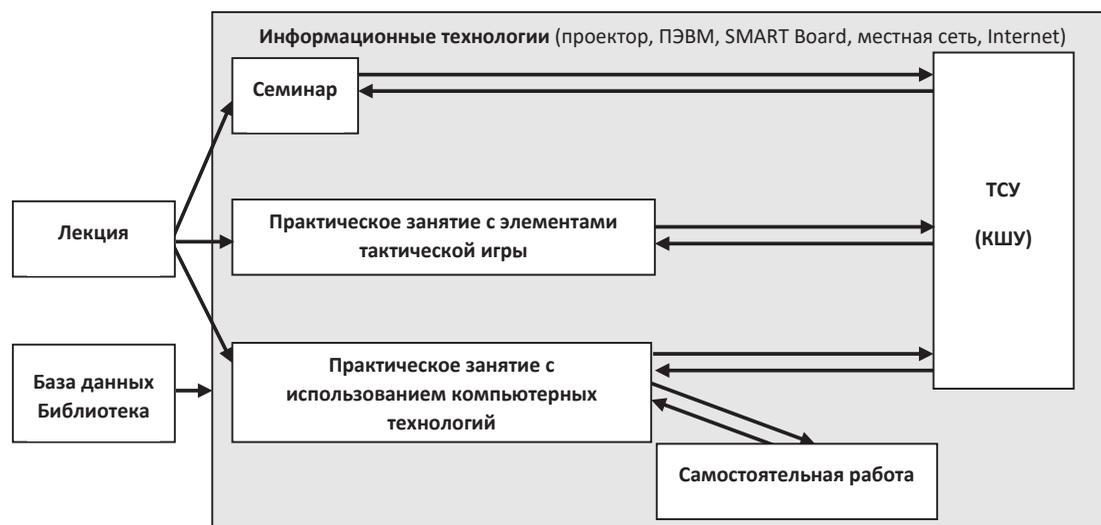

Рис. 2. Разветвленно-интерактивный метод

эффективно при рассмотрении как простых тем, связанных с изучением местности, топографических основ, так и сложных тем, таких как отражение группового и (или) вооруженного нападения на объекты органов, организаций и подразделений системы МВД России, пресечение их захвата, розыск и задержание вооруженных и иных особо опасных преступников, пресечение массовых беспорядков и т.д., причем приобретенные знания по данным темам должны помочь успешно выполнить задачи на тактико-специальных учениях, где преподаватели различных дисциплин оценивают правильность выполнения приемов и способов действий сотрудников ОВД при чрезвычайных обстоятельствах.

А также позволит ускорить процесс освоения теоретических знаний тактики действий подразделений ОВД в различных условиях, и преподаватель будет затрачивать гораздо меньше времени на систематическую проверку знаний у курсантов (слушателей).

В современных условиях существует различные профессиональные программы по созданию ЭУ. Вот, например, бесплатные программы (TurboSite, eBookMaestro), и недорогие разработки (MyTest, SunRavSoftware), которые можно использовать в образовательном процессе.

Интересные факты были получены в ходе исследования по выбору носителя для ЭУ. На CD-ROM, DVD-ROM носителях можно разместить электронные издания текстом в десятки тысяч страниц, с большим количеством графики, различной анимации, звуковым и видеоматериалом, на BD-R [4] — то же, что и на DVD [5] — носителе, только

в 5—27 раз больше материала с использованием видеоматериалов высокой четкости. И последняя новинка оптических дисков — это M-Disk, технология которого позволяет безопасно хранить записанную информацию 1000 лет [6]. Крайне редко используются полупроводниковые флеш-носители, а вот последнее время, стало популярнее размещать большие объемы информации в облачном хранилище интернета, таких компаний: Mail.ru Group, Mega, MediaFire, Copy, Google Диск, Яндекс Диск и т.д.

Прежде чем выполнять трудоемкую работу по созданию ЭУ, можно дать жизнь бумажным учебникам и пособиям, переработав их, сделав их более наглядными, реалистичными, запоминаемыми. Вот бумажные издания «Альбом схем современного ручного стрелкового огнестрельного оружия и боеприпасов, состоящих на вооружении органов внутренних дел» и «Огневая подготовка» было выигрышно для учебного процесса переработать с использованием видео, анимации.

Например, такое совместное сочетание бумажного варианта и DVD-video диска нашло свое практическое применение в учебно-методическом пособии при изучении различных дисциплин «Тактико-специальная подготовка» и «Начальная профессиональная подготовка и введение в специальность» в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя.

Данное пособие разбито на главы, соответствующие темам учебной программы. Особенностью данного пособия является использование не только на компьютерной технике, но и на обычных DVD-

проигрывателях. Видео-материал этого пособия можно использовать в образовательном процессе не только при обучении курсантов, но и преподавателями, которые могут применять для проведения занятий вместо различных плакатов и схем, проецируя на экран [7].

Так при создании данного учебно-методического пособия были использованы следующие компьютерные программы видео и графического монтажа: Pinnacle Studio 19 Ultimate, Nero Vision 10, Cyber Link Power DVD10, Cyber Link Power Director, Adobe Photoshop CS2 с помощью которых были подготовлены различные графические и видео материалы, а они в свою очередь послужили содержанием DVD-video диска [8].

Научно-технический прогресс не стоит на месте, и среди программного обеспечения, чаще всего используется компьютерная программа *SmartNotebook* и интерактивная система SMART Board. Данное компьютерное обеспечение позволяет создавать гипертекстовые системы не только в новых интерактивных занятиях, но и так же объединять ранее созданные электронные сопровождения программ Microsoft PowerPoint, Portable Document Format и включать в эту среду существующие разработки из любых источников: интернет, флэш-анимации и видеофайлы [9].

В результате этого информационная часть системы превращается в мультимедийную среду, наделенную гипертекстовой структурой [10].

Данная структура открывает большие возможности представления и использования электронных учебников, пособий, методических материалов и других информационных материалов, предназначенных для обучения.

В заключение хотелось бы сделать следующий вывод: нет ни одного универсального программного обеспечения, которое позволило бы создать электронные обучающие материалы без учета специфики преподаваемых дисциплин., поэтому современный преподаватель должен осуществлять поиск и изучение компьютерных программ для качественного обучения в вузах МВД России, при этом необходимо помнить, что компьютерные технологии не должны заменить роль преподавателя при проведении занятий, а должны являться помощниками в обучении.

Литература

1. Приложение № 2 к приказу Министерства общего и профессионального образования Российской

Федерации от 19.06.98 № 1646. Интернет-портал Российской Газеты от 04.02.2013 г. «Дорожная карта дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации»; [Электронный ресурс] URL: <http://www.rg.ru/2013/02/04/karta-mvd-site-dok.html>

2. Совет создан приказом Министра внутренних дел Российской Федерации от 24 октября 2011 г. № 1097.

3. *Казинский Н.Е., Вострокнутов А.Л., Прохоров К.А., Серeda С.В., Супрун В.Н., Шевченко Г.В.* Основные понятия и термины по тактико-специальной подготовке в органах внутренних дел//учебно-методическое пособи, МосУ МВД России / М., 2014 г.

4. BD-R — Blu-ray Disc Recordable одноразовый диск записи, объем однослойного диска достигает 23, 3 ГБ, BD DL двухслойного 46,6 ГБ, BD TL трехслойного 100 ГБ, BD XL четырехслойного 128 ГБ.

5. DVD — англ. Digital Versatile Disc цифровой многоцелевой диск; также англ. Digital Video Disc цифровой видеодиск — носитель информации. (4,70ГБ, двухслойный 8,54 ГБ).

6. Стеклоуглеродный диск с одним неорганическим записывающим слоем, который практически инертен к окислению и имеет температуру плавления в диапазоне от 200 до 1000 градусов Цельсия.

7. *Шевченко Г.В.* Учебно-методического пособия: Топографическая подготовка сотрудников территориальных органов МВД России Московский университет МВД России М.: 2013 г.

8. *Гонтарь В.Н., Шевченко Г.В.* Статья Применение информационных технологий при изучении дисциплины Тактико-специальная подготовка в вузах МВД РФ принята к печати в журнал Научный поиск № 4 за 2016 г.

9. *Прохоров К.А., Шевченко Г.В.* Совершенствование методики проведения занятий с использованием компьютерных технологий, применяемых при изучении дисциплин учебно-научного комплекса специальной подготовки МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя // Правоохранительные органы: теория и практика. Екатеринбург: Изд-во Урал. юрид. ин-та МВД России, 2015. № 2. С. 109—114.

10. *Смушкевич Л.Н., Черепанова М.Н.* Мочалина Г.Я. «Влияние компьютерных технологий на современное образовательное пространство» Материалы Международной научно-практической конференции «Информационные технологии в образовании и науке ИТО. Самара, 2011.

УДК 338

ББК 65

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТОИМОСТНЫЙ АНАЛИЗ КАК МЕТОД ПОИСКА РЕЗЕРВОВ СОКРАЩЕНИЯ ЗАТРАТ НА ПРОИЗВОДСТВО

ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА БОРИСОВА,

Доцент кафедры экономической безопасности, финансов и экономического анализа

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат экономических наук, полковник полиции

E-mail: katysya_2000@mail.ru

Научная специальность 08.00.05 — экономика и управление народным хозяйством

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Раскрываются особенности применения функционально-стоимостного анализа в системе поиска резервов сокращения затрат на производство. Выявляются основные трудности, с которыми сталкиваются специалисты при проведении ФСА. Автор определяет достоинства и недостатки данного метода, этапы проведения функционально-стоимостного анализ как метода поиска резервов сокращения затрат на производство.

Ключевые слова: ФСА, функционально-стоимостный анализ, поиск резервов, функция, учет затрат, производство стоимости.

Abstract. The article describes the peculiarities of application of value analysis in the system of search of reserves of reducing production costs. Identifies the main difficulties faced by experts when conducting VEA. The author defines advantages and disadvantages of this method, the stages of value analysis as a method of finding reserves of reducing production costs.

Keywords: FSA, cost-benefit analysis, the search re-servo, function, cost accounting, manufacturing cost.

Эффективность экономического анализа во многом зависит от методики его проведения, под которой понимается совокупность правил, приемов и способов проведения аналитических исследований хозяйственной деятельности. Если методологию экономического анализа можно представить как стратегию исследования процессов и явлений, то методика — это тактика их изучения и оценки. Методика исследования того или иного явления (процесса) всегда конкретна. Так, есть свои особенности в подходах (методике) изучения текущего состояния объекта, определения влияния факторов на конечные результаты, оценке резервов роста эффективности производства, обоснования бизнес-планов и т.д.

Главным методологическим вопросом экономического анализа является выявление и измерение количественных и качественных зависимостей между показателями, их влияния на различные стороны де-

ятельности организации под воздействием тех или иных факторов. Без такого изучения невозможно принимать оптимальные управленческие решения в рыночных условиях, выявлять резервы повышения эффективности производства и управления, прогнозировать ожидаемые результаты и затраты, разрабатывать эффективную учетную и финансовую политику и т.п.

Экономический показатель — это количественная и качественная характеристика явления, процесса или их результатов. К ним относятся: себестоимость, прибыль, рентабельность, выручка, фондоотдача, производительность труда и др.

В процессе экономического анализа, аналитической обработки экономической информации применяется ряд способов и приемов. В них в большей степени раскрывается специфичность метода экономического анализа, отражается его системный, комплексный характер.

В настоящее время существуют различные классификации методов и приемов экономического анализа. В основе всех классификаций лежат разные признаки. Одним из наиболее информативных является способ описания процедур. Следуя этой логике, все аналитические методы могут быть разделены на неформальные (логические) и формализованные (математические).

Неформальные методы основаны на описании процедур на логическом уровне, без помощи аналитических зависимостей. Большую роль играют опыт, интуиция аналитика.

К таким методам относятся: разработка системы показателей; метод сравнения; построение аналитических таблиц; прием детализации; метод экспертных оценок; методы ситуационного анализа и прогнозирования, метод сценариев; имитационное моделирование; мониторинг.

Формализованные методы опираются на предварительно заданные строгие зависимости и правила.

В большинстве случаев при экономическом анализе применяют в первую очередь неформальные методы, а также классические методы экономического анализа и статистики. Элиминирование – логический прием, с помощью которого устраняется воздействие на результивный показатель всех факторов, кроме одного.

Варианты элиминирования:

- способ цепных подстановок;
- способ разниц (абсолютных и относительных).

Подстановкой называется последовательная замена частично, базисного показателя фактической величиной. Число подстановок равно числу частичных показателей (факторов). Фактор, влияние которого следует определить, рассматривается как переменный, а все другие по отношению к нему, как постоянные. Заменяются сначала количественные, затем качественные. В результате каждой подстановки образуется условный результивный показатель, который сравнивают с предыдущим.

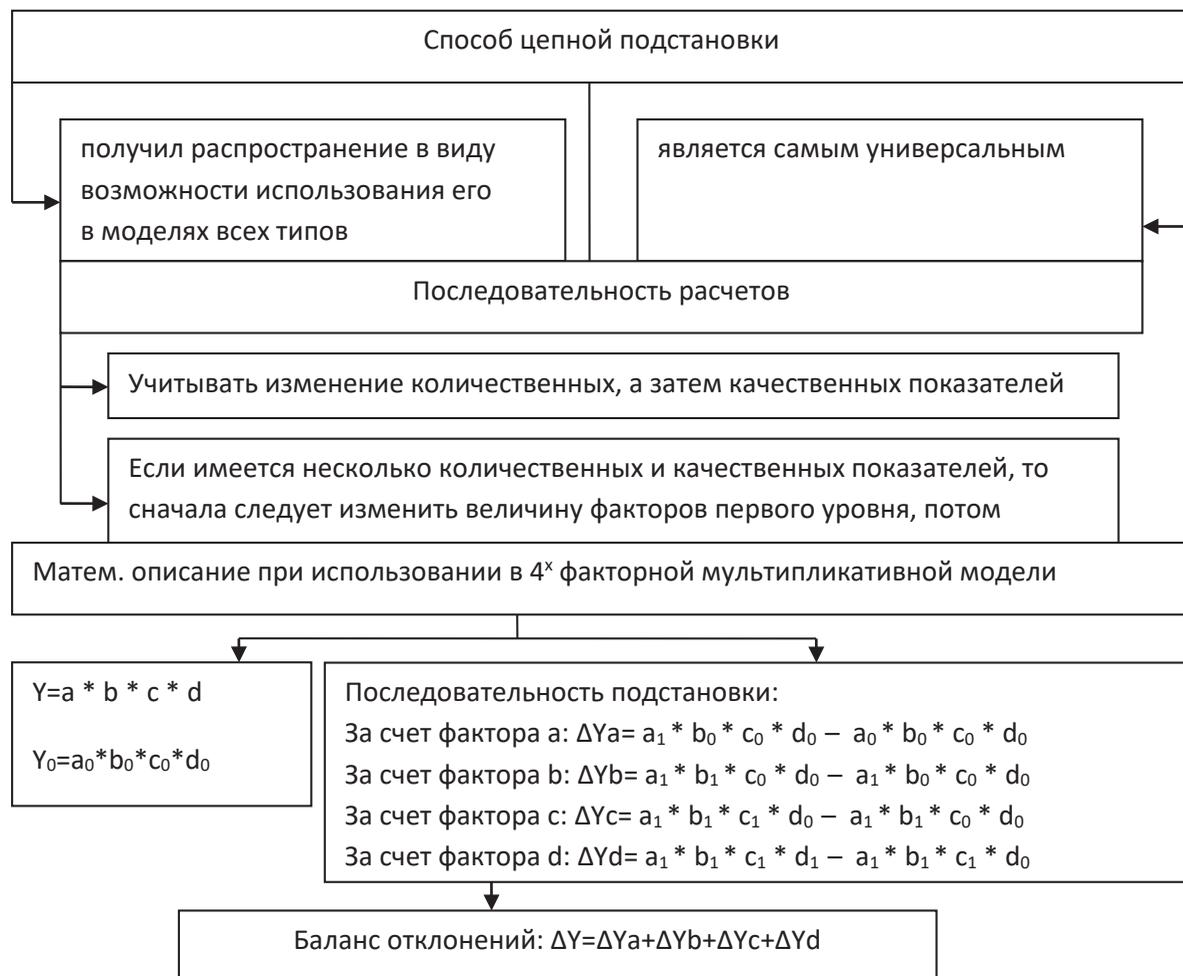

Схема 1. Способ цепной подстановки

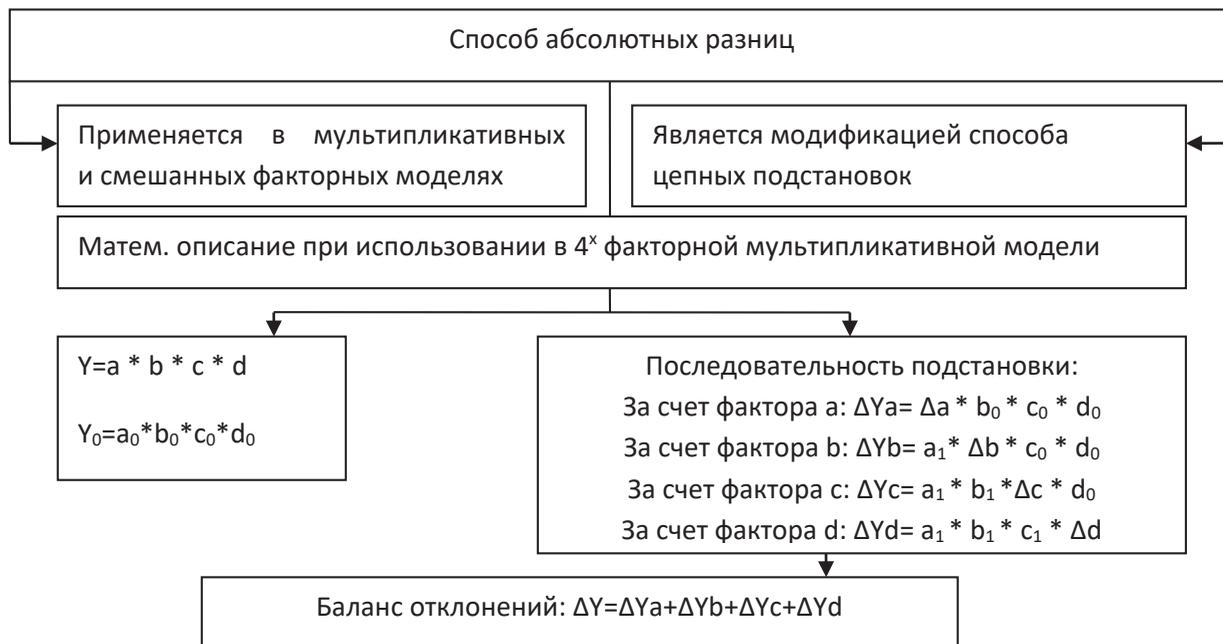

Схема 2. Способ абсолютных разниц

Результат сравнения показывает величину влияния фактора.

Если исследуются два фактора, то следует использовать два правила.

Чтобы определить влияние на результативный показатель количественного фактора, его отклонение умножают на базовый качественный фактор. Чтобы определить влияние на результативный показатель качественного фактора, его отклонение умножают на фактический количественный фактор.

Например, в исходных данных предыдущего примера, третий и четвертый фактор можно представить одним – среднедневная выработка.

Мультипликативная модель будет выглядеть так:

$$CpГ = ЧД * CpДВ$$

рез. кол. кач.

1) Определение влияния изменения числа дней на CpГ:

$$-2 * 384 = -768 \text{ (руб.)}$$

2) Определение влияния изменения среднедневной выработки:

$$+6 * 253 = +1518 \text{ (руб.)}$$

Если же факторов больше, как в нашем случае, то мультипликативная модель выглядит так:

$$CpГВ = ЧД * П * CpЧВ$$

Величина влияния факторов рассчитывается умножением абсолютного прироста исследуемого

фактора на базисную величину факторов справа и на фактическую величину факторов слева.

1. Влияние изменения числа дней, проработанных 1 рабочим:

$$\Delta CГВ = \Delta ЧД * Пб * CpЧВб$$

$$(-2) * 8 * 48 = -768 \text{ (руб.)}$$

2. Влияние изменения продолжительности рабочего дня:

$$\Delta CГВ = ЧДф. * \Delta П * CpЧВб$$

$$253 * (-0,2) * 48 = -2428,8 \text{ (руб.)}$$

3. Влияние изменения среднечасовой выработки:

$$\Delta CГВ = ЧДф. * Пф. * \Delta CЧВ$$

$$253 * 7,8 * 2 = +3946,8 \text{ (руб.)}$$

Влияние всех факторов составляет +750 руб.

Функционально-стоимостный анализ — метод комплексного, системного исследования функций анализируемых объектов (изделия, процесса, организационной структуры), направленный на повышение эффективности использования ресурсов при оптимальном соотношении затрат на их осуществление и значимостью для потребителя.

В практической деятельности ФСА — это анализ стоимости товара (изделия) на основе его полезности и потребительских качеств. Снижение издержек производства необходимо начинать с анализа потребительских свойств изделия и технических функций составляющих его частей [1, с. 53].

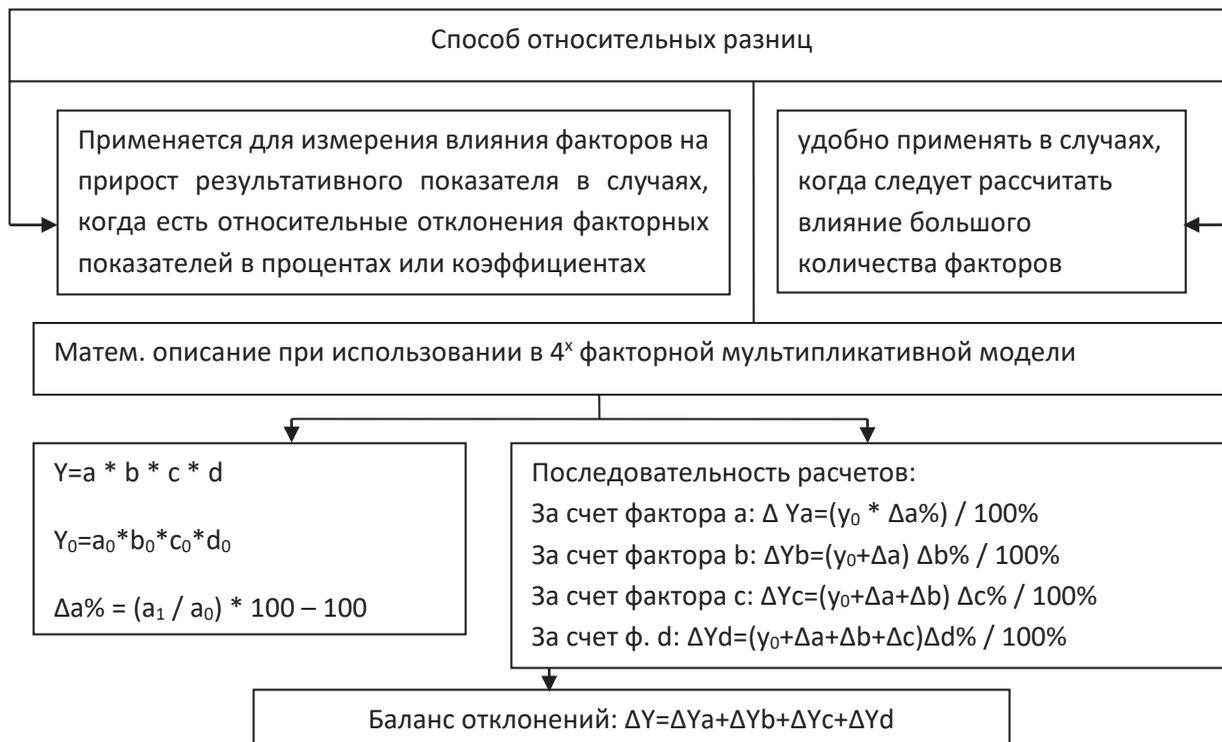

Схема 3. Способ относительных разниц

Метод ФСА занимает важное место в системе прогрессивных инструментов совершенствовании управления, содействующих повышению эффективности производства. Так как одним из принципов ФСА является функциональный подход, то этот метод применяется в области организации систем управления. Функциональный подход имеет большое значение для понимания системы. Именно функции определяют структуру, содержание системы управления, распределение прав, полномочий и ответственности отдельных органов и должностных лиц.

Функционально-стоимостной анализ является не только методом анализа, позволяющим выявлять резервы и недостатки, но и методом обоснования и разработки мероприятий по совершенствованию системы управления, методом внедрения организационных мероприятий. Применение ФСА позволяет любому предприятию в любом секторе экономики лучше понять процессы внутри него, способы возникновения расходов и др.

Рабочий план ФСА управления устанавливает единый порядок его проведения. В нем приводят подробное описание содержания работ по этапам, перечень информационных материалов, необходимых для ФСА. В плане распределяются все работы по исполнителям с указанием сроков их проведения.

Использование функционально-стоимостного анализа в России может и должно стать одним из основных средств решения стоящих перед руководством предприятий задач создания конкурентоспособной продукции [2, с. 143].

Официальный документ по методике ФСА содержит 7 этапов:

- Подготовительный — уточняется объект исследования, создается исследовательская группа из специалистов различного направления, разрабатывается календарный план исследования, оформляются все нормативные документы, связанные с проведением ФСА (приказ руководителя, сроки аналитических работ по этапам, ответственность каждого работника, вознаграждения и т.д.) Выбор объекта анализа должен определяться исходя из удельного веса себестоимости отдельных изделий в общей сумме затрат на выпуск всей продукции, а также перспективы выпуска изделия на ближайшие годы. Объект должен быть включен в план технического развития, например в составе изделий, подлежащих аттестации, модернизации и т.д. В содержание этого этапа входит обоснование цели и задач анализа: обеспечение требования аттестации качества; повышение рентабельности; снижение

издержек; расширение конкурентоспособности на мировом рынке; снижение расхода материалов, энергии; ликвидация «узких мест»; отказ от использования дефицитных или импортных материалов и т.п. При этом чаще всего решается несколько задач одновременно.

- Информационный этап предполагает сбор информации об изучаемом объекте: назначение, технические возможности, качество, себестоимость, соответствие требованиям моды, эстетики и т.п. Полезно ознакомиться с аналогичной продукцией конкурентов. Информация заносится в специальные карточки или память компьютера. Данный этап называют фундаментом ФСА, так как от полноты и достоверности собираемой информации зависит успех последующих этапов ФСА.
- Аналитический этап. На данном этапе производится детализация объекта на функции, определение стоимости каждой из них. Выявляют зоны наибольшей концентрации затрат, в том числе ненужных, формируются задачи по усовершенствованию объекта с целью сокращения затрат, выбираются направления дальнейшего исследования.
- Творческий — разрабатываются варианты упрощения и удешевления конструкции изделия, производится обсуждение и отбор наиболее реальных вариантов. Внесенные предложения регистрируют в специальном журнале. Для обоснования эффективности каждого предложения используются эвристические методы.

Эвристические методы получают широкое распространение в рыночных условиях, когда в условиях неопределенности и риска необходимо принимать оптимальные управленческие решения и отвечать на вопросы производить или покупать? производить или продать патент? приобретать новые технологии, оборудование или усовершенствовать имеющиеся? как выбрать прибыльные каналы сбыта?

Эвристические методы используются для принятия управленческих решений, они основаны на использовании опыта, интуиции, экспертных оценок специалистов. К эвристическим методам относятся: «мозговой штурм», метод «дерева целей», опрос в несколько туров — метод «Дельфи» и другие.

На основе всего вышесказанного, для крупных компаний, находящихся на этапе развития и зрелости, — функционально-стоимостной анализ может обеспечить критически значимый прорыв в области ресурсосбережения или повышения эффективности деятельности организации, причем этот эффект будет иметь значительные долгосрочные синергетические позитивные последствия.

Литература

1. Бобошко Н.М., Борисова Е.В., Проява С.М. Комплексный экономический анализ хозяйственной деятельности. Учебное пособие. 2006.
2. Борисова Е.В. Инвестиционное планирование в обеспечении экономической безопасности предприятия // В сборнике Роль бухгалтерского учета, контроля и аудита в обеспечении экономической безопасности России. 2015. С. 139—142.

Психология: Учебное пособие, Цветков В.Л., Калинин И.А., Хрусталева Т.А. // Изд-во ЮНИТИ, 2016.

Современная психология — один из основных ресурсов профессиональной деятельности сотрудника полиции.

Учебное пособие разработано в соответствии с требованиями Федерального государственного стандарта по специальностям «Правовое обеспечение национальной безопасности» и «Правоохранительная деятельность». Знание общей и юридической психологии, владение приемами использования этих знаний в профессиональной деятельности обеспечивают качественное выполнение служебной деятельности сотрудниками правоохранительных органов.

Для курсантов и адъюнктов высших образовательных учреждений системы МВД России.

УДК 338
ББК 65

КРИПТОЗНАКИ И ИХ БУДУЩЕЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПАВЕЛ ИГОРЕВИЧ ЖУРИЛО,

слушатель Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

E-mail: zhurilo-pavel@mail.ru

Научная специальность 08.00.05 — экономика и управление народным хозяйством

Научный руководитель: кандидат исторических наук, кандидат юридических наук,
доктор экономических наук, профессор Н.Д. Эриашвили

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. На сегодняшний день все больше и больше отношений переходит в мир цифровых технологий. С одной стороны, это радует и традиционно отождествляется с прогрессом и инновациями. С другой стороны, всегда за чем-то новым приходит и осознание того, что это «новое» необходимо досконально изучить, для того, чтобы нормально с этим оперировать и использовать. Так, все большую популярность в мире набирают технологии распределенного доступа, иначе называемые блокчейн. На основе данной технологии появились совершенно не известные до этого криптознаки, иначе называемые криптовалютой. В данной статье делается попытка понять и определить правовой статус этого объекта, а также оценить, что ждет в будущем этот, возможно, совершенно новый объект прав.

Ключевые слова: расчетные отношения, финансовое право, криптознаки, криптовалюта, блокчейн.

Abstract. Today, more and more relationships are moving into the world of digital technologies. On the one hand, it pleases and is traditionally identified with progress and innovation. On the other hand, always for something new comes the realization that this «new» must be thoroughly studied, to operate and use it normally. So, more and more popular in the world are gaining the technologies of distributed access, otherwise called «block». Based on this technology there appeared unknown cryptic signs, otherwise called crypto currency. In this article, an attempt is made to understand and determine the legal status of this object, as well as to assess what awaits this possibly new object of rights in the future.

Keywords: settlement relations, finance, cryptonotes, cryptocurrency, blockchain.

В последнее время огромной популярностью пользуется технология распределенного доступа blockchain и основанные на этой технологии криптознаки, в том числе биткоин.

Для понимания технологии blockchain необходимо представить любую объективно складывающуюся ситуацию, которую наблюдают несколько человек. Каждый из свидетелей видит, что происходит и не может описать это иначе чем есть на самом деле, а значит общая система восприятия события объективна, не рушима и не подлежит изменению одним свидетелем без участия других. По схожему принципу действует и рассматриваемая система.

Таким образом, само появление технологии распределенного реестра стало настоящей революци-

ей, кардинальным образом изменившей формат восприятия и создания электронных баз данных.

В настоящий момент данная технология применяется в медицине, логистике, банковской и других секторах, сталкивающихся с необходимостью постоянного обращения к базам данных.

С каждым днем все меньше и меньше людей остаются в неведении о том, что деньги можно «добывать» из электричества. Криптознаки можно разделить, как цепочку шифрованных, ничем не подкрепленных данных, включенных в децентрализованную саморегулируемую систему, позволяющую напрямую передавать их без участия третьих лиц.

Во многих источниках криптознаки называют криптовалютой, однако это совсем не верно. Поня-

Таблица

Валюта Российской Федерации (п.п. 1 п. 1 ст. 1)	Иностранная валюта (п.п. 2 п. 1 ст. 1)
1. денежные знаки в виде банкнот и монеты Банка России	1. денежные знаки в виде банкнот, казначейских билетов, монет
2. находящиеся в обращении в качестве законного средства наличного платежа на территории РФ	2. находящиеся в обращении и являющиеся законным средством наличного платежа на территории соответствующего иностранного государства (группы иностранных государств)
3. изымаемые либо изъятые из обращения, но подлежащие обмену указанные денежные знаки	3. изымаемые либо изъятые из обращения, но подлежащие обмену указанные денежные знаки
4. средства на банковских счетах и в банковских вкладах	4. средства на банковских счетах и в банковских вкладах в денежных единицах иностранных государств и международных денежных или расчетных единицах

тия «валюта», согласно положениям Федерального закона от 10 декабря 2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» нет [1], однако, его можно сформулировать на основании положений подпунктов 1, 2 пункта 1 статьи 1 указанного нормативно-правового акта (см. табл.).

Таким образом **валюта** (от итал. Valuta — цена, стоимость) — денежная единица, находящаяся в обращении в качестве законного средства наличного платежа на территории государства, подлежащая обмену при изъятии из обращения, способная к банковскому и международному обращению.

Как следует из указанного определения на данный момент у криптознаков нет возможности полноценно называться валютой, однако, при этом, как уже устоялось в литературе, как дань обычаю допускаем использование термина «криптовалюта».

В отличие от традиционных средств и методов платежа криптовалюты со дня своего появления на рынках и в обороте встали на пристальный контроль государственных органов. Так в сообщении Федеральной службы по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг) от 6 февраля 2014 г. указано следующее: «...отсутствие в системах криптовалют контролирующего центра, влечет невозможность обжалования или отмены несанкционированной транзакции, а фактическое нахождение криптовалют вне правового поля не предоставляет возможность реализации правовых механизмов обеспечения исполнения обязательств сторонами сделки. При этом, криптовалюты в силу децентрализации не имеют субъекта, обеспечивающего их условную платежеспособность. Помимо этого,

анонимность платежа, обусловили активное использование криптовалют в торговле наркотиками, оружием, поддельными документами и иной преступной деятельности. Данные факты, а также возможность бесконтрольного трансграничного перевода денежных средств и их последующего обналичивания, служат предпосылками высокого риска потенциального вовлечения криптовалют в схемы, направленные на легализацию (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирование терроризма» [4]. Итогом позиции государственного органа можно считать то, что использование криптовалют при совершении операций по их обмену, воспроизводству является основанием для отнесения таких действий к деяниям, направленным на легализацию (отмывание) доходов, полученных преступным путем и финансирование терроризма. Аналогичная позиция рассматривается и в Информации ЦБ РФ от 27 января 2014 г. «Об использовании при совершении сделки «виртуальных валют», в частности биткоин» [3]. Существенным на наш взгляд нужно отметить то, что само по себе использование (оборот) криптовалют не образует состав преступления, однако, крайне упрощает его совершение. К примеру, использование различных мобильных приложений позволяет получить стандартный биткоин-кошелек (или кошелек с иной криптовалютой), приобрести по определенной цене биткоины и перечислить их в схожий биткоин-кошелек в качестве оплаты за преступление, либо в качестве средства вывода денежных средств за пределы государства. Все это было бы давно запрещено и не актуально, если бы не огромные суммы, вклю-

ченные в оборот системы криптовалют, которые привлекательны для инвестирования и развития экономики. На сегодняшний день существует множество бирж, которые осуществляют торговлю как криптовалют между собой, так и фиатными деньгами против криптовалюты. Анализ большинства популярных бирж криптовалют, таких как Nuobi, Okcoin, позволяет сделать вывод о их высокой популярности.

Однако основной проблемой, с которой сталкивается законодатель, а также правоохранительные органы — анонимность пользования подавляющим большинством криптовалют. Это свойство придает пользователям огромную свободу действий и позволяет, при желании, существенно облегчить и скрыть совершение преступлений. Данные суждения совершенно логичны, оправданы и подтверждаются статистикой. По результатам исследований, проведенных Федеральной службой по контролю за оборотом наркотиков в 2016 г. в 20 раз участились случаи использования биткоинов для совершения сделок с наркотиками [4]. Исследования так называемого Darknet (закрытая сеть «поверх» сети Internet) указывают, что при сделках с вещами, ограниченными в гражданском обороте, используются именно криптовалюты, в частности биткоин.

Возникает закономерный вопрос: «Почему криптовалюты существуют и почему до сих пор не запрещены?».

В течении двух последующих лет положение криптовалют оставалось открытым и сомнительным, при этом правовой статус был неопределенный, как и отношение к криптовалюте вообще. Однако, со временем, в связи с ростом привлекательности биткоинов как объектов инвестирования выросла и цена на них, что привело (от части) к переосмыслению их правового статуса. Таким образом в Письме Федеральной налоговой службы Российской Федерации № ОА-18-17/1027 от 3 октября 2016 года «О мерах по осуществлению контроля за обращением криптовалют» [5] позиция официального государственного органа выглядит следующим образом:

1. Все так же использование криптовалют при расчетах является основанием для отнесения таких расчетов к расчетам, направленным на легализацию

(отмывание) доходов, полученных преступным путем, и финансирование терроризма;

2. Запрета на проведение российскими гражданами и организациями операций с использованием криптовалюты законодательство Российской Федерации не содержит;

3. Текущее уголовное и финансовое законодательство требует доработки с учетом опыта зарубежных стран, а так же мониторинга обращения криптовалют;

4. Сделки с использованием криптовалют относятся к валютным операциям, но при этом не существует системы валютного регулирования таких сделок;

5. Предлагается усовершенствовать систему контроля за криптовалютными операциями.

Таким образом, на основании всего вышеизложенного можно сделать вывод, что на сегодняшний день вне правового поля лежит огромный массив отношений, по поводу возможно нового, объекта прав собственности, который имеет внушительные экономические возможности. Регулирование данного вопроса имеет своей целью обеспечение безопасности и открытости всей финансовой системы, а также более четкого регулирования возникающих все более новых общественных отношений.

Важно так же отметить, что в ряде стран рассматриваемые технологии начинают признаваться на государственном уровне и приравниваться (в части) к фиатным деньгам.

Литература

1. Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4859.
2. URL: <http://www.fedsfm.ru/news/957>
3. Об использовании при совершении сделки «виртуальных валют», в частности биткоин: информация Банка России от 27 января 2014 г. // URL: https://www.cbr.ru/press/PR/?file=27012014_1825052.htm
4. URL: <http://www.interfax.ru/business/496123>
5. О мерах по осуществлению контроля за обращением криптовалют: письмо ФНС РФ № ОА-18-17/1027 от 3 октября 2016 года // СПС «Консультант Плюс».

УДК 338

ББК 65

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ

*ЕЛЕНА ИВАНОВНА КУЗНЕЦОВА,**доктор экономических наук, профессор;**ИРИНА ВИКТОРОВНА ФИЛАТОВА,**кандидат экономических наук**E-mail: irina.filatova-i@yandex.ru**Научная специальность 08.00.05 — экономика и управление народным хозяйством**Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

Аннотация. Рассматриваются вопросы исследования экономической преступности в России на современном этапе. Автор анализирует факторы, способствующие развитию экономических преступлений, а на основе статистического материала, делает выводы, о том, что экономическая преступность активно проникла во все сферы деятельности, что стало реальной угрозой экономики страны.

Ключевые слова: экономическая преступность, преступления в сфере экономики, противодействие экономической преступности, экономическая безопасность.

Abstract. The article discusses the study of economic crime in Russia at the present stage. The author analyzes the factors contributing to economic crimes, and based on statistical material, makes conclusions, that economic crime is actively penetrated into all spheres of activity that has become a real threat the economy.

Keywords: economic crime, crimes in the economic sphere, combating economic crime, economic security.

Последние два года число экономических преступлений в России стабильно снижается, однако, несмотря на это уровень экономической преступности в России по сравнению с общемировым уровнем остается достаточно высоким.

Министерство внутренних дел России оценило ущерб от более 100 тыс. экономических преступлений в 2016 г. в 400 млрд руб. [1].

Деятельность правоохранительных органов и органов государственной власти по противодействию этому общественно опасному явлению на данный момент, несмотря на все предпринимаемые меры, не позволяет обеспечивать должного уровня экономической безопасности в стране [2].

Преступность в сфере экономической деятельности — сложное, общественно опасное явление, оказывающее значительное влияние на дестабилизацию банковской, внешнеэкономической, торговой и иной деятельности и наносящее огромный вред экономике страны в целом.

Экономические преступления отличаются достаточно высокой степенью общественной опасности ввиду их крайне деструктивного влияния на состояние экономики страны в целом. У большинства преступлений экономической направленности есть одна общая черта: они всегда планируются, всегда умышленные, хотя в редких случаях и совершаются по неосторожности. Подобные деяния представляют собой с одной стороны незаконное «проникновение» в одну из сфер экономики, которое влечет за собой негативные последствия для участников рынка.

С другой стороны, они не что иное, как незаконное «проникновение» в деловые отношения между предпринимателями-партнерами. В результате нарушается стабильность бизнеса, компания теряет свое устойчивое финансовое положение, а в этом случае ее довольно легко «уничтожить», то есть разорить.

По данным социологического опроса наиболее распространенные виды экономических преступле-

Рис. 1. Актуальные виды экономических преступлений

ний, указанные респондентами в 2016 г., наглядно представлены на рис. 1 [3].

Из представленных данных, можно наглядно увидеть, что в России, как и во всем мире, наиболее распространенным видом экономических преступлений является незаконное присвоение активов (72% респондентов в России и 64% респондентов в мире). Это объясняется, в первую очередь, тем, что данное экономическое преступление обычно легче выявить, чем, например, то же взяточничество, киберпреступность или коррупцию. Проблема выявления таких преступлений как взяточничество, коррупция и киберпреступность заключается в их особой сложности и высокой латентности.

Вторым по распространенности экономическим преступлением в России является мошенничество при закупках товаров, работ и услуг. По данным «РwС», в России количество респондентов, отметивших взяточничество и коррупцию, больше, чем в среднем по всему миру (30% и 24% соответственно). Однако по сравнению с двумя годами ранее количество ответов, в которых были указаны взяточничество и коррупция, значительно уменьшилось — с 58% в 2014 г. до 30% в 2016 г. На глобальном уровне киберпреступления были указаны в 32% ответов. В результате они заняли второе место среди видов мошенничества, с которыми чаще всего сталкиваются компании. В то же время количество респондентов в России, указавших в своих ответах киберпреступления, оказалось меньше (23%), при-

чем по сравнению с 2014 г. ситуация изменилась незначительно — два года назад таких респондентов было 25%» [3].

Столь незначительное снижение общей доли киберпреступности совсем не означает то, что Россия менее подвержена киберпреступности. Следует также сказать о том, что значительная доля тех респондентов, которые не указали на то, что они сталкивались с киберпреступностью, скорее всего уже пострадали от данного преступления, даже не зная об этом. Это связано с тем, что в повседневной среде практически невозможно однозначно выявить киберпреступника. Даже в тех же самых компаниях и организациях киберпреступник из числа персонала достаточно долгое время может продолжать совершать преступления, оставаясь при этом незамеченным.

При анализе экономической преступности необходимо учитывать особо высокий уровень ее латентности. Реальные масштабы этой скрытой преступности несопоставимы с количеством зарегистрированных преступлений. Большинство экономических преступлений по разным причинам не находит отражения в официальной статистике — уровень их латентности находится в пределах — 70—95%. Сравнительно низкую латентность имеют преступления, связанные с изготовлением и сбытом поддельных денег и ценных бумаг, так как факты фальшивомонетничества выявляются в результате проведения проверок при расчете за товары либо

при поступлении в кредитно-банковские учреждения. Наиболее латентными являются — незаконное предпринимательство; преступления, связанные с легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем; монополистические действия и ограничение конкуренции; изготовление или сбыт поддельных кредитных либо расчетных карт и иных платежных документов, взяточничество.

Такая ситуация ведет к искажению статистической картины экономической преступности, затрудняет объективную оценку ее действительных масштабов, выработку адекватных управленческих решений, а в итоге и эффективное противодействие ей.

Особая общественная опасность экономической преступности обуславливается как непосредственным ущербом, наносимым ею, так и тем, что совершение преступлений экономической направленности подрывает экономику страны, обеспечивает субъектам криминальных деяний достижение незаконного обогащения, как правило, средствами, которые не только не способствуют увеличению совокупного богатства в обществе. Но и ведут к социально несправедливому его распределению.

Общественная опасность экономических преступлений неизменно возрастает в связи с их совершением организованными преступными формированиями и фактическим сращиванием экономической и общеуголовной преступности.

Говоря о причинах возникновения экономической преступности, необходимо сказать, что экономические преступления в целом определены системой общих факторов, а также обладают собственным набором условий и причин, оказывающих влияние на противоправные посяательства в сфере экономических отношений.

Обобщая все причины, можно разделить их на четыре основных блока: политические, экономические, психологические и правовые. При этом важно сказать о том, что данные сферы жизни общества тесно связаны друг с другом и в изолированном друг от друга виде не существуют.

С точки зрения экономики можно выделить следующие причины экономической преступности:

- Слабо развитые экономические отношения;

- Высокий уровень криминализации экономических отношений, связанный с наличием в стране теневой экономики;
- Вывоз капитала («бегство капитала»);
- Сильное расслоение населения по уровню доходов («децильный коэффициент») и низкий жизненный уровень большей части населения России;
- Отсутствие стабильной системы социального обеспечения и социальных гарантий.

Отмечая политические причины экономической преступности, следует сказать о том, что между преступлениями в сфере экономической деятельности и политикой прослеживается достаточно сильная связь. Это можно объяснить тем, что, когда в стране складывается благоприятная экономическая ситуация, то есть когда экономика страны стабильна, то связь политики и экономики практически незаметна. В случае возникновения экономического кризиса начинает прослеживаться четкая связь политики с экономикой, так как любые экономические потрясения всегда неразрывно связаны с политикой.

В настоящее время в России основной политической причиной экономической преступности является деградация политической власти, которая проявляется в ярко выраженной криминальности политической элиты.

Помимо основной политической причины экономической преступности можно выделить еще ряд следующих причин:

- Коррупция в органах государственной власти и органах местного самоуправления, а особенно в органах финансового контроля;
- Нецелевое расходование бюджетных средств на федеральном, региональном и муниципальном уровнях;
- Инвестирование коммерческой деятельности в ущерб интересам граждан и государства;
- Необоснованная передача государственного имущества коммерческим структурам;
- Совмещение службы в органах государственной власти с работой в коммерческой деятельности, ведущее к отвлечению от выполнения своих непосредственных обязанностей;
- Отсутствие стабильной политической власти.

Рассматривая причины экономической преступности с точки зрения правового регулирования,

можно уверенно говорить о том, что пробелы в законодательстве Российской Федерации, а также недостатки правоприменительной деятельности оказывают прямое и непосредственное влияние на уровень экономической преступности. Среди множества правовых причин экономической преступности можно выделить следующие основные причины:

- Недооценка опасности преступлений в сфере экономической деятельности, которая заключается в непроработанности статей Уголовного Кодекса Российской Федерации, регламентирующих ответственность за преступления в сфере экономической деятельности;
- Наличие большого количества коллизий (столкновений) гражданско-правовых и уголовно-правовых норм;
- Отсутствие актуальной методической базы по выявлению, пресечению и предупреждению фактов совершения экономических преступлений;
- Наличие в Уголовном Кодексе Российской Федерации значительного количества бланкетных диспозиций (отсылка к другим нормативным актам), существенно осложняющих работу правоохранительных органов.

Говоря об усложнении работы правоохранительных органов ввиду значительной бланкетности Уголовного Кодекса Российской Федерации, следует сказать о том, что основная сложность заключается в необходимости глубокого и всестороннего анализа большого количества норм таможенного, налогового, гражданского, финансового законодательства и иных нормативных актов, что, в свою очередь, требует высокого профессионализма от сотрудников правоохранительных органов. Однако, рассматривая проблему с другой стороны, важно отметить, что грамотное применение бланкетных диспозиций в конструкциях составов преступлений делает уголовное законодательство более устойчивым и гибким. Гибкость заключается в способности уголовного законодательства подстраиваться под постоянные изменения нормативных актов, на которые ссылается Уголовный Кодекс Российской Федерации. Отсутствие бланкетных диспозиций привело бы к необходимости его постоянного изменения в случаях какого-либо изменения в налоговом, гражданском и ином законодательстве.

С точки зрения психологии можно выделить следующий ряд причин экономических преступлений:

- Распространенность среди населения ошибочного мнения о том, что можно легко достичь экономического благополучия путем совершения преступлений;
- Распространенность среди населения идеологии правового нигилизма и вседозволенности;
- Убежденность в том, что «имея деньги, можно решить любые проблемы»;
- Высокая степень недоверия населения органам государственной власти и их способности обеспечить правопорядок, а также защиту их законных прав и интересов.

Таким образом, следует сказать о том, что на качественное и количественное изменение экономических преступлений оказывает влияние огромное количество, различных по своей природе факторов. Все эти факторы, независимо от своей природы, тесно взаимосвязаны друг с другом. Поэтому, говоря об экономических преступлениях, следует применять комплексный подход в изучении причин их возникновения, то есть исследовать все факторы преступлений в их совокупности, поскольку изучение факторов в их неразрывной связи дает полное и всестороннее объяснение качественного и количественного изменения экономических преступлений.

В связи с этим в современных условиях развития экономики продолжает сохраняться и актуальность разработки мер эффективного противодействия экономической преступности. Своевременная разработка данных направлений позволит давать своевременный и эффективный отпор постоянно растущей и развивающейся экономической преступности, что в свою очередь будет способствовать поддержанию нормального уровня экономической безопасности в стране.

Литература

1. URL://<https://мвд.пф/folder/101762/item/933894/>
2. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1 (часть II). Ст. 212.
3. Российский обзор экономических преступлений за 2016 год // URL://<http://www.pwc.by/ru/publications/other-publications/economic-crime-survey-2016.html>

УДК 338

ББК 65

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМНЫХ МЕХАНИЗМОВ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ КООПЕРАЦИИ В РАМКАХ ЕАЭС С УЧЕТОМ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ТРЕНДОВ ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ¹

ЕВГЕНИЙ ЛЕОНИДОВИЧ ЛОГИНОВ,*заместитель директора по научной работе Института проблем рынка РАН,**доктор экономических наук, профессор РАН,**дважды лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники**E-mail: evgenloginov@gmail.com;***АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ ШКУТА,***профессор департамента «Мировой экономики и мировых финансов» Финансового университета**при Правительстве Российской Федерации, доктор экономических наук**E-mail: saa5333@hotmail.com;***ВАЛЕРИЯ ЕВГЕНЬЕВНА ЛОГИНОВА,***младший научный сотрудник Института проблем рынка РАН, Москва**E-mail: urmastermind@yandex.ru;***ДМИТРИЙ ДМИТРИЕВИЧ СОРОКИН,***младший научный сотрудник Института проблем рынка РАН**E-mail: dima.dd.sor@mail.ru**Научная специальность 08.00.05 — экономика и управление народным хозяйством**Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

Аннотация. Рассматриваются подходы к повышению устойчивости российского научно-технического развития к кризисным проявлениям системных диспропорций в НИС России и в НИС других государств-членов ЕАЭС в условиях идущей четвертой промышленной революции. Обоснована необходимость перехода от рассмотрения отдельного жизненного цикла инноваций как дискретного процесса к мультициклической парадигме научно-технического развития в едином междисциплинарном управленческом поле элементов из области конвергентных нано-, био-, инфо-, когно- и социальных наук. Обосновывается необходимость налаживания процедур международной координации научно-технической кооперации отдельных предприятий России и компаний других государств-членов ЕАЭС на основе формирования международных инновационных кластеров с использованием модели инвестиционной поддержки процессов конвергенции наук и технологий в отношении пакета ключевых рынокоформирующих инноваций.

Ключевые слова: конвергенция наук и технологий, Россия, ЕАЭС, научно-техническая кооперация, рынокоформирующие инновации, НБИКС, жизненный цикл инноваций, импортозамещение

Abstract. Approaches to increasing the sustainability of Russian scientific and technological development in relation to the crisis manifestations of systemic imbalances in the scientific research field of Russia and other EEA member states under the conditions of the fourth industrial revolution are considered. The necessity of transition from consideration of a separate life cycle of innovations as a discrete process to the multicyclic paradigm of scientific and technological development in a single interdisciplinary management field of elements from the field of convergent nano-, bio-, info-, cogno- and social sciences is substantiated. The necessity of establishing procedures for international coordination of scientific and technical cooperation between individual enterprises of

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по Государственному заданию Финансового Университета при Правительстве РФ в 2017 г.

Russia and companies of other EEA member states based on the formation of international innovative clusters using the model of investment support for the convergence of science and technology in relation to a package of key market-forming innovations is substantiated.

Keywords: convergence of sciences and technologies, Russia, EAE, scientific and technical cooperation, market-forming innovations, NBICS, innovation life cycle, import substitution

На Всемирном экономическом форуме в Давосе в январе 2016 г. было заявлено об идущей четвертой промышленной революции [1]. Четвертая промышленная революция выходит из третьей, которую еще называют «цифровой» и которая началась в середине прошлого века [6]. Она характеризуется слиянием наук и технологий и стиранием граней между материальными, виртуальными (электронно-цифровыми) и когнитивно-биологическими сферами, что требует формирования оптимизационных стратегий на основе анализа сложноструктурируемых сверхбольших объемов разнородных данных, генерируемых человеком, сенсорами (датчиками) и интеллектуальными компьютерными устройствами.

При этом, ключевой доминантой четвертой промышленной революции является проявление качественно новых информационных, коммуникационных и вычислительных возможностей в различных сферах предметной деятельности [21]. В условиях глобального кризиса десинхронизация процессов развития отдельных отраслей и секторов экономики требует координированного управления группами взаимосвязанных людей, машин, технических, в том числе информационных, систем с опорой на процессы интеграции данных, полученных от систем мониторинга обстановки и управления человеко-машинными системами в единое контролируемое информационное пространство управления как важнейшего тренда четвертой промышленной революции [17; 18]. Проявления конвергенции наук и технологий повышают сложность обеспечения устойчивости научно-технического развития, что актуализирует потребность международной координации научно-технической кооперации отдельных предприятий и их международных альянсов [5; 8].

Необходима выработка мер по повышению устойчивости научно-технического развития по отношению к кризисным проявлениям системных диспропорций в национальных инновационных си-

стемах (НИС) различных стран мира [4; 19]. Наблюдается деградация состояний НИС различных стран мира в результате кризисных последовательных потерь устойчивости научно-технического развития вследствие системных диспропорций, самоподдерживающих кризисную динамику процесса перехода к новому технологическому укладу [2; 9].

Требуется противодействие лавинообразному распространению критических диспропорций вследствие нехватки необходимых ресурсов, возникшей в НИС России, а также других государств-членов ЕАЭС, когда пул рынокоформирующих инноваций «перепрыгивает» из управляемой в неуправляемую зону платежеспособного спроса. При этом, необходимо учитывать все возрастающую сложность регулирования нелинейного процесса научно-технического развития, зависящего от неустойчивости процессов взаимодействия совокупности дискретных жизненных циклов инноваций, что определяет необходимость перехода от рассмотрения отдельного жизненного цикла инноваций как дискретного процесса к мультициклической парадигме научно-технического развития.

Для эффективного управления научно-техническим развитием требуется внедрение систем и сервисов 2D, 3D, 4D, 5D моделирования в качественно новой информационно-телекоммуникационной среде для возможности применения многоагентных технологий с целью комплексирования разнородных бизнес-моделей для оптимизационной организации научно-технической кооперации предприятий в условиях, когда индуцированные глобальным кризисом флуктуации платежеспособного спроса в НИС России, а также других государств-членов ЕАЭС формируют условия для самоподдерживающегося системного кризиса в сфере науки и техники.

Необходимо определение оптимальных значений пакета инвестиций, которые сформируют области модернизационного спроса на инновации в экономике России, как научного и индустриального

«каркаса» ЕАЭС [20]. Выяснение спросовых сигналов создаст условия для координации заказов и поставок сложной научно-технической продукции в рамках приоритетов импортозамещения в привязке к ходу процессов развития отдельных отраслей и секторов экономики НИС России, а также других государств-членов ЕАЭС [7, с. 11; 11]. Требуется налаживание процедур международной координации научно-технической кооперации отдельных предприятий и их международных альянсов с учетом неравновесной динамики мультициклических процессов научно-технического развития в НИС России, а также других государств-членов ЕАЭС [10].

В последние два десятилетия для исследования проблем кризисных явлений развивается новый эффективный инструмент — мультициклический подход к рассмотрению взаимовлияния процессов научно-технического развития [13]. Сложносоставные научно-технические подсистемы рассматриваются как организационная база для формирования ядер рыноформирующих инноваций, а связи между этими подсистемами — как взаимодействие между элементами упорядоченных совокупностей циклоподобных процессов научно-технического развития.

В нашем случае, развитие мультициклических процессов научно-технического развития в НИС России и ЕАЭС в целом как макрообъектов, включающих в себя множество научно-технических подсистем, каждая из которых отвечает локальному состоянию равновесия подсистемы, образует организационно-функциональный каркас формирования ядер рыноформирующих инноваций, а исследование составляющих этих ядер рыноформирующих инноваций формирует набор характеристик нового технологического уклада.

К системам международной координации научно-технической кооперации отдельных предприятий и их международных альянсов может быть применена модель синхронизации жизненных циклов инноваций при которой хаотические кризисные явления представляются как внешние проявления десинхронизации процессов развития сложно сводимых в едином междисциплинарном управленческом поле элементов из области конвергентных нано-, био-, инфо-, когно и социальных наук (НБИКС) в

рамках циклической динамики процессов научно-технического развития.

Сложность решения данной проблемы заключается в ее многогранности, так как продолжающаяся десинхронизация процессов развития отдельных отраслей и секторов экономики может привести экономику НИС России, а также других государств-членов ЕАЭС в состояние устойчивой нестабильности [3; 12].

С учетом значительной вероятности продолжающейся десинхронизации процессов развития отдельных отраслей и секторов экономики с учетом неравновесной динамики мультициклических процессов научно-технического развития в НИС России и ЕАЭС, когда одновременно наблюдаются противоположные тенденции развития отдельных наук и технологий, авторы предлагают опираться на управляемую фрагментацию российской экономики с формированием инновационных кластеров в НИС государств-членов ЕАЭС, структурированных в зависимости от сходных характеристик национальной циклической динамики научно-технического развития. Кластеризация НИС государств-членов ЕАЭС позволяет организационно скомпоновать антикризисные механизмы и процедуры международной координации научно-технической кооперации отдельных предприятий в рамках международных инновационных кластеров, в том числе, с опорой, прежде всего, на мониторинговые сервисы в качестве новой информационно-телекоммуникационной среде.

Для получения стабилизационного эффекта от координированных по времени, объему, валюте и пр. пакетам инвестиционных вложений с целью расширения области модернизационного спроса на инновации в экономике и создания условий для импортозамещения внутри инновационных кластеров в НИС государств-членов ЕАЭС, необходима организация перехода, прежде всего, на мониторинговые сервисы в качественно новой информационно-телекоммуникационной среде таким образом, чтобы каждый кластер представлялся как, своего рода, один агрегированный научно-технический комплекс, сильно или слабосвязанный с другими научно-техническими комплексами. При этом, формирование научно-технической кооперации отдельных предприятий в рамках международных

инновационных кластеров должно происходить с использованием бизнес-стратегии инвестиционной поддержки процессов конвергенции наук и технологий в рамках пакета ключевых рынокоформирующих инноваций из области конвергентных нано-, био-, инфо-, когно и социальных наук (НБИКС) с учетом циклической динамики различных процессов научно-технического развития.

Требуется формирование пакета моделей ситуационного анализа обстановки, динамично адаптируемых к индивидуализированному профилю инновационных кластеров в НИС государств-членов ЕАЭС, развивающихся под влиянием мультициклической динамики научно-технического развития вследствие взаимовлияния различных циклов [15].

Предлагается разработать предметно-адаптированную конфигурацию базовых характеристик комплекса систем и сервисов 2D, 3D, 4D, 5D моделирования в качественно новой информационно-телекоммуникационной среде для возможности применения многоагентных технологий при оптимизационной организации научно-технической кооперации предприятий в отношении динамики сложносоставных научно-технических подсистем в рамках современной и перспективной конъюнктуры мировой экономики [14; 16].

Необходима идентификация системно-параметрических взаимосвязей, в т.ч. величины перетоков финансовых и товарных ресурсов (а также нематериальных активов) в научно-технических системах государств-членов ЕАЭС, сформированных по результатам этапа мониторинга и ситуационного анализа в отношении динамики сложносоставных научно-технических подсистем НИС России, а также других государств-членов ЕАЭС.

Если в результате накопления диспропорций в процессах развития отдельных отраслей и секторов экономики сложносоставные научно-технические подсистемы, концентрирующие пул ядер рынокоформирующих инноваций, входят в самоподдерживающуюся кризисную динамику, это может вызвать вхождение в самоподдерживающуюся кризисную динамику [в процессе перехода к новому технологическому укладу] подсистем в другом сегменте экономики государств-членов ЕАЭС. А это, в свою очередь, повлечет за собой десинхронизацию про-

цессов развития отдельных отраслей и секторов экономики ЕАЭС в целом.

Критерии устойчивости научно-технического развития к кризисным проявлениям системных диспропорций при этом должны быть ориентированы на комплекс инновационных кластеров в НИС государств-членов ЕАЭС как функционально стабильный элемент регулирующей организации современной и перспективной структуры ЕАЭС, позволяющей обеспечить эффективность антикризисных механизмов и процедур международной координации научно-технической кооперации отдельных предприятий. Такая координация может быть реализована в рамках международных инновационных кластеров в условиях вероятного вхождения подсистемы в самоподдерживающуюся кризисную динамику в связи с взаимосвязанностью кризисных циклов в распределенных процессах развития отдельных отраслей и секторов экономики государств-членов ЕАЭС.

Модель синхронизации жизненных циклов инноваций при которых кризисные явления представляются как проявления десинхронизации процессов развития сложно сводимых в едином междисциплинарном управленческом поле элементов из области конвергентных нано-, био-, инфо-, когно и социальных наук (НБИКС) в рамках циклической динамики различных процессов научно-технического развития, определяет набор ключевых НБИКС-инноваций.

Анализ системно-параметрических взаимосвязей отдельных предприятий позволяет рассчитать компоновку пакетов инвестиционных вложений для формирования программ их модернизации, а также организации координации заказов и поставок сложной научно-технической продукции с учетом жизненных циклов инноваций внутри инновационных кластеров в НИС государств-членов ЕАЭС таким образом, чтобы каждый кластер представлялся как, своего рода, один агрегированный научно-технический комплекс, сильно или слабосвязанный с другими научно-техническими комплексами.

Инвестиционные решения должны адаптироваться к индивидуализированному профилю состояния научно-технических систем государств-членов ЕАЭС в условиях четвертой промышленной революции с учетом необходимости поддержания ак-

тивности оборота сложной высокотехнологичной продукции российского производства на рынках ЕАЭС и на мировых рынках. Управление научно-техническим развитием здесь реализуется в рамках мультициклической динамики научно-технического развития для противодействия когерентному развитию системных диспропорций в условиях, когда индуцированные глобальным кризисом диспропорции в НИС России и ЕАЭС в целом формируют условия для самоподдерживающегося системного кризиса в сфере науки и техники.

Мониторинг научно-технического развития государств-членов ЕАЭС позволяет идентифицировать соответствие предметно-адаптированной конфигурации базовых характеристик механизмов антикризисного управления для возможности применения многоагентных технологий для комплексирования разнородных бизнес-моделей при оптимизационной организации научно-технической кооперации предприятий в условиях, когда индуцированные глобальным кризисом флуктуации платежеспособного спроса — в зависимости от степени интенсивности процессов развития отдельных отраслей и секторов экономики — приводят к срыву процесса модернизации экономики.

Пакет методов мониторинга научно-технического развития в рамках международных инновационных кластеров в НИС государств-членов ЕАЭС в отношении лавинообразного распространения критических диспропорций наличия необходимых для развития ресурсов, должен выделить состояния международно-интегрированных научно-технических систем в зависимости от неоднородности параметров состояния экономик государств-членов ЕАЭС.

Мониторинговые сервисы должны позволять с помощью прикладных программных пакетов моделировать прогноз развития ситуации с ориентацией на поддержание [в отношении совокупности элементов каждого инновационного кластера с квази-автономным научно-техническим комплексом] влияния мультициклической динамики научно-технического развития на поведение ее участников как, своего рода, инновационных агентов.

Необходимо нахождение точки [среднесрочного] равновесия в отношении динамики сложносоставных научно-технических подсистем во

взаимоувязке с объемами инвестиций с учетом неравновесной динамики мультициклических процессов научно-технического развития в НИС России и ЕАЭС в целом.

В рассматриваемой системе для анализа и принятия решения в интересах управляемой фрагментации структуры НИС России в отношении структурированных на этот случай инновационных кластеров может быть реализовано выявление системно-параметрических взаимосвязей различных аспектов синхронизации жизненных циклов инноваций в рамках циклической динамики различных процессов научно-технического развития.

Моделирование вероятности обострения кризиса, когда пул рынокоформирующих инноваций «перепрыгнет» из управляемой в неуправляемую зону платежеспособного спроса и предложения и будет там находиться, а, значит, и обострения кризиса функционирования НИС государств-членов ЕАЭС позволяет дать оценку состоянию системы по отношению к влиянию критических диспропорций вследствие отсутствия необходимых ресурсов в отношении каждого инновационного кластера в рамках ЕАЭС с определением вероятности движения к кризисному состоянию всей системы.

Новизна заявленного подхода состоит в переходе от рассмотрения отдельного жизненного цикла инноваций как дискретного процесса к мультициклической парадигме научно-технического развития, предусматривающей необходимость международной координации процессов научно-технической кооперации отдельных предприятий — участников международных инновационных кластеров в рамках ЕАЭС.

Идентификация ядра рынокоформирующих инноваций (прежде всего, НБИКС-инноваций) позволяет осуществлять поддержку выработки управленческих решений, планирование мер поддержания активности оборота сложной высокотехнологичной продукции российского производства на мировых рынках и налаживания координированного управления с учетом синхронизации жизненных циклов инноваций в рамках мультициклической динамики научно-технического развития.

При реализации рассматриваемого подхода требуется определить направления регулирования циклической динамики научно-технического раз-

вития НИС государств-членов ЕАЭС с позиций мультициклической парадигмы научно-технического развития. Влияние мультициклической динамики научно-технического развития на поведение его участников как, своего рода, инновационных агентов в отношении динамики сложносоставных научно-технических подсистем в НИС государств-членов ЕАЭС, определяет вероятность деградиационных переходов между стационарными состояниями системы в результате накопления диспропорций различного характера.

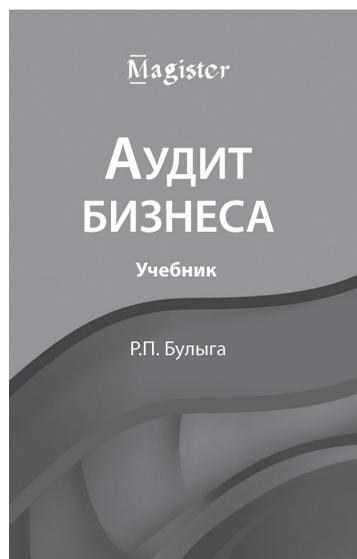
На основе анализа мультициклической динамики научно-технического развития обеспечивается комплексное решение вопросов структурно-функциональной организации процессов использования модели инвестиционной поддержки процессов конвергенции наук и технологий в рамках пакета ключевых рынокоформирующих инноваций для поддержки необходимой активности каждого инновационного кластера как фрактальной части структуры НИС государств-членов ЕАЭС.

Литература

1. Агеев А.И., Авдеев С.В., Новоточинов А.А., Рыжов В.А., Фадеева Т.И. IBM как зеркало мировой эволюции IT и пришествие второй информационной революции. Скрытые интеллектуальные пружины, возможные технологические и гуманитарные тормоза, ожидаемые последствия // Экономические стратегии. 2016. Т. 18. № 4 (138). С. 84—107.
2. Белов М.В. Математическое моделирование жизненных циклов сложных социально-экономических и бизнес-систем // Проблемы управления. 2016. № 2. С. 49—61.
3. Богачева О.В., Смородинов О.В. Роль координационных механизмов в стратегическом управлении наукой и инновациями в современных условиях // Инновации. 2015. № 7 (201). С. 37—45.
4. Бойко П.А., Чиналиев В.У., Шкута А.А. Управление реализацией инфраструктурных проектов: координация выполнения заказов и поставок при осуществлении государственных и муниципальных закупок. М.: Финуниверситет, 2017. 76 с.
5. Борталевич В.Ю. Корпоративное управление в условиях выхода из кризиса // Евразийская экономическая интеграция как фактор повышения стабильного и поступательного развития национальных хозяйственных систем / Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 29—30 сентября 2016 г. / Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. М.: ЦЭМИ РАН / ИПР РАН, 2016. С. 35—36.
6. Дравица В., Курбацкий А. Промышленная революция INDUSTRY 4.0 // Наука и инновации. 2016. Т. 3. № 157. С. 13—16.
7. Захарова Е.В., Горохова Е.Ю. Россия и страны СНГ: научно-техническое сотрудничество и кооперация как фактор региональной экономической интеграции // Инновационная экономика. 2016. № 4 (9).
8. Зоидов З.К. Пути формирования интегрированной рыночной инфраструктуры и регулирования производства и товарооборота в рамках ЕАЭС. М.: ИПР РАН, 2015. 141 с.
9. Зоидов К.Х. К проблеме исследования циклических процессов в советской и переходной российской экономике. Часть II // Экономическая наука современной России. 2008. № 1. С. 35—48.
10. Катюков Д. Сетевые взаимодействия в инновационной экономике: модель тройной спирали // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2013. № 2. С. 112—121.
11. Корсаков Г.Б. О военных инновациях и стратегических концепциях в США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2013. № 1 (517). С. 71—88.
12. Котляр С.В. Конвергенция технологий в стратегиях формирования нового технолого-экономического ядра промышленно развитых стран // Вестник экономической интеграции. 2011. № 10. С. 107—114.
13. Логинов Е.Л., Зеленский В.А. Оптимизация функциональных взаимосвязей фундаментальной и прикладной науки с производственным сектором на основе информационной инфраструктуры, реализующей процессы управления в интегрированном научно-техническом цикле NBICS-инноваций // Вестник Московского университета МВУ России. 2015. № 4. С. 258—263.
14. Логинов Е.Л. Информационная платформа, объединяющая телематические, вычислительные и информационные сервисы в ЕЭС России // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. 2013. № 6. С. 19—23.

15. Рысак Н.В. Организационный механизм модернизации: вертикальная интеграция, горизонтально-сетевая кооперация и пластичная координация // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2013. № 5 (83). С. 27—31.
16. Солдатов А.И., Ким О.Х. Технические и алгоритмические проблемы коммутации современной электроники // Известия высших учебных заведений. Физика. 2010. Т. 53. № 9-3. С. 308—310.
17. Солдатов А.И., Солдатов А.А. Формирование и управление в ЕАЭС интегрированной системы топливно-энергетической инфраструктуры // 25 лет СНГ: основные итоги, проблемы, перспективы развития / Материалы международной научно-практической конференции. Под редакцией чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. М.: ИПР РАН, 2016. С. 110—111.
18. Цветков В.А., Степнов И.М., Ковальчук Ю.А. Реализация стратегий новой индустриализации экономики // Вестник Финансового университета. 2016. Т. 20. № 6 (96). С. 19—30.
19. Цветков В.А. Факторы развития экономики: преодоление нестабильности // Инвестиции в России. 2016. № 3 (254). С. 39—44.
20. Эриаишвили Н.Д., Засыпкин И.В. Роль государства в едином экономическом пространстве // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 12. С. 285—288.
21. Эриаишвили Н.Д., Логинов Е.Л., Райков А.Н. Конвергентное использование интеллектуальных информационных технологий для поддержки процессов взаимодействия участников образовательной, научной и производственной деятельности // Образование. Наука. Научные кадры. 2015. № 2. С. 152—159.

Аудит бизнеса: учебник для студентов магистратуры, обучающихся по направлениям подготовки «Экономика», «Финансы и кредит», «Государственный аудит», «Менеджмент» / Р.П. Булыга. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 263 с. (Серия «Magister»).

Учебник формирует комплексное представление о современном состоянии, трендах и перспективах развития аудита как вида профессиональной деятельности. Даны характеристика аудиторских стандартов, классификация и описание услуг, оказываемых аудиторскими фирмами. Рассмотрены модели регулирования аудиторской деятельности и системы контроля качества аудита в экономически развитых странах в посткризисный период. Анализируются Концепция дальнейшего развития аудиторской деятельности в РФ, а также перспективы и проблемы перехода Российской Федерации на прямое применение международных стандартов аудита. Предложена научно обоснованная концепция реформирования и новая парадигма

аудита XXI в., на базе которой формулируется определение аудита бизнеса, а также инновационные направления деятельности аудиторов. Даны методические рекомендации по проведению аудита интеллектуального капитала, аудита эффективности бизнес-процессов, организации стратегического аудита и его отдельных направлений: инвестиционного и маркетингового аудита. Основной материал учебника дополнен приложениями, содержащими информацию методического, аналитического и справочного характера.

Для магистров, аспирантов, слушателей программ дополнительного профессионального образования, специализирующихся в области бухгалтерского учета и аудита, преподавателей, руководящего персонала аудиторских фирм и саморегулируемых организаций аудиторов. Представляет интерес для представителей исполнительной и законодательной ветвей власти, в круг обязанностей которых входят вопросы регулирования аудиторской деятельности.

УДК 338
ББК 65

ВЛИЯНИЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА НА РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

ИРИНА ВАСИЛЬЕВНА ПАВЛЕКОВСКАЯ,

доцент кафедры Управления информационными системами и программирования

РЭУ имени Г.В. Плеханова,

кандидат экономических наук

E-mail: Pavlekovskaya.IV@rea.ru;

ОЛЬГА ВАЛЕНТИНОВНА СТАРОВЕРОВА,

профессор кафедры Управления информационными системами и программирования

РЭУ имени Г.В. Плеханова,

доктор юридических наук,

кандидат экономических наук, профессор

E-mail: staroverova05@mail.ru;

АРКАДИЙ ИЛЬИЧ УРИНЦОВ,

Заведующий кафедрой Управления информационными системами и программирования

РЭУ имени Г.В. Плеханова,

доктор экономических наук, профессор

E-mail: Urintsov.AI@rea.ru

Рецензент: доктор экономических наук, профессор В.М. Жеребин

Научная специальность 08.00.05 — экономика и управление народным хозяйством

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматриваются вопросы влияния научно-технического прогресса на совершенствование информационного общества. Информационная революция как результат научно-технического прогресса приводит к появлению цифровой экономики и пополнению информационного общества многообразными концепциями ведущих стран мира. Приводится онтология взглядов на историю становления и развития общества, основанного на знаниях. Определены характерные особенности развития информационного общества.

Ключевые слова: Информационное общество; общество, основанное на знаниях; научно-технический прогресс; информационная революция; цифровая экономика; интернет-технологии.

Abstract. In the article considered issues of the scientific and technical progress impact on the development of information society. Informational revolution as the result of scientific and technical progress generates the digital economy (also called «network economy») and provides the information society with new various programs and concepts created by the most leading countries. The article provides an ontology of the views on the knowledge society formation and evolution history. Characteristics of the information society development were defined in the article as well.

Keywords: Information society, knowledge society, scientific and technical progress, informational revolution, the digital economy, internet technologies.

Общественный прогресс и научно-технический прогресс, как его составляющая, относятся к наиболее таинственным явлениям общества, в основе которых лежат механизмы, описываемые лишь на

основе гипотез. Научно-технический прогресс, осуществляемый под влиянием крупнейших научных и технических открытий, оказывает воздействие на все стороны жизни общества и предъявляет возрастающие требования к уровню образования, квалификации, культуры, организованности, ответственности работников.

Такие великие философы прошлого, как Платон, Гегель, Леонардо да Винчи, Аристотель, М.В. Ломоносов, Ж.-Д. Бюффон, А. Гумбольдт пытались установить и описать основные направления развития общества. Теория ноосферы, затрагивающая эту проблему уже в новейшее время, отражена в трудах В.И. Вернадского, К. Э. Циолковского, Тейера де Шарден. Владимир Иванович Вернадский отмечал: «...под влиянием научной мысли и человеческого труда биосфера переходит в новое состояние...» – ноосферу. [1, с. 19]. Ноосфера (от греческого «ноос» — разум и «сфера» — оболочка Земли) — это такая форма эволюции материи, в которой интеллект человека и общество в целом достигают высшего развития [1], главенствуют принципы гуманизма, обеспечивается их поступательное развитие. Следует отметить, что непосредственно термин «ноосфера» (равно как и «биосфера») не принадлежит В.И. Вернадскому, который остерегался засорять научную литературу излишними словами. Термин этот впервые был использован в конце 20-х гг. в работах Тейера де Шардена и Е. Леруа (E. le Roy), написанных под впечатлением прослушанных ими в Сорбонне в 1922—23 гг. курса лекций В.И. Вернадского по биогеохимии. Однако следует иметь в виду, что в изложении Тейера де Шардена термин «ноосфера» носит смысл мистический, синоним «царству человеческого разума», проникнутого единым религиозным мировоззрением.

Изучением глобальных проблем существования и развития человечества и поиска путей их решения занимались и ученые, основавшие в 1968 году международную неправительственную организацию «Римский клуб». К таким проблемам относятся проблемы планетарного масштаба, оказывающие влияние на деятельность хозяйствующих субъектов и отдельных индивидов, требующие тесного международного сотрудничества для их разрешения. Именно этой тематике был посвящен в 1995 г.

очередной доклад Римскому клубу, подготовленный Э. Вайцзеккером, Э. Ловинсом и Л. Ловинсом и впоследствии опубликованный под названием «Фактор четыре. Затрат — половина, отдача — двойная» [12], в котором был предложен качественно новый подход к общей оценке прогресса, основанный на увеличении продуктивности использования ресурсов. По мнению авторов доклада, в будущем для устойчивого развития человечества необходимо уменьшить разрушительное воздействие на окружающую среду, при этом вполне возможно повысить почти в два раза качество жизни и одновременно сократить в два раза расходование природных ресурсов. Достижение этого возможно путем более эффективного использования электроэнергии, топлива, воды, плодородных земель и т.п.

Использование хозяйствующими субъектами достижений научно-технического прогресса как главенствующего инструмента преобразования производительных сил на основе возрастающего взаимодействия науки с производством, в условиях конкурентной борьбы на рынке позволяет им предлагать более качественную продукцию, работы, услуги, снижать собственные затраты на производство.

Хозяйствующие субъекты вынуждены следить и адаптироваться, оперативно реагировать на научные достижения в собственной и сопредельных областях деятельности, а некоторым из них приходится делать значительные инвестиции в науку, заказывая определенные научные разработки. И наоборот, технологически несовременная компания гораздо менее конкурентоспособна, вследствие воздействия на нее научно-технического прогресса. Это касается всех технологических процессов производства и управления хозяйствующим субъектом. Движущим моментом здесь также является высокая для хозяйствующего субъекта доходность от производства и продажи науко- и технотемной продукции. По данным nauka.relis.ru отмечается рост доходности науко- и технотемной продукции. В настоящий момент продажа на мировом рынке одного килограмма сырой нефти приносит порядка 2—2,5 центов прибыли, продажа одного килограмма бытовой техники позволяет заработать около 50 долларов США, килограмм авиационной техники — 1 000 долларов, килограмм электро-

ники и компьютерной техники, включая мобильные устройства, позволяет заработать до 5 тысяч долларов [2].

Информационная революция, являющаяся результатом научно-технического прогресса последних лет, привела к возрастанию роли информации и знаний и, как следствие, новому витку развития современного информационного общества и возникновению и цифровой экономики. Основной движущей силой экономического развития и процветания современного информационного общества становятся информация и знания, являющиеся важным фактором производства. В соответствии с этим многие ученые называют современное общество «информационным» (О. Тоффлер, Й. Масуда, Д. Белл), или «обществом, основанном на знаниях» (П. Дракер), или основанным на «информационной экономике» или «экономике знаний» (М. Порат). С помощью развития системы непрерывного образования, а также национальных, региональных и локальных систем инноваций (М. Портер), мы можем наблюдать и достижения современного общества в сфере экономики. Повсеместное внедрение в управленческие и производственные процессы информационно-коммуникационных технологий стало причиной становления новых моделей управления, в основе которых лежит ориентация на интеграцию хозяйствующих субъектов, функционирующих в условиях глобальных сетевых бизнес-взаимодействий. Сетевым бизнес-взаимодействиям присущи такие характерные свойства, как глобальность и экстерриториальность, общедоступность, интерактивность, потенциальная анонимность.

Европейская Комиссия по стратегическим исследованиям определяет цифровую экономику как среду, позволяющую каждой компании или индивиду осуществлять оперативно и с низкими издержками контакты с другой компанией или индивидом с целью торговли, обмена идеями и знаниями, совместной работы и др. В рамках исследования процессов развития информационного общества следует отметить, что Интернет является не просто «транспортной технологией» (технологией доставки сообщений), а «Интернет является ядром современной мировой экономики и основной причиной беспрецедентного уровня инновационного

развития», считает Европейская комиссия (из ее сообщения «Открытый Интернет и сетевая нейтральность в Европе»). Существуют важные отличия цифровой экономики от многих других отраслей экономики. В настоящий момент времени для размещения контента или оказания услуг компании или индивиды не сталкиваются с высокими ценовыми барьерами, связанными с выходом на рынок. Интернет-технологии изменяют способы общения и ведения бизнеса, поддерживают свободу слова и медиаплюрализм. Миллиардные инвестиции в сочетании с отраслевым регулированием и антимонопольными правилами позволили достичь конкурентных предложений на рынке широкополосного доступа и способствовали росту потребительского спроса. Еще больше инвестиций потребуется для того, чтобы справиться с существующей тенденцией роста трафика. По прогнозам Европейской Комиссии, трафик будет возрастать на 35% ежегодно на фиксированных сетях и на 10% — на подвижных сетях.

Мы вслед за автором [3] будем считать, что проблемы сетевой нейтральности непосредственно связаны с уровнем конкуренции на рынке. Возможность потребителя делать выбор между конкурирующими предложениями на основе прозрачной и содержательной информации является одним из основных критериев добросовестной конкуренции. Потребители хотят получать услуги лучшего качества или по более низким ценам, все это обеспечено возможностью менять оператора. Содействовать эффективной конкуренции — это лучший способ обеспечения высокого качества товаров и услуг по доступным для потребителя ценам таким образом Европейском союзе пытается регулировать телекоммуникаций.

Для обеспечения прозрачности управления трафиком, информированности пользователей и выполнения иных условий сетевой нейтральности Европейская комиссия и Орган европейских регуляторов в сфере электронных коммуникаций (Body of European Regulators for Electronic Communications, далее — BEREC) вынуждены постоянно осуществлять мониторинг рыночной ситуации. Таким образом, на сегодняшний день условия реализации принципа сетевой нейтральности, совпадающего с требованием соблюдения законода-

тельства о связи, полностью изложены в телекоммуникационном законодательстве Европейского союза.

Будем считать, что «информационное общество» — это постиндустриальное общество, где над производством материальных ценностей главенствует производство информационного продукта. Современное информационное общество можно считать обществом, основанным на знаниях (ноу-хау). Знания занимают основополагающие позиции во всех отраслях рыночной экономики и являются ключевым фактором развития. Для современного общества знания стали стратегическим ресурсом, вобравшим в себя как теоретические знания, так и обработку и анализ информации, а также интеллектуальные способности человека, его квалификацию и профессионализм.

Общеизвестно, что в 1956 г. в Америке количество лиц, работающих в офисах в управленческой, канцелярской или технической областях (так называемых «белых воротничков») превысило количество лиц, связанных с физическим трудом («синих воротничков»). Именно этот год можно считать годом начала развития нового общества — информационного. А американские работники, создающие, использующие и распределяющие информацию (т.е. обеспечивающие подготовку информации, а не товаров) большую часть своего рабочего дня, стали называться «знаниемыми работниками» (knowledge workers).

Проанализировав различные тенденции информатизации современного общества, можно утверждать, что цифровая экономика будет преобладать в экономике XXI в., открывая новые возможности в развитии общества. Соглашаясь с авторами [4; 5], мы считаем, что в Российской Федерации цифровая экономика набирает силу, повышает эффективность, качество и производительность в разнообразных видах технологий производства, в частности при хранении, продаже и потреблении информационных услуг. К массовому рынку информационных услуг можно отнести дистанционное обучение, оплату коммунальных услуг, заказ различных видов билетов, страхование, электронную коммерцию¹ и ряд других.

¹ Электронная коммерция — деятельность, направленная на реализацию товаров и услуг населению с использованием сетевых взаимодействий между покупателем и продавцом (в настоящий момент в основном заказ и приобретение товаров через Интернет).

Учитывая развитие и распространение интернет-технологий в мировом пространстве, можно говорить о том, что эта инфраструктура является ключевой в цифровой экономике. Обратимся к статистике, если в 1991 году количество компьютеров с доступом в Интернет во всем мире составляло около 5 миллионов, в 1996 — 60 миллионов, в 2001 — 300 миллионов, то в 2015 году оно достигло 3,2 миллиарда пользователей интернета (все население Земли составляет 7,2 миллиарда человек), из них 2 миллиарда проживают в развивающихся странах. [6] При этом, в отличие от российских, у европейских и американских участников цифровой экономики имеется не только высокая покупательная способность и активность, но и хороший уровень компьютерной грамотности.

Цифровая экономика — это «деятельность, в которой ключевыми факторами производства являются данные, представленные в цифровом виде, а их обработка и использование в больших объемах, в том числе непосредственно в момент их образования, позволяет по сравнению с традиционными формами хозяйствования существенно повысить эффективность, качество и производительность в различных видах производства, технологий, оборудования, при хранении, продаже, доставке и потреблении товаров и услуг» [10]. Ключевой особенностью цифровой экономики можно считать то, что процесс управления ею реализуется группой лиц на коллективной и равноправной основе. Это создает условия для непрерывного развития информационного общества и дополняет различные программы и концепции, разработанные большинством ведущих стран мира. К ним относятся: «Проект информационного общества — национальная идея к 2000 г.» (руководитель проекта Йонеи Масуда, Япония, 1975 г.) «Европейский путь в информационное общество», принятый Европейским Союзом в 1994 г., «Путь Германии в информационное общество» (1996 г.), «План действий администрации США в области Национальной информационной инфраструктуры» (1993 г.), «Финский путь в информационное общество» (1995 г.), Указы Президента РФ и постановления правительства РФ по вопросам информатизации страны, среди которых утвержденная президентом России В.В. Путиным в феврале 2008 года «Стратегия развития информационного

общества в Российской Федерации», «Концепция формирования и развития единого информационного пространства России и соответствующих государственных информационных ресурсов», Концепция движения Москвы в информационное общество, Федеральная целевая программа «Электронная Россия на период 2002—2010 гг.», Федеральная целевая программа «Развитие единой образовательной информационной среды», Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011—2020 годы) с подпрограммами Информационно-телекоммуникационная инфраструктура информационного общества и услуги, оказываемые на ее основе», «Информационная среда», «Безопасность в информационном обществе», «Информационное государство»; Федеральная целевая программа «Развитие телерадиовещания в Российской Федерации на 2009—2015 годы», Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы и др.

Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы «призвана обеспечить вклад в реализацию следующих национальных приоритетов: развитие и безопасность граждан и государства; повышение роли России в мировом гуманитарном и культурном пространстве; свободное, устойчивое и безопасное взаимодействие между гражданами, органами государственной власти, органами местного самоуправления и организациями; повышение эффективности государственного управления, развитие экономики и социальной сферы; формирование цифровой экономики» [10].

Для повышения качества жизни граждан путем использования информационно-коммуникационных технологий государство формулирует для себя такие задачи как: «обеспечение предоставления гражданам и организациям услуг с использованием современных информационных и телекоммуникационных технологий; развитие технической и технологической основы становления информационного общества; предупреждение угроз, возникающих в информационном обществе» [10].

Таким образом, в реализации государственных программ России по информатизации общества, нам видится, что ожидаемый результат состоит в следующем [11]:

- создание на всей территории страны современной информационно-коммуникационной инфраструктуры;
- достижение опережающего темпа роста российского рынка информационно-коммуникационных технологий по сравнению с общемировым уровнем;
- существенное повышение качества и доступности услуг почтовой связи, внедрение новых услуг для граждан на базе почтовых отделений;
- принципиальное сокращение транзакционных издержек хозяйствующих субъектов путем стандартизации процессов и среды взаимодействия на базе внедрения информационно-коммуникационных технологий;
- повышение качества оказания государственных услуг в электронном виде, переход к выполнению большинства юридически значимых действий в электронном виде;
- формирование социальной самоорганизации и развитие партнерства власти, бизнеса и ответственности на основе использования информационных технологий;
- сокращение «цифрового неравенства» субъектов РФ, предупреждение изолированности отдельных граждан и социальных групп;
- развитие новых сервисов в сферах культуры, образования и здравоохранения на основе информационно-коммуникационных технологий;
- предоставление гражданам возможности осуществления трудовой деятельности дистанционно и содействие самозанятости;
- достижение технологической независимости РФ в отрасли информационно-коммуникационных технологий;
- реализация интеграции РФ в мировое информационное общество.

На наш взгляд, наиболее интенсивно цифровая экономика развивается в таких областях как: электронная торговля, платежные сервисы и финансовые услуги, дистанционное обучение и др. Важно подразделять при этом такие сферы цифровой экономики как: бизнес на Интернете (провайдинг доступа в Интернет, контента, сервисов), бизнес «вокруг» Интернета (продажа технических и программных решений, Web-дизайн) и бизнес в Ин-

тернете (платежные сервисы, магазины, маркетинг, реклама и т.д.).

В то же время цифровой экономике присущи и определенные проблемы. В первую очередь к ним относятся риски, вызываемые стремительностью изменений экономических ситуаций в этом секторе, угрозами информационной безопасности, техническими и технологическими трудностями обслуживания цифровой экономики, обеспечением правового статуса электронного документа.

Развивающиеся страны, обретая доступ к знаниям, повышают качество своего «человеческого капитала» в условиях формирования и распространения цифровой экономики. А для России общество, основанное на знаниях, становится новым этапом ее информатизации, в основу его ляжет стремление к получению и распространению государством и обществом достоверной, качественной и безопасной информации. Необходимо удовлетворить существующий запрос российского общества на получение с помощью информационных технологий качественной, достоверной и безопасной информации, отвечающей высоким требованиям интеллектуального и культурного уровня россиян.

Таким образом, ключевой чертой информационного общества является ускорение темпов экономического, политической, социальной и культурной эволюции. При этом к характерным особенностям развития информационного общества относятся [7]: возникновение и развитие цифровой экономики; автоматизация формирования коллективного знания; приоритетность информации и знаний по сравнению с другими видами ресурсов производства; глобальный характер распространения информационно-коммуникационных технологий; наличие свободного доступа любого индивида к коллективным знаниям на основе применения информационно-коммуникационных технологий [8].

Литература

1. *Вернадский В.И.* Размышления натуралиста: научная мысль как планетарное явление. Кн. вторая. М.: Наука, 1977. 312 с.
2. *Уринцов А.И., Староверова О.В., Павлековская И.В.* Анализ методов и инструментария оперативной адаптации субъекта экономики // Вестник

Московского университета МВД России. 2015. № 5. С. 157—162.

3. *Войниканис Е.А.* Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: парадигма баланса и гибкости. М.: Юриспруденция, 2013. 552 с.

4. *Нефедов Ю.В.* Национальный стандарт как способ развития менеджмента малых предприятий России // Стандарты и качество. 2011. № 10. С. 30—32.

5. *Дик В.В., Лужецкий М.Г., Павлековская И.В.* Электронные расчеты и телефонный банкинг. модели интернет-банкинга // Прикладная информатика. 2006. № 1 (1). С. 3—17.

6. Пресс — релиз МСЭ от 26.05.2015. Женева. МСЭ публикует данные по ИКТ за 2015 год / Революция в ИКТ последних 15 лет подтверждается статистическими данными URL://http://www.itu.int/net/pressoffice/press_releases/2015/pdf/17-ru.pdf

7. *Уринцов А.И., Дик В.В.* Системы формирования и принятия решений в условиях информатизации общества. М., 2008.

8. *Дик В.В., Староверова О.В., Уринцов А.И.* Оперативное обучение как средство адаптации менеджера // Вестник Московского университета МВД России. № 1. 2016. С. 176—181.

9. *Уринцов А.И., Галахов Д.В., Черноусов А.А.* Использование электронных ресурсов в процессе подготовки специалистов-практиков // Совершенствование подготовки ИТ-специалистов по направлению «Прикладная информатика для инновационной экономики». Сборник научных трудов. 2015. С. 109—115.

10. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

11. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 (ред. от 21.10.2016) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011—2020 годы)».

12. *Вайцеккер Э., Ловинс Э., Ловинс Л.* Фактор четыре. Затрат — половина, отдача — двойная. Новый доклад Римскому клубу. Перевод А.П. Заварницына и В.Д. Новикова под ред. академика Г.А. Мясца. М.: Academia, 2000. 400 с.

УДК 338
ББК 65

ПРОБЛЕМЫ СТРОИТЕЛЬСТВА И ЭКОНОМИКИ

ВИКТОР ЗАХАРОВИЧ ЧЕРНЯК,

профессор РЭУ имени Г.В. Плеханова, доктор экономических наук;

НОДАРИ ДАРЧОЕВИЧ ЭРИАШВИЛИ,

профессор Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

доктор экономических наук, кандидат юридических наук, профессор,

лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники

Научная специальность 08.00.05 — экономика и управление народным хозяйством

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Обосновывается, что в сфере современного крупного строительства в Москве недостаточно учитываются вопросы экономики, что порождает проблемы и ухудшает инвестиционный климат в регионе. Выделяются две возможные причины: 1) недостаточно обоснованный социально-экономический анализ инвестиций в строительство; 2) полное отсутствие экономического анализа инвестиций в строительство.

Ключевые слова: экономика, строительство, примеры экономических просчетов.

Abstract. It is substantiated that in the sphere of modern large-scale construction in Moscow, economic issues are not sufficiently taken into account, which raises problems and worsens the investment climate in the region. There are two possible causes: 1) insufficiently grounded socio-economic analysis of investment in construction; 2) a complete lack of economic analysis of investment in construction.

Keywords: economy, construction, examples of economic miscalculations.

В проблемах, от решения которых во многом зависят результаты инвестиций в крупные строительные программы, образовались явные пробелы. Основные причины две: во-первых, судя по просчетам недостаточно обоснованный социально-экономический анализ инвестиций в строительство; во-вторых, создается впечатление, что инвесторы вообще обходятся без экономического анализа и не считают деньги.

1. Где закопаны деньги

Меньше чем через год после завершения реконструкции московских магистралей, благоустроенных летом 2015 г., на этих же улицах снова начались ремонтные работы. В 2016 г. они обошлись Москве в 2,6 млрд руб. [1]. С декабря 2015 г. по май 2016 г. департамент капремонта провел 9 тендеров на «приведение в надлежащее состояние объектов благоустройства, транспортной инфраструктуры и инженерных сетей» на Варшавском, Каширском, Ленинградском, Ярославском и Можайском шоссе, проспекте Мира, улицах Долгоруковская, Люсинов-

ская, Мытная и Рязанском проспекте, следует из материалов тендеров, размещенных на сайте госзакупок. В 2015 г. реконструкция и благоустройство этих же магистралей обошлись городскому бюджету почти в 10,2 млрд руб. Из техзаданий к проведенным тендерам следует, что на благоустроенных в 2015-м магистралах предстоит построить дополнительно около 40 км подземных кабельных коллекторов, а после засыпки траншей — восстановить благоустройство территорий. Работы, проведенные по программе «Моя улица» в 2015 г., как оказалось, «не учитывали интересов» департамента информационных технологий правительства Москвы, на балансе которого находится городская оптико-волоконная сеть. Также в числе работ, которые были запланированы на благоустроенных в 2015 г. магистралах, в документации к проведенным конкурсам значатся: демонтаж «устаревшей праздничной иллюминации» и прокладка технических тротуаров из колотой брусчатки вдоль автомагистралей. На некоторых улицах мэрия решила облицевать гранитом

фундаменты рекламных щитов и дорожных указателей, а, например, на Ленинградском шоссе — покрыть камнем и стены воздуховодов кабельной канализации. На Каширском шоссе более 6 км бетонных бордюров в 2016 г. было решено заменить на гранитные, еще 4 км бетонных бордюров обновить с последующим восстановлением асфальта и тротуаров. Такие же работы было намечено провести на Ярославском шоссе, где необходимо было заменить чуть больше 1 км бордюров. На Павловской улице потребовалось частично заменить тротуарную плитку асфальтом. А на Каширке заменить 60 остановок общественного транспорта, а их территорию также замостить гранитной плиткой. Возникли проблемы и с озеленением улиц, проведенном всего лишь за год до этого. На Ярославском шоссе, на площади 74 502 м², посевной газон в 2016 г. году решено было заменить на рулонный (общая площадь под газон должна увеличиться еще на 32 600 кв.м.). На Каширском шоссе оказалось необходимым восстановить почти 22 тыс. кв.м. «неучтенного» рулонного газона. А на Люсиновской и Большой Тульской улицах власти решили заменить 14 деревьев и девять кустарников, не прижившихся в предыдущем году.

Возникает вопрос: кто зарабатывает на повторном благоустройстве? По результатам тендеров исполнителями работ на повторное благоустройство улиц стали те же компании, которые работали на этих объектах в предыдущем году. Крупнейшие подряды на «приведение в надлежащее состояние объектов благоустройства» Варшавского шоссе (778 млн руб.) и улиц Большая Тульская, Люсиновская, Павловская, Мытная (391,1 млн руб.) получили компании ООО «СК «Юнион» и ООО «Автодорстрой». Обе фирмы были связаны с выходцами из строительного холдинга «Универсстройлюкс», который принадлежит Алексею Бирюкову, родному брату вице-мэра Петра Бирюкова (курирует реализацию программы «Моя улица»), писал РБК в расследовании 2016 г. о том, кто зарабатывает на реконструкции московских улиц. 26 мая 2016 г. комиссия Управления антимонопольной службы по Москве установила факт картельного сговора между «Автодорстроем», «Юнионом» и рядом других компаний. В частности, было установлено, что для участия в тендерах эти фирмы использовали один и тот же

IP-адрес, а файлы заявок к торгам были созданы на одном компьютере. Об этом говорилось в письме УФАС по Москве, опубликованном блогером Иваном Ежиковым. В пресс-службе УФАС по Москве подтвердили подлинность письма. Победителями конкурсов на проведение дополнительных работ на Каширском (464,7 млн руб.) и Ленинградском шоссе (312,6 млн руб.) стало ООО «Спецстрой». Эта фирма, как писал в 2015 г. РБК, входила в состав строительного холдинга Capital Group, но пресс-служба холдинга опровергала эту информацию. В январе 2016 г. совладелец Capital Group Павел Те признал, что структуры холдинга имели отношение к реконструкции в Москве. «Мы провели работу по благоустройству вылетных магистралей, люди работали по 24 часа в сутки, мы можем гордиться своей работой», — говорил Те в интервью журналу Forbes. В 2016 г. «Спецстрой» выиграл крупнейший в 2016 г. году тендер по программе «Моя улица» на благоустройство четной стороны Бульварного кольца. Сумма этого контракта — 4,6 млрд руб. Конкурсы на проведение работ на проспекте Мира (281,3 млн руб.), Ярославском шоссе (242,6 млн руб.) и Долгоруковской улице (63,5 млн руб.) выиграла строительное подразделение корпорации АФК «Система» Владимира Евтушенкова ОАО «Москапстрой» и его «дочка» ООО «Магма-1». Тендер на дополнительные работы на Можайском шоссе (40,5 млн руб.) выиграл ФГУП «АТЭКС» Федеральной службы охраны, а на Рязанском шоссе (30,8 млн руб.) — компания «Каскад-Энерго», входящая в холдинг «Ташир» Самвела Карапетяна. В 2015 г. префектура ЦАО Москвы на средства, полученные от платной парковки, провела благоустройство Черниговского переулка в Замоскворечье. Архитектурное бюро Megabudka по заказу префектуры и департамента транспорта Москвы разработало тогда проект создания пешеходной зоны. В августе 2015 года часть переулка выкрасили краской в белый цвет, расставили деревянные лавки, кадки, книжную полку для буккроссинга и небольшой амфитеатр. Затраты на организацию пешеходной зоны составили 1,2 млн руб., сообщил РБК представитель департамента транспорта. Но уже в апреле 2016 г. в Черниговском переулке снова началось благоустройство. На этот раз уже по программе «Моя улица». Победителем тендера на реконструкцию переулка стало

ООО «МКТ», согласившееся выполнить работы за 146,7 млн руб.

2. Рыночная цена квартиры

Генеральный прокурор РФ Юрий Чайка, выступая апреле 2015 г. в Совете Федерации сделал ряд громких заявления и, в частности, заявил, что цены на квартиры в России чрезмерно завышены [2].

«Так в уставный капитал в агентство по ипотечному кредитованию за 18 лет направлено более 95 млрд руб., однако его деятельность не оказала положительное влияние на развитие российского ипотечного рынка жилья», — сказал Ю. Чайка. И подчеркнул, что цены на жилье в стране завышены в «три и более раз».

Что влияет на цены?

Если московская власть сносит или застраивает знаковый городской объект, город немедленно теряет в цене: в районе падает стоимость недвижимости, в городе становится хуже жить. И наоборот, смотря что и где строить. Ценность знаковых городских объектов сложно выразить в деньгах. но сложно — это не значит, что невозможно, можно — и теоретически, и практически. Оценивают же эксперты, например, стоимость живописных полотен, выступления фигуристов, вкус кофе и т.п. Управляющий одной из компаний считает, например, что в случае застройки Патриарших прудов стоимость квартир на Малой Бронной снизится как минимум на 20%. И хотя метод подсчета не указан, понятно, что стоимость определена инфраструктурой, средой обитания. При этом рассчитать можно и радиус снижения (повышения) стоимости.

3. Памятники архитектуры

Что происходит с московской территорией и памятниками архитектуры?

Был памятник архитектуры — гостиница «Москва». Снесли, построили заново, получилось не то.

Построили «Охотный ряд» на Манежной площади — «бессмысленный и бездарный магазин».

Разрушили легендарный московский памятник — стадион «Динамо», на этом месте строят другой. А другой — он и есть другой, стадион «Динамо» останется в песнях, кинофильмах, воспоминаниях.

Сломали знаменитый Военторг, уверяют, что построили новый (получился не новый, а совершенно другой, что не одно и то же) ...

Обещали победить пробки на дорогах, но не только не победили, но даже убедительного плана не выдвинули, а теперь даже не вспоминают о борьбе с ними.

Аллею прекрасных лип на Ленинградском проспекте спилили (тысячи деревьев) — это в Москве-то! а пробки на дорогах растут.

Чего только не обещали построить на площади перед Белорусским вокзалом, даже сроки озвучивали и продолжают обещать и озвучивать.

Еще в феврале 2012 г. мэрия отчиталась, что в городе полностью исчезла очередь на места в детские сады. Это при том, что из 300 детских садов, которые должны были построить в 2011-м, построили только 58 — стало быть, 232 детсада строить уже ни к чему. Так, бывало и раньше, по традиции отчитывались [4].

Казалось бы, ни один городской памятник не может быть поставлен без градостроительного (а значит, и технико-экономического) обоснования. На практике получается, что — может, пример тому определение места для памятника кн. Владимиру, для которого сначала назначили и отстаивали место на Воробьевых горах, и только потом согласились, что там вообще опасно строить по геологическим соображениям.

Сегодня самый актуальный строительный и социальный вопрос — снос пятиэтажек, расселение жильцов. В свое время именно экономические и социальные вопросы решало строительство пятиэтажек. Прошло полвека стали говорить: не так, не там, не то. Это было великое решение, если к тому же вспомнить, что городская земля была бесплатной.

Расходы московского бюджета на реализацию одного из самых знаковых проектов — строительство парка «Зарядье» могут увеличиться в два раза, до 27 млрд руб. [5]. Властям дорого обходится разбор стилобатных конструкций бывшей гостиницы «Россия», на месте которой создается парк, и строительство подземной парковки. (Все это неожиданно, как зима в Москве).

Об увеличении стоимости строительства объектов парка «Зарядье» сообщила газета «Коммерсантъ». Итоговая смета объекта может подорожать до 22—27 млрд руб. «Для этого есть две причины, — рассказывает один из собеседников «Ъ». — Чинов-

ники вынуждены выделить дополнительные деньги на разбор стилобатной части снесенной гостиницы «Россия» (на ее месте создается парк.— «Ъ»), стоимость этих работ была посчитана не в полном объеме. Во-вторых, необходимы средства на строительство габаритной подземной парковки почти на 500 мест». Гендиректор парка «Зарядье» Павел Трехлеб заявил, что не располагает сведениями о конечной стоимости объектов (!), и посоветовал обратиться в мэрию — к заказчику проекта. По мнению управляющего партнера компании Blackwood Константина Ковалева единственная объективная причина увеличения стоимости строительства — девальвация рубля, так как в подобных проектах примерно 40% материалов приобретаются за валюту. По оценкам господина Ковалева при условии поиска аналогов конечная цена объекта не могла вырасти более чем на 20—25%. «Можно предположить, что в случае с этим парком из-за рубежа заводится большая часть материалов»,— предполагает он.

Парковый комплекс «Зарядье» должен быть создан на 15,6 га между Варваркой и Москворецкой набережной к концу 2017 года. Ранее на этом участке располагалось здание гостиницы «Россия», которую должны были реконструировать структуры Шалвы Чигиринского. Но в 2007 году у бизнесмена возник конфликт с мэрией, и в результате инвестиционный контракт был расторгнут. Дальнейшая судьба участка определилась в 2012 году, когда президент России Владимир Путин предложил построить на месте «России» парк. Генподрядчиком строительства было выбрано подконтрольное столичным властям АО «Мосинжпроект».

Стоимость строительства «Зарядья» меняется второй раз. В адресно-инвестиционной программе (АИП) Москвы на 2014—2016 годы размер бюджетных инвестиций в проект был оценен в 5,08 млрд руб., из которых к началу 2014 года мэрия потратила 2,77 млрд руб. Но уже к ноябрю смета увеличилась до 12,8 млрд руб., дополнительные деньги понадобились на строительство коммуникаций. В департаменте строительства вопросы «Ъ» переадресовали в казенное предприятие «Управление гражданского строительства» (КП УГП), согласно данным которого, в текущей АИП на 2014—2017 годы на финансирование «Зарядья» заложено 13,3 млрд руб. Стоимость контракта на строительство объектов

при этом составляет 11,87 млрд руб., из которых 5,9 млрд руб. отводятся непосредственно на парк, 5,4 млрд руб. — на возведение филармонии (20 тыс. кв. м) и 575 млн руб.— на благоустройство Москворецкой набережной. По данным КП УГП, в парке также планируется построить экспозиционный комплекс (2 тыс. кв. м), заведения общепита (1,9 тыс. кв. м), интерактивный павильон (1 тыс. кв. м), магазин сувениров (400 кв. м), ледяную пещеру (500 кв. м) и объект «Парящий мост». На вопросы о планируемом увеличении бюджета проекта ни в КП УГП, ни в «Мосинжпроекте» не ответили.

Власти города уже начали подбирать арендаторов парка. Так, созданием ресторанной зоны в «Зарядье» может заняться холдинг White Rabbit Family, подконтрольный бизнесмену Борису Зарькову и его партнерам, в числе которых владелец «Шоколадницы» Александр Колобов и музыкант Андрей Ширман (творческий псевдоним DJ Smash). Рестораторы сначала планировали открыть два объекта: недорогое кафе (средний чек до 1,5 тыс. руб.) и ресторан авторской кухни (средний чек 2,5—3 тыс. руб. [4]). Но сейчас ситуация изменилась, холдинг решил вместо ресторана открыть фуд-маркет, предусматривающий возможность взять еду с собой или пообедать на месте. Рядом с «Зарядьем» также появится гостиница Mandarin Oriental стоимостью около \$250 млн, ее строительством займется ОАО «ТПК «Продмаркет»», подконтрольное основному владельцу спорткомплекса «Олимпийский» Дмитрию Шумкову [5].

4. Смертельная экология

2017-й — год экологии. Госдума озабочена созданием в стране новой индустрии — мусорной. Москва производит грандиозное количество мусора — более 5,5 млн тонн ежегодно. Проблема подмосковных свалок одна из самых острых в стране [5]. Мусорными полигонами владеют преимущественно частные компании. Они арендуют землю у муниципалитетов или просто приобретают землю под полигоны в собственность. Это очень прибыльный бизнес, особенно если нарушать закон, пропускать мусоровозов больше, чем положено, и захоранивать то, что захоранивать нельзя.

«Тимохова» самый большой полигон Московской области и крупнейший в Восточной Европе,

на занимает площадь 120 га. Его учредители — Департамент имущества Москвы и администрация Ногатинского района. «Тимохово» — это гора высотой чуть дли не с 10-этажный дом. Машины с мусором идут сюда потоком, каждый платит 3—5 тысяч рублей за от, чтобы избавиться от груза. По данным СПАРКа (система анализов рынков), «Тимохово» за один год получил 433,5 млн рублей выручки. Официальная прибыль 10% от этого.

Свалка источала отвратительный запах всегда в постоянно из года в год получала административные взыскания и штрафы за нарушения. А еще любая свалка производит фильтрат — это реки ядовитой жидкости, которые выделяет мусор. Каждый полигон должен быть снабжен сложной системой очистки фильтрата. На 120 га Тимоховского полигона это небольшое строение размером с гараж-ракушку. Оборудование закуплено немецкое, которое, по идее, превращает фильтрат чуть ли не в питьевую воду. Но отчего-то вода в двух озерах рядом с «Тимохово» черного цвета, так же как и вытекающая из них речка Бизяевка. По данным экспертизы «Главного контрольно-испытательного центра питьевой воды», уровень формальдегида превышен в ней несколько сотен раз, фенола в 95 тысяч раз. Заражены грунтовые воды и, как следствие, все колодцы рядом. В воде обнаружен стронций и литий. Люди в поселке Тимохово ездят за водой за несколько километров. Росприроднадзор говорит о том, что фильтрат «просачивается». Воздух тоже заражен. Это катастрофическая катастрофа не только для нескольких поселков вокруг полигона. Из реки Бизяевки фильтрат попадает в реку Клязьму, а она впадает в Клязьминское водохранилище. Одно из крупнейших водохранилищ региона, которое используется для водоснабжения Москвы.

Местные жители борются с свалкой с 2010 г. Росприроднадзор передал заявление о приостановлении деятельности полигона в суд года Ногатинска, суд в очередной раз просто... выписал штраф — 90 тыс. рублей. Заплатить штраф дешевле, чем выполнить нормы.

Бороться с подмосковными свалками решено на самом высоком уровне. Поручение дал лично президент...

5. А экономика?

В одном европейском городе мы видели реконструкцию дома. На фасаде этого дома был большой фанерный лист с достаточно подробными сметными ориентирами: что и когда будет закончено и сколько будут стоить отдельные работы.

В свое время даже на таком уникальном сооружении, как Золотой мост в Лос-Анджелесе архитектор сумел сэкономить (!) миллион долларов.

Сегодня экономические задачи строительства профессионалы могут решать сложными экономико-математическими методами, оценивая качество, инновации, риски с привлечение теории вероятности. Однако по-прежнему фактическая стоимость строительного объекта не совпадает с расчетной (сметной) [7].

Экономика должна предшествовать строительству, как бизнес-планирование на предпроектной, предынвестиционной стадии, и все экономико-строительные изменения по ходу строительства должны быть обоснованы, а не только доведены до сведения горожан.

Литература

1. *Голунов И.* URL://<http://www.rbc.ru/business/09/06/2016/57597aa59a7947d1d1ed3402>
2. *Дмитрий П.* Генпрокурор резко раскритиковал нецелевое использование бюджетных денег // Московский комсомолец. № 26802. 30.04.2015 г. URL:// <http://www.mk.ru/economics/2015/04/29/genprokuror-rezko-raskritikoval-neceloe-ispolzovanie-byudzhetykh-deneg.html>
3. *Ковалев К.* Экономика. Большой город. 29.07.2011.
3. *Ревзин Г.* Шаги за резон. «Огонек», № 15, 16 апреля 2012 год.
4. «Коммерсантъ», 12 августа 2015.
5. *Мерцалов А., Аминов Х.* «Коммерсантъ» 29 сентября 2015 год.
6. *Черняк В.З.* Экономика и управление на предприятии (строительство). М., КноРус., 2009.
7. *Черняк В.З.* Управление проектами и программами. М., Изд-во Ассоциации строительных вузов, 2013.

УДК 338

ББК 65

ВОПРОСЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ ПРОЦЕССА ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ ПРИ ПОСТРОЕНИИ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ИННОВАЦИОННО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ (ОРГАНИЗАЦИИ)

ЛЮДМИЛА ВАЛЕРЬЕВНА ШМАНЕВА,

начальник управления организации научной и редакционно-издательской деятельности

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат философских наук, доцент

E-mail: shmaneva_luda@mail.ru

Научная специальность 08.00.05 — экономика и управление народным хозяйством

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Обосновывается вывод, что в целях оценки и прогнозирования последствий принятия решений по внедрению инноваций на предприятии (организации) следует прибегать к моделированию, осуществляемому на основе корректного отражения условий ведения инновационной деятельности, производимого при соблюдении описанных требований.

Ключевые слова: моделирование, оценка и прогнозирование, принятие решений, инновации, внедрение инноваций, управление предприятием.

Abstract. The author justifies that in order to evaluate and predict the consequences of making decisions on the introduction of innovations at the enterprise (organization), it is necessary to use modeling, carried out on the basis of a correct reflection of the conditions for conducting innovation activity.

Keywords: modeling, estimation and forecasting, decision making, innovations, introduction of innovations, enterprise management.

Базовым фактором, влияющим на экономический рост и повышение конкурентоспособности предприятия, большинством ученых давно признан высокий уровень инновационной деятельности. Действительно, в условиях быстро меняющейся ситуации, вследствие нестабильности и неопределенности политических и социально-экономических процессов, организация, способная учитывать происходящие изменения и адекватно реагировать на них путем разработки соответствующих организационных и финансовых мероприятий, основанных на результатах научных достижений и предполагающих привлечение современных технологий, в том числе информационных, несомненно, будет в выигрыше. Именно инновации в современном мире являются залогом успешной работы и поступательного развития, и позволяют, ориентируясь на транс-

формации, органично интегрироваться в традиционную деятельность.

Успех внедрения инноваций определяется правильно выбранным моментом, т.е. своевременностью, которая, в свою очередь, обеспечивается количеством и качеством полученной информации. По мнению американского менеджера Ли Якокка для принятия правильного решения необходимо располагать 95 % необходимых данных, но поскольку получить такой объем не всегда удастся, требуется привлечение методов, которые могут анализировать многоцелевые задачи со слабо формализуемыми условиями при неполной или нечеткой информации.

Моделирование дает возможность прогнозировать результаты альтернативных решений по внедрению инноваций и тем самым облегчает поиск наиболее эффективных управляющих воздей-

ствий. И хотя используемые подходы предлагают упрощенную жизненную ситуацию, тем не менее, обеспечивают модельный анализ сложных организационных и управленческих процессов, связанных с инновационной деятельностью.

Кроме того, в качестве положительных характеристик моделирования следует назвать:

- наличие широкого спектра моделей, методов и подходов;
- высокая степень обоснованности и надежности принимаемых решений на основе результатов моделирования;
- значительное снижение временных затрат на принятие решения;
- экономия финансовых, материальных и людских ресурсов;
- возможность составления оценочных прогнозов для разработки на их базе обоснованных планов и программ развития предприятия (организации);
- обеспечение при манипулировании прямыми и обратными информационными потоками виртуального анализа происходящих изменений динамики и интенсивности направлений процессов на предприятии (организации): производственных, организационных, управленческих и т.д.;
- возможность выявления и оценки альтернативных вариантов решения задач;
- возможность анализа и оценки риска принимаемых решений в условиях неопределенности.

Современная теория и практика управления органично сочетает эвристические и алгоритмические процессы, что позволяет создавать действенные и эффективные модели, сочетая опыт, интуицию, знания и базу современных методов принятия решения (в том числе, математические).

Математические модели дают возможность находить наиболее эффективное решение поставленных задач и, следовательно, обеспечивают управляющему воздействию высокое качество, однако из этого не следует, что формализация процесса принятия решения однозначно обеспечивает его эффективность. Нередко слабо структурированные социально-экономические системы с характерной для них долей неопределенности трудно поддаются математическому моделированию. Но если это удается, то проектирование и внедрение в практику

управления инновационных технологий становится легким и практически безошибочным.

И хотя экономико-математические модели уступают по сложности реальным объектам управления, они дают возможность на основе анализа полученной информации принимать правильное решение исходя из конкретной ситуации, если отвечают следующим требованиям:

1. соответствие поставленным целям разработки модели;
2. способность отражать основные параметры объекта исследования;
3. учет особенностей структуры и характера взаимодействия элементов объекта моделирования;
4. возможность изменять значения основных параметров объекта исследования, определять величины показателей моделируемого объекта;
5. наличие адаптационного механизма, позволяющего с одной стороны, контролировать возможные изменения моделируемой системы, а с другой трансформироваться в зависимости от складывающейся ситуации;
6. простота, экономичность, действенность, надежность при максимальном соответствии прототипу.

Математическое моделирование представляет собой разработку и систематизацию формализованных схем, являющихся отражением реально функционирующих процессов (явлений). Создаются они на основе конкретных данных, выраженных через определенные параметры, поэтому, хотя любая математическая модель, представляет собой упрощенную схему реального процесса или явления, тем не менее, она с достаточной достоверностью отражает реальные события. Установленные зависимости в таких моделях представляют через функции без уничтожения вида причинно-следственных связей:

$$Y = F(Z_i, N_j, P_k, t, R_1, R_2, O_m, K_s, A_n (A_{opt}), f_d, f_v),$$

где Z_i — множество целей, которых необходимо добиться в результате принятия решения;

N_j — поставленная задачи, которые необходимо решить;

P_k — проблемы, которые могут возникнуть в ходе выполнения работы;

t — время, необходимое для принятия решения;

R_1 — ресурсы, необходимые для принятия решения;

R_2 — ресурсы необходимые для выполнения принятого решения;

O_m — множество ограничений;

f_d — функциональная зависимость между управляющим воздействием и управляемыми параметрами;

f_v — функциональная зависимость между управляемыми переменными и полученным результатом;

A_n — множество альтернативных вариантов решений;

K_s — критерии, по которым выбирают решение;

A_{opt} — наилучшее из рассмотренных решений [5].

Такие формализованные схемы позволяют сформулировать общую задачу, которую в дальнейшем, представляют в виде функциональной зависимости управляющих и управляемых параметров через их численные показатели и проверяют математическую модель на адекватность реальным процессам (явлениям). Если необходимо, то проводят корректировку модели и снова оценивают ее на соответствие тем процессам и явлениям, которые математическая модель отражает. На последней стадии с помощью ее просчитывают возможные варианты решения и выбирают наиболее приемлемый для данных условий, исходя из заданных критериев.

При построении математических моделей проходят следующие этапы:

1. определяют показатели и их параметры, влияющие на эффективность функционирования системы;
2. изучают степень влияния каждого показателя на функционирования системы при различных вариантах решения;
3. систематизируют взаимосвязанные показатели с целью упрощения модели;
4. определяют динамику их влияние на систему;
5. выражение показателей через определенные символы и составление уравнения или/и системы уравнений.

С математической точки зрения данная система уравнений может быть довольно сложной, но структуру таких моделей представить довольно просто. Например, часто используемые в практике управления модели имеют вид:

$$\text{Эф} = f(x, y_i),$$

где Эф — эффективность;

f — функциональная зависимость эффективности процесса;

x, y_i — управляемые (факторы, на которые можно оказывать влияние при решении поставленной задачи) и неуправляемые переменные (факторы, на влияние которых невозможно воздействовать), определяющие поведение системы.

Если воздействие на управляемые переменные имеет ограничения, или динамика их изменения имеет пределы, то в системе математических уравнений необходимо этот факт учесть и добавить условия ограничений.

С помощью этих моделей находят такие значения управляемых переменных, при которых функционирование системы наиболее эффективно.

В настоящее время используют несколько подходов к разработке математических моделей процессов принятия решений, в качестве основы которых выступают:

- теория статистических решений;
- теория полезности;
- теория игр.

Также необходимо указать на такие типы моделирования, как:

- эвристическое;
- имитационное.

Опишем подробнее.

Модель, разработанная на основе теории статистических решений, представляет собой совокупность математических методов, позволяющих определить правила, лежащие в основе принятия решений в экономике, общей теории систем и т.д. Теория статистических решений позволяет оценить с точки зрения оптимальности функционирования рассматриваемой системы и представляет собой выбор руководителем управляющих воздействий при изменении внешних факторов. При этом вводится в модель критерий оптимальности выбора, который может выражаться через критерий максимизации выигрыша, через критерий минимизации риска или через критерий максимального правдоподобия и т.п.

Модель, создаваемая на основе теории полезности, содержит элементы психологического восприятия человека. В качестве наиболее активно влияющих выделяют потребности, мотивацию поведения, особенности индивидуальных предпочтений, субъективность суждений и т.д.

Модели на основе теории игр строятся, как правило, с использованием теории нечетких множеств

и применяются при сложных ситуациях, связанных с поведением человека в конфликтных ситуациях, при принятии коллективных решений в условиях неопределенности и риска. Особенно востребованными их делает возможность получения алгоритмов решения большого класса проблем, в том числе при подготовке управленческих воздействий в рамках осуществления инновационной деятельности.

Эвристические модели создаются на опыте, знаниях и с помощью логического мышления. Их эффективность связана со способностью лица, принимающего решение, разбивать проблему на составляющие, и закрывать эти элементы в рамках известных типовых методик. Более того, такие модели хороши в ситуациях, которые из-за своей сложности и неопределенности не поддаются математическому моделированию.

Имитационное моделирование сочетает в себе математические и логические построения. Все имитационные модели можно подразделить на три группы:

- 1) статические модели, отражающие начальные и конечные состояния моделируемой системы;
- 2) модели, отражающие динамику изменений, происходящих в системе;
- 3) модели, отражающие последовательность смены процессов системы во времени.

В зависимости от поставленных задач и их приоритетности с помощью различного вида моделей или их совокупности возможно представить изменения в системе, построить алгоритм любого процесса, использовать стенды для косвенного эксперимента процессов реальных систем, проанализировать события во времени и дать прогнозную оценку не только динамике развития системы, но и определить вектор, и, наконец, исследовать процессы, содержащие стохастическую составляющую с помощью введенных случайных переменных [1]. Именно благодаря предоставлению исследователю-аналитику такого широкого спектра способов получения результатов имитационные модели получили широкое распространение. Существующая проблема невозможности получения с их помощью оптимального решения устранима, если дополнить имитационные модели моделями линейного программирования или, например, матричными моделями, т.е. оптимизационными блоками, что не только повысит достоверность, но и добавит практической значимости.

В зарубежной литературе отмечается ряд особенностей, связанных с применением количественных методов моделирования, среди которых следует упомянуть о том, что любой анализ складывающейся ситуации начинается с рассмотрения типовых моделей, проблем задач, которые планируем моделировать, затем наряду с изучением технологии разработки решения, выделяются конкретные вопросы, которые при этом необходимы рассмотреть, методы с помощью которых это необходимо осуществить и технологии решений необходимых для внедрения найденных стратегий, причем модели разрабатываются от общего к частному, решения рассматриваются с различных точек зрения, стремясь, при этом максимально учесть специфику моделируемой задачи (проблемы) [1].

Исходя из вышеизложенного можно предположить, что переход от теоретической базы исследования органичного единства субъективных составляющих для принятия решений лицами о внедрении или отклонении инновационных проектов, к созданию на этой основе количественных моделей, и далее к практической их реализации, длителен и представляет собой сложную задачу, зачастую требующей формирования новых подходов, методов, методик.

Следует обозначить также, что не всегда получается учесть все особенности сложившейся в реальных системах ситуации, — это порождает некорректность отражения деятельности организации (предприятия) в строимых моделях, и как следствие приводит к неэффективному управлению инновациями. В целях минимизации данной проблемы предлагаем следующий вариант подхода к моделированию соответствующих процессов управления сложными социально-экономическими явлениями (рис. 1).

Одним из важнейших этапов серьезного научного анализа специалистами является «выделение области моделирования». Правильно проведенный данный этап облегчает в дальнейшем и делает наиболее корректным решение задачи построения конкретной модели, ее последующее внедрение. Одновременно, необходимо иметь в виду, что моделируемая проблемная ситуация трансформируется во времени, и предусмотреть все возможные изменения в системе управления сложно, поэтому модель не должна оставаться статичной, и к тому же учитывать неопределенность и неоднозначность

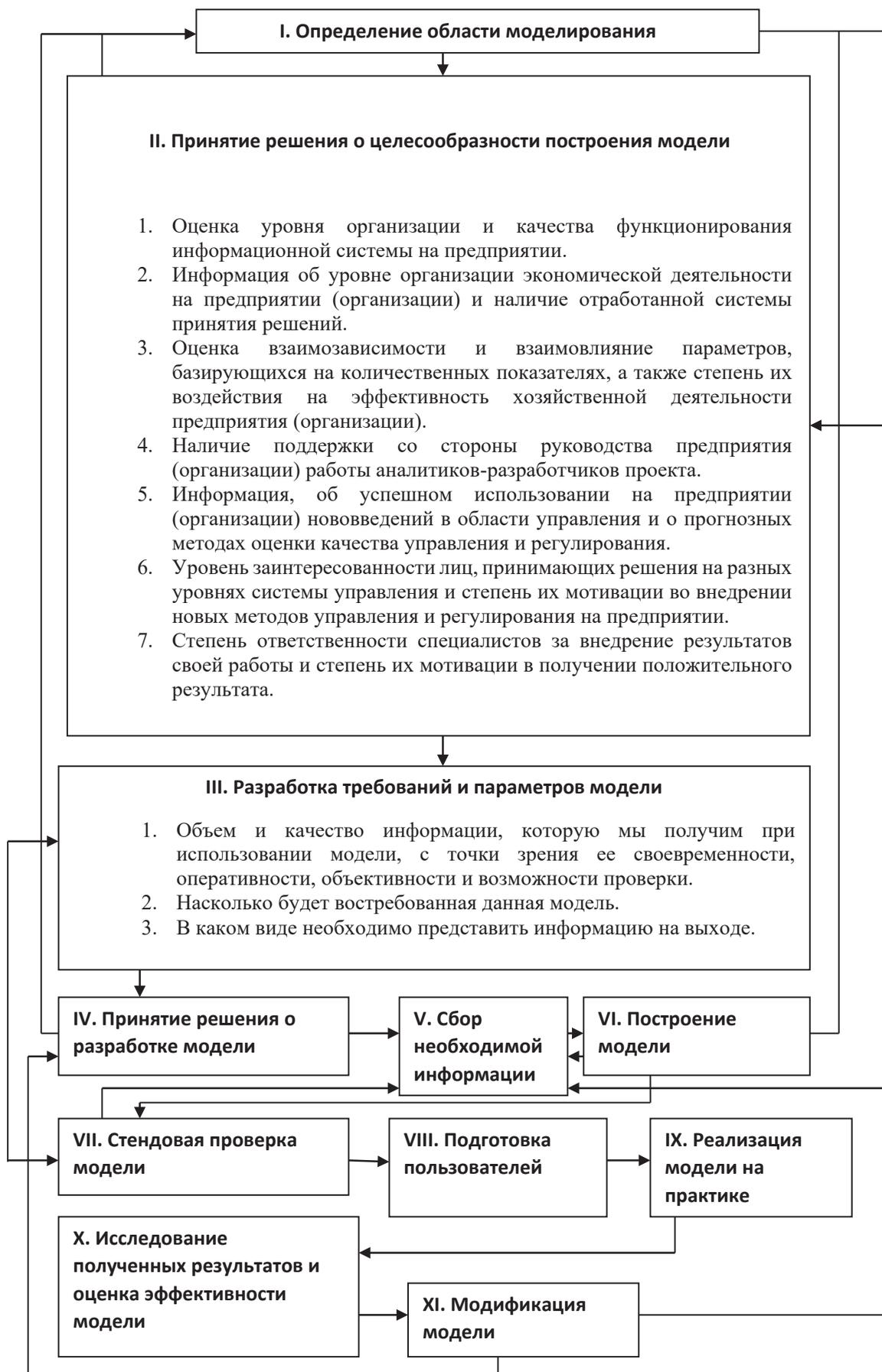

Рис. 1. Организация моделирования процесса принятия решений

вероятных событий, выражаемых уровнем риска принятия решения. Именно поэтому, требуется рассматривать несколько альтернативных решений, из которых отбирают наиболее целесообразные в данный конкретный момент времени.

Не менее значимым можно назвать последний шаг построения модели управления — это выявление ее работоспособности на базе оценки качественных и количественных параметров, их соответствие целям и задачам предприятия (организации), а также учитывающего мотивационные поступки лиц, принимающих решения на разных уровнях управленческой цепочки.

Таким образом, в целях оценки и прогнозирования последствий принятия решений по внедрению инноваций на предприятии (организации) следует прибегать к моделированию, осуществляемому на основе корректного отражения условий ведения инновационной деятельности, производимого при соблюдении описанных требований.

Литература

1. Американский капитализм и управленческие решения. М., 1977. С. 10.
2. Грядовой, Д.И. Концептуальные основы теории управленческих решений: Философско-социологический анализ: дис. ... докт. фил. наук: 09.00.11. М., 2003. 380 с.
3. Заде Л. понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных значений. М.: Мир, 1976. 165 с.
4. Стрелкова Н.В. Проблемы социально-технологического обеспечения процесса принятия управленческих решений: дис. ... канд. соц. наук: 22.00.08. М., 2002. 191 с.
5. Секерин А.Б. Вероятностная модель управления риском экономической несостоятельности промышленного предприятия и методические рекомендации по ее применению / А.Б. Секерин. Орел: ОГУ, 2006. 18 с.
6. Шманев С.В. Синергетико-институциональный подход к управлению инвестиционными процессами. Монография. М.: Машиностроение, 2007. 220 с.
7. Шманева Л.В., Шманев С.В. Системно-синергетический подход к оценке инновационных рисков на предприятиях. Вестник ОрелГИЭТ. 2011. № 4(18). С. 39—44.
8. Turing A.M. On Computable Numbers, with an Application to the Entscheidungsproblem. A Correction // Proceedings of the London Mathematical Society. 1938. Vol. s2-43, Iss. 6. P. 544—546.
9. Поспелов Д.А. История искусственного интеллекта до середины 80-х годов // Новости искусственного интеллекта. 1994. № 4. С. 74—95.
10. Поспелов Д.А. Десять «горячих точек» в исследованиях по искусственному интеллекту. Опубликовано в: «Интеллектуальные системы» (МГУ). 1996. Т. 1, вып. 1—4. С. 47—56.
11. Karsakof S. Apercu d'un procédé nouveau d'investigation au moyen de machines à comparer les idées. St. Petersburg, 1832.

Финансы и кредит: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Экономика» / [Н.В. Балихина и др.]. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 264 с.

Представлены теоретические основы устройства денежной и кредитно-финансовой системы страны, а также практика реализации финансово-кредитного механизма, современные проблемы этой сферы.

Третье издание существенно переработано и дополнено в соответствии с последними изменениями в области государственных финансов, финансов коммерческих организаций и кредита.

Для студентов и преподавателей экономических вузов, а также практических работников финансово-бюджетной и кредитной сферы.